

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1884.

ЮЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать? Собесѣдованіе первое въ день храмоваго праздника 14 марта 1884 г. Закопсучителя Нѣжлнскаго историко-филологическаго института князя Безбородко А. Хойнацнаго. 1.

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова) въ послѣдствіи митрополита Московскаго (1809—1819) И. Корсунскаго. 13

Ученіе Фихте младшаго о воскресеніи и явленіяхъ Христа . А. Дружинина. 40.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Нужна-ли философія? (окончаніе) Профессора Московской духовной академіи В. Нудрявцева. 56

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Киевской духовной академіи П. Линицкаго.

Письма философа Сенени (продолженіе). * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Определенія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Ахтырскаго духовнаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1884 учебный годъ.—Списокъ воспитанницъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, ПЕЧАТАЛА, № 26.

1884.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторые статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ приобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Р 36.
11

802-17
132

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1884.

№ 1-2.

— *июль август*

ЮЛЬ. — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

№ 13-16

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Окружнаго Штаба, Нѣмецкая ул., д. № 26.

1884.

Пістєт: вообмєн.

Впрою разумъваемъ.

Евр. XI, 8.

Дозволено цензурою. Іюля 15 дня 1884 года. Г. Харьковъ.

Врем. и. д. цензора, Протоіерей *П. Солнцевъ.*

КАКЪ ВСЕГО ПРОЩЕ И УДОБНѢ НАУЧИТЬСЯ ВѢРОВАТЬ?

СОБЕСѢДОВАНИЕ ПЕРВОЕ

ВЪ

ДЕНЬ ХРАМОВАГО ПРАЗДНИКА

14 Марта 1884 года.

*Помните наставники ваши, иже глаголаша
самъ Слово Божіе, и азъ-же взирающе на скончаніе
жителства, подражайте еврѣ ихъ (Евр. XIII. 7).*

И мы собрались сегодня помянуть молитвою и вѣрующимъ христіанскимъ словомъ одного изъ ближайшихъ наставниковъ нашихъ, убажяемаго нынѣ Церковію, небеснаго покровителя и хранителя сего всечестнаго храма нашего, святаго священно-мученика Александра Пресвитера. Въ свое время и онъ *глагола намъ Слово Божіе*, и за свое дерзновеніе по вѣрѣ и за вѣру *окончилъ жителство свое* подъ ударами меча, и за страданія свои сподобился вѣнца мученическаго. Теперь за нами остается одно, *помяная его*, яко своего наставника и руководителя, и съ любовію *взирающе на скончаніе жителства его*, на его терпѣніе и подвигъ мученическій, подражать, согласно наставленію святаго Апостола, *еврѣ его*.

Но въ чемъ и какъ подражать?—спросите вы. Неужели и намъ, подобно угоднику Божію, нести свои головы на плаху и вообще, такъ или иначе жертвовать жизнію своею за вѣру, за имя Христово?—А почему-бы и не такъ?—спросимъ и мы въ свою очередь?—Развѣ мы вѣруемъ не въ того-же Господа нашего Іисуса Христа, въ котораго вѣровалъ онъ и всѣ подобныя ему, положившіе животъ свой за вѣру? Развѣ за тѣхъ

только страдалъ Спаситель нашъ и проливалъ свою божественную кровь на крестѣ? Развѣ мы сочетались съ нимъ и давали обѣты вѣры и жизни христіанской не въ той же купѣли крещенія, какъ и они? Развѣ имъ только сказано: *уже хочеть по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по мнѣ урядеть* (Марк. VIII. 34)? Развѣ имъ только *уготованы обители многи* во царствіи Отца нашего небеснаго и жизнь вѣчная?

Ахъ, братіе мои и други возлюбленные о Господѣ,—это одно изъ самыхъ тяжкихъ заблужденій, которое нерѣдко поражаетъ нашу правственную жизнь въ самой ея основѣ, что все мы возлагаемъ только на однихъ святыхъ, какъ будто только они одни и должны жить по христіански, забывая ту простую истину, что если-бы такъ разсуждали всѣ, то никогда-бы не было никакихъ святыхъ ни на небѣ, ни на землѣ.

Но *да не смущается сердце ваше ни устрашаетъ*. Господь Богъ никогда и никого не искушаетъ подвергнуться испытаніямъ превыше силъ его. И если святые подвергались страданіямъ за Христа, то потому, что Господь отъ вѣка провидѣлъ, что они безъ опасности для вѣры могли переносить самыя тяжкія и разнообразныя страданія за нее.—Отъ того-то, между прочимъ, между самыми страдальцами по вѣрѣ не всѣ въ равной степени ублажаются, а есть между ними и мученики, и великомученики, и страстотерпцы, и исповѣдники и т. п.

Въ виду-же нашихъ немоцныхъ силъ сама-же святая вѣра наша указываетъ намъ другія, болѣе простыя и удобоисполнимыя средства и пути для выраженія ея, какъ то молитву, участіе въ церковномъ богослуженіи и таинствахъ, дѣла любви и благотворенія и т. п., лишь-бы только мы вѣровали, какъ должно, и, содержа вѣру въ сердцѣ, не стыдился и не лѣнились выражать и исповѣдывать ее на дѣлѣ.

Но здѣсь-то и возникаетъ вопросъ: какъ научиться самой вѣрѣ? Ибо прежде, чѣмъ *показывать вѣру отъ дѣлъ* (Іак. II. 18), *въровати подобаетъ всякому приходящему къ Богу* (Евр. XI. 6), надо имѣть вѣру, надо вѣровать.

Съ своей стороны мы находимъ необходимымъ тѣмъ болѣе обратить вниманіе ваше, слушатели мои, на этотъ предметъ,

что въ числѣ ходячихъ вопросовъ нашего времени вопросы подобнаго рода предлагаются чуть-ли не на всякомъ шагѣ, и, что еще важнѣе, у многихъ считаются самыми трудными, на которые какъ будто и отвѣта быть не можетъ.

А между тѣмъ ничего не можетъ быть проще и удобопонятнѣе рѣшенія, которое на всѣ такіе вопросы предлагаетъ сама же вѣра, научая насъ *подражать впрѣ тѣхъ-же блаженныхъ наставниковъ нашихъ, которые глаголали намъ Слово Божіе....*

Впрочемъ, прежде чѣмъ заняться изложеніемъ этого рѣшенія, мы должны оговориться, что какъ по важности самаго предмета, такъ и по богатству и разнообразію путей и средствъ, указываемыхъ примѣрами и жизнию и опытами святыхъ, для возбужденія въ насъ вѣры и укрѣпленія въ ней, въ одинъ предстоящій день, говоря словами апостола: *не доставитъ намъ повѣстующимъ временемъ....* Потому, чтобы не утомить вашего вниманія, мы раздѣлимъ свое собесѣдованіе на три статьи, при глашая любовь вашу, сверхъ сегодняшняго дня, послушать насъ о Господѣ еще въ слѣдующія два воскресенья, *да вся испытано и по роду* изложивши, по мѣрѣ силъ своихъ, нѣкое дадимъ вамъ дарованіе духовное по утвержденію вашему, *во еже соутѣшитися въ васъ впрѣю общю вашею-же и нашею.* (Рим. I. 12).

Если вы читали житія святыхъ, то, конечно, замѣтили, что въ большинствѣ случаевъ они имѣли величайшее счастье и родиться, и получить первоначальное воспитаніе въ семьѣ родителей *благочестивыхъ и христіанскихъ.*—Это первая тайна въ рѣшеніи вопроса: какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать, и какъ утвердиться въ вѣрѣ?—Ибо *аще-ли начатокъ святъ, то и примѣненіе,* какъ говоритъ святой Апостолъ; *и аще корень святъ, то и вѣтви* (Рим. XI. 16). И вся современная наука, какъ извѣстно, главнымъ образомъ на томъ и стоитъ, что какъ въ области природы, такъ и въ жизни человѣческой, многое и весьма многое зависитъ отъ наслѣдственности и вліянія окружающей среды...

А потому, если вы, родители, желаете имѣть вѣрующихъ, богобоязненныхъ дѣтей, то старайтесь всего прежде вѣровать сами. Пусть ваши дѣти всасываютъ вѣру отъ васъ съ моло-

комъ матери, и вы, *отцы не раздражайте чадъ своихъ*, но, по слову апостольскому, *отъ членовъ воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни*.

Наипаче-же вы, дѣти, дорожите, какъ величайшимъ сокровищемъ и святынею, христіанскою, благочестивою жизнію своихъ родителей, и въ простотѣ сердца покоряйтесь наставленіямъ своихъ вѣрующихъ отцевъ и кроткимъ внушеніямъ богобоязненныхъ матерей,—кого Господь изъ васъ сподобилъ имѣть таковыхъ.—Это такое благо, выше и лучше котораго нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ. Не забывайте, что самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *бъ повинуюся Іосифови*, не смотря на то, что послѣдній былъ только его нареченнымъ отцемъ..... И вѣра и христіолюбивое поведеніе вашихъ родителей, коль скоро вы такъ или иначе постараетесь усвоить себѣ ихъ, содѣлають и васъ самихъ вѣрующими и богобоязненными, и спасутъ васъ отъ многихъ искушеній и бѣдъ, какъ спасали они, спасаютъ и будутъ спасать до конца вѣковъ цѣлыя массы молодыхъ людей среди соблазновъ и искушеній міра сего.

Но какъ не всякому суждено имѣть добрыхъ и благочестивыхъ родителей, такъ не всякому и не всегда, по разнымъ причинамъ, удастся выходить истиннымъ, вѣрующимъ христіаниномъ даже при самой лучшей обстановкѣ и благопріятствующихъ обстоятельствахъ въ жизни, не говоря уже о томъ, сколько препятствій къ вѣрѣ каждый изъ насъ встрѣчаетъ почти на каждомъ шагѣ, *малоищещея и скитающеся всякимъ вътрюмъ ученія, во лжи чловѣчестный и коварство козней лыщенія, отъ сластей нашихъ, воюющихъ во удѣлахъ нашихъ* (Еф. IV. 14.).

Какъ быть съ вѣрою въ подобныхъ обстоятельствахъ? Тѣмъ болѣе, какъ научиться вѣровать, не имѣя никакой вѣры, или совсѣмъ потерявши ее?

Поминайте наставники ваши, иже глаголаша вамъ Слово Божіе,—и подражайте, подражайте отръ ихъ,—и все прочее само собою приложится вамъ, дондеже достигнете вси въ соединеніе отры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.

И прежде всего и болѣе всего, если вы желаете вѣровать, мы должны пригласить васъ знать, по примѣру святыхъ Бо-

жѣихъ, самую вѣру, и для этого, какъ можно тщательнѣе и основательнѣе изучать ее.—Да не подумаетъ кто-либо, что говоря такимъ образомъ, мы желали-бы всѣхъ христіанъ сдѣлать богословами въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя по достоинству самой вѣры и непосредственному отношенію ея къ рѣшенію существеннѣйшихъ вопросовъ и судебъ нашей жизни, святые-то тѣмъ и отличались отъ насъ грѣшныхъ, что знаніе вѣры всегда поставляли, какъ и теперь ставятъ всѣ лучшіе христіане, выше всякой науки и всякаго знанія на землѣ. Съ своей стороны мы готовы помириться даже, если угодно, съ тою программой для преподаванія закона Божія, какая принята въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, не смотря на сравнительно тѣсныя рамки ея... Но если вы серьезно, искренно желаете вѣровать, то въ подражаніе святымъ Божиимъ, ради самой вѣры, старайтесь усвоить себѣ во всей полнотѣ все, чему учить школа о вѣрѣ, и въ особенности не ограничивайте изученіе вѣры предѣлами одной только школы, какъ это, къ величайшему прискорбію, въ большинствѣ случаевъ бываетъ между нами... Но продолжайте это изученіе во все теченіе жизни своей, всегда неизмѣнно, если не больше, то ни въ какомъ случаѣ не меньше сравнительно съ остальными предметами или занятіями, какія Господь судить вамъ изучать или совершать по собственному-ли выбору, или по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, не говоря уже о чтеніи, напримѣръ, романовъ, пустыхъ разсказовъ, пересудахъ и пр. и пр. *Како убо утвѣрютъ, сѹ же не услышавши? Како же услышатъ безъ проповѣдающаго?* (Рим. X. 14).

О, если-бы вы знали, какъ тяжело для вѣрующаго человѣка, а тѣмъ болѣе какъ опасно для самой вѣры, слышать эти слова, которыя то и дѣло слышатся въ особенности между такъ называемыми образованными людьми вѣка сего: „Я учился когда-то Закону Божию, да все позабылъ“... Скажемъ болѣе, — намъ самимъ лично случалось встрѣчать такихъ, которые, по собственному ихъ сознанію, никогда не держали въ рукахъ святаго Евангелія, не знаютъ и „Символа вѣры“, и такимъ образомъ, какъ нельзя болѣе, оправдывали надъ собою извѣстное грозное слово Апостола: *невѣдѣніе Божіе нѣкими имутъ,*

къ сраму вамъ малою... А между тѣмъ такіе-то, къ несчастію, всего болѣе позволяютъ себѣ судить и рать о вѣрѣ вопреки всѣмъ требованіямъ истины и всякаго здраваго смысла чело-вѣческаго.

Нѣтъ, братіе мои, и въ древности случалось, да бываетъ и въ настоящее время, что люди, начавшіе изучать христіанское ученіе съ нарочитою цѣлію опровергнуть его, *не могли устоять противу духа и силы его*, и сами становились вѣрующими христіанами. Что-же должно быть съ нами, когда станемъ изучать вѣру для вѣры, въ интересахъ самой вѣры, чтобы познать и усвоить ее, какъ совершеннѣйшую истину на землѣ? Еще въ древнія времена одинъ христіанскій писатель сдѣлалъ весьма вѣрное и глубокое замѣчаніе, что „душа чело-вѣческая по природѣ христіанка“, потому что все, чему учить и что открываетъ намъ вѣра христіанская, лежитъ въ основѣ нашего духа, составляетъ его вѣковѣчную, природную потребность, его задачу, цѣль и назначеніе. Ученіе вѣры только раскрываетъ, уясняетъ для нашего ума эти потребности, задачи и цѣли, отвѣчаетъ на нихъ, и, такимъ образомъ, воспроизводя ихъ предъ духовнымъ взоромъ нашимъ, помимо нашей воли, влечетъ насъ къ себѣ, покоряетъ себѣ, или, какъ прекрасно говоритъ святой Апостолъ, *плыветъ умъ нашъ въ послушаніе Христово*. Почему собственно, быть настоящимъ чело-вѣкомъ и христіаниномъ, во всѣхъ отношеніяхъ совершенно одно и то же.

Учитесь-же, учитесь, возлюбленные, вѣрѣ тѣмъ болѣе, что въ сравненіи съ другими науками наука вѣры глубже и шире всѣхъ ихъ, какъ по объему своему, такъ и по содержанію, вслѣдствіе чего изученіе ея, по свидѣтельству самой вѣры, не ограничится предѣлами одной настоящей жизни, а перейдетъ съ нами и въ самую вѣчность, съ тою только разницею, что *нынѣ видимъ якоже зеркаломъ, въ заданіи, тогда-же лицемъ къ лицу*. *Нынѣ я разумѣю отчасти, тогда-же познаю, якоже и позналъ быхъ* (Кор. XIII. 14.), насколько это будетъ возможно со стороны существа ограниченаго по отношенію къ Неограниченному и Безконечному. Между тѣмъ и въ сей жизни бываетъ, что стоить только перестать заниматься тою или другою наукою,

чтобы совѣмъ забыть ее. Убойтесь-же судьбы лѣниваго и лукаваго раба, закопавшаго въ землю талантъ свой. Ибо, если такъ бываетъ на землѣ, то что же станетъ тамъ, за предѣлами гроба? Какъ глазъ, не привышій къ свѣту, потемнѣетъ еще болѣе и даже иногда совѣмъ лишается зрѣнія отъ сильнаго дѣйствія свѣта на него, такъ будетъ и съ нашимъ умомъ, невоспитаннымъ въ вѣрѣ, когда, освободившись отъ тѣнной оболочки тѣла, душа прирастетъ непосредственно, *лицемъ къ лицу*, къ свѣту божественному. Потому-то Спаситель и говорить о такихъ, что они *вержены будутъ во тьму кромѣшную; ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Правда бо Божія отъ вѣры въ вѣру, якоже есть писано: праведный же отъ вѣры живъ будетъ.* (Рим. I. 17)

Вы говорите, что желали-бы вѣровать, да не знаете, какъ достигнуть этого... Значить еще и еще не вѣдаете, какъ достигали вѣры святые. А они дѣлали это очень просто, соединяя съ знаніемъ и изученіемъ вѣры насажденіе ея въ душѣ посредствомъ чистоты сердечной. *Сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе.* (Рим. X. 10).

И нынѣ не ожесточите, возлюбленные, сердце вашихъ, да не когда будетъ отъ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво (Евр. III. 8),—и для этого прежде всего и наипаче всего, разъ на всегда, обязательно оставьте этотъ опаснѣйшій грѣхъ современнаго моднаго невѣрія,—вѣру въ свое собственное невѣріе, какъ одно изъ существеннѣйшихъ проявленій ожесточеннаго, лукаваго, развращеннаго сердца человѣческаго, въ виду того простаго обстоятельства, что въ сущности настоящихъ невѣрующихъ на свѣтѣ очень и очень немного, да едвали въ собственномъ смыслѣ и могутъ быть таковыя, за исключеніемъ крайнихъ безумцевъ, *содержащихъ истину въ неправдѣ*, которые, *многомощеся быти мудры, обогородиша.* Всѣ-же мы, можно смѣло сказать, до одного вѣруемъ, и только или прикидываемся невѣрующими для моды, или-же самовольно подавляемъ въ себѣ вѣру, чтобы требованіями вѣры и закона евангельскаго не стѣснять своей грѣховной жизни и дѣятельности.

Дайте же просторъ своему сердцу въ его природныхъ, коренныхъ потребностяхъ и соотвѣтственно этому воспитывайте

его въ родной его стихіи,—въ надлежащей простотѣ и невинности, и вѣра самая искренняя и живая будетъ всегда и неизмѣнно вашимъ достояніемъ. И одна пылинка въ глазу препятствуетъ ему видѣть окружающіе предметы въ надлежащемъ свѣтѣ. Такъ и въ жизни вѣры одна малѣйшая нечистота въ сердцѣ не даетъ ему правильно воспринимать, усвоить и по любить ее. *Кое бо общеніе свѣту со тьмою и Христу съ вѣларомъ?* Припомните, когда мы всего лучше, полиѣе, безхитростнѣе вѣровали въ Господа Бога? — Каждый изъ насъ знаетъ, что это было въ дѣтствіѣ, когда сознаніе только что пробуждалось въ насъ и мы начинали только по человѣчески понимать, желать и чувствовать. Какъ мы тогда непосредственно относились къ Богу, какъ искренно признавали Его бытіе, Его любовь къ намъ и небесное правосудіе, какъ молились Ему?!... Отъ чего такъ? Отъ того, что сердце тогда въ насъ было свободно отъ прираженія грѣховнаго, не потемнено мракомъ страстей и не погружено въ бездну порочныхъ привычекъ. Такъ, когда море спокойно, чистое небо все отражается въ немъ во всемъ своемъ величіи. Когда-же море забушуетъ и вихрь подниметъ со дна его находящіеся тамъ илъ и песокъ, то и само оно становится мутнымъ и мрачнымъ и небо скрывается отъ него въ тучахъ... Остается одинъ только мракъ и тьма непроглядная, да тамъ на берегу морскомъ печальные обломки, какъ неизбѣжныя слѣдствія случающихся на морѣ во время бури кораблекрушеній... Точно такъ омрачается и сердце наше и разбивается вѣра подъ вліяніемъ страстей и бурь душевныхъ.

Скажемъ далѣе, не своими словами, а словами самого Господа нашего Иисуса Христа и Его святыхъ апостоловъ. Вѣру, какъ и вообще Слово Божіе, по ея дѣйствию на сердце человѣка, нужно сравнить съ *стѣнемъ, который съ неба падаетъ на полъ своимъ*, или съ *дождемъ, который съ неба падаетъ на землю и поглощается ею*. Падаетъ сѣмя и на придорожную, сухую почву, и на почву каменистую и на тернистую, но ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ случаѣ оно не приноситъ плода. И только, когда падаетъ на добрую землю, — и приносить плодъ: иное во сто кратъ, иное въ шесть-

десять, а иное въ тридцать (Матѣ. XIII. 8). Такъ и вѣра только тогда можетъ найти для себя надлежащее мѣсто въ душѣ человѣка, когда сердце его сохранено въ чистотѣ и непорочности, растворено смиреніемъ, послушаніемъ и любовью къ истинѣ. Падаеть дождь и на камень, по безъ пользы и плода, скатывается съ него; но падаетъ на разрыхленную землю, и служитъ источникомъ жизни. Такъ и сердце тогда только пропитывается вѣрою, когда оно разрыхлено, расчищено желаніями добрыми и чувствованіями непорочными, какъ земля, *пьющая сходящій на ню множицею дождь и раздающая былія добрая онымъ, или же дѣлаема бываетъ, по благословенію отъ Бога.*

О, сердце чисто созижди во мнѣ, Боже,—Боже сердца моего, и чистъ моя, Боже, во стѣхъ! Только сердце чистое въ состояніи во всемъ блескѣ отражать въ себѣ прирожденную нашему уму идею Божества, только одно оно можетъ веѣмъ существомъ своимъ, всею силою и всею крѣпостію своею стремиться, *жаждать къ Богу крѣпкому, живому*, и, такимъ образомъ, самому уму пролагать ближайшій и надежнѣйшій путь для познанія и признанія Его. *Яко чистиі сердцемъ Бога узрятъ. Имѣяи уши слышати да слышатъ.*

Вы желаете вѣровать?—Постарайтесь же далѣе, подобно святымъ угодникамъ, къ познанію вѣры и сердечной чистотѣ по вѣрѣ и ради вѣры присоединить еще *духъ правый во утробѣхъ своихъ*, т. е. жизнь по вѣрѣ святую и богоугодную. Понимаемъ, что, говоря такимъ образомъ, мы допускаемъ въ разсужденіи нашемъ какъ-бы нѣкотораго рода кругъ, потому что прежде мы сказали, что вѣра должна выражаться соотвѣтствующими дѣлами, а теперь указываемъ на дѣла, какъ на средство къ приобрѣтенію вѣры. Но въ томъ-то и состоитъ существо вѣры и жизни христіанской, что все въ нихъ находится въ такой непосредственной, неразрывной связи между собою, что какъ начало ведетъ къ лучшему концу, такъ и конецъ въ свою очередь даетъ совершеннѣйшую силу и крѣпость самому началу. Такъ и добродѣтельная жизнь,—настоящая, замѣтите,—христіанская жизнь, вытекающая изъ вѣры, съ своей стороны разширяетъ и укрѣпляетъ нашъ умъ и сердце

къ воспріятію вѣры, отчего, между прочимъ, исторія не знаетъ ни одного истинно благочестиваго человѣка, который бы въ тоже время не былъ и вѣрующимъ, какъ не знаетъ она ни одного истинно, по христіански, вѣрующаго, который бы не былъ благочестивымъ или не каялся въ грѣхахъ своихъ.

И можетъ ли быть иначе, когда каждый шагъ по пути добродѣтели приближаетъ насъ ко Господу Богу, по образу и по подобію Котораго мы созданы, и такимъ образомъ насъ самихъ дѣлаетъ богоподобными, какъ и Спаситель заповѣдуетъ намъ во Евангеліи: *будите убо совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*. Когда же я приближаюсь къ свѣту, то вижу все окружающее меня тѣмъ яснѣе, чѣмъ яснѣе самый свѣтъ. Только когда чрезъ исполненіе закона Божія я уподобляюсь Богу, моему первообразу, по которому я созданъ или, что тоже, когда такъ или иначе усвою себѣ Его божественныя свѣтопосныя совершенства, то что-же другое можетъ быть слѣдствіемъ сего, какъ не познаніе самого Бога, возможно полное и совершеннѣйшее, а съ тѣмъ вмѣстѣ, само собою разумѣется, и такимъ же вѣра въ Него полная и совершеннѣйшая. *Яко Богъ есть свѣтъ и тьмы въ немъ нѣсть ни единыя. Сего ради глаголетъ: востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтити тя Христосъ?—И творяй истину грядетъ ко свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бо-
зѣ суть содѣлана.*

Присовокупите къ этому еще одно краткое замѣчаніе изъ ученія святыхъ мужей: чтобы оцѣнить и усвоить что-либо, надо прежде самому испытать и пережить изслѣдуемое *). Какъ, напримѣръ, слѣпорожденный будетъ судить о свѣтѣ, когда онъ никогда не видалъ его? Такъ точно, только чрезъ осуществленіе евангельскаго ученія въ жизни мы можемъ во всей полнотѣ познать и оцѣнить его, его божественное достоинство; потому что только при такихъ условіяхъ можемъ ощущать въ душѣ ту истину, ту жизнь, ту чистоту мыслей, чувствованій и желаній, тотъ свѣтъ, тотъ миръ и утѣшеніе совѣсти, то успокоеніе въ Богѣ и благодать искупленія, какія

*) Разумѣется кромѣ грѣха, въ которомъ при испытаніи сходить лѣзъ въ нашу душу и лишаетъ ее здраваго и яснаго сужденія. Ред.

оно приносить всѣмъ, которые съ любовію пріемлютъ Его, чтобы еще болѣе полюбить это ученіе и не разставаться съ нимъ до гроба, подобно тому, какъ кто хотъ разъ въ жизни испытать сладость христіанской молитвы, искренней исповѣди, или достойнаго причащенія святыхъ таинъ, тотъ не забудетъ этого во вѣки. *Блаженни испытующи свидѣнія закона Господня, всѣмъ сердцемъ възвѣдаютъ Его.* Потому-то и Господь и Спаситель нашъ, желая указать своимъ послѣдователямъ надежнѣйшее средство, какъ узнать ученіе *Его*,—*Его ли оно, или посланнаго Его*,—заповѣдуетъ прежде всего пережить, испытать оное на дѣлѣ исполненіемъ воли Божіей. *Аще кто хочетъ волю Отца моего творити, говоритъ онъ,—разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ о себѣ глаголю.* (Іоан. VII. 17).

Не говоримъ уже о томъ, что по обѣтованію самого же Спасителя и по ученію Его святыхъ апостоловъ, добродѣтельная жизнь христіанская имѣетъ такое дѣйствіе на душу человѣка, что, *созидаѣ каждаго изъ насъ въ жилище Божіе Духомъ*, самого Господа Бога низводитъ въ наше сердце, и насъ самихъ содѣлываетъ *причастниками Его Божества.* *Имѣяй заповѣди моя, и соблюдаѣи ихъ*, говоритъ Господь, *той есть любяй мя, а любяй мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюсь ему Самъ.* *И аще кто мя любитъ, и слово мое соблюдетъ, и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему приидемъ, и обитель у него сотворимъ.* А гдѣ самъ Господь Богъ вселяется въ душѣ человѣка, тамъ Онъ не можетъ не давать чувствовать Себя душѣ, а потому, само собою разумѣется, и душа та ни въ какомъ случаѣ не можетъ не сознать Его благодатнаго присутствія, какъ не можетъ не ощущать Его, а потому и не вѣровать въ Него. *Яко всякъ любяй отъ Бога рожденъ есть, и знаетъ Бога.* (1 Іоан. IV. 7).

Конечъ же завѣщанія есть: *любви отъ чиста сердца и соотвѣсти благія и вѣры нелицемѣрная, въ нихъ-же нынѣшніи погрѣшившии, уклонившася отъ истины въ суетловія.* *Плодъ же духовный есть любви, радость, милосердіе, вѣра.* *Подобите убо въ вѣру вашей добродѣтели, въ добродѣтели же разумъ, въ разумъ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, въ благочестіи же братолюбіе, въ брато-*

любви же любовь. Сія бо сущая въ васъ и множащаяся, не праздныхъ ниже безплодныхъ сотворятъ вы въ Господа Нашего Иисуса Христа познание. (2 Петр. 1. 5—8). АМИНЬ.

Протоіерей А. Войнацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова),

въ послѣдствіи митрополита Московскаго

(1809—1819).

Вызванный въ концѣ 1808 года въ Петербургъ, учитель и проповѣдникъ Троицкой-Лаврской семинаріи, іеродіаконъ Филаретъ Дроздовъ пріѣхалъ туда въ началѣ слѣдующаго 1809 г. „Въ день Богоявленія, на зарѣ,—описываетъ прибытіе Филарета въ Петербургъ біографъ его *В. Н. Сушковъ*,—въѣзжаетъ въ заставу рогожная кибитка; изъ нея съ любопытствомъ оглядывается по пути молодой, въ цвѣтѣ лѣтъ, іеродіаконъ высокій, нерѣдко сплошныя зданія, по обѣ стороны длинныхъ, широкихъ, стройныхъ улицъ, любитъ красотою сѣверной Пальмиры, дивится малочисленности храмовъ Божіихъ, и въ раздумьи достигаетъ Александро-Невской лавры“ ¹⁾. Да! 26-лѣтнему іеродіакону, пріѣхавшему въ незнакомый доселѣ городъ, далеко не блиставшій, какъ благочестивая Москва, многочисленностію „храмовъ Божіихъ“, было о чемъ позадуматься и пораздумать. Въ Сергіевской лаврѣ, Московской епархіи онъ чувствовалъ себя какъ дома. Тамъ всѣ, начиная съ его духовнаго отца, учителя и благодѣтеля—Платона, знали и цѣнили его, а въ сѣверной Пальмирѣ онъ еще не зналъ, что ожидало его. Онъ ѣхалъ туда изъ послушанія волѣ начальства. „Ты радъ, — сказалъ Филарету м. Платонъ предъ отправленіемъ его въ Петербургъ, — что тебя вызываютъ въ столицу?—Нисколько, отвѣтилъ инокъ.—Такъ тебѣ не хочется туда?—Не хотѣлось бы.—А коли такъ, я отстою тебя.—

¹⁾ Записки о жизни и времени Филарета, стр. 38. Москва, 1868.

Благодарю.—Поддай же мнѣ прошеніе, что ты желаешь остаться въ Московской епархіи.—Желалъ бы, да сказать этого не имѣю права.—Какъ? — Я уже подалъ одно прошеніе: о постриженіи меня въ монашество. Произнося тогда обѣтъ послушанія, отрекся я отъ своей воли, и теперь другаго прошенія подать не могу“ ¹⁾. Дѣйствительно, въ Петербургѣ Филарета, можетъ быть, и кромѣ послушанія влекло любопытство, жажда знанія, въ самомъ центрѣ тогдашняго просвѣщенія, отчасти—надежда выдвинуться на видъ, подобно Платону, Анастасію и др.; но и предчувствіе чего-то недобраго не обманывало его. Въ Петербургѣ, предъ прибытіемъ туда Филарета, обстоятельства сложились далеко не вполне соотвѣтственно его способностямъ, стремленіямъ и ожиданіямъ. Тамъ была своя, такъ сказать, и при томъ далеко не благочестивая политика, совершенно отличная отъ семейнаго, патріархальнаго характера политики московской и лаврской, по началу непостижимая молодому иноку. „Ходъ здѣшнихъ дѣлъ весьма для меня непонятен“,—писалъ изъ Петербурга родителю своему Филаретъ, отъ 14 февраля 1809 года ²⁾, описывая неопредѣленность своего положенія тамъ и первыя неудачи по службѣ, а вмѣстѣ и невольно характеризуя петербургскую политику даже такихъ людей, на откровенность которыхъ онъ съ полнымъ правомъ могъ бы рассчитывать, какъ напримѣръ—ректора академіи, нашего и его стараго знакома, Евграфа Музалевскаго - Платонова, у котораго онъ, между прочимъ, и пріютился на первое время. „Два мѣсяца почти жилъ у отца ректора, какъ дома,—пишетъ Филаретъ о себѣ въ томъ же письмѣ,—и о своемъ дѣлѣ ничего почти не зналъ. О моемъ расположеніи спрашивали не иначе, какъ мимоходомъ; а потому я не могъ отвѣчать рѣшительно“ ³⁾. А между тѣмъ эта политика, этотъ „ходъ дѣлъ“ весьма будутъ понятны, если мы примемъ въ соображеніе слѣдующія обстоятельства того времени.

При Высочайше утвержденномъ въ 1808 году преобразо-

¹⁾ Тамъ же стр. 277.

²⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 116. Москва, 1882.

³⁾ Тамъ же, стр. 115 - 116.

ваніи духовно-учебныхъ заведеній вообще и въ частности Петербургской духовной академіи, въ которую вызванъ былъ Филаретъ, главныя роли принадлежали лицамъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли большое значеніе во всей почти дальнейшей судьбѣ Филарета въ Петербургѣ и которыя всѣ имѣли то или другое, болѣе или менѣе близкое отношеніе къ нему. Такими лицами были: Амвросій (Подобѣдовъ), митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій и Теофилактъ (Русановъ), архіепископъ Калужскій (а съ 5 марта 1809 года Рязанскій)—изъ духовныхъ, и оберъ-прокуроръ Св. Синода князь А. Н. Голицынъ и государственный секретарь (въ послѣдствіи графъ) М. М. Сперанскій—изъ свѣтскихъ. Эти лица между прочими были также и главными членами учрежденной въ 1808 году комиссіи духовныхъ училищъ, къ которой Филаретъ, какъ лицо духовно-учебной службы, имѣлъ ближайшее отношеніе по своей службѣ въ Петербургѣ. При томъ и между самими означенными лицами роли распредѣлялись не совсѣмъ равномерно. Первенствующія роли принадлежали за первое время отнюдь не митрополиту и оберъ-прокурору, какъ бы слѣдовало ожидать, а Теофилакту и Сперанскому, какъ составителямъ самаго послѣдняго изъ многихъ и именно Высочайше утвержденного проекта преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Эти же лица приняли на себя заботу и по образованію различныхъ классовъ наукъ въ преобразованной академіи, въ качествѣ и съ титуломъ протекторовъ того или другаго класса. Такъ именно м. Амвросій озаботился богословскимъ классомъ; Сперанскій—классами философскимъ и древнихъ языковъ; князь Голицынъ—классами наукъ математическихъ и новыхъ языковъ. „По важности класса словесныхъ наукъ и по обширности свѣдѣній и изящному вкусу, кои для преподаванія ихъ имѣть нужно, комиссія просила члена ея Теофилакта, архіепископа Калужскаго, принять на себя образованіе онаго, такимъ образомъ, чтобы бакалавръ, котораго выборъ комиссія предоставила въ полную волю его преосвященства, читалъ уроки по предварительнымъ его наставленіямъ и подѣ непосредственнымъ руководствомъ. Преосвященный Теофилактъ изъявилъ на это свое согласіе и представилъ

конспектъ по сему классу, что было принято комиссіею съ истинною признательностію“¹⁾. Теофилактъ даже принялъ на себя на первый разъ званіе и должность профессора словесныхъ наукъ въ академіи. „Что касается до бакалавровъ, то комиссія по сему предмету приняла предположеніе преосвященныхъ митрополита Амвросія и архіепископа Теофилакта объ истребованіи изъ другихъ семинарій нѣкоторыхъ учителей, извѣстныхъ со стороны способности“²⁾. Такимъ образомъ, по предложенію и рекомендаціи Амвросія, вызванъ былъ изъ Троицкой семинаріи Филаретъ, а по предложенію и рекомендаціи Теофилакта, изъ Калужской семинаріи—учитель философіи и префектъ, іеромонахъ Леонидъ Зарѣцкій. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается, если можно такъ выразиться, завязка всей драмы жизненныхъ отношеній и борьбы для Филарета въ теченіи первыхъ лѣтъ пребыванія его въ Петербургѣ, до тѣхъ поръ, пока въ 1813 году не умеръ Леонидъ, и Теофилактъ не вынужденъ былъ удалиться въ свою епархію. Теофилактъ, въ началѣ разсматриваемаго періода, имѣлъ большое значеніе въ Петербургѣ и академіи не только потому, что уже извѣстно намъ изъ вышесказаннаго, то-есть, по участію въ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній и въ направленіи класса словесныхъ наукъ въ академіи, но и по своей славѣ церковнаго вѣти, а равно и по сильнымъ связямъ своимъ при дворѣ и въ кругу лицъ знатныхъ и могущественныхъ. Не далѣе какъ въ 1809 году вышло собраніе его поученій; но онъ проповѣдывалъ и послѣ того въ Петербургѣ по просьбѣ вліятельныхъ лицъ. Славился онъ также и какъ ученый богословъ-апологетъ. Труды его въ этомъ отношеніи, болѣе впрочемъ переводные, нежели оригинальные, можно видѣть во 2-й части „Обзора русской духовной литературы“ преосвященнаго Филарета Черниговскаго (стр. 209). Такого значенія не имѣлъ митрополитъ Амвросій, многолѣтній другъ митрополита Платона и благодаря этой дружбѣ, конечно, намѣтившій и вызвавшій Филарета въ Петербургъ. Къ тому же, между тѣмъ какъ Теофилактъ шелъ

¹⁾ И. А. Густовичъ. Исторія С.-Пб. духовн. академ., стр. 183—182. С.-Пб. 1857.

²⁾ Тамъ же, стр. 183.

какъ разъ въ тактъ съ либеральными стремленіями тогдашнихъ государственныхъ мужей Россіи, Амвросій считался не только консерваторомъ, но и ретроградомъ. Что удивительнаго поэтому, что и самъ Теофилактъ ожидалъ для себя, какъ непремѣнную дань, и вліятельные почитатели его талантовъ— для него въ недалекомъ будущемъ,—кресла первенствующаго члена Синода? Что удивительно, что и самому Теофилакту и его пріятелямъ хотѣлось даже, по возможности, ускорить это желанное событіе? Удивительно ли поэтому, что Теофилактъ всюду старался ослабить значеніе Амвросія, даже унижить послѣдняго, подставить ему, какъ говорится, ногу? Какъ всюду, такъ и въ настоящемъ случаѣ. Вызывая Леонида въ бакалавры академіи, Теофилактъ хотѣлъ подготовить въ немъ для себя хорошаго пособника въ своихъ честолюбивыхъ планахъ, въ своей политикѣ, устроивъ по времени назначенія его въ ректоры академіи. А такую подготовку любимца своего, бывшаго доселѣ учителемъ философій, Теофилактъ могъ сдѣлать только подъ условіемъ назначенія его въ бакалавры именно словесныхъ наукъ, класса которыхъ онъ былъ протекторомъ, профессоромъ и руководителемъ. Но что же? Амвросій вызываетъ, одновременно съ его вызовомъ, изъ Троицкой семинаріи учителя высшаго краснорѣчія и риторики, да при томъ проповѣдника Филарета. Понятно, какъ долженъ былъ отнестись Теофилактъ къ такому вызову, равно какъ и къ самому неповинному предъ нимъ, вызванному иноку. Этимъ только можно объяснить странный пріемъ, сдѣланный имъ Филарету при самой первой встрѣчѣ съ нимъ. По долгу и предстоящей службы и вѣжливости гражданской, Филаретъ долженъ былъ представиться всѣмъ членамъ комиссіи духовныхъ училищъ. Представлялъ его членамъ ректоръ академіи Евграфъ. Были, конечно и у Теофилакта. „Когда юный иннокъ явился къ нему, то онъ, принявъ его сухо и свысока, сталъ испытывать, какія свѣдѣнія вынесены имъ изъ семинаріи и въ заключеніе своихъ напрасныхъ стараній смутить и сбить его, какъ бы новичка на экзаменѣ, съ важностію вопросилъ: что есть истина? Прослушавъ опредѣленіе слова *истина* въ смыслѣ логическомъ, физическомъ, математическомъ и т. д., онъ съ доса-

дой сказалъ: „не то; всего этого мало; вообще, что есть истина?“—Строго испытываемый, словно ученикъ учителемъ, могъ бы отвѣтить ему: *Спаситель*,—словомъ Иисуса Христа: *Я есть истина*; но ректоръ Евграфъ, который ввелъ его къ вопрошителю, молвилъ: „вопросъ Пилатовъ въ Евангеліи остался безъ отвѣта“.—Тѣмъ и кончился неожиданный экзаменъ“ ¹⁾. Затѣмъ, какъ бывшій учитель высшаго краспорѣчія и риторики, Филаретъ естественно долженъ былъ занять въ Петербургской академіи должность бакалавра наукъ словесныхъ. Можетъ быть, въ этихъ видахъ, а также въ тѣхъ видахъ, чтобы, по возможности, парализовать вліяніе Теофилакта, Амвросій и вызывалъ Филарета. Съ другой стороны, Леонидъ, какъ бывший учитель философіи, естественно долженъ былъ занять кафедру наукъ философскихъ. По всей вѣроятности, въ этомъ смыслѣ Амвросій дѣлалъ настойчивое представленіе и въ комиссіи духовныхъ училищъ; ибо, по требованію послѣдней, Филаретъ представилъ въ оную конспектъ словесности, а Леонидъ—теоретической философіи ²⁾. Мало того, пока это дѣло обсуждалось въ комиссіи училищъ, Филарету временно даже и порученъ былъ классъ риторики въ мѣстной семинаріи ³⁾. Но въ дальнѣйшемъ вышло совершенно наоборотъ, потому что это совершенно несогласно было съ планами Теофилакта, къ тому же хотѣвшаго дать Амвросію почувствовать силу своего вліянія на дѣла церковнаго управленія. Леонидъ былъ назначенъ бакалавромъ словесныхъ наукъ, а Филаретъ даже совсѣмъ оттѣсненъ былъ отъ академіи назначеніемъ въ инспекторы мѣстной семинаріи и профессора наукъ философскихъ въ ней, хотя и съ званіемъ академическаго бакалавра ⁴⁾. Не успѣвъ въ этомъ, Амвросій и самъ въ комиссіи училищъ и чрезъ ректора академіи Евграфа, дѣлалъ представленія о томъ, чтобы Филарету предоставлена была въ академіи хотя бы какая-нибудь изъ кафедръ наукъ богословскихъ, которыхъ протекторомъ онъ, Амвросій, состоялъ,—напримѣръ—кафедра богословія собесѣдовательнаго или гоми-

¹⁾ Сушкова, цитов. соч., стр. 94.

²⁾ Чистовича, цитов. соч. стр. 184.

³⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 116.

⁴⁾ Тамъ же; срав. также Чистовича, цит. соч. стр. 184.

летики, на которой имѣлъ бы приложеніе проповѣдническій талантъ Филарета, имѣ, Амвросіемъ, вызваннаго,—или богословіе истолковательное (герменевтика), или другая какая-либо наука, что согласно было бы и съ желаніемъ самого вызваннаго инока, которое не безызвѣстно было Амвросію. Напрасно. Вліяніе Теофилакта превозмогло,—и Филаретъ оставленъ былъ при семинаріи, снабженный въ утѣшеніе однимъ лишь пустымъ званіемъ академическаго бакалавра. „Отецъ ректоръ, по требованію комиссіи,—писалъ, все еще не понимавшій петербургской политики, Филаретъ родителю своему отъ 14 февраля 1809 г.,—рекомендовалъ меня въ бакалавры богословія въ академію и надѣялся, и обнадеживалъ въ исполненіи сего представленія. Сверхъ всякаго чаянія сдѣланъ я, какъ уже писалъ къ вамъ, бакалавромъ философіи и инспекторомъ въ семинаріи, хотя представлены были его высокопреосвященствомъ другіе. Вы знаете, думаю, что я люблю богословіе, ибо нахожу въ немъ утѣшеніе: но теперь долженъ заниматься холодною философіею. Имѣвъ къ ней прежде мало вниманія, теперь чувствую свои недостатки: однако это не такъ безпокоитъ, какъ обязанность наблюдать поведеніе двухъ или трехъ сотъ человѣкъ, изъ коихъ я до вступленія въ должность ни одного не зналъ. Засѣданіе въ семинарскомъ правленіи также для меня ново, и тѣмъ паче затруднительно, что всѣ члены (о. ректоръ, я и экономъ) новоназначенные. Какъ должно быть расположено начальство къ подчиненнымъ, которыхъ не оно избрало, можно догадываться. Теперь вы видите мое положеніе, котораго я и самъ еще не осмотрѣлъ совершенно. Ходъ здѣшнихъ дѣлъ весьма для меня непонятенъ“¹⁾. Но промыслъ Божій, бодрствовавшій надъ юнымъ питомцемъ лавры преподаваго Сергія, все велъ къ лучшему концу. Покровительство первенствующаго члена Св. Синода, м. Амвросія, къ вызванному имъ молодому, неопытному въ петербургской политикѣ, іеродіакону Филарету, духовному сыну друга его, м. Платона, также было неизмѣнно. Съ первой-же встрѣчи съ Филаретомъ, понявъ и оцѣнивъ его, какъ человѣка, который несравненно болѣе принесетъ истинной пользы Церкви и отечеству, нежели человѣкъ интриги,

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 116.

гордаго искательства, Амвросій рѣшилъ во чтобы то ни стало вывести его на настоящій путь служебный, не смотря ни на какія интриги Теофилакта. Для этой цѣли онъ прежде всего сблизилъ его съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, а равно и съ другими вліятельными лицами, когда Филаретъ былъ еще іеродіакономъ ¹⁾; затѣмъ, для уравниенія его съ Леонидомъ, постѣшилъ возведеніемъ его въ санъ іеромонаха, самъ совершивъ рукоположеніе его въ первый день Пасхи того-же 1809 года. „Въ великій день Пасхи я удостоился—писать Филаретъ своему родителю,—принять благодать священства рукоположеніемъ высокопреосвященнѣйшаго митрополита ²⁾. Не оставлялъ Филарета Амвросій своимъ милостивымъ вниманіемъ и на самой должности его, дабы и комиссіи училищъ и Теофилакту явить его, какъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго стать на ряду съ Леонидомъ, если не выше его. „Мы имѣли экзаменъ,—пишетъ простодушно, все еще не разумѣя петербургской политики, Филаретъ своему родителю въ іюлѣ 1809 года,—и получили ваканцію. Мнѣ первый опытъ удался не такъ худо, какъ я, по новости, опасался. Мнѣ одному въ семинаріи досталась благодарность и одобреніе исключительное отъ ихъ высокопреосвященствъ—Новгородскаго и Рязанскаго, присутствовавшихъ при испытаніи“ ³⁾. Филаретъ и не понималъ, что, вторя м. Амвросію въ похвалахъ молодому наставнику философіи въ семинаріи, покровительствуемому митрополитомъ, Теофилактъ наблюдалъ свою политику: такое казовое согласіе съ первенствующимъ членомъ Синода необходимымъ представлялось ему теперь въ видахъ совокупнаго-же съ митрополитомъ одобренія любимца своего—Леонида, о чемъ также простодушно и въ томъ-же письмѣ сообщаетъ Филаретъ: „экзаменъ былъ и въ академіи. Тамъ особенное одобреніе заслужилъ бакалавръ эстетики, вызванный сюда изъ Калуги и обучающій подъ руководствомъ преосвященнѣйшаго Рязанскаго“ ⁴⁾. Воспользовавшись этимъ успѣхомъ Филарета, Амвросій устроитъ теперь

¹⁾ Сушкова, циг. соч. стр. 45.

²⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 118.

³⁾ Тамъ-же, стр. 121.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 121—122.

дальнѣйшее движеніе его по службѣ. 9-го августа того-же 1809 года, по его представленію, коммиссія училищъ назначила Филарета, съ удержаніемъ за нимъ и прежнихъ должностей, еще ректоромъ учрежденнаго при той-же семинаріи Александро-Невскаго училища ¹⁾. А въ концѣ октября того-же 1809 года м. Амвросій снова поднимаетъ въ коммиссіи училищъ вопросъ о переходѣ Филарета въ академію на какую-либо кафедрѣ наукъ богословскихъ. Но опять, благодаря Теофилакту и, поддерживавшему болѣе его виды, нежели внушенія митрополита, ректору Евграфу, рѣшеніе этого вопроса затормозилось. И только уже 8 февраля слѣдующаго 1810 года, то-есть послѣ смерти Евграфа, послѣдовавшей неожиданно 11 ноября 1809 года, состоялось утвержденіе Филарета въ должности бакалавра наукъ богословскихъ въ академіи, когда ректоромъ академіи былъ уже Сергій (въ мірѣ Стефанъ Крыловъ-Платоновъ), не менѣе Евграфа знакомый Филарету по Троицкой семинаріи, но болѣе искренно, нежели Евграфъ, расположенный къ Филарету,—при томъ послѣ новаго полугодичнаго экзамена, который также счелъ нужнымъ посѣтить самъ м. Амвросій. Вотъ какъ рассказываетъ обо всемъ этомъ самъ Филаретъ въ письмахъ къ родителю своему отъ 23 декабря 1809 и отъ 24 февраля 1810 года. „Изъ записочки въ письмо мое къ дѣдушкѣ вложенной,—пишетъ онъ въ первомъ письмѣ,—вы, думаю, знаете о смерти о. ректора Евграфа. Теперь узнайте ея обстоятельства“. И затѣмъ подробно рассказавъ объ обстоятельствахъ скоропостижной смерти Евграфа, Филаретъ прямо и непосредственно добавляетъ: „чтобы вы не много скучали о сей потерѣ для меня, скажу вамъ, что Богъ и начальство щедрыя меня. Дѣло о переведеніи меня въ академію приходитъ къ окончанію: если оное состоится, то я буду имѣть очень хорошаго руководителя въ о. ректорѣ Сергіѣ, который коммиссіею духовныхъ училищъ назначенъ на мѣсто покойнаго; если-же я и останусь на прежнемъ положеніи, то имѣю въ трудностяхъ по должностямъ очень хорошее облегченіе со стороны о. ректора семинаріи, коего со мною обхожденіемъ могу хвалить-

1) См. послужной списокъ Филарета, приложенный къ I тому его сочиненій изд. 1873—1882. Срав. письма его къ роднымъ, стр. 128.

ся. Не смѣю о выпсихѣхъ: по крайней мѣрѣ могу сказать, что утѣшенъ и ихъ вниманіемъ. 21 дня сего мѣсяца далъ я второй по философскому классу экзаменъ, вмѣстѣ съ богословскимъ: сіе собраніе, хотя не формально, посѣтилъ преосвященнѣйшій митрополитъ. Теперь наслаждаюсь отдыхомъ, и на досугѣ готовлюсь слушать московскія новости отъ о. Сергія, котораго со дня на день ожидаемъ. Нынѣ говорятъ, что онъ уже пріѣхалъ“. „Я опредѣленъ въ здѣшней академіи,—пишетъ Филаретъ во второмъ письмѣ,—бакалавромъ богословскихъ наукъ. Для преподаванія отдѣлена мнѣ часть богословія и церковная исторія: по каждому изъ сихъ предметовъ я долженъ дать одну лекцію въ недѣлю. По первому есть классическая книга; а по второму я долженъ писать сокращеніе, держась нѣсколькихъ лучшихъ въ семъ родѣ писателей. Трудовъ не мало: только сіи труды, если не по моимъ силамъ, по крайней мѣрѣ по моему вкусу. Штатнаго по сему мѣсту жалованья 700 рублей; но мнѣ, по соображенію съ прежнимъ моимъ по двумъ мѣстамъ жалованьемъ и по уваженію предметовъ (такъ сказано въ опредѣленіи комиссіи духовныхъ училищъ), экстраординарно прибавлено 400 руб. Отецъ ректоръ новый, очень добрый для меня руководитель и помощникъ. Онъ одоляетъ меня своими наставленіями, своими книгами; онъ оставилъ меня въ ближнихъ къ нему комнатахъ, когда мнѣ слѣдовало перейти въ другія; и теперь живетъ со мною, такъ сказать, однимъ домоу, потому что я съ нимъ и обѣдаю. Богъ упокоилъ меня отъ многихъ заботъ, изъ коихъ тягостнѣйшія приносила мнѣ должность инспектора, къ которой я совсѣмъ не родился. Теперь я не вижу безпорядковъ, не слышу ссоръ, не беспокоюсь доносами: около меня тишина и книги. Молю Бога, помолитесь и вы, чтобы Онъ далъ мнѣ ходить не недостойно моего званія“¹⁾. Итакъ, пока живъ былъ Евграфъ, о собственномъ расположеніи Филарета „спрашивали не иначе какъ мимоходомъ“, хотя онъ жилъ и вмѣстѣ съ Евграфомъ; его „обнадеживали“ въ томъ, что исходатайствуютъ ему кафедру наукъ богословскихъ въ академіи, а между тѣмъ, „сверхъ всякаго чаянія“, назначаютъ его наставникомъ „холодной фило-

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 129—132.

софiи“, да въ добавокъ инспекторомъ въ семинаріи; м. Платонъ просить Св. Синодъ отпустить Филарета въ ректоры Троицко-лаврской семинаріи, а „тѣ, въ чьихъ рукахъ находилось это дѣло, даже никогда“ ему „о семъ не говорили“ ¹⁾. Теперь не то. Безъ Евграфа, при одномъ только, но достаточно сильномъ предствѣствѣ м. Амвросія, дѣло пошло скорѣе и успѣшнѣе. Благодаря рекомендаціи и предствѣству Амвросія, Филаретъ не только избавляется отъ преподаванія „холодной философіи“ и тягостной должности инспекторской, съ поступленіемъ на давно желанную, любимую кафедру наукъ богословскихъ въ высшемъ святилищѣ сихъ наукъ—академіи, гдѣ его окружаютъ только „тишина и книги“ но и получаетъ окладъ, далеко высшій въ сравненіи съ другими бакалаврами, въ тоже время и въ новомъ ректорѣ академіи находя болѣе искренняго, чѣмъ Евграфъ, „руководителя и помощника“. Но и этого мало. Теперь м. Амвросій нашелъ благовременнымъ дать просторъ раскрытію и проповѣдническаго таланта Филарета, о которомъ онъ, безъ сомнѣнія, зналъ и отъ Платона, и отъ Евграфа, и отъ Сергія. Для пробы онъ поручилъ ему составить и произнести проповѣдь на день Благовѣщенія въ томъ же 1810 году. Какъ не новичекъ въ дѣлѣ, Филаретъ не задумался: написалъ и произнесъ проповѣдь въ назначенный день въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Проповѣдь оказалась такъ хороша, что „по волѣ преосвященнѣйшаго митрополита“, какъ говоритъ самъ проповѣдникъ, „была напечатана“ ²⁾ отдѣльною брошурою на иждивеніе Св. Синода, и обратила на себя общее вниманіе въ Петербургѣ. Впечатлѣніе однакоже, какъ и нужно было ожидать, она произвела на слушателей и читателей ея весьма не одинаковое. Многіе, и при томъ изъ дворянъ, съ восторгомъ радости и удивленія къ таланту новопоявившагося проповѣдника, встрѣтили его проповѣдь, съ увлеченіемъ читали ее, выпрашивали у него для себя экземпляры ея, такъ что изъ большаго числа печатныхъ экземпляровъ ея, подаренныхъ митрополитомъ проповѣднику, много разошлось по рукамъ въ ко-

1) Тамъ-же, стр. 131.

2) Тамъ же, стр. 134.

роткое время" ¹⁾. Но нашлись также „нѣкоторые умные люди“, — очевидно изъ партіи Теофилакта, „которые вздумали увѣрять глупыхъ, будто бы“ онъ, Филаретъ, „обокралъ Массильона“. Это обстоятельство побудило его предлагать желающимъ и остальные экземпляры своей проповѣди на день Благовѣщенія и въ тоже время „рекомендовать слово Массильона на тотъ же день“ ²⁾. Какъ очевидно, Филаретъ теперь, особенно же при большей, чѣмъ то было прежде, искренности и откровенности ректора академіи, началъ немного понимать характеръ петербургской политики, началъ яснѣ различать лагери лицъ ему благопріятствующихъ и враждебныхъ. По крайней мѣрѣ вотъ что пишетъ онъ своему родителю въ іюлѣ того же 1810 года: „5-е число праздновалъ я нынѣшній годъ также, какъ прежде въ Сергіевой лаврѣ: преосвященный митрополитъ былъ въ этотъ день въ Сергіевой пустыни, отстоящей отсель на 6 верстъ, гдѣ и я служилъ съ нимъ и провелъ два дни“. И тотчасъ же вслѣдъ за симъ: „Вы желали знать объ о. Леонидѣ. Онъ учился со мною нѣсколько мѣсяцевъ въ Троицкой лаврѣ, а окончилъ ученіе въ Калугѣ; тамъ же былъ учителемъ и префектомъ; а по вступленіи въ монашество, предъ открытіемъ здѣшней академіи, по предложенію преосвященнаго Теофилакта, вызванъ сюда, и опредѣленъ бакалавромъ класса словесныхъ наукъ, котораго образованіе принялъ преосвященный на себя. Онъ проходитъ эстетику по Бутервеку, и изъясняетъ, какимъ образомъ *идея изящнаго и высокаго проникая изъ глубины сознанія, производитъ чувство или гармоническаго развитія человѣческихъ силъ, или свободной игры, или идеальнаго паренія выспрь человѣческаго духа*, и пр. и пр. ³⁾. Ясно, что насколько при упоминаніи объ отношеніяхъ къ митрополиту Амвросію въ словахъ письма Филарета звучитъ тонъ сообщеній о давнихъ, беззавѣтно искреннихъ, семейныхъ отношеніяхъ къ митрополиту Платону ⁴⁾, на столько же въ характеристикѣ любимца Тео-

¹⁾ Тамъ же, стр. 136.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 137—138. Последнія слова письма и въ подлинникѣ отмѣчены курсивомъ.

⁴⁾ Можетъ быть даже митрополиту Амвросію и хотѣлось оживать въ юномъ

филактова Леонида слышится совершенно иной тонъ,—тонъ холоднаго сообщенія, а въ концѣ даже — ироніи, хотя к чрезвычайно сдержанной, осторожной: осторожности въ письменныхъ сообщеніяхъ своихъ Филаретъ научился еще въ бытность въ Троицко-лаврской семинаріи ¹⁾. Между тѣмъ, благодаря проповѣди на день Благовѣщенія, взоры всѣхъ безпристрастныхъ людей, какъ мы замѣчали и выше, обратились на молодаго инока. Изъ сличенія этой проповѣди съ проповѣдію Массильона они ясно видѣли, какъ несправедливы были упреки завистниковъ и недоброжелателей его въ хищеніи будто бы имъ мыслей у Массильона. Возрастаніе славы Филарета, какъ выдающагося проповѣдника, равно какъ и дальнѣйшее движеніе его по службѣ сразу были обезпечены. И значительное время спустя послѣ произнесенія проповѣди экземпляровъ ея ищутъ, запрашиваютъ у него; ищутъ знакомства съ нимъ и т. д. „Экземпляровъ (проповѣди),—пишетъ Филаретъ своему родителю отъ 29 августа 1810 года,—и у меня осталось мало, хотя и въ С. Л. ²⁾ не посылалъ. Доселѣ находятся такіе, которые просятъ. Одинъ свѣтскій человѣкъ, имѣвъ и читавъ, пріѣзжалъ сюда нѣсколько разъ, чтобъ найти меня: съ своей любовью къ христіанству убѣдилъ меня сдѣ-

инокѣ, заброшенномъ на дальній сѣверъ, удаленномъ отъ родины и Платона, воспоминаніе объ этихъ отношеніяхъ своимъ сердечнымъ участіемъ, отеческимъ вниманіемъ къ нему. Ему, Амвросію, конечно, памятливы были изреченія старца митрополита Платона, не разъ высказанныя какъ въ письмахъ его къ Амвросію, такъ и въ донесеніи Св. Синоду отъ 28 декабря 1808 года: „особливо о іеродіахъ Филаретѣ прошу Св. Правительствующій Синодъ обратить его паки въ Троицкую семинарію, гдѣ онъ, яко сходственно съ его желаніемъ, можетъ лучшій успѣхъ оказать для общей пользы; и какъ я объ немъ особливое прилагалъ, въ разсужденіи его воспитаніи, отеческое стараніе: то сіе много послужитъ къ утѣшенію моеи старости; а его единого отбытіе удобно можетъ вознаграждено быть изъ другихъ учащихся“. (См. у *Исуповича* въ лит. соч. стр. 183, примѣч.) Срав. раньше приведенныя выдержки изъ писемъ митрополита Платона къ Амвросію и Августину о томъ же. Срав. также вышеприведенное сообщеніе *Сушкова* о разговорѣ, бывшемъ между Платономъ и Филаретомъ предъ отбытіемъ послѣдняго въ Петербургъ.

1) Срав. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 73, 77, 124, 183 и др.

2) Въ Сергіеву Лавру. А между тѣмъ мы, конечно, не забыли изъ предшествующаго, что экземпляровъ проповѣди Филарету, по его собственному же сообщенію, было дано много

латься ему знакомымъ“¹⁾. О комъ именно говорить въ послѣднихъ словахъ письма Филаретъ, угадать навѣрное довольно трудно, хотя по дальнѣйшимъ отношеніямъ, а равно и по тону сообщенія, таинственно важному, мы и могли бы предположить здѣсь сближеніе Филарета съ кн. Голицынымъ. Припомнимъ, что митрополитъ Амвросій, вскорѣ же по прибытіи Филарета въ Петербургъ, познакомилъ его съ княземъ, оберъ-прокуроромъ, познакомилъ и съ другими лицами изъ высшаго круга. Въ первый день Пасхи 1809 года Филаретъ, только что посвященный въ іеромонаха, вмѣстѣ съ другими лицами духовно учебнаго вѣдомства, по его-же собственному сообщенію²⁾, былъ даже съ официальнымъ визитомъ у князя. Но тогда молодой, почти неизвѣстный инокъ-пришелецъ, къ тому-же рекомендованный не пользовавшимся хорошою въ Петербургѣ репутаціею м. Амвросіемъ, былъ мало замѣченъ имъ. Теперь, другое дѣло. Послѣ такой проповѣди, какъ проповѣдь Филарета на день Благовѣщенія, на которую всѣ обратили вниманіе, онъ самъ ищетъ знакомства съ инокомъ. Въ чемъ-же тутъ сущность дѣла? Почему проповѣдь Филарета могла обратить на себя такое вниманіе большинства лицъ высшаго круга тогдашняго петербургскаго общества вообще и въ частности князя, оберъ-прокурора А. Н. Голицына? Проповѣдь трактуетъ о царствѣ Христовомъ и при этомъ въ ней проводится мысль, что царство Христово *нѣсть отъ міра сего*, что *царствіе Божіе внутри насъ есть*³⁾. Вотъ въ этомъ-то и вся сущность дѣла. Проповѣдь Филарета, стало быть, какъ разъ соответствовала тому мистическому настроенію, которымъ уже и въ то время, не говоря о времени, послѣдовавшемъ за событіями 1812 года, была объята значительная и при томъ самая, говоря по нынѣшнему, интеллигентная часть петербургскаго общества. Въ такомъ-же настроеніи уже въ ту пору былъ и князь оберъ-прокуроръ. Въ свое время мы скажемъ обстоятельнѣе какъ объ этомъ настроеніи духа современниковъ петербургскаго періода проповѣднической дѣятельности Филарета, такъ равно и

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 130.

2) См. тамъ-же, стр. 118—119.

3) См. эту проповѣдь въ 1 томѣ сочиненій Филарета изд. 1873 г. на стр. 134—139.

о томъ, въ какой степени шла въ тактъ этому настроенію проповѣдь Филарета; а теперь продолжимъ исторію отношеній, положенія и службы Филарета въ означенный періодъ. Во вниманіи къ проповѣдническому таланту Филарета, князь Голицынъ теперь самъ уже предлагаетъ м. Амвросію поручать молодому іеромонаху возможно чаще произносить проповѣди. И мы видимъ, что въ слѣдующемъ 1811 году Филаретъ произноситъ уже не одну, а цѣлыхъ семь проповѣдей, воплотившихъ его проповѣдническую славу и служебное положеніе. Но, конечно, въ тоже время и зависть съ недоброжелательствомъ не дремали. Мы не забыли, конечно, что Теофилактъ самъ желалъ славиться и дѣйствительно славился, какъ проповѣдникъ. Понятно, какими глазами могъ онъ смотрѣть на начинавшуюся славу нашего молодого проповѣдника, покровительствуемаго теперь къ тому же не только Амвросіемъ, но и оберъ-прокуроромъ Св. Синода, и еще болѣе теперь, нежели прежде, представлявшаго въ себѣ поводъ къ опасеніямъ за осуществленіе его завѣтной мечты—имѣть при себѣ ректоромъ Леонида на время предсѣдательства своего въ Св. Синодѣ. Не даромъ уже отъ 6 ноября 1810 года Филаретъ пишетъ своему родителю: „что до меня принадлежитъ, я никому не завидую. Жаль только, что здѣшнія дѣла не всегда идутъ прямою дорогою; а потому на что ни положишь руку, всегда должно опасаться, чтобы не подтолкнули. Это иногда беспокоитъ; однако и противъ сего есть средство. Надобно все принимать не отъ людей, а отъ Бога, и все сдѣлается хорошимъ“¹⁾. Въ 1811 году недоброжелатели Филарета сдѣлали даже и открытое нападеніе на него и именно по поводу первыхъ двухъ проповѣдей его въ семь году: на Пасху (2 апрѣля) и Пятидесятницу (21 мая). Вотъ какъ рассказывалъ объ этомъ послѣ, по воспоминанію, самъ Филаретъ: Леонидъ „позавидовалъ мнѣ, и первую мою проповѣдь на Пасху называлъ одою. Но митрополиту Амвросію она понравилась, и онъ, припомнивъ, что я часто говорилъ проповѣди въ лаврѣ, совѣтовалъ мнѣ заниматься этимъ болѣе здѣсь. Для этого самъ назначилъ мнѣ и день (Троицынъ) и

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 140.

тому (о дѣйствіяхъ или дарахъ Св. Духа). Я отказывался по трудности предмета, но митрополитъ сказалъ: напиши, какъ можешь. Я приготовилъ, представилъ ректору Сергію; тотъ прочиталъ, послалъ меня съ нею къ митрополиту, который выслушалъ и приказалъ произнести въ церкви. Когда явился я въ соборъ лаврскій и вопелъ въ олтарь, Теофилактъ подозвалъ меня къ себѣ и, спросивъ, не я-ли проповѣдникъ нынѣ, попросилъ прочитать проповѣдь и тутъ-же прочиталъ ее. Въ свое время проповѣдь была произнесена. Послѣ обѣдни жившіе въ лаврѣ и служащіе и нѣкоторые изъ свѣтскихъ пришли къ митрополиту. А. Θ. Лабзинъ ¹⁾ между разговоромъ почему-то привелъ въ подтвержденіе слова изъ слышанной имъ въ тотъ день проповѣди. При этомъ Теофилактъ возразилъ: а что вы думаете? Нынѣшняя проповѣдь отзывается духомъ пантеизма. Какъ пантеизма? спросилъ митрополитъ. Теофилактъ не отступился отъ своего отзыва, и только по усильному убѣжденію митрополита замолчалъ. Послѣ обѣда однакоже, когда гости пошли въ садъ, и ректоръ Сергій называлъ меня пантеистомъ, я приступилъ къ нему и объяснилъ, что легко ему налагать крестъ на молодого человѣка, безъ поддержки, безъ связей. Но прошу замѣтить, прибавилъ я, что если пантеистъ я, то не одинъ. Читалъ эту проповѣдь митрополитъ, читали и вы. Итакъ всѣ мы трое будемъ пантеисты. Ректоръ Сергій передалъ объ этомъ разговорѣ митрополиту. Тотъ вытребовалъ проповѣдь къ себѣ и послалъ ее со мною къ Меодію Тверскому, тогда славившемуся и ученостію и твердостію въ догматахъ церковныхъ. Тотъ письменно отозвался митрополиту, что проповѣдь *достойна сановитаго наставника и ничего противнаго православію не содержитъ*. Послѣ того начали толковать въ Синодѣ, чтобы проповѣдь напечатать; брали ее на разсмотрѣніе и Голицынъ и Сперанскій. И какъ всѣми она была одобрена, то и была напечатана. Послѣ этой исторіи митрополитъ предложилъ мнѣ

1) А. Θ. Лабзинъ, дѣйств. ст. сов., конференцъ-секретарь академіи художествъ и директоръ департамента морскаго министерства, извѣстный мистикъ того времени, издававшій въ 1806 и 1817—1818 годахъ мистическій журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“.

еще приготовить на какой-нибудь день проповѣдь, которую могли бы слушать и Голицынъ и Сперанскій. Я написалъ: это была проповѣдь, помнится, на 4-е воскресенье по Пятидесятницѣ изъ текста: *оброуи грѣха смерть*“ ¹⁾. И вскорѣ послѣ этого я былъ Высочайше награжденъ крестомъ съ драгоценными камнями“ ²⁾. Къ этому у Сушкова добавляется о послѣдствіяхъ проповѣди Филарета на Троицынъ день, что „князь А. Н. Голицынъ, прочитавъ ее, пожелалъ чаще слушать новаго проповѣдника, попросилъ митрополита поручить ему говорить въ каждый праздникъ, и постоянно посѣщалъ по праздникамъ лавру, вмѣстѣ съ Лабзинымъ и другими лицами, къ которымъ постепенно присоединялись А. Н. Оленинъ ³⁾, А. И. Тургеневъ ⁴⁾, А. С. Стурдза ⁵⁾, и т. д.“ ⁶⁾. Такимъ образомъ, въ итогъ выигрышъ оказался на сторонѣ Филарета, а не Теофилакта. Благодаря милостивому вниманію къ молодому проповѣднику со стороны такихъ особъ, какъ м. Амвросій, Голицынъ и Сперанскій, онъ дѣлается лично извѣстнымъ самому Государю Императору. Награжденіе Филарета наперснымъ крестомъ съ драгоценными камнями изъ кабинета Его Величества отъ 30 іюня 1811 года послѣдовало именно „за отличіе въ проповѣдываніи слова Божія“, какъ сказано въ послужномъ спискѣ его. А вотъ что самъ Филаретъ сообщаетъ по поводу этой награды въ письмѣ къ своему родителю отъ 4-го

1) Всѣ три проповѣди напечатаны потомъ въ I томѣ сочиненій Филарета изданія 1873—1882 г.

2) См. статью: „Изъ воспоминаній покойнаго митрополита Филарета“ въ „Правосл. Обзор.“ за 1868 г. т. 26, стр. 512 — 514. Награда послѣдовала 30 іюня 1811 года (о чемъ см. послужной списокъ Филарета), слѣдовательно чрезъ 12 дней послѣ проповѣди на 4-ю недѣлю по Пятидесятницѣ (бывшую въ 1811 году 18 іюня).

3) А. Н. Оленинъ, тайный совѣтникъ, директоръ Императорской публичной бібліотеки, „незабвенный другъ просвѣщенія и пламенный патриотъ“ („Рус. Арх.“ 1868 г. стр. 1893) сблизился съ Филаретомъ не позже 1812 года.

4) А. И. Тургеневъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ и друзей князя А. Н. Голицына, а слѣдовательно и Филарета. См. о немъ въ „Москов. Вѣдомост.“ за 1845 годъ (годъ кончины его). № 148.

5) А. С. Стурдза въ 1816 году даже издалъ нѣкоторые проповѣди Филарета на французскомъ языкѣ, самъ потрудившись въ переводѣ ихъ съ русскаго яз. См. Чтенія въ общ. люб. дух. просв. за 1869 г. кн. VI, стр. 72 Матеріаловъ для біографіи Филарета.

6) Сушкова, цит. соч. стр. 95. Справ. стр. 94.

іюля того-же 1811 года: „случай къ сему подали пѣкоторые проповѣди, о которыхъ Его Императорское Величество узналъ, какъ сказано въ отношеніи князя оберъ-прокурора къ преосвященнѣйшему“ митрополиту, который самъ возложилъ на молодого іеромонаха „пожалованный ему наперсный крестъ“ ¹⁾. Черезъ 8 дней послѣ этой награды Филаретъ возводится и въ санъ архимандрита, будучи не болѣе какъ 28 съ половиною лѣтъ отъ роду ²⁾. Все это совершилось въ отсутствіе Теофилакта, посѣщавшаго въ то время свою епархію ³⁾. Впрочемъ, въ утѣшеніе послѣднему, и Леонидъ былъ произведенъ въ архимандриты на другой день послѣ Филарета ⁴⁾, хотя онъ былъ старше послѣдняго и лѣтами возраста и службою въ священномъ санѣ, по духовно-училищному вѣдомству и при Петербургской академіи. Такое быстрое повышение Филарета было именно знакомъ того вниманія къ нему начальства, о которомъ говорено было выше. Тоже вниманіе выразилось и въ порученіи ему ревизіи петербургскихъ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, совершенной имъ въ іюлѣ того-же 1811 года ⁵⁾. И всему этому главною виною было проповѣдничество Филарета. Благодаря вышеупомянутымъ проповѣдямъ своимъ Филаретъ дѣлается, такъ сказать, моднымъ проповѣдникомъ. Предполагается освященіе знаменитаго Казанскаго собора,—Филарету поручаютъ произнести при этомъ торжествѣ проповѣдь, и онъ произноситъ ее, хотя и не на день освященія главнаго престола (15 сентября), а при освященіи придѣльнаго храма (17 сентября). Умираетъ знаменитый екатерининскій вельможа и богачъ, графъ А. С. Строгановъ,—Филарета проситъ сынъ покойнаго произнести надгробное по немъ слово, которое и произносится нашимъ проповѣдникомъ 3 октября того же 1811 года. Слово это такъ понравилось и семейству покойнаго и всѣмъ, присутствовавшимъ при погребеніи, что

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 140—150. Крестъ былъ стоимостью въ 1198 рублей, о чемъ см. въ томъ-же письмѣ Филарета.

2) См. послужной списокъ Филарета. Срав. также письма его къ роднымъ, стр. 150—151.

3) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 147—148, 151.

4) Тамъ-же стр. 150—151.

5) Тамъ-же. стр. 151. Срав. послужной списокъ Филарета.

это слово втѣченіи короткаго времени двукратно было напечатано отдѣльною брошюрою. Филарета просягъ сказать снова проповѣдь при 40-дневномъ поминовеніи покойнаго графа: Филаретъ произноситъ (5 ноября) по этому случаю еще болѣе блестящую проповѣдь, напоминавшую собой знаменитое слово Анастасія Братановскаго на погребеніе И. И. Бецкаго. Въ половинѣ января слѣдующаго 1812 года умираетъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ дѣятелей Александрова царствованія, не задолго передъ тѣмъ (до 1810 года) бывшій министромъ народнаго просвѣщенія, графъ П. В. Завадовскій, и Филаретъ, по просьбѣ семейства покойнаго графа, произноситъ (17 января) блестящее поучительно-похвальное слово, за которое, какъ и за проповѣди на память о графѣ Строгановѣ, получаетъ отъ семейства Завадовскихъ въ благодарность значительное денежное вознагражденіе ¹⁾. Наконецъ, въ Великій Пятокъ того же 1812 года (апрѣля 19) Филаретъ, по примѣру своихъ учителей въ проповѣдничествѣ,—м. Платона и арх. Анастасія (Братановскаго), произноситъ слово даже въ придворной церкви, въ присутствіи Императрицы: Елисаветы Алексіевны и Маріи Ѳеодоровны ²⁾. Въ то же время и въ связи съ тѣмъ кругъ знакомствъ проповѣдника съ лицами высшаго петербургскаго общества все болѣе и болѣе расширяется. О князѣ А. Н. Голицынѣ за это время самъ Филаретъ говоритъ, напримѣръ, въ письмѣ къ родителю своему отъ 28 ноября 1811 года: „въ продолженіе осени я нѣсколько разъ былъ у князя Александра Николаевича, и въ его иногда экипажѣ. Онъ подарилъ еще мнѣ духовныя творенія Фенелона на французскомъ. Теперь онъ нездоровъ: помолитесь о немъ: онъ истинный ревнитель вѣры и церкви“ ³⁾. А у князя Голицына нерѣдко собиралось тогда высшее петербургское общество, съ которымъ онъ, въ свою очередь, знакомилъ молодаго архимандрита. Затѣмъ подобное же было и со стороны графа Строгонова—сына, послѣ двухъ проповѣдей, произнесенныхъ

¹⁾ См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 153; 157.

²⁾ Всѣ исчисленныя проповѣди Филарета, печатанныя отдѣльными брошюрами вслѣдъ за ихъ произнесеніемъ, собраны и помѣщены въ I томѣ сочиненій его изд. 1873 года.

³⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 154.

Филаретомъ въ память его родителя, какъ о томъ свидѣтельствуеъ самъ проповѣдникъ въ томъ же письмѣ къ родителю отъ 28 ноября: „въ čtyредесятый день по кончинѣ покойнаго графа Александра Сергѣевича Строгонова говорилъ я другую проповѣдь. Послѣ сего сынъ его Павелъ Александровичъ нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ, и наконецъ я былъ у него. Опъ, графиня и нѣсколько еще челоѡкъ, составлявшихъ общество, почти весь вечеръ говорили—о духовныхъ матеріяхъ! Какаа проповѣдь за проповѣдь!“¹⁾ А въ домѣ этого богача, вельможи и высоко образованнаго челоѡка собиравъсь даже и изъ высшаго-то общества самое избранное. Его домъ весьма часто посѣщавъ за-просто самъ Государь Императоръ и другіе члены Царской фамиліи²⁾. Но и этого мало. Въ послѣдней половинѣ того же 1811 года Государыня Императрица Елисавета Алексіевна выразила князю А. Н. Голицину желаніе ближе познакомиться съ главнѣйшими пунктами разности между вѣроисповѣданіями православнымъ и римско-католическимъ. И что же? Въ исполненіе желанія Императрицы князь оберъ-прокуроръ поручаетъ составить это „Изложеніе разности“ тремъ богословамъ одновременно, болѣе или менѣе извѣстнымъ намъ: Меодію, архіепископу Тверскому, Теофилакту, архіепископу Рязанскому и—Филарету, архимандриту и бакалавру академіи³⁾. Вотъ съ кѣмъ на ряду, уже въ 1811 году, поставленъ былъ Филаретъ. Чрезъ это онъ еще болѣе сталъ извѣстнымъ и при дворѣ. Знаменательно, благодаря этимъ отношеніямъ и этой извѣстности Филарета, совершившееся въ самомъ концѣ 1811 г., а опубликованное въ началѣ слѣдующаго 1812 года событіе: отецъ Филарета получаетъ небывалую въ его положеніи награду, именно сразу два отличія: камилавку,—по представле-

1) Тамъ же.

2) См. *Богдановичъ*. „Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время“. Томъ I, стр. 80. Спб. 1869.

3) Это „Изложеніе разности между восточною и западною церковію въ ученіи вѣры“ всѣхъ трехъ поименованныхъ авторовъ, до 1870 года остававшееся въ рукописи, въ этомъ году напечатано было въ I кн. „Чтеній въ обществ. исторіи и древностей“. Сравни нашу статью по поводу этого трактата Филарета въ 1-й кн. „Чтеній въ общ. люб. дух. просв.“ за 1884 г. стр. 19—40.

нію Св. Синода, и наперсный крестъ,—по представленію оберъ-прокурора и по „особенному благоволенію Монарха къ сыну награждаемаго, толико ознаменовавшему себя па поприщѣ проповѣданія слова Божія“, какъ сказано въ официальной бумагѣ по этому случаю ¹⁾. Понятно, какъ ко всему этому долженъ былъ относиться, если не наружно, то въ душѣ Теофилактъ, еще къ началу осени 1811 года вернувшійся снова въ Петербургъ изъ своей епархіи. Если уже въ 1810 году Филаретъ, па ряду съ ласками, „примѣчалъ и косые взгляды, бросаемыя изъ-подъ тиха“ ²⁾, то тѣмъ болѣе теперь. Теперь Филаретъ представлялъ въ себѣ еще болѣе препонъ къ осуществленію плановъ Теофилакта на счетъ Леониды. Поэтому Теофилактъ спѣшитъ, такъ сказать, осуществленіемъ этихъ плановъ. Съ этою цѣлію онъ прежде всего осенью же 1811 года слагаетъ съ себя званіе профессора словесныхъ наукъ въ академіи, для предоставленія этого званія Леониду, который, благодаря его ходатайству, опредѣленіемъ комиссіи духовныхъ училищъ отъ 18 октября сего года, и назначается исправляющимъ должность профессора ³⁾, тогда какъ Филаретъ остается все еще по прежнему бакалавромъ. Съ тою же цѣлію Теофилактъ все въ томъ же еще 1811 году начинаетъ производить весьма чувствительное давленіе на знакомаго намъ добраго, искренно расположеннаго къ Филарету, ректора архимандрита Сергія, въ видахъ вытѣсненія его изъ должности ректора и замѣщенія ея Леонидомъ. Давленіе вліятельнаго въ Синодѣ, и при томъ весьма близкое имѣвшаго отношеніе къ академіи и по званію члена Синода, и комиссіи духовныхъ училищъ, и по званію протектора класса словесныхъ наукъ, архіепископа было такъ сильно, что Сергій дѣйствительно сталъ проситься о перемѣщеніи его куда-бы то ни было, лишь бы избавиться отъ ближайшаго гнета этого Брізпа, какъ онъ называлъ Теофилакта, сравнивая его съ извѣстнымъ въ то время французскимъ епископомъ этого имени. ⁴⁾ Въ февралѣ 1812

1) См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 155—156 и 158—159 примѣч.

2) Тамъ же, стр. 138.

3) См. Чистовича цит. соч. стр. 251.

4) См. Воспоминанія Филарета въ „Православномъ Обзорѣнѣ“ за 1868 г. т. 26 стр. 516; срав. стр. 515 и Чистовича, цит. соч. стр. 206—207.

года и состоялось нареченіе Сергія во епископа Костромскаго ¹⁾. На его мѣсто въ ректорской должности Теофилактъ и въ Синодѣ и въ комисіи духовныхъ училищъ предложилъ, какъ и слѣдовало ожидать, Леонида; но митрополитъ Амвросій предложилъ съ своей стороны другаго кандидата—Филарета. И что-же? Богу угодно было, чтобы бакалавръ былъ предпочтень профессору. Выборъ палъ на Филарета, съ возведеніемъ его въ званіе профессора богословскихъ наукъ, а Леонидъ остался лишь профессоромъ, теперь утвержденный въ этомъ званіи. Назначеніе Филарета въ ректоры состоялось 11 марта 1812 года, когда, слѣдовательно, ему было только 29 лѣтъ съ небольшимъ отъ роду. Такъ гремѣла слава Филарета уже за то время въ Петербургѣ, и при томъ стяжанная по преимуществу проповѣдничествомъ его. Къ чести Филарета должно сказать, что онъ отнюдь не кичился своею новою должностію и званіемъ: онъ даже не радовался ей, а, напротивъ, считалъ ее бременемъ, особенно въ виду продолжавшихся отношеній Теофилакта съ его партіею въ академіи, хотя и съ обычною покорностію волѣ начальства принялъ ее. Вотъ какъ самъ онъ сообщаетъ о своемъ новомъ назначеніи въ письмѣ къ родителю отъ 22 марта 1812 года: „отецъ ректоръ Сергій—уже пресвященный Сергій. Его прежнее бремя упало на меня. Попросите мнѣ у Бога силъ, или помощи въ немощахъ, и терпѣнія. Есть люди, которые много меня утѣшаютъ; есть и такіе, которые озабочиваютъ. Да будетъ то, что угодно Богу“ ²⁾. Послѣ вышесказаннаго, смыслъ выраженія „есть и такіе, которые озабочиваютъ“ весьма понятенъ. Зная по опыту съ Сергіемъ характеръ отношеній Теофилакта съ его партіею въ академіи, Филаретъ, особенно теперь, когда не сбылись планы этого Бріэна на счетъ любимца его Леонида, предвидѣлъ еще болѣшнія осложненія и затрудненія для себя въ отношеніяхъ его къ завѣдуемой имъ, Филаретомъ, академіи. Не даромъ, когда Сергій, по рукоположеніи во епископа, утѣшая Филарета, говоритъ ему: „увѣрю тебя, ты сбудешь этого Бріэна“, Филаретъ отвѣчалъ тоскливо: „гдѣ мнѣ сбытъ; хотя-бы само-

1) См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 157; срав. *Чистовича*, цит. стр. 245

2) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 159.

го куда не заслали" ¹⁾. Однако увѣренія Сергія сбылись, хотя и послѣ долгой борьбы съ интригою. Филарету выпалъ непріятный жребій играть дѣйствующую роль въ драмѣ, окончившейся, какъ мы замѣтили раньше, смертію Леониды и безславнымъ удаленіемъ Теофилакта изъ Петербурга. Мало того, онъ былъ даже невольнымъ орудіемъ такого печальнаго конца этой драмы. Мы говорили выше о томъ, какіе затаенные планы питалъ въ душѣ своей Теофилактъ и какъ подготавлилъ онъ осуществленіе этихъ плановъ, какъ, потому, „изъ-подъ тиха“, но косо смотрѣлъ на возвышавшагося мало-по-малу Филарета, котораго онъ считалъ нацереникомъ м. Амвросія, и т. д. Между прочимъ, чтобы подготовить и умы лицъ, стоявшихъ во власти, и общественное мнѣніе къ признанію нетерпимости дальнѣйшаго служенія м. Амвросія, онъ не пренебрегалъ и средствами, весьма неблаговидными. Такъ, не говоря уже о томъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался унижить м. Амвросія безпощадною критикою его мнѣній, даже официально высказываемыхъ, онъ не устыдился и на церковной каеодрѣ касаться репутаціи почтеннаго старца. „Разъ ввелъ онъ въ свою проповѣдь,—повѣствуетъ по воспоминанію самъ Филаретъ, изображеніе чловѣка престарѣлаго, обремененнаго службою, изъ-за котораго управляетъ дѣлами молодой чловѣкъ: это намекалъ онъ на митрополита Амвросія и на меня. Слухи объ этомъ ходили повсюду, такъ что я рѣшился донести объ этомъ митрополиту и указалъ ему способъ къ прекращенію такихъ проповѣдей на будущее время, именно напомнилъ ему 20-е правило VI вселенскаго собора, которымъ воспрещается проповѣдывать въ чужой епархіи. Тотъ предложилъ это указаніе самому Теофилакту въ Св. Синодѣ, и Теофилактъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ проповѣдывать" ²⁾. Другой случай. „Въ академіи Теофилактъ замышлялъ господствовать,—говоритъ тамъ-же Филаретъ,—черезъ проектъ. Первая часть его о внутреннемъ управленіи была уже написана; во второй, составленной подъ вліяніемъ Теофилакта, было сказано, что вышнее академическое правленіе состоитъ изъ членовъ внутрення-

1) Воспомин. Филарета въ „Прав. Обзор.“ 1868 г. т. 26, стр. 517.

2) „Правосл. Обзор.“ за 1868 г. т. 26, стр. 516.

го и изъ членовъ конференціи. Митрополиту не дали никакого вліянія на вышнее академическое правленіе, тогда какъ подчинили ему семинарскія правленія, которыя должны были входить съ представленіями къ своимъ архіереямъ, въ томъ числѣ и С.-Петербургское—къ митрополиту, а эти представленія съ резолюціями митрополита пересматривались и могли быть отвергаемы въ академическомъ правленіи. Леониду, моему товарищу, который занимался эстетикой, состоялъ подъ руководствомъ Теофилакта и былъ къ нему близокъ, я говорилъ объ этой несообразности, и старался показать нелѣпость такого порядка. Но онъ увѣрялъ, что это сдѣлано только на время: „вотъ будетъ Теофилактъ митрополитомъ, все переимѣнится“. Однакоже я настоялъ, чтобы вышнее академическое правленіе было поставлено въ должныя отношенія къ епархіальному преосвященному¹⁾. Ясно, что всѣми такими и подобными дѣйствіями Теофилактъ хотѣлъ и старался „раздражить“ м. Амвросія „и довести до того, чтобы онъ хотя слово сказалъ о желаніи удалиться на покой. Но онъ стоялъ непреклонно, и оказалъ услугу Церкви тѣмъ, что не сдвинулся съ своего мѣста, потому что Церкви угрожало очень вредное направленіе, если бы водворился на митрополию Теофилактъ. Не самъ я поставилъ себя, говорилъ Амвросій, не могу самъ себя и снять съ своего поста“. Однако „крѣпко онъ задумывался самъ съ собою“²⁾, видя все еще продолжавшіяся интриги Теофилакта не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи, и не имѣя силъ и средствъ къ окончательному разрушенію плановъ и сокрушенію несправедливыхъ притязаній своего врага, бывшаго въ то время еще въ полномъ разцвѣтѣ силъ мужества, считавшагося передовымъ человекомъ въ противоположность ему, отсталому старцу, и въ добавокъ имѣвшаго большія связи при дворѣ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Къ окончательному разрушенію плановъ и сокрушенію притязаній и силы Теофилакта послужила печальная во многихъ отношеніяхъ

1) Стр. 511—512. Хотя при этомъ или въ воспоминаніи самого Филарета, или въ рѣчи передатчика его „Воспоминаній“ перепутываются, очевидно, нѣкоторыя хронологическія данныя, однако сущность факта остается непоколебимо вѣрною.

2) Тамъ-же, стр. 518.

исторія „Эстетическихъ разсужденій Ансильона“,—и опять благодаря Филарету. Начало этой исторіи восходитъ къ 1811 г., а печальный конецъ — къ концу 1813 года. Подробности ея можно читать у Сушкова ¹⁾, въ „Воспоминаніяхъ Филарета“ ²⁾ и др. Мы ограничимся здѣсь, конечно, лишь самыми существенными чертами этихъ подробностей. Еще въ 1811 году Теофилактъ, чрезъ посредство Леопида, рѣшилъ воспользоваться услугами студентовъ духовной академіи для перевода „Эстетическихъ разсужденій Ансильона“, при участіи и Леопида въ переводѣ. Переводъ окончень былъ къ началу времени ректорства Филарета и помѣченъ въ рукописи цензурнымъ дозволеніемъ отъ 30 апрѣля 1812 года. Теофилакту хотѣлось непременно, чтобы при выпускѣ книги изъ типографіи на заглавномъ листѣ ея красовалось имя студентовъ академіи, переводившихъ сочиненіе Ансильона, подъ его руководствомъ. Этимъ онъ желалъ связать свое имя съ именемъ академіи, въ которой былъ профессоромъ. А новому ректору не хотѣлось, „чтобы въ заглавіи книги стояло имя студентовъ. Это была-бы первая книга, первый плодъ академіи, преобразованной,—основательно думалъ онъ,—и заключала бы въ себѣ такъ много несогласнаго съ направленіемъ, приличнымъ духовной академіи“. На это указывали ректору „многіе даже свѣтскіе люди“. „Я, говоритъ онъ самъ, — объяснялъ это митрополиту: тотъ говорилъ Теофилакту. Теофилактъ не соглашался оставить дѣло, не соглашался и выпустить книгу въ свѣтъ безъ имени студентовъ академіи“ ³⁾. Такимъ образомъ дѣло изданія книги затнулось до 1813 года, когда она, по настоянію Теофилакта, и выпущена была таки въ свѣтъ подъ такимъ заглавіемъ: „Эстетическія разсужденія г. Ансильона, члена королевской академіи наукъ въ Пруссіи. Переведены съ французскаго языка гг. студентами С.-Петербургской духовной академіи, въ пользу любителей прекраснаго и высокаго, подъ руководствомъ синодальнаго члена, преосвященнаго Теофилакта, архіепископа Рязанскаго. Спб. 1813“. Тогда Филаретъ, „по письменному

1) Стр. 91—94.

2) „Прав. Обзор.“ за 1868 г. т. 26, стр. 514—515, 530—540

3) „Прав. Обзор.“ цит. статья тома 26-го, стр. 514—515.

предложенію его высокопреосвященства“, м. Амвросія, написалъ по осени 1813 года „примѣчанія“ на эту книгу, въ которыхъ выставялъ на видъ недостатки ея, чтобы показать, „что академія не безъ разбора пріемлетъ мудрованія сего писателя“. Въ октябрѣ эти „примѣчанія“ были напечатаны, „приняты комиссіей духовныхъ училищъ, и книга, согласно съ мнѣніемъ писателя ихъ, для академіи запрещена“¹⁾. Теофилактъ, конечно, оскорбился этимъ и написалъ „возраженія“ на „примѣчанія“ Филарета, при чемъ „унизился до личныхъ оскорбленій“. Но „г. министръ просвѣщенія“²⁾ запретилъ печатаніе возраженій на оныя примѣчанія“. Этого мало. Въ самомъ началѣ декабря того-же 1813 года „издатель Ансильона, преосвященнѣйшій Теофилактъ, архіепископъ Рязанскій, получилъ Высочайшее повелѣніе отправиться въ свою епархію, гдѣ его присутствіе Высочайше усмотрѣно нужнымъ“. А между тѣмъ 23 ноября того-же года „представился и профессоръ о. архимандритъ Леонидъ“³⁾. Такъ кончилась эта печальная исторія „Эстетическихъ разсужденій Ансильона“, а съ нею вмѣстѣ и многолѣтняя интрига, вождемъ которой былъ Теофилактъ и въ которую невольно вовлеченъ былъ, совершенно незнакомый доселѣ съ петербургскою политикою, Филаретъ. Кончилась она, какъ и должно было ожидать, торжествомъ добродѣтели. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она оставила по себѣ неизгладимые слѣды на характерѣ Филарета вообще и въ частности на характерѣ его проповѣднической дѣятельности. Она не только познакомила его съ тономъ и направленіемъ петербургской политики,—это было-бы еще не важное пріобрѣтеніе,—но и научила крайней осторожности и отчетливости въ словахъ и дѣйствіяхъ, въ служебныхъ и какихъ-бы то ни было отношеніяхъ, настойчиво учила его житейской мудрости, столь необходимой ему въ его положеніи вообще и въ его проповѣднической дѣятельности въ частности, и т. д. Въ отношеніи къ проповѣднической дѣятельности собственно она учила его принимать во внима-

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 180—181.

2) Министромъ просвѣщенія въ то время былъ графъ А. К. Разумовскій.

3) Письма Ф. къ роднымъ, стр. 181—182. Срав. Сушкова, стр. 94; „Прав. Обзор.“ за 1863 г. т. 26, стр. 515; Иконникова, Графъ Мордвиновъ, стр. 405—406. Сиб. 1873; Уистовича, цит. соч. стр. 251 и друг.

ніе не однѣ только теоретическія (догматическія и нравственныя) истины,—правда вѣчно живыя и жизненныя,—но и современные потребности общества, современные событія и пр. Эту новую черту проповѣди Филарета мы видимъ уже отчасти въ словѣ, говоренномъ по освященіи въ Казанскомъ соборѣ придѣльнаго храма 17 сентября 1811 года. Еще болѣе замѣчается она въ словахъ Филарета по случаю кончины графа А. С. Строганова и графа Завадовскаго, произнесенныхъ въ 1811—1812 годахъ. Произнесенное въ Великій Пятокъ 1813 года слово Филарета служить доселѣ блестящимъ образцомъ краснорѣчія и съ 1815 года помѣщается въ качествѣ такого образца во всѣхъ почти христоматіяхъ русскаго языка и учебникахъ словесности, отвѣчая такимъ образомъ самымъ свѣжимъ, если можно такъ выразиться, по новостямъ требованіямъ литературнымъ, вызваннымъ къ жизни гениемъ Карамзина и его сподвижниковъ на полѣ русскаго слова. А другое, въ томъ же 1813 году сказанное (іюня 13) слово, предъ погребеніемъ тѣла князя М. И. Кутузова—Смоленскаго, можетъ служить наилучшимъ образцомъ историческаго похвальнаго слова въ религіозно-церковномъ духѣ (какъ-то и приличествуетъ проповѣди). Но при всемъ томъ выше охарактеризованная интрига своею тлетворностію отнюдь не коснулась нравственнаго тайника души Филарета. Душа его осталась неприкосновенно чистою. И когда, въ годъ окончанія этой интриги, именно 29 іюня 1813 года, Филаретъ удостоенъ былъ и тогда и теперь рѣдкостной для архимандрита награды—ордена св. Владиміра 2-й степени большаго креста (со звѣздою) при Высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ значилось, что онъ сопричисляется къ этому ордену за „неуслынные труды по званію ректора и профессора богословскихъ наукъ въ Свѣтпетербургской духовной академіи, дѣятельность въ образованіи достойныхъ служителей олтаря Господня 1),

1) Въ этомъ пунктѣ рескрипта разумѣется усильное выполненіе Филаретомъ дапаго ему еще въ началѣ 1812 года комиссію духовныхъ училищъ порученія—„образовать для окончившихъ курсъ учениковъ С.-Петербургской семинаріи классъ чтенія Св. Писанія и св. Отцевъ и руководства къ прохожденію священнослужительскихъ должностей“, какъ значится въ послужномъ спискѣ Филарета.

назидательныя и красноречивыя поученія о истиннахъ вѣры, коего одушевляется слово и житіе“ его: ¹⁾ то эти слова рескрипта не были одними лишь громкими фразами, а выраженіемъ полной и всесторонней правды. Рескриптъ писали или редактировали люди, близко знавшіе Филарета ²⁾. Сами недоброжелатели, завистники и враги его никогда не осмѣливались упрекнуть его ни въ чемъ такомъ, что служило бы къ омраченію чистоты души его ³⁾, равно какъ и въ нечестномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей и возлагаемыхъ на него порученій.

И. Корсунскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 176—177; срав. послужной списокъ его.

²⁾ Обстоятельства награжденія Филарета орденомъ св. Владиміра 2 степени см. въ письмахъ его къ роднымъ, стр. 176—177.

³⁾ Поэтому не безъ скорби мы встрѣтили мимоходомъ вѣсказанную замѣтку одного молодаго писателя о томъ, что Филаретъ будто бы, между прочимъ, „во многомъ уступалъ Иннокентію (Смирнову) въ нравственныхъ качествахъ“ (Христ., Чт. за 1884 № 3—4, стр. 420). Постигъ ли писатель тайникъ души Филарета чтобы говорить такъ о его нравственныхъ качествахъ?

УЧЕНИЕ ФИХТЕ МЛАДШАГО

О ВОСКРЕСЕНИИ И ЯВЛЕНИЯХЪ ХРИСТА. *)

Какъ реакція крайнему развитію пантеизма и деизма, въ Германіи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія возникло новое направленіе философской мысли, извѣстное подъ именемъ спекулятивнаго теизма. Однимъ изъ лучшихъ представителей этого направленія является Фихте младшій. Богъ представляется у Фихте не мертвою абстракціею человѣческой мысли, сущностію природы, неотдѣлимую отъ самой природы и развивающеюся вмѣстѣ съ нею, каковъ Богъ пантеизма,—но существомъ личнымъ и живымъ, премірнымъ и творцемъ міра. Съ другой стороны, Онъ не есть существо замкнутое въ себѣ и не имѣющее никакихъ отношеній къ міру послѣ его сотворенія, каковъ Богъ деизма,—но промышляетъ о мірѣ, открываетъ себя человѣку, и культурное развитіе человѣчества является дѣломъ Его промысла. Для обоснованія своихъ теистическихъ воззрѣній Фихте не ограничивается одной чисто спекулятивной сферой, но пользуется для этого и своими психологическими сочиненіями. Благодаря этому, идея личнаго Бога, какъ любящаго существа и высшаго добра (вопреки пантеизму и деизму), личное безсмертіе человѣческаго духа, невозможное съ точки зрѣнія пантеизма, и божественное откро-

*) Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на настоящую статью, заслуживающую полнаго вниманія во многихъ отношеніяхъ. Она, между прочимъ, ясно показываетъ, къ какимъ шагамъ, несостоятельнымъ и даже нейтральнымъ предположеніямъ вынуждается прибѣгать человѣкъ, отказавшійся отъ покорности Церкви, отъ вѣры церковной, но не желающій еще отказаться вполне отъ возвышенныхъ истинъ христіанской религіи.

веніе или непосредственное дѣйствіе божественнаго духа на духъ человѣческій, такъ упорно отрицаемое со стороны деизма,—не только получаютъ у Фихте спекулятивное обоснованіе, но и являются истинами, основывающимися на психологическихъ фактахъ. Мы не будемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе теистическихъ основоположеній Фихте. Для нашей цѣли достаточно указать только на двѣ группы его психологическихъ воззрѣній, направленныхъ къ обоснованію личнаго безсмертія и возможности божественныхъ воздѣйствій на духъ человѣка.

1. Въ качествѣ аргумента въ пользу безсмертія души Фихте развиваетъ ученіе о томъ, что душа изъ матеріальныхъ элементовъ сама формируетъ себѣ тѣло при посредствѣ „внутренняго тѣла“ *). Матеріальныя частицы, составляющія тѣло, разсуждаетъ Фихте, постоянно измѣняются, между тѣмъ общій типъ его, общая конструкція сохраняется во все продолженіе этой смѣны частицъ. Поэтому формирующій принципъ тѣла не можетъ заключаться въ матеріальныхъ частицахъ; не можетъ онъ также заключаться и въ комбинаціи этихъ частицъ, такъ какъ никакая комбинація частицъ не даетъ ничего новаго,—того, что не заключалось въ частяхъ. Принимая при этомъ во вниманіе цѣлесообразность устройства организма, необходимо предположить, что онъ есть видимое выраженіе души и продуктъ ея формирующей дѣятельности (Anthropologie, стр. 268—279). Во всей природѣ наблюдается общій законъ ассимилированія, усвоенія низшаго высшимъ, сильнѣйшимъ, причемъ низшее возвышается надъ своею непосредственностью и становится частью высшаго. Духъ, подчиняясь общему закону природы и обладая высшею способностью ассимилировать низшее, формируетъ себѣ тѣло изъ элементовъ матеріальнаго міра, причемъ послѣдніе, по возможности, одухотворяются (Anthropol. § 114). Для объясненія того, какимъ образомъ душа, существо чисто духовное, можетъ усвоить чуждую и неоднородную себѣ матерію и формировать изъ нея тѣло, Фихте

*) Если душа сама создаетъ тѣло изъ матеріальныхъ элементовъ, то ясно, что смерть или разложеніе тѣла на составные элементы не приносятъ ничего разрушительнаго для самой души. Въ смерти душа только покидаетъ сформированное ею тѣло, чтобы существовать при другихъ условіяхъ.

признаетъ посредствующее начало между душею и міромъ матеріи, которое называетъ „внутреннимъ тѣломъ“. Но это понятіе внутренняго тѣла у него слишкомъ темно и неопредѣленно. То разумѣть опъ подъ внутреннимъ тѣломъ нѣчто общее, остающееся въ организмѣ при постоянной смѣнѣ матеріальныхъ частицъ, выражающее и поддерживающее его типическую особенность (Psychologie, стр. 64), то называетъ внутреннимъ тѣломъ гармоническую совокупность функцій вѣшняго тѣла (Psychol. § 64), то, наконецъ, разумѣть подъ внутреннимъ тѣломъ реальную сторону души, ея количественную и экстенсивную форму (пространство и время), создаваемую ею самою при посредствѣ фантазіи (Psychol. § 14—15; Anthropol. § 119). По крайней мѣрѣ, это внутреннее тѣло не имѣетъ никакой тѣлесности въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Оно представляетъ собою не какое-нибудь особое и самостоятельное существо, а только другую сторону одного и того же существа—души. Отсюда само собою понятно, что внутреннее тѣло остается принадлежностью души и послѣ разлученія послѣдней съ вѣшнымъ, тѣльнымъ тѣломъ.

2. Признавая откровенную религію, нравственное и эстетическое воодушевленіе (вдохновеніе) и пророческія видѣнія и предвѣдѣнія дѣломъ непосредственнаго воздѣйствія Бога на духъ человѣка, Фихте обосновываетъ возможность этого воздѣйствія на возможности непосредственныхъ сношеній и взаимодействій между душами вообще. Какъ самостоятельное существо и реальная субстанція, душа, подобно всякому реальному, можетъ дѣйствовать непосредственно на соотвѣтствующую себѣ реальность (Anthropol. стр. 350). Между существами міра мы видимъ двѣ формы взаимодействія: непосредственное дѣйствіе матеріальнаго на матеріальное и дѣйствіе матеріальнаго на психическое при посредствѣ тѣла и его органовъ. Отсюда уже послѣдовательность заставляетъ предположить третью форму взаимодействія—непосредственное дѣйствіе духа на духъ. Вся система чувственныхъ органовъ и нервовъ служить, по Фихте, только возбудителемъ сознанія; почему же, разсуждаетъ опъ, не предположить, что существуютъ и другіе возбудители его, тѣмъ болѣе, что весь тѣлесный ап-

парать состоятъ изъ чуждой душѣ матеріи и связать съ нею лишь во временной жизни? Независимо отъ тѣлеснаго аппарата, служащаго возбуждающимъ средствомъ для сознательной области, душа дѣйствуетъ вполне самостоятельно въ своей бессознательной области, къ каковой и относится, по Фихте, всѣ непосредственныя сношенія и взаимодействія между душами. Содержаніе, приобретаемое душою помимо чувственныхъ факторовъ, путемъ непосредственныхъ перцепцій, ясно проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда ослабляется связь между душою и тѣломъ,—таковы, вообще, экстаатическія состоянія. Есть факты, что нѣкоторые идіоты, не обнаруживающіе въ обычномъ состояніи ни памяти, ни рефлексивной способности, когда были подвергнуты магнетическому дѣйствию и впадали въ состояніе сомнамбулизма, вдругъ обнаруживали такое быстрое соображеніе и такое количество знаній, что могли не только воспроизводить все прошедшее своей жизни, но и заглядывать въ область будущаго. Извѣстно также, что простые люди изъ низшихъ сословій и неполучившіе образованія дѣвицы и женщины, не обнаруживая въ обычномъ состояніи даже способности свободного слова, въ состояніи ясновидѣнія высказываютъ глубокія нравственныя и религіозныя сужденія и проявляютъ оригинальный, часто даже поэтический полетъ рѣчи. Подобные факты, по мнѣнію Фихте, именно приводятъ къ тому заключенію, что душа можетъ развиваться самостоятельно и изолированно отъ того, что посредствуется и приобретается чувственными органами, — что въ душѣ существуютъ перцепціи, независимыя отъ чувственныхъ органовъ и особенно проявляющіяся по мѣрѣ ослабленія связи между душою и тѣломъ. Вслѣдствіе ослабленія этой связи душа становится способною перципировать и дѣйствовать сквозь свое тѣло, подобно тому, какъ электрическія и магнетическія силы могутъ свободно проходить сквозь лежація между ними нидифферентныя вещества. При нервныхъ болѣзняхъ, напр. такое состояніе обнаруживается въ чувствѣ дуализма, заступающемъ мѣсто единства, и въ появленіи такъ называемаго двойничества, когда человѣкъ не только чувствуетъ себя виѣ своего тѣла, но и видитъ его виѣ себя въ двойной формѣ. Въ

подобныхъ состояніяхъ, прибавляетъ Фихте, душа не ограничивается предѣлами пространства и времени и получаетъ способность не только воспринимать отдаленное, но и дѣйствительно перемѣщаться и реально дѣйствовать на отдаленное. Фактическое подтвержденіе такого мѣстнаго перемѣщенія души онъ указываетъ въ томъ, что нѣкоторымъ дѣйствительно являлись души другихъ лицъ, и они не только видѣли около себя этихъ другихъ, но и чувствовали ихъ присутствіе. Таковъ напр. приводимый имъ фактъ пространственнаго перемѣщенія одной женщины въ больничную камеру своей племянницы (Anthropol. § 180). Органомъ непосредственныхъ взаимоотношеній и взаимодействій между душами Фихте признаетъ фантазію. Фантазія-же признается у него и органомъ для воспріятія божественныхъ воздѣйствій на духъ человѣка.

Такъ развиваетъ Фихте свою теорію непосредственнаго дѣйствія духа на духъ вообще и божественнаго духа на духъ человѣка въ частности. Съ точки зрѣнія этой теоріи объясняется у него множество психическихъ явленій, начиная съ простой симпатіи и антипатіи, сочувствій, предчувствій и видѣній пространственно перемѣщающихся душъ, и кончая религіозно-нравственнымъ вдохновеніемъ и пророческими видѣніями и предвидѣніями *). Эта-же теорія, въ связи съ признаніемъ загробнаго продолженія личной жизни духа во „внутреннемъ тѣлѣ“ находитъ у него примѣненіе и въ ученіи о воскресеніи и явленіяхъ Христа, къ разсмотрѣнію каковаго ученія мы теперь и обратимся.

Ученіе Фихте младшаго о воскресеніи и явленіяхъ Христа изложено въ его „Vermischte Schriften zur Philosophie, Theologie und Ethik“ 2-ter B. 1869 (стр. 123: „Die Auferstehungsgeschichte und Christophanten“). Мы бы ошиблись, если бы предположили, что Фихте, какъ текстъ, въ этомъ ученіи стоитъ на почвѣ церковнаго пониманія событій воскресенія и явленій Христа. Его направленіе въ объясненіе указанныхъ событій является лишь среднимъ и примирительнымъ между раціоналистиче-

*) Подробнѣе обо всемъ этомъ см. въ ст. О. Гусева: „Текстич. тенденція въ психол. Фихте младшаго и Ульрици“ (Тр. К. Д. Акад. 1874 г. т. 1).

скимъ отрицаніемъ этихъ событій и церковнымъ вѣрованіемъ въ нихъ. Фихте не становится исключительно ни на сторону того, ни на сторону другаго: съ одной стороны находитъ невозможнымъ безусловное отрицаніе этихъ событій, такъ какъ при ихъ отрицаніи не можетъ быть удовлетворительно объяснено возникновеніе вѣры апостоловъ и появленіе христіанства, съ другой стороны, не желаетъ признать эти событія чудесными и исключительными, такъ какъ, именно, ихъ чудесность и исключительность приводитъ критику къ отрицанію ихъ достовѣрности (стр. 124, 125 и 178). Въ то же время онъ и не отрѣшается всецѣло ни отъ той, ни отъ другой изъ противоположныхъ сторонъ и старается съ одной стороны удовлетворить „основательнымъ требованіямъ естественнаго объясненія“, а съ другой—оставить неприкосновенными достовѣрность событій и даже „промыслительное“ значеніе ихъ безъ признанія за ними сверхъестественнаго и исключительнаго характера (стр. 128). Но требованія естественнаго объясненія въ данномъ случаѣ не могутъ быть удовлетворены безъ кореннаго ущерба для „церковнаго вѣрованія“: воскресеніе Христа, понимаемое въ смыслѣ естественнаго только событія, теряетъ все свое значеніе съ точки зрѣнія въ собственномъ смыслѣ богословской, и признаніе такого воскресенія равносильно отрицанію его. Поэтому, при своемъ примирительномъ направленіи въ объясненіи указанныхъ событій, Фихте не могъ стоять на почвѣ богословской и перенесъ вопросъ на почву историческую. Чтобы сложить съ себя всякую отвѣтственность за богословскую сторону дѣла, „быть совершенно вдали отъ богословскихъ споровъ“, онъ заявляетъ, что воскресеніе Христа есть не болѣе какъ „побочное историческое обстоятельство, отъ котораго убѣжденіе въ истинности христіанства совершенно независимо“, и что онъ, поэтому, приступаетъ къ рѣшенію „не богословской, но исторической проблемы“ (стр. 123). Постановка же вопроса на почву историческую приводитъ Фихте къ психологическому методу изслѣдованія. Для рѣшенія спорныхъ и темныхъ историческихъ вопросовъ необходимъ, по его мнѣнію, психологическій масштабъ: можетъ быть признано исторически достовѣрнымъ только то, что представляется возмож-

нымъ психологически. Поэтому данный вопросъ сводится у него къ „изслѣдованію психическихъ условій, при которыхъ могли возникнуть такія событія, что съ одной стороны обозначаются какъ чудо, а съ другой—поэтому самому отвергаются, какъ не историческія (стр. 127 и 128); онъ ставитъ своею задачею „подвести спорное событіе подъ всеобщія аналогіи и обсудить его по общимъ психическимъ законамъ“ (стр. 128). Такимъ образомъ, ученіе Фихте о воскресеніи и явленіяхъ Христа есть попытка психологическаго объясненія этихъ событій, принимаемыхъ лишь со стороны теоретическаго ихъ значенія, въ духѣ примиренія рационалистическаго пониманія ихъ съ церковнымъ вѣрованіемъ. Постараемся изложить сущность этого ученія и разсмотрѣть, насколько оно состоятельно и вѣрно.

Фихте выходитъ изъ того несомнѣннаго факта, что воскресеніе Христа было предметомъ вѣры апостоловъ. Неоспоримо, разсуждаетъ онъ, что только сильное психическое потрясеніе могло вывести апостоловъ изъ состоянія глубокаго оцѣпенѣнія, объявшаго ихъ вслѣдствіе смерти Іисуса, и сдѣлать ихъ твердыми, презирающими смерть, проповѣдниками Его ученія. Причиной такого психическаго потрясенія и переворота, какъ извѣстно, было для апостоловъ явленіе воскресшаго Учителя. Событіе это было для нихъ несомнѣнною истиною, вдругъ возникшею въ нихъ съ такою силою, предъ которою всякое другое чувство, всякая преснняя нерѣшимость уходили совершенно на задній планъ. Признавать его за простой обманъ, утверждать, что апостолы обманывали, или были обмануты,—значитъ не дать никакого объясненія вѣрѣ апостоловъ. Такую вѣру, какую мы видимъ у апостоловъ послѣ воскресенія Христа, могъ возбудить только неодолимо убѣдительный фактъ,—признаемъ ли мы его результатомъ только воображенія апостоловъ (галлюцинаціею), или укажемъ для него объективную причину, лежащую внѣ сознанія апостоловъ. Такимъ образомъ, фактъ вѣры апостоловъ предполагаетъ фактъ явленій воскресшаго Христа, какъ свою причину. Историко-психологическая критика должна теперь опредѣлить психическій характеръ этого послѣдняго (т. е. факта явленій Воскресшаго), а для этого она должна обратиться къ евангельскимъ сказаніямъ о воскре-

сеніи, такъ какъ здѣсь „могущественная причина находится въ пропорціональномъ отношеніи къ своимъ важнымъ слѣдствіямъ“ (стр. 128, 129, 131).

Въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о воскресеніи и явленіяхъ Христа Фихте находитъ двѣ противоположныя группы. Одну составляютъ рассказы о нахожденіи гроба пустымъ, объ осязаемости тѣла, о находящихся на немъ и видимыхъ язвахъ, о томъ, что Воскреспій принималъ пищу и т. п. Другую группу составляютъ повѣствованія о внезапномъ появленіи Христа среди учениковъ „дверемъ заключеннымъ“ и о такомъ же внезапномъ исчезновеніи Его изъ ихъ глазъ,—указывающія на духовный, призрачный характеръ явленій Христа; сюда принадлежитъ и свидѣтельство ап. Павла о бывшемъ ему видѣніи. Принять обѣ эти группы, по мнѣнію Фихте, невозможно, потому что принятіе одной исключаетъ другую. Невозможно, поясняетъ онъ, чтобы тѣло Являвшагося могло соединять взаимно исключающіе себя признаки: осязаемость и, слѣдовательно, тѣлесную плотность, и въ то же время, возможность безпрепятственно проникать чрезъ плотныя тѣла, являться „дверемъ заключеннымъ“ (стр. 134). Эта внутренняя непримиримость евангельскихъ рассказовъ о воскресеніи и явленіяхъ Христа приводитъ Фихте къ признанію нѣкоторыхъ изъ нихъ первоначальными и первоисточными, а другихъ—позднѣ измышленными прибавками. Первоисточными и исторически достоверными Фихте призываетъ только повѣствованія второй группы, такъ какъ евангелисты и не могли и не имѣли побужденій вымыслить ихъ. Вымыселъ подобныхъ повѣствованій возможенъ только при такомъ психологическомъ инстинктѣ, какой мы находимъ у талантливыхъ поэтовъ, и какого нельзя предположить у простыхъ составителей новозавѣтныхъ писаній. Съ другой стороны, въ такомъ вымыслѣ не было надобности „ни для того, чтобы дать покровъ объективно не бывшему, ни для того, чтобы искусно и намѣренно дать вѣроятность событію, происходившему совершенно иначе“ (стр. 137). Между тѣмъ, привнесеніе противоположныхъ чертъ повѣствованія: объ обрѣтеніи гроба пустымъ, о прикосновеніи къ язвамъ Воскресшаго, о принятіи Имъ пищи—можетъ быть,

по мнѣнію Фихте, съ удобствомъ объяснено изъ желанія сдѣлать событіе воскресенія болѣе достовѣрнымъ и уничтожить всякое подозрѣніе въ самообманѣ апостоловъ или въ поспѣшности ихъ вѣры. Если, „по тогдашнему народному вѣрованію, всякое явленіе духа признавалось за дѣйствительное воскресеніе, за выходъ изъ гроба“ (основаніемъ служить Матѣ. 27, 52—53), то и явленія Христа, чтобы заслужить вѣру, должны были объясняться не иначе, какъ тѣлеснымъ воскресеніемъ, и потому къ несомнѣнному убѣжденію въ ихъ тѣлесности должны были направляться доказательства (стр. 139 и 140). Даже нѣтъ никакой нужды думать здѣсь о намѣренномъ обманѣ, о намѣренныхъ присочиненіяхъ со стороны апостоловъ и первыхъ проповѣдниковъ христіанства: неисторическія подробности могли, по мнѣнію Фихте, привзойти въ исторію воскресенія сами собою, совершенно естественнымъ путемъ. „Твердо признается, говоритъ Фихте, что евангельскіе рассказы не суть свидѣтельства очевидцевъ, но произошли изъ болѣе или менѣе посредствующаго преданія (споръ о подлинности четвертаго евангелія, замѣчаетъ онъ, оставимъ въ сторонѣ). Но преданіе, по своей собственной природѣ, воспроизводя свободно и живо передаваемое, никогда не ограничивается общими или неопредѣленными чертами. Оно рисуется живую картину съ побочными чертами, которыя придаютъ очевидность, по которыя, поэтому самому, суть черты неисторическія. Это дѣлаетъ оно непроизвольно, охваченное желаніемъ возбудить интересъ къ событію, думая, что иначе оно и не могло случиться, какъ, именно, такъ“ (стр. 140). А что въ настоящемъ случаѣ неисторическія черты касаются, именно, тѣлесной стороны событія, по мнѣнію Фихте, можно видѣть изъ того, что „самыя раннія и потому заслуживающія довѣрія свидѣтельства о воскресеніи“, каковыми признаются у него свидѣтельства ап. Павла и составителя апокалипсиса,—даютъ, именно, мысль „о духовномъ появленіи Христа, о *христобаніи*, и даже прямо выставляютъ такой характеръ воскресенія, ибо дѣлаютъ это краеугольнымъ камнемъ нашей вѣры въ будущую жизнь“ (стр. 141). Признаніе исторической достовѣрности только за второю группою евангельскихъ повѣствованій о воскресеніи приводитъ Фихте

къ признанію этого событія только духовнымъ явленіемъ. „Эти евангельскія указанія, говоритъ онъ, взятые вмѣстѣ, утверждаютъ, что то, что евангелія называютъ воскресеніемъ Христа изъ гроба, было живучимъ и убѣдительнымъ видѣніемъ Его личнаго появленія и присутствованія между апостолами, коротко—„духовнымъ явленіемъ“, „опредѣленнымъ родомъ бодрственнаго сна“ (стр. 138). Поэтому, вопросъ о томъ, было-ли это явленіе лишь субъективнымъ для апостоловъ, или оно имѣло соотвѣтствующую объективную причину, сводится теперь къ болѣе общему вопросу: всѣ ли „бодрственные сновидѣнія“ субъективнаго происхожденія, или въ извѣстныхъ случаяхъ должно признать объективную причину, также дѣйствіе на сознаніе видящаго, которое по извѣстнымъ законамъ дѣятельности фантазіи должно представиться въ визионерно-видимой, аналогичной сновидѣніямъ, чувственной картинѣ? (стр. 138).

Духовный прогрессъ, культурное развитіе человѣчества, разсуждаетъ Фихте, не можетъ быть управляемо только человѣческой силой; признаніе противнаго должно быть названо самымъ поверхностнымъ заблужденіемъ. Весьма очевидно, что это есть дѣло Провидѣнія, управляющаго міромъ. Провиденціальную дѣятельность въ этомъ случаѣ можно представлять только, какъ возбужденіе индивидуальнаго духа, какъ вдохновеніе и просвѣщеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ и многостороннемъ дѣйствіи. „А таковыя глубокія возбужденія, по психологическому закону, который основывается на центральномъ положеніи фантазіи по отношенію къ прочимъ душевнымъ силамъ, совершенно легко и, при извѣстной индивидуальной склонности, даже неизбѣжно принимаютъ форму видѣнія, которое чувственно представляетъ содержаніе такихъ возбужденій“. Доказательствомъ этого можетъ служить вся исторія религій, особенно тѣхъ, которыя мы называемъ духовными. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ фантазія является не изобрѣтательницею чисто субъективныхъ образовъ, но внутреннимъ органомъ, воспринимающимъ и реализующимъ дѣйствительно-объективныя духовныя возбужденія (стр. 146 и 147). Съ другой стороны, великія бѣдствія, доводяція до отчаянія, до глубины потрясаютъ душу и вызываютъ извнутри ея нео-

жиданныя силы: они возбуждаютъ существующій у каждаго „внутренній органъ“, „открываютъ глаза“, по выраженію одной священной книги, и черезъ этотъ внутренній органъ человѣкъ переносится въ міръ блаженнаго покоя, радостныхъ образовъ, утѣшительныхъ впечатлѣній. „При всѣхъ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, какія знаетъ исторія, выступаетъ эк-статическій элементъ, какъ очень объяснимое при нихъ явленіе. Когда преслѣдуемымъ угрожаетъ только борьба и погибель, когда недоступна для нихъ никакая внѣшняя помощь, тогда у нихъ является утѣшеніе свыше, ихъ глазамъ открывается внутренній міръ. Признавать это лишь субъективнымъ фактомъ и отрицать здѣсь присутствіе и дѣятельность сверхъ-естественной силы было бы совершенно непсихологично и неосновательно“ (стр. 147 и 148). Сказанное даетъ Фихте важныя послыжки для обсужденія событія воскресенія. Изъ всѣхъ промыслительныхъ дѣйствій, какія знаетъ исторія, не находитсѣ ни одного историческаго факта, который бы по внутренней, преобразовывающей силѣ могъ сравниться съ проповѣдью ученія, основывающагося на вѣрѣ въ воскресеніе Христа (стр. 145, 178); слѣдовательно, въ видѣніяхъ являющагося Христа должно предполагать вышеуказанную объективную причину. А состояніе апостоловъ и, вообще, перваго христіанскаго общества послѣ смерти Христа было, именно, таково, что возбуждало ихъ внутренній органъ къ воспріятію сверхъ-естественныхъ воздѣйствій (стр. 149). Такъ уже съ этой общей точки зрѣнія видѣнія воскресшаго Христа предполагаютъ сверхъ-естественное воздѣйствіе на духъ апостоловъ. Для ближайшаго опредѣленія внутренняго существа разсматриваемыхъ событій Фихте обращается къ разсказу о явленіи Христа ап. Павлу.

„Чтобы теперь, говоритъ онъ, возможнымъ образомъ представить себѣ внутреннее существованіе событія, которое церковнымъ преданіемъ обозначается какъ „воскресеніе Христа“, необходимо отыскать подлинный источникъ, который ближе всего стоитъ къ событію. Такимъ источникомъ владѣемъ мы въ разсказѣ о явленіи Христа ап. Павлу. Явленіе это произвело на Павла такое-же могущественное дѣйствіе, какое имѣ-

ло на непосредственныхъ учениковъ Христа воскресеніе. Уже это обстоятельство побуждаетъ считать оба событія совершенно аналогичными; но въ пользу этого еще болѣе говорятъ два прямыхъ основанія“ (стр. 154): 1) Явленія ученикамъ и явленіе Павлу обозначены одними и тѣми-же выраженіями, какъ „явленія“, „внезапныя появленія“,—такими, именно выраженіями, которыя приличны въ томъ только случаѣ, когда рѣчь идетъ о духовномъ и призрачномъ явленіи; этимъ выраженіямъ соотвѣтствуютъ у Луки (24, 31) „исчезновеніе“, „невидимость“, чѣмъ очень характеристично обозначается духовность Христа, отсутствіе въ Немъ тѣлесности по воскресеніи (стр. 156). 2) Самъ Павелъ въ извѣстномъ мѣстѣ (1 Кор. 15, 5—8) бывшее ему откровеніе не только ставитъ въ прямую связь съ другими обнаруженіями воскресенія, но и обозначаетъ то и другія, какъ совершенно однородны,—когда здѣсь и въ другихъ мѣстахъ (1 Кор. 9—1; Гал. 1, 12) изъ бывшаго ему явленія выводить ту-же увѣренность въ апостольскомъ достоинствѣ, тоже право апостольства, какое для другихъ апостоловъ явилось въ воскресеніи. Основывая-же свое призваніе къ апостольству на признаніи однородности указанныхъ явленій, онъ долженъ былъ предполагать, что и у другихъ апостоловъ и, вообще, въ первомъ христіанскомъ обществѣ не могло возникнуть никакого противорѣчія по отношенію къ этой однородности (стр. 154). Тоже подтверждается и другими соображеніями. „Для Павла и апостоловъ и, вообще для перваго христіанскаго общества, особенное достоинство, безконечно высокое и утѣшительное значеніе заключалось въ фактическомъ доказательствѣ нетѣлеснаго оживленія Христа, но продолженія Его духовной жизни. Ибо въ этомъ фактѣ для нихъ содержалось вмѣстѣ съ тѣмъ фактическое доказательство того, что въ будущемъ они сами будутъ причастны воскресенію, не имѣющему ничего общаго съ земной тѣлесностью. А отсюда съ вѣроятностью должно предполагать, что, по собственному пониманію перваго христіанскаго общества, воскресеніе Христа разсматривалось не иначе, какъ духовное появленіе вновь, какъ повторенное явленіе Христа, и что всѣ другія позднѣйшія черты преданія, намекающія на тѣлесное оживленіе, образо-

вались апокрифически и на подобіе саги" (стр. 155). Въ качествѣ важнаго возраженія противъ отождествленія явленія Христа Павлу съ явленіями Его другимъ апостоламъ можетъ выступить, по мнѣнію Фихте, лишь одно обстоятельство, именно: евангельскія повѣствованія согласно дѣлаютъ, что явившійся Христосъ производилъ на апостоловъ впечатлѣніе вполне опредѣленной, но только прославленной личности. Но это, съ точки зрѣнія Фихте, не даетъ основанія понимать оба факта, какъ существенно различные. „Во всей области визионерныхъ состояній, разъясняетъ онъ, рѣшающее значеніе имѣетъ не только внутреннее свойство объекта, сколько визионерная способность субъекта: придающая видъ причина лежитъ здѣсь гораздо болѣе на сторонѣ послѣдняго, чѣмъ перваго" (стр. 176 и 177). Итакъ, обнаруженія воскресенія представляютъ рядъ духовныхъ, визионерныхъ явленій Христа. „Возникаетъ теперь вопросъ: осмѣлимся-ли мы весь рядъ этихъ явленій Христа, столь многочисленный, повторявшійся подъ самыми различными условіями и вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду склонный къ столь энергическимъ выраженіямъ объективности, свести на чисто субъективныя галлюцинаціи возбужденной силы воображенія; или это предположеніе неумѣстно по чисто психологическимъ основаніямъ?" (стр. 156). Явленіе Христа ап. Павлу не могло быть создано только его воображеніемъ подъ вліяніемъ религіозныхъ размышленій и колебаній, угрызений совѣсти или раскаянія и т. п. Основное психическое условіе видѣнія заключается въ чувствѣ, пересиливающимъ все другія чувства; возникновеніе-же видѣнія изъ состоянія колеблющихся соображеній, борющихся чувствъ безусловно противорѣчитъ всемъ психологическимъ законамъ. Но если-бы даже при указанныхъ условіяхъ и могло возникнуть у Павла субъективное видѣніе, то оно всего менѣе могло быть видѣніемъ Христа. По общему психологическому закону субъективныхъ видѣній, они могутъ возникать только изъ пережитыхъ прежде представленій, склонностей, желаній, но не могутъ образовать новаго элемента, лежащаго внѣ круга этого психическаго запаса. Поэтому, гдѣ въ основѣ визионерныхъ состояній лежитъ содержаніе, которое не можетъ быть объяснено изъ существую-

нихъ элементовъ-представленій, но входитъ въ сознаніе субъекта, какъ нѣчто новое, неожиданное, — тамъ необходимо принять объективный поводъ видѣнія. Мы должны признать, что у Павла, ревностнаго фарисея и гонителя христіанъ, скорѣе могло образоваться видѣніе Моисея, или Іліи, или, если признать господствующимъ психическимъ настроеніемъ его угрызенія совѣсти, раскаяніе, — видѣніе побиваемаго камнями Стефана, но никакъ не видѣніе Христа. Для этого послѣдняго сознанію Павла недоставало всѣхъ необходимыхъ элементовъ, такъ какъ онъ никогда не вступалъ въ непосредственное сношеніе съ Господомъ, не получалъ съ Его стороны никакихъ личныхъ впечатлѣній и не могъ имѣть вѣры въ Него. И по собственному признанію Павла, въ его посланіяхъ и дѣяніяхъ апостоловъ, онъ, чрезвычайный ревнитель противъ Христа и нисколько не сомнѣвавшійся въ правильности своего дѣла, обращень ко Христу, будучи неприспособленнымъ къ этому, неожиданно для самого себя, такъ какъ Богу угодно было открыть ему Сына Своего. И ни въ одномъ изъ многочисленныхъ мѣстъ, гдѣ онъ воспоминаетъ объ этомъ видѣніи, нельзя усматривать ни малѣйшаго сомнѣнія въ его объективности; между тѣмъ, онъ, конечно, не слѣпо и не безъ испытанія поддавался впечатлѣнію этого важнѣйшаго въ его жизни событія: мы видимъ, что онъ внимательно и строго рассуждаетъ о характерѣ прочихъ, бывшихъ ему частныхъ видѣній (2 Кор. 12, 2—4). Признать послѣ этого рассматриваемое видѣніе Павла субъективнымъ значить найти въ великомъ апостолѣ языковъ, умышленно обманывающаго, или слабоумнаго обманутаго, — то и другое одинаково нелѣпо (стр. 160—172). Такимъ образомъ, въ явленіи Христа Павлу должно признать „объективную причину“. Такою причиною, конечно, не могли быть гроза и молнія, эпилептический припадокъ, солнечный ударъ и т. п., что составляетъ раціонализмъ. Достаточною объективною причиною Павлова видѣнія могло быть только „дѣйствительное воздѣйствіе изъ сверхчувственнаго міра“. Если-же мы, по общимъ основаніямъ, должны признать объективность этого явленія, то вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтаемъ твердую аналогію для разъясненія факта воскресенія (стр. 173). Признавать этотъ послѣд-

ній только результатомъ воображенія апостоловъ, возбужденнаго сильнымъ желаніемъ видѣть засвидѣтельствовавшую истину ученія Христова значить „устранить мнимую загадку посредствомъ дѣйствительной загадки. Мнимая загадка связана съ предубѣжденіемъ, не желающимъ допустить никакого воздѣйствія изъ посторонняго міра. А дѣйствительная загадка состоитъ въ томъ, чтобы ожидать отъ учениковъ величайшаго ослѣпленія (характеристическій признакъ котораго—умопомѣшательство), въ силу котораго они не только приписали объективную реальность своимъ собственнымъ, вытекающимъ изъ желанія и аффекта представленіямъ, но даже сдѣлали эти представленія непоколебимымъ, краеугольнымъ камнемъ для своей вѣры и вѣры другихъ (стр. 151). Напротивъ, все загадочное, чудесное въ этомъ событіи совершенно исчезаетъ, если мы примемъ одно только чудо (что, однако, не есть чудо) — чудо дѣйствительнаго воздѣйствія изъ сверхчуждественнаго міра (стр. 173).

Окончательныя разъясненія относительно разсматриваемыхъ событий Фихте выводитъ изъ общаго взгляда на родъ нашего существованія по смерти. Общее состояніе человѣческой души по смерти онъ мыслитъ не какъ состояніе „чистой, свободной отъ всѣхъ пространственныхъ отношеній, и, слѣдовательно, нетѣлесной духовности“, но—какъ „состояніе не менѣе совершенной, хотя и не вполне прославленной личности, между тѣмъ какъ внутреннее тѣло—пространственный отобразъ свойствъ души можетъ явиться другимъ чрезъ перемѣщеніе какъ во время жизни, такъ и по смерти“. Съ признаніемъ этого общаго взгляда вполне понятно, какъ одинъ и тотъ-же умершій для большинства совершенно не могъ явиться, для другихъ явилъ свое присутствіе въ воспріятіяхъ туманнаго чувства или какъ мгновенное и неопредѣленное явленіе духа, а для тѣхъ, которые всего ближе имѣли отношеніе къ его исторіи, даже въ опредѣленномъ тѣлесномъ обликѣ“ (стр. 180 и 181). Совершенно ясно отсюда, почему „христофанія (явленіе Христа) Павлова казалась гораздо менѣе точною, чѣмъ тѣ, которыя были попятны, какъ воскресеніе. Экстатическое состояніе у Павла не могло имѣть такой высоты и силы, какую имѣло у другихъ учениковъ, потому что сношеніе между видящимъ и видимымъ,

необходимо предполагающееся при такихъ событіяхъ, у него явилось въ первый разъ" (стр. 182 *).

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, воскресеніе Христа не представляется уже событіемъ чудеснымъ и исключительнымъ, но есть нормальное и общее состояніе, наступающее для каждаго тотчасъ по оставленіи земнаго тѣла **) (стр. 181). И все другое въ священной исторіи получается, по мнѣнію Фихте, понятное объясненіе. На основаніи Мѡ. 27, 52—53, разсуждаетъ онъ, мы можемъ думать о тогдашнемъ состояніи учениковъ, какъ по преимуществу экстатическомъ, въ которомъ ихъ глазамъ непрерывно открывались образы изъ сверхъестественнаго міра и являлись не только отшедшій любимый Учитель, но и личности („тѣла“) другихъ святыхъ. Такое исключительное состояніе позднѣе должно было постепенно исчезнуть и могло сохраниться только въ послѣдствіяхъ

*) Нельзя однако признать все это яснымъ безъ болѣе подробныхъ разъясненій. Но такихъ разъясненій Фихте не даетъ. Остается, поэтому, ограничиться болѣе или менѣе общими и при томъ предположительными разъясненіями. Дѣйствіе духа на духъ можетъ принимать форму видѣнія, или другими словами — душа можетъ являться другимъ въ чувственно созерцаемомъ образѣ только благодаря тому, что душѣ присуща та реальная сторона ея, которая называется внутреннимъ тѣломъ. Поэтому, когда рѣчь идетъ о явленіи или видѣніи души, то подъ этимъ должно разумѣть, собственно, „явленіе внутренняго тѣла“. Въ этомъ смыслѣ Фихте и усматриваетъ здѣсь этой, именно, сторонѣ души способность являться другимъ во время земной жизни и послѣ нея. Но хотя, по Фихте, внутреннее тѣло постоянно присуще душѣ и взаимодействіи между душами совершаются постоянно, однако случаи видѣній сравнительно рѣдки. Это, съ точки зрѣнія Фихте, объясняется тѣмъ, что для видѣній необходимы еще и субъективныя условія, при которыхъ особенно повышается способность души къ непосредственнымъ перцепціямъ. Такими условіями, какъ мы уже видѣли, являются у него экстатическія состоянія или, вообще, тѣ состоянія, при которыхъ въ большей или меньшей мѣрѣ ослабляется связь между душою и тѣломъ. Отсюда, дѣйствительно, становится понятнымъ, что при одной и той-же объективной причинѣ влѣніе можетъ или не возникнуть, влѣдствіе отсутствія субъективныхъ условій, или возникнуть, во въ различной степени опредѣленности, смотря по различію этихъ условій. Въ данномъ случаѣ субъективнымъ условіемъ является экстазъ. У ап. Павла экстатическое состояніе не могло имѣть такой высоты и силы, какую имѣло у одиннадцати апостоловъ, „исего ближе заинтересованныхъ въ исторіи Христа и въ высшей степени пораженныхъ ся заключительною катастрофою“; по этому-то объективно-одинаковое явленіе Христа, съ точки зрѣнія Фихте, не могло имѣть одинаковой опредѣленности для Павла и одиннадцати.

**) Т. е. оно представляется только какъ продолженіе жизни духа Христова во внутреннемъ тѣлѣ.

живаго воспоминанія; это понятно само собою и противоположное было-бы трудно объяснить. Это полное угашеніе визионерныхъ видѣній и христофаній, естественно, и было понято, какъ возвращеніе или внествіе прославленнаго Учителя въ высшій міръ, какъ „вознесеніе“ (стр. 182).

Оканчивая этимъ свое изслѣдованіе, Фихте считаетъ задачу этого изслѣдованія выполненною. „Черезъ такое пониманіе, по его словамъ, снова восстанавливается христіанская вѣра въ своей внутренней доказательной силѣ: христіанское безсмертіе, вѣра въ будущую жизнь становится понятною по общимъ научнымъ аналогіямъ“. А это дастъ ему достаточное ручательство за вѣрность его взгляда, такъ какъ подобныхъ результатовъ не могутъ достигнуть ни гипотеза мнимаго „оживленія“, ни визионерная гипотеза въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно выставляется.

Если теперь бросимъ общій взглядъ на изложенное ученіе Фихте, то увидимъ слѣдующее. О воскресеніи Христа не только какъ о событіи чудесномъ и исключительномъ, но и, вообще, какъ о событіи, у него нѣтъ рѣчи и все дѣло сводится лишь къ обнаруженіямъ „такъ называемаго воскресенія“, къ явленіямъ Христа ученикамъ. Воскресеніе Христа само по себѣ понимается лишь, какъ продолженіе жизни Его духа послѣ разлученія съ тѣломъ по общимъ законамъ (стр. 181), иначе говоря—понятіе воскресенія замѣняется понятіемъ безсмертія; со стороны-же своихъ обнаруженій „воскресеніе“ мыслится, какъ „духовное появленіе вновь“, какъ „повторенное явленіе Христа“ (стр. 155), какъ „ясное и несомнѣнное свидѣтельство Христа о продолженіи Его жизни послѣ смерти, черезъ что Онъ явился своимъ ученикамъ какъ-бы въ дѣйствительности Побѣдителемъ смерти и гроба и Царемъ жизни“ (стр. 124). Воскресеніе есть мнимое событіе, ошибочно предположенное для объясненія дѣйствительнаго событія—явленій Христа ученикамъ. Явленія Христа ученикамъ—единственно дѣйствительный фактъ—были, подъ влияніемъ тогдашнихъ взглядовъ и вѣрованій, поняты, какъ обнаруженія „воскресенія“, представляемаго въ смыслѣ тѣлеснаго возстанія изъ гроба, хотя само собою предполагается у Фихте—земное, положен-

ное во гробъ тѣло, на самомъ дѣлѣ, оставалось во гробѣ и не принимало въ нихъ никакого участія. Явленія эти, въ дѣйствительности, имѣли только духовный, визионерный характеръ, хотя, въ тоже время, не были явленіями лишь субъективными, но имѣли достаточную объективную причину въ воздѣйствіи Духа Христова на экзальтированный духъ учениковъ. Доказательство двухъ послѣднихъ мыслей, т. е. духовности и объективности явленій Христа составляетъ главный предметъ аргументацій Фихте. Повидимому, только этимъ исчерпывается и вся задача изложеннаго изслѣдованія Фихте; по крайней мѣрѣ, психологическія разъясненія, присоединенныя въ концѣ его въ качествѣ „историко-психологической картины событія“, далеко не такъ послѣдовательно проведены и подробно развиты, чтобы вполне могли достигать своей цѣли.

А. Дружининъ.

(Окончаніе будетъ).

НУЖНА-ЛИ ФИЛОСОФІЯ?

(Окончаніе *).

До сихъ поръ мы говорили объ отношеніи философіи къ различнымъ наукамъ, которыя свели въ три главныя группы по тремъ главнымъ предметамъ человѣческаго познанія, кои суть: Богъ, природа, человѣкъ. Мы видѣли, что главное значеніе философіи здѣсь состоитъ въ установленіи и научномъ обоснованіи главныхъ принциповъ каждой науки. въ расширеніи ея предѣловъ и углубленіи содержанія посредствомъ разъясненія вопросовъ, которые не могутъ быть рѣшены помимо философіи и, наконецъ, въ сообщеніи наукамъ и искусствамъ высшаго идеальнаго направленія, предотвращающаго односторонность эмпиризма и опасность матеріализаціи знанія.

Теперь, въ заключеніе нашего изслѣдованія, мы должны сказать и о значеніи философіи для жизни практической, разумѣя здѣсь не то вліяніе, какое она можетъ имѣть въ дѣлѣ спеціальнаго приложенія и примѣненія научныхъ понятій той или другой области знанія, что отчасти мы уже имѣли въ виду, когда говорили о значеніи философіи для отдѣльныхъ наукъ, но общее вліяніе ея на весь строй нравственной жизни.

Есть значительное различіе между воззрѣніемъ на значеніе философіи для жизни древности и общепринятымъ мнѣніемъ о томъ же въ новое время. Мы знаемъ восторженный отзывъ о ней Цицерона. По его мнѣнію, благотворное вліяніе философіи простирается не только на частную, но и общественную жизнь; она учитъ добродѣтели, изгоняетъ пороки; она должна быть единственною руководительницею нравственной жизни;

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 12.

безъ философіи не имѣла бы никакой цѣпы самая жизнь человѣческая; одинъ день, проведенный по ея наставленіямъ, лучше, чѣмъ порочное безсмертіе. Такой отзывъ вовсе не составляетъ личнаго только мнѣнія Цицерона; аналогичныя воззрѣнія на значеніе философіи можно найти и у другихъ мыслителей древности, особенно у стоиковъ, которые извѣстны наиболѣе широкимъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ философскихъ началъ въ жизни. Ихъ описанія благотворнаго значенія философіи и нравственнаго величія философа доходятъ до хвалебныхъ гимновъ и риторическихъ гиперболей *). Въ виду сознанія такого важнаго и благотворнаго вліянія философіи на жизнь, философы смѣло требовали иногда примѣненія ея началъ не только къ частной, но и общественной жизни, даже къ спеціальнымъ занятіямъ. Платонъ только въ философіи видѣлъ залогъ общественнаго благоустройства и только въ томъ случаѣ ожидалъ избавленія отъ общественныхъ нестроений, когда или цари станутъ философами, или философы сдѣлаются правителями государства **). Исократъ даже отъ врача требовалъ, чтобы онъ былъ философомъ ***).

Причины такого значенія философіи для нравственной жизни въ древности мы, конечно, прежде всего должны искать въ крайней неудовлетворительности для мыслящихъ умовъ политеистической религіи того времени. Не давая твердыхъ основаній и мотивовъ для нравственной жизни въ своихъ чув-

*) Такъ, по ученію стоиковъ, мудрецъ-философъ вполне добродѣтеленъ, безъ всякаго заблужденія и порока. А такъ какъ счастье состоитъ единственно и исключительно въ добродѣтели, то онъ совершенно счастливъ; въ этомъ отношеніи онъ стоитъ не ниже самаго Зевса. По словамъ Сенеки (Ер. 90), онъ выше боговъ и въ томъ отношеніи, что своимъ совершенствомъ обязанъ не природѣ, а самому себѣ; его жизнь, конечно, даръ безсмертныхъ боговъ, но жизнь добродѣтельная — даръ философіи. Затѣмъ стоики особенно любили сравнивать состояніе философа съ различными, почитаемыми наиболѣе почетными и славными, состояніями людей и краснорѣчиво доказывать, что по своему истинному величію и достоинству онъ совмѣщаетъ въ себѣ все, что есть великаго и почетнаго въ людяхъ. Философъ есть единственный и подлинный поэтъ, ораторъ, диалектикъ, другъ, благодѣтель, полководецъ, царь и пр.; словомъ, — въ немъ соединены всѣ совершенства и достоинства. (Цитаты изъ стоическихъ философовъ см. у Шлеглера въ его *Geschichte der griechischen Philosophie*. 1859. 239, 240).

**) Plato de Republ. v. 473.

***). По его словамъ, медицина не основанная на философіи, безспасна, *iātrōs* же *philosophos iōsōdeōs*! Greit, *Propädeutik*. 98.

ственно-антропологическихъ міахъ о богахъ, которые являлись образцами не нравственныхъ доблестей, а страстей и пороковъ, она заставляла человѣка въ области разума и знанія искать удовлетворенія нравственному чувству. Философія съ своей стороны старалась по мѣрѣ силъ и не безуспѣшно восполнить недостаточность въ этомъ отношеніи религіи. Она стремилась не только установить понятія о Богѣ и нравственности высшія, чѣмъ тѣ, какія давала религія, но, неограничиваясь теорією, провести эти начала въ жизнь, — и въ этомъ послѣднемъ стремленіи заключалась характеристическая черта, отличающая древнюю философію отъ новой и столь способствовавшая дѣйствительному вліянію ея на жизнь. Понятіе о мудрости, любовь къ которой составляетъ главное побужденіе къ философіи, у древнихъ несравненно шире, чѣмъ въ послѣдующее время; она состоитъ не въ теоретическомъ только знаніи, но и въ практическомъ приложеніи познаваемого къ жизни. Эта практическая сторона философіи настолько имѣла значенія въ глазахъ древности, что часто получала односторонній перевѣсъ надъ практическою, что и выразилось въ появленіи и процвѣтаніи цѣлыхъ философскихъ школъ съ преимущественно ионическимъ характеромъ, — явленіе, не повторявшееся въ послѣдующее время и въ свою очередь свидѣтельствующее о томъ жизненномъ практическомъ значеніи, какое имѣла философія въ древности. Явные слѣды такого, то благотворнаго, то злоторнаго, — судя по содержанію философскихъ ученій, — вліянія философіи мы легко можемъ замѣтить въ исторіи древняго міра. Философія софистовъ не была невиннымъ упражненіемъ ума въ діалектическихъ тонкостяхъ, но имѣла дѣйствительно разлагающее вліяніе на нравственную и общественную жизнь своего времени. Сократъ, побѣдоносно возставшій противъ этой лжефилософіи, какъ самъ по себѣ, такъ и чрезъ своихъ многочисленныхъ учениковъ, образованныхъ различныя ионическія школы, былъ поэтому не только философомъ, но и дѣйствительнымъ общественнымъ и нравственнымъ дѣятелемъ, оказавшимъ могущественное вліяніе на подъемъ нравственныхъ и религіозныхъ понятій древняго міра. Нѣтъ нужды говорить объ общезвѣстномъ вліяніи эпику-

реизма и стоицизма на нравственную жизнь древняго міра. Сколько первый способствовалъ къ упадку ея, столько послѣдній, по своему нравственному характеру возвышавшійся надъ общимъ уровнемъ нравственнаго разслабленія и распущенности, содѣйствовалъ къ поддержкѣ не только частной нравственной, но и общественной жизни черезъ посредство такихъ, напр., послѣдователей его, какъ Сципіонъ младшій, Помпей, Антонинъ, Маркъ Аврелій и др.

Въ христіанскомъ мірѣ, съ распространеніемъ истинной, богооткровенной религіи и съ удовлетвореніемъ въ ней нравственныхъ требованій человѣка, повидимому, должно было, если не совершенно исчезнуть, то значительно ослабить вліяніе философіи на нравственную жизнь. Еще болѣе способствовало тому болѣе и болѣе усиливавшееся разъединеніе теоріи отъ практики, науки отъ жизни. Знаніе болѣе и болѣе становилось отвлеченною отъ жизни теоріей, дѣломъ личнаго, кабинетнаго труда, несвязаннымъ органически съ живыми интересами современной жизни, тѣмъ болѣе съ нравственными. При такомъ положеніи дѣла, философія, какъ наука, занимающаяся наиболѣе отвлеченными и далекими отъ обыденной жизни понятіями, еще меньше, казалось, могла имѣть точекъ соприкосновенія съ жизнью и претендовать на практическое вліяніе, чѣмъ какая-либо другая наука. Сложилось ходячее представленіе о философіи, какъ о наукѣ, носящейся гдѣ-то въ превыспреннихъ областяхъ и съ этой заоблачной высоты, потерявшей возможность видѣть дѣйствительный міръ, его практическія нужды и интересы.

Но было-бы большимъ и, можетъ быть, не безопаснымъ для жизни заблужденіемъ, если бы мы, исходя изъ понятія объ отвлеченности философіи и изъ того факта, что ни философы, ни философія теперь не пользуются ни такою извѣстностію, ни такимъ вліяніемъ, какъ въ древнемъ мірѣ, стали, основываясь на одной индигности, думать, что философскія идеи и на самомъ дѣлѣ потеряли въ новое время всякій кредитъ и вліяніе на жизнь. Особенно нельзя сказать этого о нашемъ и ближайшемъ къ намъ времени, когда вслѣдствіе ослабленія религіознаго чувства и авторитета религіи, умъ снова начи-

наеть искать удовлетворенія своимъ вѣчно присущимъ нравственнымъ требованіямъ внѣ области положительной религіи, — въ наукѣ и въ разумѣ, — а съ этимъ вмѣстѣ снова оживаетъ и получаетъ значеніе одна изъ причинъ, способствовавшихъ практическому значенію философіи въ древнемъ мірѣ. Вліяніе философіи, конечно, покажется незначительнымъ, если мы будемъ имѣть въ виду только ограниченность числа философовъ-специалистовъ или незначительное количество читателей книгъ философскаго содержанія. Но иное дѣло, если мы обратимъ вниманіе на то косвенное вліяніе, которое оказываетъ философія посредствомъ тѣхъ философскихъ элементовъ, которые входятъ въ область каждой спеціальной науки и отъ которыхъ, какъ мы видѣли, въ силу неискоренимой потребности философскаго знанія, не можетъ отрѣшиться ни одна почти наука. Такъ напримѣръ, замѣчаемое иногда неблагоприятное вліяніе на строй нравственной и религіозной жизни естественныхъ наукъ въ наше время зависитъ не столько отъ ихъ положительной или фактической стороны, сколько отъ той матеріалистической тенденціи, которою проникнуто изложеніе фактовъ и которая составляетъ уже привходящій, философскій элементъ естествознанія. Точно также враждебное отношеніе такъ называемой отрицательной критики къ положительному содержанію христіанской религіи зависитъ не столько отъ какихъ-либо новыхъ пріемовъ и методовъ изученія первоисточниковъ ея, сколько отъ лежащихъ въ основѣ этой критики и тенденціозно направляющихъ ее къ извѣстнымъ результатамъ, философскихъ теорій. Вліяніе на ходъ ея сначала философіи Спинозы, затѣмъ философіи Канта и Гегеля, есть фактъ несомнѣнный и общепризнанный.

При такомъ несомнѣнномъ, хотя косвенномъ и незамѣтномъ на первый взглядъ вліяніи философіи на жизнь, уже теряетъ значительную долю своей силы то, основанное главнымъ образомъ на теоретическомъ предположеніи о ея отвлеченности, мнѣніе о незначительности ея воздѣйствія на жизнь. Поэтому вопросъ теперь можетъ быть только о прямомъ и непосредственномъ отношеніи ея къ жизни практической. Здѣсь мы встрѣчаемъ два противоположныя нареканія на филосо-

фію: одно, что занятіе ею отдаляетъ насъ отъ жизни и ея дѣйствительныхъ потребностей; другое, — что обнаруживая иногда стремленіе регулировать жизнь по своимъ началамъ, она, по своей непрактичности и незнанію жизни, можетъ оказывать только гибельное на нее вліяніе, направляя умы къ попыткамъ осуществленія мечтательнаго порядка вещей.

Съ теоретической точки зрѣнія первое обвиненіе можетъ показаться справедливымъ. Вращаясь съ области идей, указывая нормы не только знанія, но и практической дѣятельности, встрѣчая затѣмъ неполное и недостаточное осуществленіе этихъ идей и нормъ въ дѣйствительномъ мірѣ, она можетъ произвести охлажденіе къ обыкновенному порядку жизни. Представляя нашему уму въ истинномъ свѣтѣ назначеніе человѣка, создавая идеалы жизни частной и общественной, она приучаетъ мало цѣнить обычныя цѣли человѣческой жизни и обычныя ея формы и дѣлаетъ человѣка чуждымъ этой жизни и ея интересовъ. Такое отрицательное отношеніе философіи къ жизни прекрасно олицетворила древность въ лицѣ двухъ философовъ Гераклита и Демокрита, изъ которыхъ первый, при взглядѣ на теченіе дѣлъ людскихъ, будто постоянно плакалъ, а послѣдній смѣялся. Дѣйствительно, человѣку, уму котораго постоянно предпосаются высокіе идеалы и требованія, который равнодушенъ къ благу ближнихъ, при взглядѣ на окружающій порядокъ вещей, приходится часто или глубоко страдать душею, или смѣяться, — подѣ-часъ, можетъ быть, тѣмъ горькимъ смѣхомъ, въ которомъ, какъ говоритъ нашъ поэтъ, подѣ видимымъ міру смѣхомъ таятся незримыя міру слезы.

Такое, то скорбное, то ироническое отношеніе философа къ жизни и вслѣдствіе этого отчужденіе отъ нея, старались, какъ извѣстно, возвести въ нормальное отношеніе къ ней многіе древніе философы. Особеннымъ сочувствіемъ мысль объ отчужденіи философа отъ шумнаго потока общественной жизни и о „самодовольствѣ“ мудреца — пользовалась въ эпохи разложенія нравственной и общественной жизни древняго міра *). Конечно, въ

*) Такъ уже въ преданіи о происхожденіи слова: философія, возводимомъ къ Пифагору, отличительною чертою философа поставляется то, что онъ чуждъ заботъ и тревожащей обиденной жизни; тогда какъ другіе мнутъ на арешъ жиз-

подобнаго рода эпохи, такое отношеніе философа къ жизни можетъ паходить нѣкоторое оправданіе. При сознаніи безсилія теоретическаго ума провести въ жизнь нравственные идеалы, и то можетъ составлять заслугу, что человекъ, одушевленный этими идеалами, имѣетъ достаточно мужества и энергіи, чтобы устоять противъ общаго потока жизни, не увлекаясь имъ. Недѣлятельность бываетъ иногда лучше дѣятельности, противорѣчащей убѣжденіямъ и сопровождаемой чувствомъ ея неправоты.

Но извиняя такое отчужденіе философа отъ жизни, мы никакъ не думаемъ признавать его правильнымъ и возводить его въ принципъ. Міръ идей и міръ явленій не суть два міра, раздѣленные непроходимой преградою; идеальная сторона вещей есть сторона самой же дѣйствительности, но только закрытая пестрою тканію явленій для непосредственнаго сознанія. Въ каждомъ явленіи болѣе или менѣе осуществляется идея; идеѣ болѣе или менѣе, какъ выражается Платонъ, причастны всѣ вещи, ибо безъ нея онѣ и существовать бы не могли. Исходя изъ этой точки зрѣнія, философы уже не имѣютъ права пренебрежительно относиться къ дѣйствительной жизни; въ самыхъ, повидимому, ненормальныхъ проявленіяхъ ея онѣ должны попытаться услѣдить хотя слабый оттѣнокъ этого идеальнаго элемента, также какъ и естествоиспытатель, который да-ни, возбуждаемые то корыстію, подобно продавцамъ и покупателямъ на рынкѣ, то честолюбіемъ, подобно состязающимся на Олимпійскихъ играхъ, онѣ ограничивается ролью спокойнаго наблюдателя и цѣнителя происходящаго. Еще сильнѣе очерчаетъ идеаль философа съ этой стороны у Платона. „Подлинныя философы отъ юности не знаютъ дороги на площадь; имъ неизвѣстно, гдѣ находится домъ городского совѣта, суда или другое какое мѣсто общаго собранія. О законахъ, народныхъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ они ничего не слышатъ. Имъ и во снѣ не приходитъ на мысль принимать участіе въ выборахъ, посѣщать торжества и попойки, съ игрою на флейтахъ и плясками. Какъ живетъ кто въ городѣ, хорошо или дурно, какая кому случилась непріятность, это философу также неизвѣстно, какъ песокъ на днѣ моря. Онъ не знаетъ даже и того, что всего этого онъ не знаетъ, потому что въ дѣйствительности только тѣло его ходитъ по городу; но духъ его, все подобное считающій мелочнымъ и незаслуживающимъ вниманія, далеко отсюда и странствуетъ на небесахъ, такъ какъ онъ изслѣдуетъ природу всего“. (Theaet. 173, с.) Мысль о предпочтеніи философамъ теоретической и созерцательной жизни практической встрѣчается также у Аристотеля и съ особенною силою проводится многими философами цинической и стоической школы.

же въ органическихъ аномаліяхъ стремится пайти, хотя искаженный и измѣненный, типъ данной органической породы и, воспаященное неблагоприятными внѣшними условіями, стремленіе природы осуществить его. Съ этой точки зрѣнія философу долженъ быть свойственъ скорѣе нѣкотораго рода оптимизмъ, чѣмъ пессимизмъ и въ извѣстномъ отношеніи онъ имѣеть право вмѣстѣ съ Гегелемъ сказать если и не то, что все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно, то по крайней мѣрѣ то, что во всемъ дѣйствительномъ есть нѣчто разумное и все разумное стремится къ своему осуществленію. Такой образъ воззрѣнія на отношеніе идеальнаго къ дѣйствительному въ практическомъ отношеніи, очевидно, долженъ вести философа не къ пренебреженію внѣшней жизнью и не къ самодовольному отчужденію отъ нея, по къ уваженію тѣхъ идеальныхъ элементовъ, которые болѣе или менѣе присущи ей и къ стремленію, какъ въ области научнаго знанія, такъ и въ доступной ему области частной жизни, очистить эти элементы отъ случайныхъ наслоеній и дать имъ болѣе и болѣе свободный ходъ и развитіе.

Забвеніе о такомъ отношеніи идеальнаго къ дѣйствительному можетъ выразиться, какъ показываетъ опытъ, и въ другой болѣе вредной крайности, чѣмъ отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, о которомъ мы говорили. Неуваженіе къ ней, не ограничиваясь пассивнымъ отчужденіемъ, можетъ проявиться въ желаніи переформировать и пересоздать ее по началамъ разума, по идеальному плану, предносящемуся въ умѣ философа. Такого рода попытки не безъ основанія возбуждали нареканія на философію и обвиненія въ нарушеніи правильнаго строя общественной жизни. Такъ въ вліяніи философіи XVIII вѣка находили одну изъ причинъ, вызвавшихъ французскую революцію; отвлеченныя теоріи такъ называемыхъ „идеологовъ“ о свободѣ, о правахъ человѣка, о наилучшихъ способахъ общественнаго устройства дѣйствительно могли имѣть свою долю губительнаго вліянія на то броженіе умовъ, которое разрѣшилось этимъ соціальнымъ кризисомъ.

Не входя здѣсь въ разъясненіе вопроса, какая доля участія принадлежитъ философіи въ этомъ кризисѣ и дѣйствитель-

но ли заслуживаютъ общепризнаннаго въ то время названія философовъ многіе общественные дѣятели, во имя разума проповѣдовавшіе самыя неразумныя теоріи, замѣтимъ одно, что съ истинно философской точки зрѣнія на отношеніе идеальнаго къ дѣйствительному, подобнаго рода разрушительное вліяніе философіи на жизнь еще менѣе можетъ быть оправдано, чѣмъ отчужденіе отъ жизни. Мы видѣли, что только въ философіи могутъ найти свое раціональное объясненіе и обоснованіе коренныя начала, на которыхъ зиждется общественная жизнь: религія, нравственность, право, семья, государственная власть, и что поэтому всякая попытка отрицать или колебать эти начала должна находить въ ней сильнѣйшее противодѣйствіе.

Но устанавливая общія и неизмѣнныя начала общественной жизни, философія, какъ наука идей, ничего не говоритъ и не можетъ сказать ни о фактическомъ осуществленіи этихъ началъ въ жизни человѣчества (что дѣло исторіи), ни о тѣхъ средствахъ и способахъ, при помощи которыхъ должно совершиться дальнѣйшее ихъ видоизмѣненіе и усовершеніе въ силу всеобщаго и необходимаго закона какъ частной, такъ и исторической жизни человѣка, — закона прогрессивнаго развитія. Признавая этотъ міровой законъ развитія, философія, конечно, не можетъ быть проповѣдницею застоя или возвращенія назадъ къ прошедшему несовершенному. Но въ тоже время она знаетъ, что это движеніе впередъ состоитъ не въ отрицаніи, а въ послѣдовательномъ органическомъ развитіи тѣхъ идеальныхъ началъ, которыя во всѣ времена составляли незыблемое основаніе общественной жизни. Она знаетъ также, что это развитіе, какъ органическое, также тѣсно связано съ ея прошедшею историческою жизнью, какъ растеніе съ своею почвою, съ своими корнями, что оно совершается не быстрыми скачками, но медленнымъ историческимъ ростомъ и развитіемъ самаго же прошедшаго и что насильственное и преждевременное ускореніе этого роста, искусственная торопливость въ вызовѣ улучшеній, для которыхъ не подготовлена еще почва въ прошедшемъ и настоящемъ, можетъ вызвать не дѣйствительныя зрѣлыя плоды прогресса, а мертворожденные недоноски, которые

своимъ преждевременнымъ рожденіемъ только растраниваютъ нормальную жизнь общества.

Но и въ отношеніи къ постепенному, правильному улучшенію общественной жизни задача философіи можетъ и должна ограничиться только раціональнымъ разясненіемъ тѣхъ общихъ идей, которыя во все времена должны служить руководительными началами этой жизни. Что же касается до частнаго, практическаго примѣненія этихъ началъ къ потребностямъ даннаго мѣста, времени, соціальнаго строя, то указаніе способовъ такого примѣненія, начертаніе специальныхъ теорій общественнаго благоустройства, выходитъ за ея законныя предѣлы. Если всякаго рода дѣйствительныя улучшенія, какъ мы сказали, должны имѣть свои корни въ прошедшемъ и органическую связь съ настоящимъ, то очевидно, что для пракческаго осуществленія ихъ, кромѣ другихъ условій, нужно знаніе этого историческаго прошедшаго и настоящаго. Но это знаніе чисто фактическое и практическое, котораго не можетъ дать намъ никакая философская теорія. Напротивъ, въ силу естественно присущей человѣку односторонности, по которой развитіе одной стороны знанія незамѣтно сопровождается ослабленіемъ другой, для философа это фактическое и практическое знаніе, столь необходимое для дѣятельнаго участія въ общественной жизни, часто менѣе доступно, чѣмъ для самаго зауряднаго пракческаго дѣятеля. Неудивительно поэтому, что какъ скоро философы, оставляя свойственную себѣ область умозрѣнія, общихъ началъ и идей, думали выходить на арену общественной жизни и начертывать а priori планы соціальныхъ улучшеній, оказывались крайне непрактичными и возбуждали справедливыя обвиненія въ мечтательности и непригодности для жизни ихъ теорій,—обвиненія, которыя должны быть отнесены на счетъ не философіи, а философѣвъ, не въ мѣру распространявшихъ ея задачу *).

Болѣе значительное вліяніе, чѣмъ на жизнь общественную, можетъ имѣть философія на жизнь нравственную. Такое влія-

*) Извѣстно пролическое замѣчаніе Фрадриха II, по поводу требованія Платона, чтобы правители были философами: „если бы я хотѣлъ наказать какую нибудь провинцію, то послалъ бы управлять ею философа“. Stahl, Philos. d. Recht's. 2. B. g.

ніе само собою предполагается уже тѣмъ, что въ область философіи входитъ опредѣленіе и разъясненіе основныхъ началъ нравственности, при чемъ вѣрныя или невѣрныя понятія объ этихъ началахъ естественно должны отражаться и въ ихъ примѣненіи въ жизни практической. Но такъ какъ опредѣленіе этихъ началъ находится въ самой тѣсной связи съ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ, то отсюда попятно и то значеніе, какое всегда приписывали не только неикѣ, но и всей теоретической философіи въ дѣлѣ нравственности. Въ исторіи философіи и въ исторіи цивилизаціи мы могли бы найти достаточно фактовъ такого вліянія философіи, то благотворнаго, то злоторнаго, судя по характеру системъ, на нравственную жизнь. Мы уже упоминали о благотворномъ вліяніи нѣкоторыхъ философскихъ ученій на нравственную жизнь древняго міра. Матеріалистическая философія нашего времени можетъ представить намъ и обратную сторону вліянія философіи на жизнь. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что отрицаніе Бога, какъ верховнаго нравственнаго Законодателя духовности нашей души, свободы, объективнаго различія добра и зла, безсмертія, не только не можетъ дать намъ никакихъ твердыхъ мотивовъ для нравственной жизни, но послѣдовательно приведетъ къ полному эгоизму и безнравственности. Правда, философы-матеріалисты не согласятся съ нашимъ выводомъ. Они укажутъ намъ на то, что въ области теоріи нѣтъ ни одного, сколько-нибудь извѣстнаго ученаго въ кругу матеріалистовъ, который-бы прямо проповѣдывалъ безнравственность; напротивъ, многіе изъ нихъ держатся неическихъ теорій въполнѣ благопріятныхъ моральному достоинству человѣка,—напр.: теоріи утилитаризма. Въ области практической, опять говорятъ, никто не можетъ доказать, чтобы матеріалисты выдавались особенною какою-либо безнравственностію въ сравненіе съ людьми своего времени, держащимися противоположныхъ воззрѣній. Все это отчасти вѣрно, по подобныя явленія дѣлають честь сердцу матеріалистовъ, но не ихъ уму. Вопросъ въ томъ, вытекають ли послѣдовательно какія-либо неическія теоріи (напр., даже теорія утилитаризма) изъ принципа матеріализма или нѣтъ, и не составляютъ ли

опъ нелогическаго прироста къ нему, не связаннаго съ нимъ органически, но основаннаго на совершенно иномъ началѣ? Довольно обратить вниманіе на одно отрицаніе матеріализмомъ свободы, а вслѣдствіе этого обязательности и вмѣняемости какихъ-либо дѣйствій,—чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Если болѣе скромные матеріалисты не проповѣдуютъ открыто безнравственности, то со стороны болѣе смѣлыхъ и послѣдовательныхъ такая проповѣдь не была бы нисколько удивительною или предосудительною съ точки зрѣнія матеріализма. Указываютъ на то, что матеріалисты нисколько не хуже другихъ людей. Это опять дѣлаетъ честь ихъ сердцу, но не уму; теорія же нисколько не становится лучше или нравственнѣе отъ того, что ей не слѣдуютъ на практикѣ. Притомъ же, для вѣрной оцѣнки нравственнаго состоянія человѣка далеко не достаточно однихъ внѣшнихъ обнаруженій нравственности въ поступкахъ. Отрицательная нравственность, отсутствіе грубыхъ пороковъ, даже внѣшніе похвальные поступки, совершаемые изъ эгоистическихъ побужденій (напр. честолюбія), не могутъ еще служить доказательствами истинной нравственности. Все это можетъ зависѣть отъ причинъ внѣшнихъ и случайныхъ,—отъ положенія, напр., человѣка въ обществѣ, отъ того, что для него не было никакихъ поводовъ и интересовъ нарушать обычный кодексъ житейской морали и принятыхъ приличій.

Поэтому, въ защиту нравственнаго характера матеріализма вообще, нельзя ссылаться на образъ жизни философовъ-матеріалистовъ,—на то, что они не были хуже окружающихъ ихъ лицъ, не были напр. ни ворами, ни убійцами, ни людьми безчестными; быть имъ такими въ ихъ положеніи не было ни побужденій, ни выгодъ. Чтобы судить о дѣйствительномъ влияніи матеріализма на жизнь, нужно брать во вниманіе не философовъ и ученыхъ, для которыхъ самая наука могла служить сдерживающимъ началомъ противъ нравственной распущенности; но людей съ болѣе практическимъ складомъ ума, и съ большею послѣдовательностью готовыхъ провести свои убѣжденія въ жизнь. Нужно обратить вниманіе на нравственное состояніе цѣлыхъ обществъ, какъ скоро въ нихъ распро-

страняются матеріалистическія воззрѣнія. Но здѣсь исторія даетъ намъ самыя печальныя указанія; она всегда свидѣтельствуєтъ о связи этихъ воззрѣній съ упадкомъ общественной нравственности; многія явленія нравственной распущенности въ наше время несомнѣнно имѣютъ своимъ источникомъ распространеніе матеріалистическихъ воззрѣній въ обществѣ.

При такомъ вліяніи философскихъ теорій на нравственную жизнь, едва-ли можно сомнѣваться въ важномъ значеніи для утвержденія нравственныхъ началъ истинной философіи, особенно въ наше время ослабленія религій, когда человѣкъ въ разумѣ ищетъ руководительныхъ началъ для дѣятельности. Но устраненіемъ одностороннихъ немеческихъ теорій и установленіемъ правильнаго воззрѣнія на начала нравственности не ограничивается вліяніе философіи. Она можетъ содѣйствовать и осуществленію этихъ началъ въ жизни. Правда, мы знаемъ, что нравственная дѣятельность человѣка опредѣляется не одними теоретическими убѣжденіями, что воля человѣка не всегда бываетъ послушна разуму и нравственнымъ мотивамъ своей собственной природы въ силу врожденнаго стремленія ко злу; знаемъ и то, что дѣйствительное средство къ искорененію этого недостатка и къ направленію человѣка по пути правды и добра, заключается не въ философіи, а въ истинной религіи. Но тѣмъ не менѣе и философія можетъ оказать здѣсь свою долю благотворнаго вліянія въ той мѣрѣ, въ какой въ опредѣленіи нашихъ дѣйствій могутъ принимать участіе и теоретическія убѣжденія. Философскія идеи не суть пустыя, отвлеченныя произведенія мысли, вліяніе которыхъ ограничивается одною областью спекуляціи, онѣ стремятся выйти изъ этой области и стать мотивами воли. До какой степени можетъ быть сильно дѣйствіе этихъ возникшихъ подъ вліяніемъ теорій мотивовъ, показываетъ примѣръ древнихъ немеческихъ школъ (напр. цинической), гдѣ философія способна была привести человѣка не только къ ограниченію чувственныхъ потребностей, но даже къ нѣкотораго рода аскетизму въ ихъ подавленіи. Но если бы мы даже, въ виду существованія болѣе дѣйствительныхъ и энергическихъ мотивовъ нравственныхъ дѣйствій (мотивовъ религіозныхъ), и не стали высоко цѣнить значеніе философскихъ

убѣжденій въ этомъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ мы не вправѣ отвергнуть той важной заслуги философіи, что она, разъясняя нравственные понятія, способствуетъ къ тому, чтобы сдѣлать нашу нравственную дѣятельность сознательною, отчетливою и разумною; слѣдовательно, она если и не создаетъ нравственности, то по крайней мѣрѣ придаетъ ей высшую цѣнность и достоинство.

Но и независимо отъ самаго содержанія философіи и ея значенія для жизни, самое занятіе философскими изслѣдованіями не можетъ остаться безъ благотворнаго вліянія на нее уже тѣмъ самымъ, что, имѣя своимъ главнымъ источникомъ разумъ, своимъ главнымъ методомъ—анализъ заключающихся въ разумѣ понятій, она приучаетъ человѣка къ услубленію въ себя, къ самонаблюденію, къ анализу своихъ внутреннихъ состояній. Столь необходимое для нравственнаго усовершенствованія сократовское: *γυμνάζειν τὴν ψυχὴν*, несравненно удобнѣе и легче для философа, чѣмъ для занимающагося какою-либо другою наукою, тѣмъ болѣе для человѣка увлеченнаго шумнымъ потокомъ дѣятельной жизни. Съ другой стороны, вращаясь въ мірѣ идей, общихъ понятій, принциповъ, философія невольно приучаетъ и на явленія нравственной жизни какъ своей, такъ и чужой, смотрѣть съ высшей, идеальной точки зрѣнія и оцѣнивать ихъ не по ихъ эмпирической видимости, не по временнымъ и случайнымъ ихъ побужденіямъ и результатамъ, но по внутреннему ихъ смыслу и безотносительной цѣнности,—приучаетъ поэтому относиться и къ себѣ и къ другимъ съ тою серьезностію и строгостію, которая возможна только при ясномъ пониманіи всей высоты нравственнаго идеала и сознаніи несоотвѣтствія съ нимъ собственнаго нравственнаго состоянія.

В. Гудравцевъ.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

Сократъ: новое направление, сообщенное имъ философѣмъ. — Умъ, какъ начало равномѣрно открывающееся и въ познаніи и въ устройствѣ вещей познаваемыхъ. — Раздѣленіе чувственнаго отъ сверхчувственнаго въ познаніи и бытіи познаваемыхъ. — О формахъ проявленія умственной дѣятельности. — Порядокъ, въ какомъ происходитъ раздѣляющая и соединяющая дѣятельность разума. — Идея о цѣлесообразности въ мірѣ. — Разсмотрѣніе, съ точки зрѣнія цѣлесообразности, міра и общества человѣческаго. — Отсутствіе въ прежней философіи до Платона принципа для упорядоченнаго обозрѣнія формъ соединенія и раздѣленія. — Идеализмъ и реализмъ.

Сократъ, какъ извѣстно, далъ совершенно иное направленіе философскому изслѣдованію, обративъ все свое вниманіе на вопросы, которыхъ прежняя философія или вовсе не касалась, или-же касалась только мимоходомъ и никакъ не въ интересъ философіи, а напротивъ внѣ всякой связи съ философскими изысканіями, имѣвшими своимъ предметомъ и цѣлью познаніе природы **). Извѣстно, что это были вопросы по преимуществу практическіе, — именно о добродѣтели, о счастіи, о

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 12.

**) Переворотъ, совершенный Сократомъ въ философіи, состоитъ въ тѣсной связи съ условіями общественной жизни того времени. Когда въ Афинахъ окончательно утвердилось демократическое правленіе, то въ это время важное политическое и общественное значеніе приобрѣло ораторское искусство. Софисты явились пастырьками краснорѣчія; по нераздѣльной связи слова и мысли, они учили также мыслить, а не только говорить. Возбуждая разнаго рода общественные вопросы, въ видахъ обученія искусству мыслить и говорить, вопросы о справедливомъ, честномъ и безчестномъ, о государствѣ и управленіи государственномъ, о власти и подвластныхъ, софисты открыто обсуждали подобные вопросы, при чемъ выражали перѣдко взгляды, колебавшіе и даже вовсе разрушавшіе авторитетъ общепринятыхъ и утвердившихся въ жизни понятій и сужденій объ этихъ предметахъ. Вотъ почему и философія Сократа также вращалась въ области вопросовъ практическаго характера. Такой характеръ философіи Сократа и былъ для него основою къ тому, что самъ онъ смотрѣлъ на философскую дѣятельность свою, какъ на служеніе обществу или государству.

жизни частной и общественной, о государствѣ и законѣ. Сократъ стремился дать извѣстное направленіе дѣятельности общественной и частной, согласное съ вѣковыми преданіями и началами національнаго общественнаго развитія. Но онъ видѣлъ, что для надлежащаго направленія дѣятельности, необходимо напередъ *знать* что и какъ *дѣлать*, вслѣдствіе чего и въ самыхъ понятіяхъ Сократа о знаніи, о добродѣтели, одно съ другимъ, именно знаніе и дѣло,—неразрывно связывалось, да и въ жизни своей Сократъ, какъ мыслить, такъ и поступать. Вотъ почему только то знаніе онъ считаетъ важнымъ и для насъ достижимымъ, которое паучаетъ, что и какъ дѣлать, таково именно знаніе о добродѣтели и счастіи. И наоборотъ, только дѣйствіе, основанное на знаніи, т. е. вполне сознательное, онъ признавалъ заслуживающимъ одобренія (если конечно, оно относится къ предметамъ, доступнымъ познанію), т. е. цѣлесообразнымъ, способствующимъ достиженію счастья, такъ что путь къ счастью заключается, по Сократу, въ мудрости, т. е. въ знаніи *).

Но если разумъ человѣка имѣетъ своимъ назначеніемъ цѣлесообразное устроеніе жизни, если разумъ долженъ быть руководителемъ къ достиженію полнаго и совершеннаго счастья, если только разумъ можетъ образовать жизнь человѣка, вполне достаточную для себя и совершенную, то ясно, что разумъ верховный, міроизводительный можетъ проявить свою дѣятельность, конечно, не въ чемъ иномъ, какъ только въ мудрость, т. е. *цѣлесообразномъ* устроеніи міра. Такимъ образомъ, философія Сократа приводила къ иному болѣе возвышенному понятію о дѣятельности разума. По этому понятію уже не просто движеніе, но такое цѣлесообразное дѣйствіе признается обнаруженіемъ ума, которое всегда направляется къ достиженію возможно лучшаго, совершеннаго.

Послѣ столь длиннаго, но необходимаго отступленія, возвратимся снова къ Платону.

*) Ксенофонтъ говоритъ о Сократѣ, что онъ не раздѣлялъ отъ мудрости благо-разумія, т. е. сообразнаго съ убѣжденіемъ и указаніемъ разума дѣйствованія. Сократъ полагалъ, что кто знаетъ прекрасное и доброе, сообразно тому (т. е. со своимъ знаніемъ) и дѣйствуетъ, и знающій, что постыжно, воздерживается отъ того, такъ что мудрый человѣкъ тоже, что и благоразумно поступающій. Мемог. III, 9, 4.

Разсматривая дѣятельность ума, какъ онъ проявляется и въ насъ самихъ и внѣ насъ, мы видимъ, что прежде всего познание вещей есть дѣло ума. А такъ какъ мы познаемъ вещи не только умомъ, но и чувствами, то слѣдуетъ различать познание умственное, или умозрительное отъ чувственнаго: иначе вещи представляются чувствамъ и совершенно иначе онѣ познаются умомъ. Для чувствъ все представляется текучимъ, измѣнимымъ, напротивъ умъ и среди всеобщей измѣняемости усматриваетъ повсюду и во всемъ нѣчто неизмѣнное, всегда пребывающее. Такимъ образомъ, уже въ самомъ познаніи мы находимъ противоположность измѣняемаго и неизмѣннаго. Измѣнимое въ нашемъ познаніи, по Платону, есть то, что онъ называетъ мнѣніемъ или представленіемъ (*δόξα*), неизмѣнное-же это есть знаніе въ собственномъ смыслѣ (*ἐπιστήμη*) или разумѣніе (*νοῦς, νόησις*). Въ чемъ же именно состоитъ умственное или умозрительное познание вещей?

Умъ нашъ имѣетъ то свойство, проявляемое имъ въ познаніи, что онъ не останавливается на разсмотрѣніи одной вещи, но обозрѣваетъ всегда сразу неопредѣленное множество вещей, такъ какъ онъ беретъ во вниманіе только то, что есть сходнаго, общаго, одинаковаго во множествѣ вещей, а это даетъ ему возможность находить извѣстный порядокъ во всемъ имъ обозрѣваемомъ, ибо останавливая вниманіе только на общемъ, онъ чрезъ то распредѣляетъ вещи по группамъ, все познаваемое *дѣлитъ на роды и виды*. Основаніе для такого раздѣленія вещей познаваемыхъ заключается въ томъ, что каждая группа вещей, каждая отдѣльно познаваемая умомъ часть сущаго, имѣетъ свой особый видъ (*εἶδος*), образъ существованія, какъ-бы особый отпечатокъ, а это показываетъ, что всякая такая отдѣльно познаваемая умомъ часть сущаго, каждая опредѣленная группа неограниченнаго множества образована по особому *образцу*, по особой только къ ней относящейся *идеи*. И если то общее въ каждой группѣ явленій, т. е. сходное, въ чемъ отпечатлѣлась соотвѣтствующая идея, есть постоянное и неизмѣнное въ измѣняемомъ, то ясно, что тѣмъ болѣе самыя идеи или образцы, по которымъ образованы вещи, должны быть неизмѣняемы, неподвижны.

Такимъ образомъ, по Платону, есть двоякій міръ—чувственный или вещественный, съ которымъ мы сообщаемся посредствомъ чувствъ, и міръ сверхчувственный, постижимый только для ума, идеальный. Въ одномъ мы видимъ непрерывную смѣну явленій, не прекращающійся потокъ измѣненій, а потому когда душа привязывается къ этому міру, то и сама дѣлается беспокойною, тревожною; она тогда постоянно волнуется и нигдѣ ни въ чемъ не находитъ для себя покоя. Напротивъ, въ высшемъ мірѣ, невидимомъ, недоступномъ для чувствъ, но родственномъ для ума, царствуетъ вѣчный и неизмѣнный порядокъ, а потому душа чувствуетъ спокойствіе и довольство только тогда, когда она своими помыслами и стремленіями обращена къ этому міру. Значить, въ познаніи, для котораго предметомъ служить область идеальнаго, и гдѣ обитаетъ истина, заключается источникъ счастья, блаженства для души, того счастья, которое Сократъ полагалъ цѣлью своей философіи ¹⁾.

Этихъ немногихъ и бѣглыхъ замѣтокъ о философіи Платона достаточно уже, чтобы видѣть, что въ этой философіи указанная выше черта идеализма, ясно выраженная еще элейскою школою, является въ дальнѣйшемъ развитіи. Разумѣмъ признаваемое идеализмомъ господство какъ въ познаніи, такъ и въ дѣйствительности (которое частію уже есть, а большею частію лишь должно быть, т. е. существуетъ лишь въ качествѣ цѣли)

¹⁾ Если умъ и истинное мнѣніе (*νοῦς καὶ δοξα ἀληθής*), говоритъ Платонъ, составляютъ два особые рода (*οὗο γέννη*), то и идеи (*εἰδή*) существуютъ сами по себѣ, не будучи чувственными (*ἀναίσθητα*), — и познаваемы только умомъ (*νοούμενα μόνον*); если-же, какъ кажется инымъ, истинное мнѣніе ищѣмъ не различается отъ ума, тогда все чувственно воспринимаемое, при посредствѣ тѣла (*παντὶ ὅπως διὰ τοῦ σώματος αἰσθανόμεθα*), слѣдуетъ признавать за самое достоверное (*θετέον βεβαιότατα*), но несомнѣнно, что тѣ два рода различны, ибо одинъ родъ (познаніе) происходитъ чрезъ изученіе (*διὰ διδασκῆς*), другой-же можетъ быть проповѣданъ искусно убѣждающею рѣчью (*τὸ δ' ὑπὸ παιδοῦς ἡμῶν ἐγγίγνεται*); одинъ всегда соединяется съ истиннымъ разумѣніемъ (*μετ' ἀληθοῦς λόγου*), другой-же не отличается обдуманностію (*τὸ δὲ ἄλογον*); одинъ не можетъ быть поколебленъ и измѣненъ никакимъ увѣщаніемъ, другой-же уступаетъ увѣщанію (*καὶ τὸ μὲν ἀκίνητον παιδοῖ, τὸ δὲ μεταπειστόν*). Одинъ родъ таковъ, что ни одинъ человѣкъ не лишень его, тогда какъ умъ—другой родъ есть принадлежность богамъ, а изъ людей причастны ему немногіе. Тимей 51, д. с.

мыслимаго, разумнаго надѣ наблюдаемымъ, чувственнымъ, общаго надѣ частнымъ. Уже у элеатовъ мы видимъ такое довѣріе къ могуществу мысли, что истина признается доступною единственно уму, — и что оказывается несогласнымъ съ раціональнымъ понятіемъ о бытіи, прямо отвергается, не смотря на всю очевидность отрицаемаго для чувствъ. Но какъ ни велико было довѣріе къ силѣ ума, постигающаго истину, однако мы еще не находимъ у элеатовъ никакихъ опредѣленныхъ понятій объ умѣ и его дѣятельности. У Платона-же мы имѣемъ уже вполне выработанное и систематически представленное ученіе объ умѣ, какъ силѣ, обнаруживающей свою дѣятельность сколько въ устроении дѣйствительности нами познаваемой, т. е. внѣ насъ, столько-же и въ самомъ познаніи, т. е. въ насъ самихъ. Тамъ и здѣсь открывается образующая и потому господствующая дѣятельность разума. Какія-же общія характеристическія черты представляетъ эта дѣятельность, въ чемъ она состоитъ?

Не безъ основанія Анаксагоръ разсматривалъ умъ, какъ начало движущее. По теоріи атомизма всѣ перемѣны, происходящія въ мірѣ, состоятъ въ сущности въ перемѣщеніи, т. е. сводятся къ движенію, а движеніе вообще происходитъ въ двоякой формѣ, именно оно состоитъ *въ соединеніи и раздѣленіи*. При этомъ однако, какъ мы видѣли, атомисты изъ этихъ формъ движенія имѣли преимущественно въ виду соединеніе и этотъ именно видъ движенія (какимъ образомъ изъ соединенія атомовъ происходятъ сложные тѣла и цѣлый міръ, какъ совокупность тѣлъ?) они хотѣли главнымъ образомъ изъяснить. Анаксагоръ же, напротивъ, имѣлъ въ виду преимущественно *раздѣляющій* видъ движенія и движущую дѣятельность ума разсматривалъ, какъ дѣятельность раздѣляющую по преимуществу.

Платонъ же признавалъ и соединеніе и раздѣленіе одинаково необходимыми и взаимно относящимися одна къ другой формами дѣятельности ума. И прежде всего въ самомъ познаніи, по Платону, проявляются эти формы умственной дѣятельности, причемъ соединяется сходное, однородное, а раздѣляется различное, какъ это признавалось вообще и прежними философами. Но Платонъ не ограничился лишь общимъ по-

верхностнымъ указаніемъ формъ умственной дѣятельности; онъ разъяснилъ и то, какъ именно происходитъ эта дѣятельность въ означенныхъ формахъ. Соединеніе, какъ сказано, относится къ сходному, однородному, именно соединяются виды при посредствѣ проходящаго чрезъ нихъ рода, который при этомъ хотя съ ними сообщается, но не смѣшивается; раздѣленіе же относится къ разнородному ¹⁾. При этомъ, какъ у атомистовъ несущее (пустота) признавалось условіемъ, безъ котораго не возможны ни соединеніе, ни раздѣленіе (вообще движеніе), такъ и Платонъ приходитъ къ необходимости признать небытіе сверхъ бытія на основаніи процессовъ діалектическаго соединенія и раздѣленія видовъ и родовъ ²⁾. Однимъ словомъ тѣ онтологическія опредѣленія, къ какимъ приходили прежніе философы, Платонъ прилагаетъ къ міру умственному, къ понятіямъ и ихъ отношеніямъ, и это потому, что Платонъ познание и познаваемое, понятія умственные и объекты этихъ понятій разсматривалъ, какъ обваруженія одной дѣятельной силы разума

¹⁾ Οὐκοῦν οὖτε τοῦτο δυνατόν δρᾶν μίαν ἰδέαν διὰ πολλῶν, ἐνὸς ἐκάστου κεκμένου χωρὶς, πάντη διατεταμένην ἰκανῶς διαισθάνεται, καὶ πολλὰς ἑτέρας, ἀλλήλων ὑπὸ μιᾶς ἔξωθεν περιεχομένης, καὶ μίαν αὖ δι' ὧν πολλῶν ἐν ἐνὶ ξυνημμένην, καὶ πολλὰς χωρὶς πάντη διωρισμένας. τοῦτο δ' ἔστιν ἧ τε κοινωνεῖν ἕκαστα δύναται καὶ ὅπῃ μὴ, διακρίνειν κατὰ γένος ἐπίστασθαι. Соф. 253 д. е. Т. е. кто въ состояніи это сдѣлать (раздѣленіе видовъ), тотъ будетъ замѣчать, какъ одна идея проходитъ чрезъ многое, причемъ каждая часть этого многаго не смѣшивается съ нею, но остается отдѣльною, и какъ, далѣе, многіе различные виды (или идеи) объемлются одною идеею, и опять эти единыя идеи, не теряя своего единства, соединяють многое, но такъ, что каждая часть этого многаго остается отдѣльною. Это и значить умѣть различать породу, насколько отдѣльное можетъ сообщаться и насколько не можетъ.

²⁾ Περὶ ἕκαστον τῶν εἰδῶν πολὺ μὲν ἐστὶ τὸ ὄν, ἄπειρον δὲ πλήθει τὸ μὴ ὄν. Т. е. при каждомъ изъ видовъ много есть сущаго и неизмѣримо больше несущаго. При этомъ Платонъ разъясняетъ, что несущее—это собственно есть *мног* или *различное* (ἑτέρον, ἡ φῆσις ἑατέρου), что несущее—это собственно есть *одно* въ томъ, что каждый видъ сущаго, будучи самъ въ себѣ тождественнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ различенъ отъ всякаго другаго, а насколько различенъ, онъ уже *не есть* этотъ другой, такъ что все отчасти *есть*, а отчасти *не есть*, *есть* въ одномъ отношеніи, а во многихъ другихъ отношеніяхъ *не есть*; поему во всемъ есть *бытіе* и *небытіе*, иначе во всемъ есть и тождество и различіе (ταῦτόν καὶ ἑτέρον), такъ что несущее это тоже, что различное. Итакъ понятіе небытія у Платона получаетъ логическое значеніе отрицанія.—Софистъ, 256 е. и д.

Полагая, что движеніе вообще состоитъ въ соединеніи однороднаго и раздѣленіи разнороднаго, тѣ, которые ничего болѣе не усматривали въ движеніи кромѣ механическаго дѣйствія, происходящаго въ силу необходимости, не могли указать самаго порядка, въ какомъ происходятъ оба процесса за нимѣніемъ основаній для опредѣленія такового порядка. Напротивъ Платонъ, видя въ дѣятельности разума, насколько эта дѣятельность обнаруживается въ познаніи, тѣже проявленія, именно процессы соединенія и раздѣленія, какъ уже замѣчено выше, не ограничивается указаніемъ этихъ процессовъ, но притомъ опредѣляетъ и самый порядокъ, въ какомъ происходятъ тѣ процессы, причемъ самъ же онъ поясняетъ, что это именно не было сдѣлано прежними философами. Именно онъ такъ говоритъ объ этомъ. Прежніе философы, основываясь на томъ, что во всемъ есть единое и многое, сразу переходили отъ одного къ другому, не указывая никакихъ промежуточныхъ ступеней между тѣми двумя крайностями, — *единымъ* и *многимъ*. Между тѣмъ недостаточно указать, что данный для изясненія предметъ представляетъ единое и вмѣстѣ многое, но надлежитъ сверхъ того изяснить, сколь много содержится въ единствѣ извѣстнаго рода, а для сего постепенно, мало-по-малу, слѣдуетъ переходить отъ единства къ неопредѣленному множеству, и также наоборотъ постепенно восходить отъ множества къ единству. Первый путь нисхожденія (отъ общаго къ частному) и есть *раздѣленіе* (*διαίρεσις*), обратный же путь восхожденія отъ частнаго къ общему есть *соединеніе* (*συναγωγή*)¹⁾. Такимъ образомъ логическіе пути мы-

¹⁾ Отъ древнихъ, говоритъ Платонъ, которые были лучше насъ и ближе къ богамъ, дошло до насъ такое сказаніе, что все сущее состоитъ изъ сдѣльнаго и многаго (*ὅς ἐστιν ἑνὸς μὲν καὶ ἐκ πολλῶν ὄντων τῶν αἰ λεγόμενων εἶναι*), по природѣ заключающа въ себѣ границу и неограниченное (*πέρας δὲ καὶ ἀπειρίαν ἐν αὐτοῖς ἐμμητονεύοντων*). Имѣя въ виду, что сущее таково, мы должны принимать обо всемъ отдѣльнымъ одну идею, и затѣмъ изслѣдовать, — не окажется ли, что эта идея точно содержится въ томъ отдѣльномъ (*δεῖν οὖν ἡμᾶς τοῦτων ὄντων διακωσμημένων, αἰ μίαν ἰδεᾶν περὶ πάντων ἐκαστοῦ θεμένου* *ζητεῖν εὐρήσασθαι γὰρ ἐνοῦσαν*); нашедши эту идею, мы должны затѣмъ разсматривать послѣ одного два, а если не окажется двухъ, то три или иное число, и подобнымъ-же образомъ разсматривать каждую изъ этихъ новыхъ частей и такъ продолжать, пока не будетъ ясно видно не только, что признающее вначалѣ еди-

сли отъ низшихъ къ высшимъ понятіямъ и обратно Платонъ признавалъ, очевидно, предопредѣленными самою природою вещей,—порядкомъ, существующимъ въ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможенъ, на чемъ основывается означенный выше, какъ составляющій сущность діалектическаго искусства, постепенный переходъ отъ единства ко множеству и обратно? Если бы не было никакого строгаго порядка въ самомъ бытіи вещей, тогда невозможна была бы и постепенность въ ихъ обозрѣніи. Но такой порядокъ есть; въ чемъ же онъ состоитъ? Въ томъ, что болѣе общее господствуетъ надъ менѣе общимъ или частнымъ, и частное всегда является подчиненнымъ болѣе общему. Посему частное относится къ общему, какъ низшее къ высшему, какъ средство къ цѣли, такъ что частное бываетъ совершеннымъ, болѣе или менѣе, лишь по мѣрѣ того, какъ оно согласуется съ общимъ. Съ этой точки зрѣнія самымъ совершеннымъ должно признать наиболѣе общее. Посему наиболѣе общее есть существующее для себя, а не для иной какой-либо высшей цѣли, т. е. цѣль его существованія заключается въ немъ самомъ, а не внѣ его. А что имѣетъ цѣль въ себѣ, то очевидно должно быть достаточнымъ для себя, ни въ чемъ не нуждаясь, и, слѣдовательно, самодовольнымъ и блаженнымъ. Теперь очевидно, что наиболѣе общее, все въ себѣ заключающее, а потому и наиболѣе совершенное—это есть міръ въ его цѣ-

пымъ есть единое и вмѣстѣ многое, но в то, какъ много въ немъ содержится (μέχρις αὐτὸ κατ' ἀρχὰς ἐν μῇ ὅτι ἐν καὶ πολλὰ καὶ ἀπειρά ἐστὶ μόνον ἴδιον τις, ἀλλὰ καὶ ὅποσα) и не прежде мы должны относить ко многому идею неограниченнаго, какъ сдѣлается извѣстнымъ совокупное число этого многого, находящееся въ среднѣи между единымъ и неограниченнымъ. Такъ боги научили изслѣдовать, теперешніе-же мудрецы, какъ случится (т. е. безъ метода), полагаютъ одно подлѣ многого, отъ одного прямо переходятъ къ неограниченному, среднее оставляя безъ вниманія. Между тѣмъ недостаточно напр. сказать, что звукъ есть вѣчто единое (по понятію) и вмѣстѣ много есть звуковыя, назыв. буквами, но нужно еще знать, какіе есть звуки и сколько ихъ, чтобы знать азбуку; равно музыканту недостаточно знать, что музыкальный тонъ (по понятію) есть одно и вмѣстѣ, что есть много тоновъ, но нужно еще знать, какіе это тоны и сколько ихъ... И какъ извъ одно, не слѣдуетъ тотчасъ смотрѣть на неограниченное, но на опредѣленное число, такъ и, наоборотъ, если приходится начать съ неограниченнаго, то не вдругъ переходить къ единому: но также обращать вниманіе на число, обнимающее въ себѣ любое множество, и постлѣ уже разсмотрѣніи всего по частямъ сводить все къ единству. Филебъ 16 с.—18—с.

лости. Дѣйствительно, по ученію Платона, міръ созданъ по совершеннѣйшему образцу, по *идеѣ универса*; это значитъ, что онъ все въ себѣ заключаетъ и внѣ его ничего иного нѣтъ. Будучи совершеннѣйшимъ, міръ можетъ быть только одинъ; посему нельзя допустить вмѣстѣ съ атомистами, что существуетъ множество міровъ. Далѣе мы должны представлять міръ, какъ одушевленное и разумное существо, ибо ничто, лишенное жизни и разума, не можетъ быть совершеннымъ. Совершенство міра состоитъ и въ томъ, что онъ имѣетъ прекраснѣйшую шаровидную форму и соотвѣтственное этой формѣ, столь же совершенное, наиболѣе близкое къ дѣятельности ума, круговое движеніе. Полнота же существованія міра, его универсальность, состоитъ въ томъ, что весь матеріалъ былъ употребленъ безъ остатка на образованіе его, а притомъ онъ содержитъ въ себѣ всѣ роды живыхъ существъ, изъ которыхъ человѣкъ, какъ высшее существо, наиболѣе имѣетъ въ себѣ подобія съ міромъ, почему можно назвать его *малымъ міромъ* ¹⁾. Съ той-же точки зрѣнія разсматривается и жизнь человѣка. Въ отношеніи къ человѣку наиболѣе общее, съ которымъ онъ состоитъ въ ближайшей связи, есть государство. А какъ общее есть цѣль въ отношеніи къ частному, которое должно быть въ подчиненіи этой цѣли, то и цѣль существованія человѣка, очевидно, должна заключаться въ благосостояніи государства. И подобно тому какъ совершенство міра состоитъ въ его единствѣ, а также въ самодостаточности, — въ томъ, что онъ обладаетъ всѣмъ нужнымъ для себя, при чемъ разумъ господствуетъ въ немъ надъ неразумнымъ, — такъ равно и государство можно признать наилучшимъ только тогда, если въ немъ господствуетъ полное согласіе и единство интересовъ, каковая цѣль достижима, по мнѣнію Платона, только при отсутствіи частнаго имущества и частной семейной жизни, а также при господствѣ разумаго пачала надъ неразумнымъ, для чего во главѣ государства должны быть люди мудрѣйшіе. (*Республика или Государство*. 484—487 а).

Но на ряду съ соединеніемъ однороднаго, сходнаго въ од-

¹⁾ Итакъ по Платону, человѣкъ образованъ по подобію міра, а не, какъ христіанство учить, по подобію самого Творца.

номъ общемъ, существуетъ въ мірѣ самое строгое раздѣленіе разнороднаго, и притомъ такъ, что раздѣленіемъ условливается общеніе и, наоборотъ, безъ раздѣленія не было бы и общенія: общее проходитъ чрезъ все обнимаемое имъ частное по такъ, что частное остается при этомъ раздѣленнымъ между собою, равно и съ общимъ не смѣшивается. Отсюда, хотя міръ и есть единое цѣлое, въ которомъ повсюду господствуетъ одна жизнь (міровая душа) и всѣмъ управляетъ одинъ разумъ,—однако цѣлое это раздѣлено на отдѣльныя части, существующія одна внѣ другой. Между этими отдѣльными частями міра существуютъ отношенія подчиненности и взаимодѣйствія. Именно сфера неподвижныхъ звѣздъ обнимаетъ собою низшія сферы планетныхъ движеній, нисходящая, въ послѣдовательномъ порядкѣ, до подлунной области движеній стихійныхъ, которая отличается наименьшею правильностію и потому представляетъ наименьшую степень совершенства. Равно и въ государствѣ, по Платону, совершенное общеніе и единство жизни достижимо лишь при самомъ строгомъ раздѣленіи различныхъ сферъ дѣятельности, такъ чтобы каждый классъ общества былъ занятъ исключительно своимъ дѣломъ, не вмѣшиваясь въ занятія другихъ, въ чемъ и состоитъ *справедливость* ¹⁾.

Такимъ образомъ Платонъ не только указалъ формы соединенія и раздѣленія, какъ проявленія дѣятельности разума, но, что особенно важно, онъ нашелъ и самый принципъ для упорядоченія этихъ формъ,—принципъ, заключающійся въ идеѣ *цѣлесообразности*, или по крайней мѣрѣ воспользовался въ должной мѣрѣ этимъ принципомъ.

Сравнивая философію Платона съ философіею прежняго времени, мы находимъ, что предшествующіе ему философы хотя также указывали формы соединенія и раздѣленія въ процессѣ образованія міра и въ устройствѣ его, однако имъ не-

¹⁾ Καὶ μὴν οὐ γὰρ τὸ τὰ αὐτοῦ πράττειν, καὶ ἰμὴ πολὺ πραγμονεῖν, δικαιοσύνη ἐστὶ, καὶ τοῦτο ἄλλων, τε πολλῶν ἀκηκόαμεν, καὶ αὐτοὶ πολλὰκις εἰρήκαμεν... Τοῦτο κινδυνεύει τρόπον τινὰ γινώμενον ἢ δικαιοσύνη εἶναι, τὸ τὰ αὐτοῦ πράττειν. Республика IV, 533 а, в. Изложенине выводы Платона объ устройствѣ міра и общества человеческого содержатся главнымъ образомъ въ двухъ діалогахъ: въ *Тимей* и *Республикѣ*.

доставало упорядочивающаго эти формы движенія принципа, не было руководящей идеи при обозрѣніи этихъ формъ. А это потому, что предположенныя ими движущія причины вещей они разсматривали какъ такія, которыя дѣйствуютъ единственно въ силу необходимости, а не по идеѣ цѣлесообразности, ибо по самому понятію объ этихъ движущихъ причинахъ дѣятельность ихъ не можетъ быть планосообразною, систематически упорядоченною. Такъ по ученію атомистовъ, движеніе атомовъ происходитъ отъ взаимнаго ихъ столкновенія; первоначальная же причина движенія, послѣдствіемъ которой является и самое столкновеніе, есть ихъ тяжесть. Но понятно, что движеніе, происходящее единственно отъ такой причины, не можетъ быть правильнымъ, т. е. направленнымъ къ какой либо опредѣленной цѣли. Оно можетъ быть, относительно результата, только случайнымъ ¹⁾, такъ что всѣ движенія, происходящія въ мірѣ, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія атомистической, представляются съ одной стороны дѣломъ необходимости, а съ другой стороны случайными, — по своимъ результатамъ: только начало движенія, но не его конецъ опредѣляется необходимостію, такъ какъ результатъ зависимъ отъ случайной встрѣчи множества второстепенныхъ причинъ, заключающихся вообще въ соединеніи и раздѣленіи атомовъ. По Эмпедоклу, всѣ движенія въ мірѣ происходятъ отъ двухъ противоположныхъ причинъ, — отъ любви и вражды, но лю-

¹⁾ Въ исторіи греческой философіи Целлера читаемъ: „движеніе атомовъ наши философы (Левкиппъ и Демокритъ) прямо признавали безначальнымъ, а потому Демокритъ отказывался говорить о причинѣ этого движенія, ибо безначальное и безконечное нельзя выводить изъ чего нибудь иного. И такъ, хотя Аристотель возражаетъ противъ атомистовъ, что они не сдѣлали надлежащаго изслѣдованія о причинѣ движенія, однакожъ нельзя не признать это превратнымъ сужденіемъ (ist es doch schief), если говорить, что они движеніе производили отъ случая. Случайнымъ движеніе атомовъ можно называть тогда только, если подъ случайнымъ разумѣть все, что не вытекаетъ изъ цѣлесообразности (was nicht aus einer Zweckthätigkeit hervorgeht); если же это выраженіе должно означать происхожденіе безъ натуральныхъ причинъ, то атомисты такъ далеки были отъ подобнаго утвержденія, что напротивъ ничего происходящаго въ мірѣ они не признавали случайнымъ“. Die Philosophie d. Griechen. I Theil, 6. 710. Никто иначе и не понималъ случайнаго, какъ въ смыслѣ противнаго цѣлесообразному, — и даже самъ Цицеронъ, котораго Целлеръ считаетъ главнымъ виновникомъ указываемаго имъ превратнаго будто бы сужденія о Демокритѣ. См. Nat. deor. 1, 24, 66.

бовъ и вражда не что-либо отдѣльное отъ самыхъ процессовъ соединенія и раздѣленія, а потому ими на самомъ дѣлѣ не разясняются эти процессы; причина соединенія и раздѣленія собственно заключается въ сходствѣ и различіи элементовъ, находящихся въ движеніи: сходное стремится къ соединенію; различное, напротивъ, одержимо враждою, т. е. стремится къ раздѣленію. Отсюда, понятно, невозможно было строго разграничить дѣйствія двухъ противоположныхъ причинъ соединенія и раздѣленія,—на что и Аристотель указываетъ, въ видѣ укора, Эмпедоклу за его непоследовательность, такъ какъ очевидно одно и то же, по необходимости, должно стремиться и къ соединенію съ однороднымъ и къ раздѣленію съ различнымъ ¹⁾. То же должно сказать и объ Анаксагорѣ. Ибо хотя онъ и указалъ высшій принципъ въ умѣ, однако не воспользовался этимъ принципомъ, но по примѣру прежнихъ философовъ остался при этомъ же взглядѣ на соединеніе и раздѣленіе элементовъ, какъ на дѣйствія чисто механическія.

За неимѣніемъ принципа, опредѣляющаго направленіе дѣйствій движущихъ причинъ, философы, слѣдовавшіе исключительно механическому способу изясненія вещей, относительно происхожденія и устройства вещей, могли ограничиться лишь немногими слишкомъ общими указаніями, теряясь затѣмъ въ частностяхъ, не имѣющихъ строго систематической, т. е. необходимой связи между собою, тѣмъ болѣе съ общимъ процессомъ мірообразованія. Такъ Демокритъ могъ указать лишь на то, что при столкновеніи атомовъ легчайшіе дол-

¹⁾ О тѣхъ философахъ, которые впервые стали различать отъ матеріальныхъ причинъ причины движенія (Эмпедоклъ, Анаксагоръ) Аристотель говоритъ: „они поступали, какъ люди неопытные въ бояхъ; какъ послѣдніе, въ жару битвы иногда дѣлають удачные удары, но неспуско, безъ разсчета, подобно тому и первые, по нудимому, не отдавали себѣ отчета въ томъ, что говорили, ибо не пользовались надлежащимъ образомъ указанными ими принципами. Такъ Анаксагоръ, изяснилъ мірообразованіе, пользуется своимъ умомъ механически (μηχανῇ); когда онъ затруднился указать причину, дѣйствующую въ силу необходимости (а не свободно—τὴν αἰτίαν ἐξ ἀνάγκης), тогда онъ привлекаетъ къ дѣлу умъ; вообще же все другое у него болѣе служитъ причиною происшедшаго, чѣмъ самъ умъ. Равнымъ образомъ Эмпедоклъ, хотя и болѣе пользуется своимъ причинами, но все же недостаточно, а насколько пользуется, несогласнымъ оказываться самъ съ собою, ибо перѣдко у него дружба раздѣляетъ, а вражда соединяетъ. Метаф. 1, 4. 985 а.

жны были подняться вверхъ, а болѣе тяжелые сплотиться въ центрѣ, отъ чего произошло раздѣленіе неба и земли; частнѣйшія же объясненія отдѣльных явленій не имѣютъ никакого отношенія къ этой теоріи мірообразованія. Эмпедокль предполагалъ періодическую смѣну противоположныхъ состояній міра, изъ которыхъ въ одномъ господствуетъ вражда, а въ другомъ преобладаетъ любовь, т. е. ничего иного здѣсь не представляется кромѣ продолженнаго въ безконечность повторенія однихъ и тѣхъ же процессовъ соединенія и раздѣленія. Не имѣя необходимой связи съ порядкомъ происхожденія и общимъ устройствомъ вещей, частныя объясненія отдѣльных явленій, при механическомъ міросозерцаніи, возможны единственно лишь по указаніямъ и на основаніи опыта. Конечно, и при томъ предположеніи, что въ мірѣ дѣйствуетъ разумная причина, отдѣльныя дѣйствія или явленія также могутъ быть изъясняемы не иначе, какъ при пособіи опытнаго изученія вещей, но означенное предположеніе, внушая вѣру въ цѣлесообразный характеръ устройства міра, а также дѣятельности силъ въ немъ существующихъ и направляемыхъ высшею причиною къ лучшему и совершеннѣйшему, заставляетъ относить на счетъ нашего невѣдѣнія и ограниченности нашихъ познавательныхъ силъ затруднительность и даже невозможность, нерѣдко встрѣчаемую на дѣлѣ — связать въ одну правильную систему, исполнѣ удовлетворительную для разума, наши познанія о вещахъ, между тѣмъ какъ, при разсмотрѣніи вещей съ точки зрѣнія механической необходимости, случайность и безсвязность въ нашихъ опытныхъ знаніяхъ приходится относить къ самой дѣйствительности. При этомъ естественно, что вѣра въ существованіе разумнаго порядка въ мірѣ служитъ источникомъ или, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшею поддержкою требованій разумности и въ отношеніи къ собственнымъ нашимъ дѣйствіямъ, между тѣмъ какъ для механическаго міровоззрѣнія не представляется особыхъ побужденій придавать важность требованіямъ разумности и цѣлесообразности, на сколько такія требованія прямо не оправдываются чисто натуральными побужденіями, которымъ при этомъ дается наиболѣе широкій просторъ. Съ другой стороны, относя недо-

статии, свойственные нашимъ знаніямъ (съ точки зрѣнія требованій разума) на счетъ объективной дѣйствительности,—механическая точка зрѣнія внушаетъ самоувѣренность. Но всѣ эти послѣдствія двухъ противоположныхъ міровоззрѣній могли обнаружиться вполне лишь съ теченіемъ времени.

Теперь же для насъ важно съ возможною ясностію опредѣлить тѣ пункты, въ которыхъ расходятся два главныхъ направленія философской мысли, насколько удалось намъ доселѣ прослѣдить отличительныя черты того и другаго направленія.

Идеализмъ, признавая разумъ дѣйствующимъ началомъ сколько въ познаніи, столько же и въ дѣйствительности познаваемой, полагалъ дѣятельность разума главнымъ образомъ въ сообщеніи направленія какъ познаванію, такъ и бытію познаваемому къ наиболѣе совершенному; понимая же совершенное, какъ наиболѣе общее, идеализмъ, поэтому, въ отношеніи къ дѣйствительности познаваемой слѣдовалъ тому методу, что частное выводилъ и изъяснялъ изъ болѣе общаго, рассматривая такимъ образомъ болѣе общее въ отношеніи къ менѣе общему, какъ условіе или основаніе его существованія; равно и въ познаніи главною задачею признавалъ установленіе общихъ принциповъ, именно обработку общихъ понятій (по выраженію Платона, въ познаніи мы должны переходить отъ идей къ идеямъ и чрезъ идеи), видя въ частныхъ фактическихъ свѣдѣніяхъ и представленіяхъ, получаемыхъ чрезъ наблюденіе, лишь матеріалъ или средство къ уясненію общихъ понятій, необходимо присущихъ разуму. По Платону, вещи наблюдаемыя имѣютъ для насъ то значеніе, что чрезъ нихъ мы припоминаемъ идеи, такъ что познаніе наше есть не что иное, какъ *воспоминаніе* ¹⁾.

Реализмъ же, не предполагая строгаго единства въ дѣйствіяхъ причинъ, полагаемыхъ имъ въ основу существующаго устройства вещей, напротивъ признавая дѣйствія наблюдаемыя въ мірѣ, по необходимости лишенными всякаго единства, по причинѣ зависимости ихъ отъ случайной встрѣчи и взаимо-

¹⁾ Въ этомъ взглядѣ Платона на познаніе, какъ на воспоминаніе (изложенномъ въ діалогѣ *Менон*; см. также *Федра*) скрывается начало гипотезы о врожденныхъ идеяхъ. Гипотеза эта, какъ увидимъ, въ особенности имѣла важное значеніе въ новой философіи.

дѣйствія множества частныхъ причинъ, хотя и происходящаго въ каждомъ данномъ случаѣ въ силу необходимости,—считалъ поэтому невозможнымъ изъяснять отдѣльные факты прямо изъ какихъ-либо общихъ началъ и установленіе систематической связи между явленіями реализму всегда казалось неразрѣшимою задачею; напротивъ, онъ требовалъ всякое явленіе, всякій фактъ изъяснять изъ частныхъ причинъ, не пытался вывести частное изъ общаго порядка вещей ¹⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ и въ самомъ познаніи реализмъ важнѣйшее значеніе придавалъ не общимъ понятіямъ, слѣдовательно не мышленію, имѣющему дѣло съ понятіями, а наблюденію, которое даетъ намъ знать объ отдѣльныхъ случаяхъ. Впрочемъ, всѣ эти положенія, или вѣрнѣе предположенія реализма и для самаго реализма получили совершенную ясность лишь въ послѣдствіи, именно уже послѣ того, какъ были поставлены и подвергнуты всестороннему изслѣдованію вопросы о познаніи, которые однако были рѣшаемы въ началѣ въ направленіи идеалистическомъ, ибо идеализмъ именно и привелъ къ самой постановкѣ, этихъ вопросовъ, какъ выше показано. Вотъ почему еще ни у Анаксагора, ни у атомистовъ, ни у Эмпедокла мы не находимъ ясно выраженными указанныхъ выше положеній, характеризующихъ методъ, свойственный реализму и задачи его умственной дѣятельности.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что намѣренное устраненіе принципа цѣлесообразности могло явиться въ реализмѣ лишь послѣ того, какъ этотъ принципъ былъ установленъ идеализмомъ. Поэтому объясненія, основанныя на атомистической теоріи, явно были направлены противъ принципа цѣлесообразности только въ эпикурейской школѣ, и главнымъ образомъ въ извѣстной поэмѣ *Дукреція*, о чемъ см. ниже.

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО XXXII *).

ДОЛЖНО ИЗБЕГАТЬ ТОЛПЫ И НЕ СЛѢДОВАТЬ ЕЯ ПРИМѢРУ; ДОЛЖНО УКЛОНЯТЬСЯ ОТЪ ЗРѢЛИЩЪ, ОСОБЕННО КРОВАВЫХЪ.

Ты спрашиваешь, чего по преимуществу должно тебѣ избѣгать? *Отверну тебѣ*—толпы. Никогда не можешь ты оставаться въ ней съ безопасностію. И по крайней мѣрѣ признаюсь тебѣ въ моей слабости: никогда не возвращаюсь я домой *съ тѣмъ-же нравственнымъ содержаніемъ*, съ какимъ уходилъ изъ дома. *Всегда* что-либо изъ того, что уже приведено мною въ порядокъ, разстроится; снова появится во мнѣ что-либо изъ того, что я уже изгналъ. Что случается съ больными, которые послѣ продолжительной болѣзни доходятъ до такой слабости, что не могутъ безъ вреда для себя появиться *на открытомъ воздухѣ*, тоже случается и съ нами, когда духъ нашъ поправляется послѣ продолжительной болѣзни. Вредно вращаться въ толпѣ. Не найдется (въ толпѣ) ни одного, который не представилъ-бы намъ какого-либо порока (примѣромъ), или не напечатлѣлъ-бы его *въ насъ словомъ*, или не заразилъ-бы насъ *даже* незамѣтно для насъ. И непременно, чѣмъ больше лицъ, съ которыми мы вступаемъ въ общеніе, тѣмъ больше опасности. Но нѣтъ ничего болѣе вреднаго для доброй нравственности, какъ присутствовать на зрѣлищахъ; въ это время при удовольствіи пороки легче закрадываются въ насъ. Что ты думаешь, если я скажу тебѣ, что я возвращаюсь (съ зрѣлищъ)

*) Ер. VII.

корыстолобствѣ, честолюбствѣ, сладостраствѣ, даже жестоко-сердѣ и безчеловѣчнѣ, потому что побывалъ между людьми? Случайно попалъ я на представленіе въ срединѣ дня, ожидая истрѣ, остроты и нѣкотораго развлечения, чтобы успокоить глаза отъ вида человѣческой крови *). Здѣсь оказалось противное; прежде видѣнныя битвы были предъ этимъ похожи на состраданіе. Теперь безъ всякихъ забавныхъ шутокъ, совершалось чистое челоуѣкоубійство. У бойцовъ не было никакого прикрытія; всѣмъ тѣломъ они выставлялись подъ удары и ни одинъ ударъ не пропадалъ даромъ. Большинство предпочитало это обыкновеннымъ, въ порядкѣ парами выступавшимъ и вызываемымъ бойцамъ. Да и какъ не предпочитать? Ударъ меча не отражается ни шлемомъ, ни щитомъ. Къ чему тутъ защита, зачѣмъ фехтовальное искусство? Все это замедляетъ смерть. Утромъ отдаютъ люди львамъ и медвѣдямъ, а въ полдень зрителямъ. Убившаго приказываютъ отдать другому на убіеніе, побѣдителя берегутъ для новаго убійства. Исходомъ для бойцовъ служитъ смерть; дѣло совершается посредствомъ меча и огня, пока не опустѣетъ арена.

„Но если кто совершитъ открытый грабежъ, чего онъ заслуживаетъ?“ Онъ долженъ быть повѣшенъ. „А если убилъ челоуѣка?“ Кто убилъ, тотъ самъ заслуживаетъ того-же; но чѣмъ-же ты несчастный заслужилъ, что смотришь на все это? „Убивай, бей, жги! Зачѣмъ онъ такъ трусливо идетъ противъ меча? Зачѣмъ онъ не смѣло убиваетъ? Зачѣмъ такъ неохотно умираетъ? **) Ударами гонятъ ихъ на раны и они получаютъ и наносятъ удары въ открытую грудь. Вотъ перерывъ зрѣлища и въ это время, чтобы дѣлать что-нибудь, между прочимъ убиваютъ людей. Неужели вы даже не понимаете того, что дурные при-

*) Въ римскихъ циркахъ и амфитеатрахъ устраивались въ теченіи дня дважды зрѣлища—утреннее и въ срединѣ дни. Утромъ устраивались зрѣлища кровавыя, на которыхъ боролось люди съ дикими разъяренными звѣрями; въ полдень происходили фехтованія и гладиаторская борьба между оставшимися, которая перѣдко, какъ видно изъ приведеннаго разсказа, получала также характеръ кровопролитной борьбы, хотя изъ словъ Сенеки видно, что зрители развѣтывали успокоиться этимъ зрѣлищемъ послѣ кровавыхъ утреннихъ сценъ.

**) Такія слова перѣдко можно было слышать въ амфитеатрѣ со стороны безчеловѣчныхъ зрителей. Трусливыхъ и позирающихъ назадъ бойцовъ побуждали идти на бой огнемъ и бичами.

мѣры обращаются потомъ на тѣхъ, которые ихъ даютъ? Благодарите безсмертныхъ боговъ за то, что вы учите жестоко-сти такого человѣка, который не можетъ этому выучиться *). Слабый и мало устойчивый въ справедливости характеръ долж-но уничтожать въ народѣ; онъ легко дѣлается достояніемъ боль-шинства. Разнохарактерная толпа могла-бы сбить съ пути Со-крата, Катона и Лелія,—до того каждый изъ насъ, въ то вре-мя какъ главнымъ образомъ заботится объ образованіи харак-тера, не въ состояніи противостоять натиску пороковъ, являю-щихся съ великою свитою. Одинъ примѣръ роскоши или ко-рыстолюбія приноситъ много зла; изнѣженный сожитель мало по-малу ослабляетъ и пріучаетъ къ изнѣженности; сосѣдь-богачъ возбуждаетъ въ насъ жадность; безпирравственный сотоварищъ сообщаетъ свою ржавчину даже самому чистому и отшлифо-ванному. Что-же, думаешь ты, случится съ тѣмъ характеромъ, на который производитъ давленіе цѣлый народъ? Необходимо, что ты или будешь подражать, или питать ненависть. Но то-го и другаго нужно избѣгать, чтобы не быть похожимъ на дурныхъ, такъ какъ ихъ много, ни быть врагомъ многимъ, такъ они на тебя не похожи. Замкнись въ себя самого, на сколько можно; вступай въ сношенія съ тѣми, которые сдѣ-лаютъ тебя лучшимъ; допускай къ себѣ тѣхъ, которыхъ ты можешь улучшить. При этомъ происходитъ взаимодействіе, и люди, уча, учатся. Такимъ образомъ желаніе проявить свой талантъ не должно влечь тебя въ среду (толпы) съ намѣрені-емъ держать предъ нею рѣчь **) или о чемъ-либо разсуждать съ нею. Я желалъ-бы, чтобы ты это дѣлалъ, если-бы имѣлъ у себя соотвѣтствующій толпѣ матеріалъ. А такъ тебя никто не пойметъ. Можетъ быть одинъ—другой попадется тебѣ, но и это-го тебѣ нужно будетъ прежде образовать и научить, чтобы

*) Смыслъ словъ: „неужели вы даже не понимаете и пр.“—такой: вы теперь убиваете людей и примѣромъ учите другихъ человекоубійству, забываа то, что наученный нашимъ примѣромъ зритель, особенно изъ людей могущественныхъ, можетъ потомъ убивать васъ. „Благодарите и пр.“ Этими словами Сенека харак-теризуетъ Перопа, своего воспитанника, какъ-бы говоря: „Благодарите боговъ за то, что Перопу данъ столь кроткій характеръ, что онъ, благодаря такимъ кро-вавымъ зрѣлищамъ, не можетъ сдѣлаться жестокимъ“. Лестъ-ли это или иронія, не рѣшаемся опредѣлить.

**) Читая предъ нею свои произведенія.

онъ тебя понималъ. „Для кого-же, скажешь ты, я учился-то всему?“ Не думай, что ты потерялъ трудъ, если ты учился для самого себя.

Но чтобы и сегодня учился не для себя только, сообщу тебѣ три прекрасныя, встрѣтившіяся мнѣ, изреченія, близко по смыслу стоящія къ вышесказанному. Однимъ изъ нихъ я заплачу долгъ за это письмо, а два остальныхъ прими, какъ плату впередъ. Демокритъ *) говорить: „для меня одинъ человекъ тоже, что народъ, и народъ тоже, что одинъ человекъ“. Хорошо также отвѣтилъ нѣкто (не припомню съ точностію автора отвѣта) на вопросъ, почему онъ съ такимъ прилежаніемъ занимается искусствомъ, которое можетъ имѣть отношеніе къ самому ничтожному количеству людей: „для меня сказалъ онъ, достаточно немногихъ, достаточно одного, даже никого не нужно“. Прекрасно также третье изреченіе. Эпикуръ въ письмѣ къ одному изъ своихъ сотоварищей по научнымъ занятіямъ говоритъ: „это пишу я не для многихъ, а для тебя; вѣдь мы одинъ для другаго достаточная публика“. Все это, мой Луцилій, нужно напечатлѣть въ душѣ своей, чтобы не склониться къ удовольствію, которое имѣетъ своимъ источникомъ одобреніе толпы. Многіе тебя хвалятъ; но какое основаніе имѣешь ты быть довольнымъ собою, если ты изъ тѣхъ, которыхъ понимаютъ многіе. Пусть твои добродѣтели наблюдаютъ внутри.

ПИСЬМО XXXIII **).

О ЛУЧШЕМЪ СПОСОБѢ ФИЛОСОФСКАГО ОБУЧЕНІЯ.

Ты справедливо настаиваешь на томъ, чтобы мы чаще обмѣнивались между собою письмами. Весьма много пользы приносить рѣчь, которая проникаетъ въ душу мало-по-малу; а заранѣе приготовленныя и предъ толпою слушателей льющіяся разсужденія производятъ больше шума, нежели заключаютъ въ себѣ искренности. Философія—хорошій совѣтникъ, а совѣта

*) Демокритъ былъ однимъ изъ славныхъ философовъ древности, родомъ изъ Абдеры. Онъ былъ послѣдователь элейской философіи и замѣчательнъ особенно тѣмъ, что первый ввелъ ученіе объ атомахъ.

**) Ер. XXXVIII.

никто не даетъ съ громкимъ крикомъ. Иногда, впрочемъ, нужно прибѣгать и къ тону народныхъ ораторовъ, когда нужно побудить нерѣшительнаго; но когда нужно сдѣлать не то, чтобы кто-либо пожелалъ учиться, а чтобы учился, тогда нужно прибѣгать къ спокойной (краткой) рѣчи. Она легче проникаетъ душу и напечатлѣвается; вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы было много словъ, но въ томъ, чтобы они были дѣйственны. Слова должно сѣять на подобіе сѣмени. Последнее будучи маленькимъ, упавши на добрую почву, развиваетъ свои силы и изъ самаго маленькаго вырастаетъ въ большое растеніе. Тоже бываетъ и съ ученіемъ разума; оно, если взглянуть, не распространяется много *въ словахъ*, но растетъ въ дѣлахъ. Не много тутъ говорится, но если сказанное восприметъ умъ хорошій, то оно пріобрѣтаетъ силу и возрастаетъ. Краткія правила, скажу я, развиваются при томъ-же условіи, какъ и сѣмя; они приносятъ много, хотя и не обширны, только-бы, какъ я сказалъ выше, воспринялъ и усвоилъ ихъ способный умъ. Многое онъ потомъ возраститъ въ себѣ и принесетъ больше, чѣмъ взялъ.

ПИСЬМО XXXIV *).

МУДРЫЙ, ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ОКАЗЫВАЕТЪ БЛАГОДѢЯНІЕ И БЫВАЕТЪ ПРИЗНАТЕЛЕНЪ ЗА НИХЪ, НЕ ВЗИРАЯ НА ОБИДЫ.

Ты жалуешься, что встрѣтился съ человѣкомъ неблагодарнымъ. Благодари судьбу или свою опытность, если это первый случай. Но въ этомъ отношеніи твое благоразуміе безсильно; оно можетъ только раздуть худшія порыванія твоей души; ибо—пожелай ты избѣгнуть опасности встрѣтить неблагодарность,—ты никогда не будешь оказывать услугъ другому; такимъ образомъ изъ страха, что твое благодѣяніе не будетъ оцѣнено другимъ, ты уничтожаешь его въ самомъ зародышѣ. Пусть *оказанныя* благодѣянія не встрѣтятъ отвѣта,—предпочтительнѣе оказывать ихъ, чѣмъ пренебрегать ими. И послѣ плохой жатвы слѣдуетъ дѣлать посѣвы. Часто урожай одного года вознаграждаетъ за то, что погибло подъ непре-

*) Ер. 81.

рывными, все изсупающими, лучами жгучаго солнца. Для насъ столь дорого встрѣтить признательнаго человѣка, что ради этого мы можемъ подвергнуть себя опасности испытать неблагодарность. Никто не обладаетъ настолько опытными руками въ распредѣленіи благодарній, чтобы иногда не дался въ обманъ: пусть человѣкъ дѣлаетъ промахи въ этомъ отношеніи,—когда-нибудь онъ сдѣлаетъ благодѣяніе, которое принесетъ и пользу. И послѣ кораблекрушенія люди пускаются въ море; дѣлаетъ заемъ у банкира и человѣкъ, удалившійся отъ дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь скоро застынетъ въ неподвижномъ покоѣ, если оставить все то, въ чемъ мы потерѣли неудачу; напротивъ самое это дѣло—услужливость—сдѣлаетъ тебя болѣе благожелательнымъ; ибо когда исходъ дѣла неизвѣстенъ, мы должны дѣлать многократныя усилія, чтобы достигнуть успѣха.

Объ этомъ предметѣ, впрочемъ, мы достаточно подробно говорили въ сочиненіи „О благодѣяніяхъ“. Теперь предстоитъ тщательнѣе изслѣдовать то, что, мнѣ кажется, пока не вполне разъяснено. Именно, желательно знать, освобождаемся ли мы отъ долга по отношенію къ тому, который сдѣлалъ намъ сначала добро, а затѣмъ причинилъ вредъ, и тѣмъ какъ-бы уравнились наши съ нимъ счеты. Представь себѣ, пожалуй, и то, что онъ гораздо болѣе повредилъ впоследствии, чѣмъ ранее принесъ пользы. Если ты ищешь справедливаго сужденія неподкупнаго судьи, то онъ уничтожитъ взаимныя притязанія тяжущихся сторонъ, сказавши: хотя бы обиды и перевѣшивали сдѣланное добро,—этотъ излишекъ несправедливости *сравнительно съ добромъ* должно подарить другому въ уваженіе сдѣланнаго имъ добра. Онъ болѣе принесъ *намъ* вреда, чѣмъ оказалъ услугъ? но онъ дѣлалъ намъ добро прежде, чѣмъ причинилъ вредъ: пусть въ этомъ дѣлѣ не забывается и расчетъ времени. Впрочемъ, это дѣло слишкомъ ясно и не требуетъ напоминанія о томъ, что должно строго различать, въ какой мѣрѣ охотно другой сдѣлалъ намъ добро или насколько противъ своего желанія причинилъ намъ вредъ: ибо и благодѣяніе и несправедливости имѣютъ цѣну соразмѣрно съ душевнымъ расположеніемъ къ нимъ. Иногда человѣкъ не

имѣеть намѣренія оказывать благодѣяніе *другому*, но бываетъ припужденъ къ этому или совѣстливостью, или пастойчивостью мщущаго благодѣянія, или надеждой на его возвратъ. Мы должны принимать въ долгъ вещи съ тою мыслію, съ какою онѣ намъ даются; и должны тщательно взвѣшивать не то, сколько онѣ стоятъ, но съ какимъ расположеніемъ даны. Отложимъ пока въ сторону эти разсужденія. *Остановимся на томъ, что* вотъ это дѣло—благодѣяніе, а то, имѣющее не одну мѣру съ прежнимъ благодѣяніемъ, есть несправедливость. Добрый человѣкъ такъ всегда раскладываетъ на счетахъ благодѣяніе и злодѣяніе, что самъ себя обсчитываетъ; для благодѣянія онъ накидываетъ косяшекъ больше (увеличиваетъ его цѣнность), для несправедливости скидываетъ ихъ со счетовъ (уменьшаетъ ее); а иной болѣе снисходительный судья (какимъ я желалъ бы быть) скажетъ, что обиды должны забывать, а благодѣянія хранить въ памяти. Безъ сомнѣнія, скажетъ кто-нибудь, —долгъ справедливости въ томъ состоитъ, чтобы воздавать каждому должное: благодѣянію принадлежитъ благодарность, несправедливости мщеніе, или, по крайпей, мѣръ негодованіе. Впрочемъ, это сужденіе относится къ тому случаю, когда одинъ дѣлаетъ несправедливость, а другой оказываетъ намъ благодѣяніе; а если и то и другое дѣлаетъ одинъ и тотъ-же человѣкъ, то несправедливость уравнивается благодѣяніемъ. Вѣдь если надлежитъ прощать тому, кому мы ничѣмъ не обязаны, то болѣе чѣмъ прощеніемъ, обязаны тому, кто обижаетъ насъ послѣ того, какъ оказывалъ намъ благодѣянія. Я не называю одинаковой цѣны для того и другаго: благодѣянію я придаю вѣса болѣе, чѣмъ несправедливости. Отдавать долгъ благодѣянію не всѣ благодарные умѣютъ: и человѣкъ непроницательный, и необразованный, и человѣкъ толпы, безъ сомнѣнія, умѣютъ быть благодарными за благодѣяніе, когда память о немъ свѣжа; но всѣ они не вѣдаютъ, сколь много обязаны этимъ благодѣяніемъ. Одному мудрому извѣстно, во-сколько должно цѣнить каждую вещь. Глупый же, при всей своей доброй волѣ и охотѣ, или не платитъ за благодѣяніе, сколько должно, или платитъ за него не во-время и неумѣстно: свою долговую сумму онъ рассыпаетъ даромъ и на сторону.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова имѣють удивительную точность, и въ нашемъ языкѣ, усвоившемъ стародавній способъ выраженія, наглядными и поучительными чертами обозначаются обязанности. Такъ мы обыкновенно говоримъ: „онъ ему отнесъ благодарность“ *). Отнести значитъ добровольно принести, что долженъ. Мы не говоримъ: „воздать благодарность“; ибо воздаютъ благодарность и тѣ, которые принуждаются къ ней требованіемъ со стороны другаго, и тѣ, которые дѣлають это неохотно, и когда имъ вздумается, и тѣ, которые побуждаются къ отплатѣ за благодѣяніе внушеніемъ челоуѣка посторонняго. Не говоримъ также: „положилъ на прежнее мѣсто“ и „выплатилъ“ благодарность: мы не любимъ выраженій, которыя приличны для обозначенія уплаты другому денегъ. Относить значитъ нести къ тому, отъ котораго получилъ: это слово обозначаетъ добровольное возвращеніе; кто отнесъ, тотъ самъ себя пригласилъ къ этому. Мудрый все взвѣшиваетъ въ своемъ умѣ: сколько получилъ, отъ кого, когда, гдѣ и какимъ образомъ. Согласимся, что никто, кромѣ мудраго, не умѣетъ быть признательнымъ за благодѣяніе, равно какъ и оказывать благодѣяніе умѣетъ только мудрый, т. е. тотъ, который столько же любитъ оказывать, сколько другой любитъ получать благодѣянія,—и даже болѣе того.

Это положеніе можетъ показаться сомнительнымъ, и кто-нибудь, пожалуй, отнесетъ его къ числу тѣхъ, которыя мы называемъ несогласными съ мнѣніемъ всѣхъ людей,—къ положеніямъ, извѣстнымъ у грековъ подъ названіемъ парадоксовъ **). „Неужели никто кромѣ мудреца не умѣетъ быть признательнымъ?“ — скажетъ кто-нибудь. „Никто не умѣетъ возратить своему заимодавцу то, что долженъ? Никто, купивши вещь, не сумѣетъ заплатить купцу ея стоимость?“ — Не подумай, что я одинъ это утверждаю—то же говоритъ и Эпикуръ. По крайней мѣрѣ извѣстно изреченіе Метродора, что „одинъ лишь мудрый знаетъ искусство быть благодарнымъ“. Не смотря на

*) Ille illi gratiam retulit.

**) Парадоксомъ называется положеніе, при необычномъ пониманіи предмета, поразжающее особенно непосвященныхъ, кажушееся иногда даже противорѣчающимъ здравому смыслу, но при ближайшемъ разсмотрѣніи являющееся обоснованнымъ

сказанное, тотъ-же писатель удивляется, когда мы говоримъ: „одинъ мудрый умѣетъ любить, одинъ только мудрый можетъ быть настоящимъ другомъ“. Но вѣдь отдавать благодарность есть удѣлъ и любви и дружбы; даже это свойство—быть благодарнымъ—болѣе распространено между людьми, и благодарность падаетъ на большее количество людей, чѣмъ истинная дружба. Для этого человѣка кажется удивительнымъ, когда мы утверждаемъ и то, что „вѣрность обрѣтается только въ мудреца“, какъ будто онъ утверждаетъ не тоже самое. Думаешь ли ты, что сохраняетъ вѣрность тотъ, кто не умѣетъ воздать благодарностью за благодѣяніе?

Итакъ, пусть перестанутъ поносить насъ, какъ людей, самоувѣренно и хвастливо распространяющихъ мнѣнія мало вѣроятныя; и пусть знаютъ, что мудрый владѣетъ честнымъ въ его настоящемъ видѣ, а у рядовыхъ, обыкновенныхъ людей имѣются только отдаленныя изображенія и подобія честнаго. Кроме мудреца, никто не умѣетъ отдавать долгъ благодарности; конечно, и перасудительный обязанъ воздавать за благодѣяніе, сколько можетъ и какъ можетъ; пусть лучше у него недостаетъ умѣнья, чѣмъ доброй воли. Желать отъ него зависить и не получается путемъ передачи отъ другихъ. Мудрый же прикинетъ на вѣсахъ всякія подробности: вѣдь благодѣяніе, оставаясь въ существѣ однимъ и тѣмъ-же, бываетъ болѣе или менѣе цѣннымъ, смотря по времени, мѣсту и побужденію. Часто случается, что тысяча динаріевъ, данныя во-время, приносятъ больше пользы, чѣмъ груды денегъ, въ другую пору внесенныя въ домъ щедрою рукою. *Для насъ* вѣдь много значить то, подарилъ ли ты намъ просто что-нибудь или оказалъ помощь; оберегла ли насъ отъ опасности твоя щедрость, или вывела на прямую дорогу къ обогащенію. Часто то, что дается, незначительно, а происходитъ изъ него нѣчто важное. Какъ же ты думаешь,—во-сколько для насъ важно то, изъ своего ли сундука кто-нибудь беретъ то, что онъ расположенъ дать, или не отказывается принять благодѣяніе, чтобы въ свою очередь помочь кому-либо?

Не будемъ возвращаться къ тому, что достаточно изслѣдовали: въ этомъ взвѣшиваніи благодѣянія и несправедливости

добрый человекъ свое сужденіе будетъ наклонять туда, гдѣ будетъ высшая справедливость; впрочемъ для него пріятнѣе будетъ давать перевѣсъ благодѣлю, и склоняться болѣе на эту сторону. Безспорно, въ дѣлахъ такого рода свойства личности, обыкновенно, вносятъ очень много разнообразія и измѣнчивости. *Иной, напримеръ, можетъ размышлять такъ:* ты сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе въ лицѣ моего слуги, ты оберегъ для меня моего сына, но сдѣлалъ несправедливость въ лицѣ отца. Онъ будетъ наблюдать и другія обстоятельства, при помощи которыхъ обезпечивается всестороннее обсужденіе вещей въ данномъ случаѣ; и если маловажно то, что его касается, онъ пренебрежетъ имъ. Пусть это даже много значить для него, но если онъ можетъ простить безъ оскорбленія любви и вѣрности роднымъ, онъ проститъ это, т. е. если обида всецѣло относится къ нему самому. Вообще, сущность дѣла такова: онъ будетъ уступчивъ въ этой взаимной мѣнѣ, и скорѣе будетъ терпѣть, если ему поставятъ на его счетъ болѣе, чѣмъ онъ долженъ. Для него не будетъ радости уравнивать благодѣяніе съ обидой: онъ скорѣе будетъ наклоняться въ ту сторону, чтобы считать себя обязаннымъ долгомъ благодарности и желать возвратить его.

Заблуждается тотъ, кто больше склопенъ получать благодѣнія, чѣмъ платить за нихъ. Какъ на душѣ свѣтлѣе бываетъ тогда, какъ мы уплачиваемъ долгъ, чѣмъ когда дѣлаемъ заемъ,—такъ и тѣмъ, кто снимаетъ съ себя величайшую тяжесть принятаго отъ другаго благодѣянія, испытываетъ большую радость, чѣмъ человекъ, вступающій къ другому въ большія обязательства. Ибо и въ томъ обманываются неблагодарные, что они у заимодавца насчитываютъ капиталы сверхъ положенія и состоянія, и думаютъ обыкновенно, что благодѣянія расточаются даромъ и не требуютъ отплаты. Между тѣмъ благодѣянія увеличиваются въ своей цѣнности при медлительности въ отвѣтъ на нихъ: и тѣмъ въ большей мѣрѣ должно заплатить за нихъ, чѣмъ далѣе отложенъ срокъ ихъ уплаты. Неблагодаренъ тотъ, кто возвращаетъ благодѣяніе безъ всякой надбавки, *безъ процентовъ*. Такимъ образомъ полный счетъ за благодѣяніе будетъ сведенъ тогда, когда мы поставимъ въ

должное сравненіе то, что получили, съ тѣмъ, что отдано нами.

Мы должны дѣлать все возможное, чтобы увеличить нашу благодарность; это нашъ долгъ, *одно изъ свойствъ благодарности*: вѣдь справедливости не бываетъ и тогда, когда мы помышляемъ о пользѣ другаго, какъ обыкновенно думаютъ; самая большая часть благодаренія возвращается къ виновнику его. Всякій, принося пользу другому, приноситъ пользу и себѣ. Я говорю не о томъ случаѣ, когда кто-нибудь захочетъ помочь оказавшему ему помощь прежде, захочетъ зацѣпить оказавшаго зацѣпу,—но о томъ, что добрый примѣръ круговымъ отвѣтнымъ движеніемъ возвращается обыкновенно къ его виновнику; подобно тому какъ худые примѣры вредятъ въ свою очередь виновникамъ ихъ, и никакой жалости не выпадаетъ на долю тѣхъ, которые терпятъ обиды, потому что они своими дѣйствіями научили другихъ, что обиды могутъ быть наносимы: я говорю во имя той мысли, что *вообще* воздаяніе за добродѣтели находится въ насъ самихъ. Благодаренія не оказываются изъ-за награды: сдѣланы онѣ съ чистой совѣстью—награда для нихъ въ томъ, что онѣ сдѣланы. Я бываю признателенъ, но не ради того, чтобы другой охотнѣе оказывалъ мнѣ услуги, увлеченный моимъ примѣромъ, но потому, что это дѣло честное и мнѣ очень пріятно испытывать въ себѣ чувство признательности. Я признателенъ, но не потому, что мнѣ это полезно, а потому, что радуется меня. Чтобы ты зналъ, что это такъ и есть, *какъ я утверждаю,—я прибавлю*: если мнѣ невозможно быть признательнымъ, не показавшись неблагодарнымъ, если мнѣ нельзя воздать за благодареніе иначе, какъ только подъ видомъ обиды,—тогда я спокойно приму рѣшеніе, сообразное съ честью и добродѣтелью, хотя бы и съ ущербомъ для моей признательности и добраго имени. Въ моихъ глазахъ никто не цѣнитъ больше добродѣтель, никто больше не отдаетъ себя въ жертву ей, кромѣ того, который готовъ потерять славу честнаго человѣка, лишь бы не потерять спокойствія совѣсти. Итакъ, какъ сказалъ я, мы бываемъ благодарны болѣе ради собственнаго блага, чѣмъ изъ-за блага другаго; ибо дѣло обыкновенное и ежедневное—получать то, что далъ другому; быть же признательными составляетъ

для насъ не маловажную заслугу: признательность возникаетъ только въ душѣ, находящейся въ блаженномъ, *уравновѣшенномъ, умиротворенномъ* состояніи. Если наше непотребство, наша склонность въ сторону зла, дѣляетъ насъ несчастными, а доблесть счастливыми,—если быть признательнымъ значитъ быть достойнымъ имени доблестнаго, добродѣтельнаго мужа,—то мы, отплативши за дѣло обыкновенное—за услугу, приобретаемъ неоцѣнимое сознаніе, что совершили дѣло признательности; такое сознаніе недоступно никакой душѣ, кромѣ той, которая полна мыслей о божественномъ и силы которой уравновѣшены.

Напротивъ, сильная скорбь вытѣсняетъ изъ души человѣка его благое настроеніе. И всякій, ставши неблагодарнымъ, не будетъ и счастливымъ: не къ будущему я отношу его жалкое душевное состояніе,—онъ несчастливъ уже теперь, виѣтъ со своею неблагодарностью. Итакъ, будемъ избѣгать опасности быть неблагодарными, не столько ради выгоды другихъ, сколько ради пользы собственной. Въ томъ состояніи души, когда ея силы устремлены къ злему и непотребному, къ другимъ возвращается отъ насъ лишь самая малая и ничтожная часть того, на что они имѣютъ право; самая же большая часть остается дома, при насъ, и часть, такъ сказать—самая худшая, которая только угнетаетъ своего владѣльца, какъ обыкновенно говаривалъ нашъ Атталъ: „злоствованіе большую часть своего собственнаго яда выпиваетъ само“. Тотъ ядъ, который выбрасываютъ змѣи на погибель другихъ, а сами носятъ въ себѣ безъ вреда для себя, не похожъ на этотъ; послѣдній вреднѣе для тѣхъ, которые носятъ его въ себѣ. Неблагодарный мучить и крушить себя; онъ досадуетъ на то, что получилъ благодѣяніе, и умаляетъ цѣну полученнаго, потому что ему предстоитъ возвратить его; напротивъ, обиды онъ разширяетъ и увеличиваетъ. Не жалокъ ли тотъ человѣкъ, у котораго благодѣянія проходятъ мимо глазъ, *не возбуждивши его вниманія*, а обиды глубоко западаютъ въ душу? Мудрость же напротивъ возвеличиваетъ полученное благодѣяніе, сама себѣ вручаетъ его на храненіе, и находитъ усладу въ постоянномъ о немъ упоминаніи. У злыхъ одно удовольствіе, и то кратковремен-

ное, когда они получаютъ благодѣянія; у мудреца отъ благодѣяній возрождается радость продолжительная, неизсякаемая. Не получать какое-либо благодѣяніе доставляетъ ему удовольствіе, а то радуется, что онъ получаетъ ихъ; и эта его радость непреходяща и постоянна. Тѣмъ, въ чемъ потерпѣлъ обиду, онъ пренебрегаетъ, забываетъ его, не изъ постыдной слабости духа, а по сознательному рѣшенію воли. Онъ не сводитъ все къ худшему, *замѣчая во всемъ болѣе худую сторону*, и не ищетъ, кому бы приписать свои худыя обстоятельства; ошибки людей онъ охотнѣе относитъ къ судьбѣ. Онъ не толкуетъ превратно, съ желаніемъ осужденія, ни словъ, ни выраженія лица; но, доброжелательнымъ объясненіемъ смягчаетъ то, что встрѣтится ему непріятнаго, и помнитъ болѣе о благодѣяніи, чѣмъ объ обидѣ. Сколько можетъ, онъ останавливается мыслію на первѣйшихъ и лучшихъ воспоминаніяхъ своей души, и не измѣняетъ своего настроенія въ отношеніи къ тѣмъ, которые оказали ему много услугъ, только позднѣйшіе злые поступки ихъ относительно него не заходятъ далеко за предѣлы оказанныхъ благодѣяній, такъ что различіе между тѣмъ и другимъ ясно даже и для того, кто закрываетъ предъ нимъ свои очи; однако и въ этомъ случаѣ онъ измѣняетъ свое настроеніе лишь настолько, что послѣ большей обиды онъ бываетъ такимъ, какимъ былъ до полученія благодѣянія. Ибо когда обида не превышаетъ благодѣяніе, въ его душѣ всегда остается нѣкоторое чувство расположенія къ обидчику. Какъ преступникъ дѣлается свободнымъ отъ суда, когда число голосовъ *за него и противъ него* равно, и *всегда* въ сомнительныхъ случаяхъ чувство благорасположенія къ подобному себѣ даетъ дѣлу лучшій, болѣе благопріятный смыслъ; такъ и мудрый, когда услуги и злые поступки уравниваются, хотя и перестанетъ быть обязаннымъ другому, не перестанетъ желать быть обязаннымъ: онъ дѣлаетъ то же самое, что дѣлаютъ тѣ, которые, уплативши по какому либо счету, платятъ по нему же въ другой разъ.

Мы не можемъ быть истинно благодарными, если не будемъ пренебрегать тѣми благами, изъ-за которыхъ люди обыкновенно безумствуютъ. Если хочешь показать себя благодарнымъ,

то будь готовъ и въ изгнаніе идти, и кровь пролить, и бѣдность переносить и *даже* терпѣть, когда твое доброе имя часто будетъ подвергаемо поношенію и выставляемо на жертву ложныхъ слуховъ. Благодарность стѣбать не дешево. Мы ничего не считаемъ дороже благодарія, пока его ищемъ, и ничего ничтожнѣе, когда его получили. Ты спросишь: почему мы забываемъ *такъ скоро* полученныя благодарія? Потому, что сильно желаемъ получить новыя. Мы помышляемъ не о томъ, что получили, а о томъ, что желали бы получить. Отъ праваго пути отвлекаютъ насъ—богатство, почести, власть и прочее, что дорого для нашей мечты, а по своей *дѣйствительной* цѣнности ничтожно. Мы не умѣемъ цѣнить вещи, о которыхъ должно судить не по молвѣ людей, но на основаніи ихъ природныхъ свойствъ. Онѣ не имѣютъ ничего величественнаго, что могло бы влечь къ нимъ наши души; по своей только привычѣ мы видимъ въ нихъ удивительное. Ихъ цѣнить не потому, что онѣ достойны того, чтобы мы сильно желали имѣть ихъ, но желаютъ ихъ всѣ потому, что онѣ цѣнятся *людьми*. И какъ заблужденія отдѣльныхъ лицъ вовлекаетъ въ ошибку все общество, такъ заблужденіе общества ведетъ къ ошибкѣ отдѣльныхъ лицъ. Но поелику мы вѣримъ народному, *обычному* мнѣнію *относительно разныхъ вещей*, то должны вѣрить ему и въ томъ, что ничто столь недостойно почтенія, какъ благодарность. Всѣ города, всѣ народы, даже въ странахъ отдѣльныхъ отъ образованнаго міра, громко утверждаютъ то-же самое; въ этомъ согласны и добрые и злые. Найдутся люди, которые будутъ хвалить удовольствіе, другіе будутъ предпочитать трудъ, иные будутъ утверждать, что страданіе—величайшее зло, а другіе не назовутъ его даже и зломъ. Кто-нибудь, *пожалуй*, возведетъ богатство на степень высшаго блага, а другой скажетъ, что оно собрано ко вреду для человѣческой жизни; что нѣтъ человѣка богаче того, кому *сама* судьба не находитъ, чѣмъ подарить. При столь великомъ различіи сужденій *относительно условій счастья* всѣ въ одинъ голосъ подтвердятъ тебѣ, что должно воздавать благодарность честно заслужившимъ ее; люди различныхъ мнѣній согласатся въ мысляхъ объ этомъ предметѣ, хотя въ дѣйствительно-

сти и воздаютъ обидами за благодѣянія. И вотъ въ чемъ лежитъ главная причина того, почему иной неблагодаренъ,—онъ не въ состояніи быть достаточно благодарнымъ. Безуміе простирается столь далеко *иногда*, что раздавать великія благодѣянія кому-либо бываетъ очень опасно; ибо стыдясь того, что не можетъ возвратить благодѣяніе, иной *готовъ* желать даже, чтобы не существовалъ тотъ, кому онъ обязанъ. Храпи, что у тебя въ рукахъ; я не требую отчета въ полученномъ тобою и не требую его назадъ; порукой за его цѣлость будетъ то, что оказанное такъ послужило въ пользу. Въ высшей степени тяжело нерасположеніе человека, который чувствуетъ стыдъ передъ тѣмъ, что *святость оказаннаго имъ* благодѣянія нарушена.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюля № 13. 1884 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. — Епархіальный извѣщенія. — Разрядный списокъ воспитанниковъ Ахтырскаго духовнаго училища, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1883/4 учебный годъ. — Списокъ воспитанницъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища. — Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

І. Отъ 25 апрѣля—6 іюня 1884 года за № 860, о празднованіи въ 1885 году тысячелѣтія со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Меодіа.

По Указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: отношеніе совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества на имя г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 4 декабря 1883 г. за № 2535, съ соображеніями о празднованіи имѣющаго исполниться въ 1885 г. тысячелѣтія со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Меодіа. Приказали: Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества, согласно постановленію общаго собранія членовъ сего общества, обратился къ г. синодальному Оберъ-Прокурору съ просьбою о предложеніи на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода предположеній и соображеній С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества относительно празднованія, имѣющаго совершиться 6 апрѣля 1885 г., тысячелѣтія со времени кончины славянскаго первоучителя св. Меодіа. Разсмотрѣвъ означенныя предположенія и соображенія и вполнѣ раздѣляя мысль о торжественномъ чествованіи дня кончины славянскаго первоучителя особымъ церковнымъ празднествомъ, Святѣйшій Синодъ полагаетъ ознаменовать это празднованіе для русской Церкви и въ видахъ возобновленія въ памяти всѣхъ православныхъ русскихъ именъ и подвиговъ славянскихъ первоучителей святыхъ Кирилла и Меодіа слѣдующимъ

образомъ: 1) Въ С.-Петербургѣ въ Исаакіевскомъ соборѣ членами Святѣйшаго Синода имѣютъ быть совершены: на канунѣ 6 апрѣля 1885 г. всеобщее бдѣніе и въ самый день божественная литургія съ торжественнымъ, по окончаніи оной, молебствіемъ славянскимъ первоучителямъ—святѣмъ Меѳодію и Кириллу и съ возглашеніемъ на ономъ многотѣтіи Царствующему дому, Святѣйшему Синоду, правительствующему синклиту, всероссійскому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. 2) Такое же богослуженіе должно быть совершено повсемѣстно, во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ русскихъ, въ каедральныхъ соборахъ—самими епархіальными преосвященными, а въ отсутствіи ихъ викаріями, гдѣ таковыя имѣются, въ монастыряхъ, прочихъ соборахъ и приходскихъ церквахъ, равно и домовыхъ—настоителями оныхъ, въ сослуженіи прочихъ членовъ причта. 3) При совершеніи таковыхъ богослуженій обязательно должны быть произнесены приличные торжеству и случаю поученія съ изображеніемъ жизни, трудовъ и заслугъ славянскихъ первоучителей на пользу всего славянскаго міра, въ томъ числѣ и русскаго народа. 4) На 6 апрѣля 1885 г. имѣютъ быть освобождены отъ учебныхъ занятій воспитанники всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, для посѣщенія ими въ этотъ день церковнаго богослуженія. При этомъ предоставляется начальствующимъ означенныхъ заведеній устроить въ стѣнахъ оныхъ, послѣ божественной литургіи въ этотъ день, публичные торжественныя засѣданія съ произнесеніемъ на нихъ соответствующихъ торжеству и воспоминаемому событію рѣчей и другихъ чтеній. 5) Разрѣшить раздачу по церквамъ православному народу жизнеописанія и изображенія славянскихъ первоучителей св. Меѳодія и Кирилла, имѣющихъ быть составленными и отпечатанными по распоряженію совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія по духовному вѣдомству сообщить о вышеизложенномъ редакціи журнала „Церковнаго Вѣстника“ для напечатанія по принятому порядку.

II. Отъ 27-го апрѣля—17-го мая 1884 года за № 894, о книгахъ: „Методика закона Божія“—А. Соколова и „Кратное изложеніе методики закона Божія“ Н. Страхова.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 4-го февраля за № 95, журналъ Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета за № 50, съ заключеніемъ

Комитета о препровожденныхъ изъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія книгахъ подъ названіями: 1) „Методика закона Божія для законоучителей народныхъ школъ“ — преподавателя Серпуховской Александровской прогимназіи Аѳанасія Соколова (изд. 2-е дополненное. С.-Петербургъ, 1881 г.) и 2) „Краткое изложене методики закона Божія для законоучителей народныхъ школъ и воспитанниковъ богословскихъ классовъ духовныхъ семинарій“ — преподавателя Харьковской духовной семинаріи Николая Страхова (Харьковъ, 1882 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ: *первое* изъ вышеименованныхъ сочиненій допустить, а *второе* одобрить для библиотекъ начальныхъ училищъ въ качествѣ пособія законоучителямъ, о чемъ сообщить въ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Выбѣсть съ тѣмъ Учебный Комитетъ полагаетъ, во исполненіе просьбъ вышеозначенныхъ авторовъ, сочиненіе Аѳанасія Соколова допустить въ библиотеки духовныхъ семинарій, а сочиненіе Страхова одобрить для духовныхъ семинарій въ качествѣ полезнаго пособія ученикамъ старшихъ классовъ, при занятіяхъ ихъ въ воскресныхъ школахъ. Приказали: заключеніе Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета о книгахъ преподавателей Серпуховской Александровской прогимназіи Аѳанасія Соколова и Харьковской духовной семинаріи Николая Страхова утвердить. Для объявленія-же по духовному вѣдомству о допущеніи книги Соколова и объ одобреніи книги Страхова для библиотекъ начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ пособія законоучителямъ, и для духовныхъ семинарій — въ качествѣ полезнаго пособія ученикамъ старшихъ классовъ, при занятіяхъ ихъ въ воскресныхъ школахъ, сообщить, съ приложеніемъ выписки изъ журнала Учебнаго Комитета, циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Епархіальныя извѣщенія.

Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: выдѣлять изъ Сибѣжково-Кутскаго прихода, Валковского уѣзда, Богородице-Рождественскую въ селѣ Дорофеевкѣ церковь и образовать при ней самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ пастыря и псаломщика, оставивъ прежній составъ причта въ Сибѣжково-Кутскомъ приходѣ.

— Награжденъ набодренникомъ за 50 лѣтнюю службу священникъ Стефанъ Когляровъ.

— Діаконъ Валковской Богородице-Рождественской церкви Оседоръ Бала-

новскій опредѣленъ на праздное настоятельское мѣсто къ Богородице-Рождественской церкви села Дорофеевки, Валковского уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Михаилъ Лонгиновъ опредѣленъ псаломщикомъ къ Валковской Богородице-Рождественской церкви.

— Уволенный изъ 1-го класса Полтавской духовной семинаріи воспитанникъ Константинъ Стефановскій опредѣленъ п. д. псаломщика къ Богородице-Рождественской церкви села Дорофеевки, Валковского уѣзда.

— Учитель Донцовскаго народнаго училища Иванъ Пантеленконовъ допущенъ къ исправленію должности псаломщика при Тихоновской церкви села Ганусова, Старобѣльскаго уѣзда.

— Уволенъ за штатъ п. д. псаломщика Николаевской церкви сл. Гіевки, Харьковскаго уѣзда, Михаилъ Прускій по прошенію.

— Опредѣленъ п. д. псаломщика къ Николаевской церкви сл. Гіевки, Харьк. уѣзда, бывший воспитанникъ семинаріи Тимоей Вутковскій.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ Успенской церкви слободы Полково-Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ Яковъ Гащенко на четвертое трохлѣтіе.

— Утвержденъ церковнымъ старостою къ Тихоновской церкви слободы Стальмаховки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ Валевъ.

— Награжденъ церковный староста сл. Безлюдовки, Харьков. уѣзда, Покровской церкви крестьянинъ Іосифъ Коцъ, кафтаномъ присвоеннымъ ему званію за выслугу лѣтъ.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Псаломщицкія: въ слоб. Брусовкѣ, Старобѣльскаго уѣзда; въ слоб. Ольховомъ Рогѣ, Изюмскаго уѣзда; въ гор. Валкахъ при Георгіевской церкви; въ сл. Озерянкѣ, Харьковскаго уѣзда.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Ахтырскаго духовнаго училища, составленный послѣ годовичныхъ испытаній за 188³/₄ учебный годъ и утвержденный Его Превосвященствомъ 21 іюня сего 1884 года.

IV-го класса: удостоенные перевода въ I-й классъ семинаріи. I-го разряда: 1. Василій Ястремскій, Николай Малиженевскій, Петръ Навродскій награждены книгами; Василій Сятенко, 5. Антоній Быковъ, Александръ Ковалевскій. II-го разряда: Михаилъ Фальченко, Николай Калюжный, Романъ Ведринскій, 10. Иванъ Петровскій, Федоръ Завадовскій, Стефанъ Мещеряковъ, Игнатій Королевъ; Сергій Клементьевъ — достоинъ перевода въ I-й классъ семинаріи, если сдастъ въ оной удовлетворительно экзаменъ

по греческому языку. III-го разряда: 15. Григорій Дручевскій—за болѣзнію оставленъ на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

III-го класса: переведенные въ IV-й классъ. I-го разряда: 1. Димитрій Матвѣевъ, Никаноръ Торанскій, Андрей Клементьевъ. II-го разряда: Григорій Ждановъ. 5. Семенъ Подольскій, Павелъ Владыковъ, Андрей Золотаревъ, Павелъ Яковлевъ, Василій Ястремскій. Назначенные къ переводу въ IV-й классъ съ передержкою экзаменовъ: 10. Оола Оедоровскій—письменнаго по русскому языку, Василій Эннатскій—устнаго по катихизису, Александръ Поповъ—устнаго по греческому и письменнаго по русскому языкамъ. Допускается къ экзамену послѣ капикуль для поступленія въ IV-й классъ — 13. Яковъ Доброславскій, какъ не державшій экзамена за болѣзнію, по всѣмъ предметамъ III-го класса. III-го разряда. Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: 1. Василій Власовъ, Алексѣй Покровскій, Александръ Щепинскій—до усмотрѣнія ихъ успѣховъ и прилежанія, принимая во вниманіе ихъ хорошія способности, Василій Петрусенко; 5. Сергѣй Сушковъ—по малоразвитости и по вниманію къ ихъ усердію къ занятіямъ и образцовому поведенію, Платонъ Ведринскій—за болѣзнію. Увольняются изъ училища по малоусѣбности и неспособности къ дальнѣйшему образованію въ училищѣ: 1. Петръ Салухинъ, Евгеній Хижняковъ, Василій Оедоровскій, Гавріиль Торанскій. 5. Емиліанъ Крушодольскій, Иванъ Вѣлицкій, Тимофей Прочухановъ.

II-го класса: переведенные въ III-й классъ. I-го разряда: 1. Иванъ Рубинскій, Василій Мухинъ, Михаилъ Могиланскій—награждены книгами; Димитрій Прокофьевъ, 5. Константинъ Антоновичъ, Иванъ Найдовскій, Митрофанъ Фесенко, Палтелсимонъ Ладенко, Григорій Акимовъ. II-го разряда: 10. Иванъ Вочаровъ, Андрей Люминарскій, Андрей Трипольскій, Николай Збукаревъ, Андрей Ладенко, 15. Василій Рудинскій, Георгій Мигулинъ, Василій Огинскій—допускается къ экзамену по греческому языку, какъ не державшій экзамена за болѣзнію. Назначенные къ переводу въ III-й классъ съ передержкою экзаменовъ: Иванъ Любарскій—по ариметикѣ, Андрей Проскурниковъ—по латинскому языку, 20. Алексѣй Подольскій—по греческому языку и ариметикѣ, Василій Грызодубовъ—по греческому яз. и ариметикѣ, Викторъ Краснополскій—по греческому и латинскому языкамъ. III-го разряда: Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: 1. Василій Станиславскій, Михаилъ Оедоровскій, Гавріиль Сукачевъ, Стефанъ Вербицкій. 5. Трифилій Оедоровъ—по малоразвитости, Константинъ Виноградскій, Константинъ Поповъ, Оедоръ Троицкій—за болѣзнію. Увольняются изъ училища: 1. Петръ Бородаевскій—по малоусѣбности послѣ двухгодичнаго курса въ томъ же классѣ, не лишаясь права держать экзаменъ для поступленія въ слѣдующій классъ; Иванъ Красовскій,

Максимъ Брайловскій—по прошенію родителей, Николай Ходскій, 5. Андрей Оедоровъ, Иванъ Никольскій—по малоуспѣшности.

I-го класса: переведенные во II-й классъ. I-го разряда: 1. Алексѣй Литкевичъ, Николай Краснѣй, Сергѣй Любарскій—награждены книгами; Иванъ Грищенко, 5. Алексѣй Грищенко, Иванъ Любчикій, Сергѣй Могилевскій, Николай Чернявскій. II-го разряда: Оедоръ Вергунъ, 10. Дмитрій Виноградскій, Михаилъ Людикорминъ, Михаилъ Вербицкій, Константинъ Котляровъ, Василій Фальченко, 15. Константинъ Дмитріевъ, Кириллъ Васильковскій, Иванъ Заводовскій. Назначенные къ переводу во II-й классъ съ передержкою экзаменовъ: Алексѣй Краснокутскій, Анатолій Сибсаревскій—по закону Божію, 20. Дмитрій Подольскій—по арифметикѣ, Стефанъ Ковалевскій—по латинскому языку и арифметикѣ, Василій Шенкъ—по закону Божію, и латинскому языку. III-го разряда: Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: 1. Андрей Матвѣевъ, Александръ Аргюховскій, Стефанъ Крыжановскій, Петръ Туканевъ, 5. Описимъ Семеновъ—по малоразвитости, Евгений Флоринскій, Александръ Насѣдкинъ—до усмотрѣнія ихъ успѣховъ и прилежанія, во вниманіе къ ихъ возрасту и хорошимъ способностямъ; Григорій Индутный, Михаилъ Ляницкій, 10. Владиміръ Леонтовичъ, Александръ Генеvскій, Теофилъ Ястремскій—за болѣзнію.

Приготовительнаго класса. Переведенные въ 4-й классъ. I-го разряда: 1. Иванъ Панкратьевъ, Оедоръ Оедоровскій, Иванъ Сокальскій, Николай Загоровскій, 5. Иванъ Калужный, Николай Давыдовъ—награждены книгами; Александръ Заграфскій, Иванъ Збукаревъ, Алексѣй Москаленко, 10. Петръ Рокитянский. II-го разряда: Дмитрій Давыдовъ, Александръ Романовъ, Даниилъ Пономаревъ, Антоній Козловскій, 15. Андрей Веселовскій, Стефанъ Звѣревъ, Евгений Проскурниковъ, Яковъ Левицкій, Карлъ Новомірскій, 20. Лука Найдовскій, Григорій Стеллецкій, Петръ Бѣлицкій. III-го разряда. Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: 1. Оедоръ Котляровъ, Николай Бородаевскій, Петръ Флоринскій, Арсѣя Оедоровскій, 5. Оедоръ Алексѣенко, Семенъ Любарскій—по малоразвитости; Михаилъ Волковъ, Василій Поповъ—за болѣзнію.

Увольняется изъ училища за нелвою по болѣзни въ теченіи всего учебнаго года Иванъ Станиславскій.

Примѣчаніе 1. Правленіе училища объявляетъ, что переэкзаменовка воспитанниковъ училища, получившихъ на годичномъ испытаніи неудовлетворительные баллы, назначается на 2-е и 3-е августа.

Примѣчаніе 2. Приемныя испытанія для вновь поступающихъ воспитанниковъ училища назначаются на 4-е, 7-е и 8-е августа сего 1884 г.

Примѣчаніе 3. Для вновь поступающихъ воспитанниковъ состоитъ въ

училищъ вакансій: въ IV-мъ классѣ 26-ть, въ III-мъ классѣ 12-ть, во II-мъ классѣ 10-ть, въ I-мъ 6-ть и въ приготовительномъ классѣ 42 вакансій.

СПИСОКЪ.

воспитанницъ Харьковского епархіального женскаго училища.

I-го класса: а) *Удостоены перевода во II-й классъ.* 1. Авксентьева Татьяна, Агнiewiczа Антонина, Алексѣевская Лидія, Артемьева Алевтина, Бутковская Евгенія, Жукова Марія, Жуковская Марія, Измайлова Матрона, Илюкова Зинаида, 10. Кипріянова Александра, Колосовская Ольга, Керпильева Анна, Крохатская Евфросинья, Крыжановская Анна, Лобковская Анна, Лукашева Антонина—награжд. похвал. лист., Лядская Татьяна, Любарская Елена—награжд. похвал. лист., Макаровская Анастасія, 20. Малижановская Анастасія, Мухина Александра, Павлова Анастасія, Пестрякова Анна, Подольская Елена, Пономарева Татьяна — награжд. похвал. лист., Попова Пелагея, Протопопова Антонина — награжд. похвал. лист., Ракшевская Марія — награждена похвальнымъ листомъ, Романова Пелагія, 30. Сабина Софья, Соколовская Марія 1-я Александр., Соколовская Марія 2-я Васил., Степурская Александра, Татарипова Анна, Терпиловская Антонина, Хижиякова Вѣра, Чернявская Ольга, Штровальдъ Пелагія—награжд. похвал. лист., Щепинская Марія, 40. Яновская Юлія.

б) *Будутъ переведены во II-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Василевская Марія—по русскому языку, Копѣйчикова Антонина— по русскому языку, Лобковская Александра— по арифметикѣ, Савенкова Евдокія — по русскому языку.

в) *Остается въ I-мъ классѣ на повторительный курсъ,* 45. Андропова Марія—по малоуспѣшности.

II-го класса: а) *Удостоены перевода въ III-й классъ:* 1. Алексѣевская Варвара—награждена похвальнымъ листомъ, Антонова Софья, Баженова Анна—награжд. похвал. лист., Бойкова Анастасія, Брайловская Марія, Буханцева Наталья, Василевская Анна, Василевская Александра, Власова Серафима, 10. Дейнеховская Александра, Дзюбанова Марія—награжд. похвал. лист., Дикарева Анна, Жданова Татьяна, Иосифова Ольга, Краснокутская Анна—награжд. похвал. лист., Крутьева Наталья, Кувичинская Лидія—награжд. похвал. лист., Любарская Юлія, Максимовъ Лидія, 20. Могиланская Евгенія—награжд. похвал. лист., Мощенкова Марія, Настѣкина Александра, Николаевская Александра, Новопольская Лариса, Оружнинская Екатерина, Пестриченкова Вѣра, Петина Марія, Полинская Антонина, Рождественская Антонина—награжд. похвал.

лист., 30. Романова Зинаида, Рудинская Серафима, Сокольская Марія, Соколова Марія — награжд. похвалы. лист., Сукачева Павла, Титова Евгения, Толмачева Александра, Троянова Марія, Хлзникова Александра, Шишлова Евгения — награжд. похвалы. листомъ, Ястремская Елисавета, 41. Ястремская Ольга.

б) *Будутъ переведены въ III-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Грызодубова Марія — по арифметикѣ, Домницкая Пелагія — по географіи, Накитская Лидія — по русскому языку, Селезлева Марія — по русскому языку, Сергіевская Марія — по арифметикѣ и геометріи.

в) *Недержавшая экзамена по болѣзни будетъ переведена въ III-й классъ, если выдержитъ таковой послѣ каникулъ,* Павлова Анастасія — по всемъ предметамъ.

г) *Оставаются во II-мъ классѣ на повторительный курсъ.* Липицкая Неонилъ и 49. Тимофѣева Марія — обѣ по малоуспѣшности.

III-го класса: а) *Удостоены перевода въ IV-й.* 1. Алѣйникова Антонина, Бутковская Марія, Васильковская Акилина, Веселовская Θεодосія, Ведринская Софья, Владыкова Александра, Гумилевская Екатерина — награжд. похвалы. листомъ, Губская Марія, Жданова Марія, 10. Иноккова Анна, Измайлова Анна, Креяновская Марія, Коханова Анна, Лавденкова Александра, Мухина Ксентія — награжд. похвалы. листомъ, Навродская Лидія, Насѣдкина Антонина, Попова Евгения, Попова Ольга — награжд. похвалы. листомъ, 20. Павлова Анна, Панкратѣева Софья, Протопонова Павла, Рокитинская Надежда, Сокина Надежда — награжд. похвалы. листомъ, Солнцева Марія, Слатина Елена, Суслова Александра, Степурская Надежда — награжд. похвалы. листомъ, Хижникова Марія — награжд. похвалы. листомъ, 30. Хижникова Евгения, Черняева Александра, Шишлова Аполлинарія, Яновская Марія, Ястремская Людмила, 35. Θεодоровская Ольга.

б) *Будутъ переведены въ IV-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Артемьева Александра — по русскому языку, Воробьева Варвара — по сочиненію, Григоревская Клавдія — по русскому языку и сочиненію, Грызодубова Александра — по арифметикѣ, геометріи и сочиненію, Ефимѣева Лидія — по арифметикѣ и геометріи, Збукарева Анна — по русскому языку, Мартыновичъ Елисавета — по русскому языку, Павлова Марія — по русскому языку, Тимонова Евгения — по русскому языку и сочиненію, Θεодоровская Олимпіада — по арифметикѣ.

в) *Недержавшая экзамена по болѣзни будетъ переведена въ IV-й классъ, если выдержитъ таковой послѣ каникулъ,* 46. Раевская Агапія — по всемъ предметамъ.

IV-го нормальнаго класса: а) *Удостоены перевода въ V-й классъ.*

1. Вугуцкая Викторія, Василевская Елена, Василевская Наталія, Вахняна Александра—награжд. похвалн. листомъ, Вербицкая Ксенія, Виноградская Софья, Дьякова Елена, Жукѣва Юлія, Ильина Анна, 10. Котлярова Любовь, Курасовская Маріамна, Лисенкова Серафима, Лободовская Θεоклѣта, Любарская Марія, Набокова Варвара, Насѣдкѣна Тажія, Никулищева Марія, Пономарева Александра, Попова Любовь, 20. Ромакова Софья, Рыбалова Евдокія, Самойлова Анна, Филевская Елена, Филонова Марія, Чернявская Наталія, Щепилская Елена, Щепилская Лидія, 28. Ястремская Анна.

б) *Будутъ переведены въ V-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Быкова Евдокія—по арифметикѣ, 30. Дахвѣвская Анна—по географіи, Касьянова Марія—по исторіи, Пономарева Елисавета—по сочиненію и исторіи, Попова Олимпіада—по исторіи и географіи, Стефанова Марія—по исторіи и Чугаева Елена—по русскому языку.

в) *Недержавшей экзамена по болѣзни предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ,*—Бѣбиной Наталіи—по всѣмъ предметамъ.

г) *Остаются въ IV-мъ классѣ на повторительный курсъ:* Базилевичъ Викторія—по малоуспѣшности, Власова Софья—по малоразвитости, Менде Софья—по малоуспѣшности, и 40. Ракшевская Софья—по малоразвитости.

IV-ю параллельнаго класса. а) Удостоены перевода въ V-й классъ.

1. Бойкова Любовь, Бѣльцкая Марія, Вегухова Елена, Геновская Марія, Дикарева Марія, Дьякова Екатерина, Завадовская Анна, Капустинская, Марія, нагр. похв. лист.,—Котлярова Пелагія, 10. Крохатская Матрона, Кутепова Софья, Леонтовичъ Марія, Леонтовичъ Дарья, Литкевичъ Любовь, Лобковская Вѣра, Люминарская Вѣра, Могиланская Валентина, Мухина Ноталія, Попова Раиса, 20. Попова Антонина, Пономарева Елена, Соболева Анна—награждена похвал. листомъ, Степурская Марія, Твердохлѣбова Софья, Тимонова Анимаса, Троицкая Θεодосія, Троянова Анна, Филевская Параскева, Чаговцова Варвара, Эпендова Елена, Юшкова Вѣра, Ястремская Анастасія, 33. Θεодоровская Сусанна.

б) *Будутъ переведены въ V-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Артемьева Анна,—по русскому языку и сочиненію, Любинская Аннія—по исторіи, Юрченко Александр—по исторіи.

в) *Недержавшей экзамена по болѣзни предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ,*—Максимовой Еленѣ—по всѣмъ предметамъ.

г) *Остается въ IV-мъ классѣ на повторительный курсъ*, 38. Реутская Любовь—по малоуспѣшности.

V-го класса: а) *Удостоены перевода въ VI-й классъ*. 1. Алѣйникова Валентина, Буханцова Ольга, Ветухова Екатерина, Грекова Антонина, Инпокова Марія, Коробчанская Ирина, Краснокутская Марія, Крутьева Анна, Левандовская Анна—награждена похвал. листомъ., 10. Лобковская Юлія, Мантулина Людмила, Менде Анастасія, Мощенко Софья, Одинцова Марія, Оружвинская Вѣра, Петрова Анна—награждена похвал. листомъ, Покидайлова Марія награжд. похвал. лст. Приходькова Лидія, Пономарева Анастасія, 20. Попова Надежда—награждена похвал. листомъ, Рудинская Маріамна, Сабина Вѣра, Сокина Любовь, Свѣсаревская Марія, Сулпа Елена, Торанская Анна, Торанская Неонила, Черилева Леонида, Щелковская Марія, Энеидова Олимпиада, 31. Яновская Александра.

б) *Будутъ переведены въ VI-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ*. Авксентьева Софья—по сочиненію, Ковалевская Александра—по сочиненію, Козловская Марія—по педагогикѣ, Могилянская Параскева—по Закону Божию, арифметикѣ и геометріи, Насѣдкина Марія—по сочиненію, Пантелеймонова Марія—по сочиненію, Подольская Варвара—по исторіи, Полтавцева Александра—по теоріи словесности, Пономарева Глафира—по сочиненію, Саговская Марія—по теоріи словесности и всеобщей исторіи, Соколовская Неонила—по сочиненію, Черилева Юлія—по сочиненію и педагогикѣ, Чиркина Марія—по педагогикѣ.

в) *Недержавшимъ экзамена по болѣзни предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ*. Поповой 1-й Александръ Гавриловичъ—по всѣмъ предметамъ, Поповой 3-й Александръ Максимовичъ—по всѣмъ предметамъ.

г) *Увольняется изъ училища*, 47. Чебанова Марія—по малоуспѣшности и неспособности слѣдовать за курсомъ.

VI-го класса: а) *Окончили курсъ и на основаніи § 111 училищнаго устава удостоены права на званіе домашнихъ учительницъ*. 1. Александрова Анна, Бобина Евдокія, Быковцева Антонина, Ведриянская Наталія, Владыкова Александра, Давидова Марія, Дейнеховская Екатерина, Дякарева Софья, Дякова Анна, 10. Дюкова Пелагія, Ерофалова Екатерина, Коханова Варвара, Кремповская Александра, Лазаревская Варвара, Лашенкова Александра—награждена книгою, Лободовская Анна, Люминарская Татіана, Могилянская Анна, Насѣдкина Юлія—награждена книгою, 20. Николаевичъ Варвара, Оружвинская Любовь, Реутская Любовь, Рудинская Александра, Рудинская Марія, Сильванская Марія, Стаховская Параскева, Соколовская Александра, Терниловская Анастасія, Тро-

ницкая Екатерина—награждена крестою, 30. Хлпнякова Надежда награждена крестою, Черпиева Любовь, Черниева Анна, Шелкунова Марія, и 34. Эвенкова Марія.

б) Недержавный экзамен по болѣзни, воспитанницамъ *Богдановой Александрѣ* и *Приходьковой Александрѣ* предоставляется право, для полученія аттестата, держать выпускной экзаменъ въ теченіи предстоящаго 1884/85 учебнаго года.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Пожаръ въ Харьковской духовной семинаріи.—Хиротонія во епископа.—Студенты-папники.—Условія развитія грамотности.—Судьба папковцевъ въ Россіи.—Закрѣпленіе общества поощренія духовно-нравственнаго чтенія.—Баттизмъ въ Остзейскомъ краѣ.—Вражда нѣмцевъ противъ обратившихся въ православіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ.—Новый источникъ средствъ на украшеніе и поддержаніе благолѣпія храмовъ Божіихъ.—Воззваніе преосвященнаго Макарія, епископа Нижегородскаго, по поводу бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ 7 іюня антиеврейскихъ безпорядковъ.—Предложеніе преосвященнаго Тихона епископа Волынскаго.—Высочайшія повелѣнія объ измѣненіи постановленій о присяжныхъ засѣдателяхъ и объ упраздненіи комиссіи прошеній и должности статсъ-секретаря у припятии прошеній.—Харьковскій технологическій институтъ.—Тиражъ выигрышей билетовъ 1-го внутренняго 5% займа, произведеннаго 2 іюля 1884 года.

Величайшее несчастье постигло нашу семинарію; ея огромное и прекрасное зданіе подверглось страшному несчастію и въ настоящее время представляетъ по истинѣ плачевное зрѣлище Съ 3-го числа іюля на 4-е, около половины перваго часа ночи, и. д. инспектора г. Истоминамъ замѣченъ былъ въ окнѣ одной изъ гардеробныхъ комнатъ свѣтъ, болѣе яркій, чѣмъ какой обыкновенно бываетъ отъ свѣчи или лампы. Комната, въ которой показался огонь, помѣщалась въ самомъ верхнемъ этажѣ и была заперта на замокъ; достоверно также извѣстно, что до 11-ти часовъ вечера она была совершенно темна и, по видимому, съ этого времени никому не было никакой надобности входить въ нее для чего-бы то ни было; ключъ отъ ней былъ у гардеробщика, который въ это время спалъ въ другой гардеробной комнатѣ, помѣщавшейся въ противоположномъ концѣ зданія, на одномъ и томъ-же корридорѣ. Когда съ дверей этой болѣе и болѣе освѣщавшейся комнаты снятъ былъ замокъ, то оказалось, что горѣли два ближайшіе къ дверямъ шкафа, стоявшіе въ слѣдующемъ ряду съ другими шкафами вдоль всей комнаты и помѣщавшіеся въ среднемъ ряду этихъ шкафовъ. Къ глубокому сожалѣнію, домашнихъ средствъ оказалось совершенно недостаточно, чтобы остановить пожаръ. Сухіе линовые гардеробные шкафы, болѣею частью бывшіе пустыми, быстро загорались отъ сосѣднихъ горѣв-

лихъ гардеробовъ и вскорѣ вся комната превратилась въ сплошное море огня, развившаго необыкновенный жаръ. Успѣли вылить на горѣвшіе шкафы только нѣсколько ведеръ воды и вытащить на корридоръ два ближайшіе къ дверямъ шкафа; далѣе не было уже человѣческой возможности приближаться къ горѣвшей комнатѣ отъ необыкновеннаго жара.

По размѣрамъ своимъ, пожаръ этотъ былъ по словамъ „Южнаго Края“, одинъ изъ самыхъ большихъ изъ числа тѣхъ, которые были въ Харьковѣ въ послѣднее время, и ни на одномъ пожарѣ пожарные не были такъ безсильны, какъ на этомъ. Когда въ половинѣ перваго часа ночи, г. Истоминъ замѣтилъ огонь, онъ немедленно распорядился дать знать объ этомъ въ 3-ю полицейскую часть и къ часу пожарная команда этой части, выѣхавъ съ г. полиціимейстеромъ А. И. Сурменевымъ и мѣстнымъ участковымъ приставомъ И. А. Поповымъ, прибыла на пожаръ, но не могла ничего сдѣлать для прекращенія только что начинавшагося пожара. Въ корридорѣ, примыкавшемъ къ гардеробной, былъ такой жаръ и такой густой и удушливый дымъ, что добратъся до двери не было возможности, не смотря даже на всѣ отчаянныя попытки пожарныхъ. Въ это время лопнули стекла, загорѣлась оконная рама и снопы огня вырвались наружу; огненные языки стали лизать карнизъ крыши. Отсутствіе брандмауеровъ дало возможность огню разлиться по всему верхнему этажу. Огонь, пробираясь по корридорамъ и комнатамъ третьяго этажа, перешелъ, наконецъ, и во второй этажъ, дальнѣе огонь не пошелъ, потому что во второмъ этажѣ была возможность заливать его водою.

Пожарный обозъ нашъ состоитъ изъ десяти брандсбойтовъ,—работаютъ только семь, а три въ запасъ. Какъ на очень многихъ большихъ пожарахъ, такъ и на этомъ, обнаружилась недостаточность огнегасительныхъ снарядовъ, которыми располагаетъ наша пожарная команда. Кромѣ того, что трубъ было недостаточно для того, чтобы обхватить все мѣсто пожара, не было достаточнаго числа людей для работы на помпахъ. Приходилось, просто, насильно заставлять обывателей качать воду. Семинарія, расположенная на Холодной горѣ, закрыта со стороны города, такъ что зарево пожара было не особенно замѣтно, и потому изъ города прибѣжали на пожаръ очень немногіе; окрестные-же жители относились къ пожару совершенно равнодушно. Пока прибыли казаки и нарядъ нижнихъ чиновъ, прошло довольно много времени; съ появленіемъ ихъ началось уже надлежащее накачиваніе воды.

Все усилія полиціи и служащихъ при семинаріи были направлены къ тому, чтобы спасти то имущество, которое находилось въ зданіи. Изъ зданія были вынесены иконостасъ церкви и вся утварь, фундаментальная и ученическая бібліотека, физическій кабинетъ, портреты, архивъ, спальня и классная мебель, мебель и имущество лицъ, жилыя помѣщенія которыхъ находились въ главномъ корпусѣ. Все спасенное имущество было сложено на дворѣ, въ саду и въ больницѣ, и тщательно было охраняемо полиціею.

Духовная семинарія наша занимаетъ огромное мѣсто, обнесенное заборомъ. Главный корпусъ — трехъ-этажный, помѣщается посреди двора, по сторонамъ находятся постройки, принадлежащія къ семинаріи. Прочно построенный въ 1843 г., главный корпусъ сравнительно мало пострадалъ отъ огня. Первый этажъ почти уцѣлѣлъ совершенно, — въ немъ только повывивали стекла — потерпѣлъ второй и третій этажи. Крыша снесена совершенно, снесенъ также и верхній карнизъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внутри зданія повреждены своды въ корридорахъ, а въ комнатѣ, гдѣ была гардеробная, пробило полъ, а стало быть, и потолокъ во второй этажъ. На всемъ протяженіи третьяго этажа выгорѣли полы, двери и оконныя рамы. Въ этомъ этажѣ помѣщались спальни воспитанниковъ, гардеробная и умывальная. Въ гардеробной было около 30 шкафовъ, но платье было лишь въ нѣсколькихъ, такъ какъ по случаю каникулярнаго времени воспитанниковъ нѣтъ; ихъ осталось только 12 душъ. Шкафы за исключеніемъ двухъ все сгорѣли, ни одного нельзя было спасти. Во второмъ этажѣ сильно повреждена квартира помощника инспектора и въ особенности церковь. Церковь эта была въ два свѣта и въ высоту простиралась до потолка самаго верхняго этажа. Въ нее обрушился потолокъ этого этажа и вылита была масса воды, отъ каковой тяжести полъ провалился въ двухъ мѣстахъ. Пожаръ прекратился около двухъ часовъ пополудни, хотя во многихъ мѣстахъ продолжало тлѣть и куриться.

Какъ сказано уже выше, съ несомнѣнною констатировано, что пожаръ начался съ гардеробной. Спрашивается, отчего тамъ могло загорѣться? Есть разнаго рода предположенія; но все эти предположенія оказываются несостоятельными и подлинная причина пожара полицейскимъ дознаніемъ не могла быть выяснена.

Въ моментъ пожара въ семинаріи было очень немного людей. Обыкновенно служителей бываетъ въ ней болѣе тридцати, теперь же, по случаю каникулярнаго времени, ихъ всего восемь. Ректора семинаріи, протоіерея Кратирова не было въ Харьковѣ, онъ былъ

въ отпускъ, и, извѣщенный по телеграфу, возвратился въ Харьковъ 7-го числа. Пожарная команда заливала въ теченіе двухъ дней дымившійся огромный корпусъ, законченный, съ чернѣющими имамми—окнами, безъ крыши.

Пожарная команда наша дѣйствовала, какъ всегда, очень самоотверженно и двое изъ пожарныхъ получили серьезные ушибы. Одинъ изъ служителей сильно залилъ плечо, а другаго оборвавшаяся перегорѣлая балка ударила въ голову такъ сильно, что голову сдавило каскою. Онъ долго находился въ безсознательномъ состояніи.

Воды въ водопроводѣ было недостаточно. Два раза посылали на главную водопомпъ съ требованіемъ увеличить давленіе.

Убытки отъ этого пожара исчислены техниками отъ 45 до 50 тысячъ рублей. Исправленій потребуются сдѣлать очень много, въ особенности, принимая во вниманіе, что кирпичныя стѣны прогорѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень сильно.

Преосвященный Амвросій узналъ о пожарѣ очень рано и утромъ того-же дня прислалъ въ семинарію разузнать о ходѣ его; къ 10 часамъ утра ему доложены были подробныя свѣдѣнія о пожарѣ; а къ 12-ти часамъ дня преосвященный самъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе, прибылъ къ горѣвшему зданію и выражалъ свое глубокое сожалѣніе о случившемся несчастіи. На пожарѣ два раза былъ и. д. начальника губерніи В. О. Сосновскій и много способствовалъ правильному ходу тушенія пожара. Харьковскій полиціймейстеръ А. Н. Сурменевъ, которому пришлось впервые быть здѣсь на пожарѣ со времени вступленія въ должность, обнаружилъ много энергіи, распорядительности и хладнокровія.

Прекрасное зданіе Харьковской семинаріи, какъ извѣстно, возникло по мысли, хлопотами и заботами преосвященнаго Иннокентія Борисова. Именно ему наша семинарія обязана тѣмъ, что занимала достаточное и даже богатое помѣщеніе сравнительно съ другими семинаріями въ Россіи. Будемъ надѣяться, что при преосвященномъ Амвросіѣ она вполне обновится и явится въ прежнемъ и даже лучшемъ видѣ, при нынѣшнихъ усовершенствованіяхъ техническихъ искусствъ.

— Высочайше повелѣно быть архимандриту Николаю епископомъ Новомиргородскимъ, первымъ викаріемъ Херсонской епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе въ епископскій санъ произведено было въ С.-Петербургѣ. Хиротонія архимандрита Николая происходила 10 іюня, въ Троицкомъ соборѣ Александро-Невской

лавы. Обрядъ хиротоніи совершали: митрополитъ Исидоръ, архі-епископы: Савва Тверской и Іонаанъ Ярославскій и епископы: Палладій Тамбовскій, Арсеній Ладожскій и Сергій Выборгскій. Новопосвященный епископъ Николай, въ міръ Ивашъ Григорьевичъ Заркевичъ, до своего постриженія въ монашество, 5 малъ нынѣшняго года, состоялъ законоучителемъ и настоятелемъ церкви перваго военнаго Павловскаго училища и преподавателемъ Закона Божія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Отецъ Заркевичъ извѣстенъ былъ въ ученомъ мірѣ и въ духовной литературѣ, какъ человекъ философски-образованный, постоянно слѣдившій за новѣйшими богословскими сочиненіями на западѣ. Въ семидесятыхъ годахъ подъ его редакціей выходилъ сборникъ апологетическихъ сочиненій современныхъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей въ переводѣ на русскій языкъ, подъ названіемъ: „Матеріализмъ, наука и христіанство“. Монашество о. Заркевичъ принялъ послѣ кончины своей жены въ нынѣшнемъ году.

— Въ Кіевской академіи имѣлъ мѣсто случай, который въ смыслѣ прецедента, можетъ остаться не безъ вліянія. Четыре студента исходатайствовали себѣ паспортъ въ Палестину на ваканціонное время и 1 іюля уѣзжаютъ въ Іерусалимъ. „Кіевлянинъ“, по поводу этого паломничества въ духовной академіи, замѣчаетъ: „Желательно было-бы, чтобы студенты не ограничились только личною пользою, но и позаботились-бы, насколько возможно, и для общей пользы. Мы разумѣемъ собраніе ими свѣдѣній о состояніи православныхъ, католическихъ и протестантскихъ школъ въ Палестинѣ, объ условіяхъ, способствующихъ или препятствующихъ ихъ развитію... Всѣ эти свѣдѣнія можно-бы потомъ сообщить палестинскому обществу. Полагаемъ, что студенты могли-бы выполнить это. Въ прошедшемъ году посланъ палестинскимъ обществомъ въ Палестину съ этою цѣлью студентъ 2-го курса Московской академіи, Кэзма, арабъ по происхожденію. При посылкѣ его имѣлось также въ виду, что онъ, въ особенности при знаніи арабскаго языка, годенъ для этой цѣли. Наши студенты не знаютъ арабскаго языка, но и безъ него могутъ собирать свѣдѣнія... Будетъ-ли это путешествіе единичнымъ явленіемъ или нѣтъ, будущее покажетъ; но во всякомъ случаѣ—примѣръ, достойный подражанія. Изъ этихъ четырехъ студентовъ одинъ въ прошломъ году совершилъ путешествіе на св. Афонъ“.

— Въ „Подол. Епарх. Вѣд.“ перечисляются условія, необходимыя для развитія грамотности въ сельскомъ населеніи: а) Безъ со-

миѣнія, прежде всего и болѣе всего необходимо усиленіе заботливости священниковъ о расположеніи сельскихъ жителей къ заведенію школъ и аккуратному посѣщенію ихъ дѣтьми для обученія грамотѣ и особенно Закону Божию, какъ единственному чистому источнику руководительныхъ, спасительныхъ правилъ для жизни, такъ какъ первая и самая священная обязанность священниковъ проповѣдывать евангельское ученіе тогда только съ успѣхомъ можетъ быть выполняема ими, когда насомые, чрезъ изученіе грамоты, станутъ болѣе способными въ надлежащей степени понимать проповѣдь, нерѣдко непонятную для нихъ даже въ самыхъ безыскусственныхъ выраженіяхъ. А для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы священники прежде всего старались развивать въ себѣ самихъ сознаніе всей важности своего призванія, сознаніе того, что чѣмъ болѣе они проявляютъ въ себѣ заботъ и попеченій о своемъ только личномъ матеріальномъ благосостояніи и чѣмъ менѣе при этомъ они обнаруживаютъ ревности къ образованію въ духѣ святой вѣры своихъ пасомыхъ, тѣмъ болѣе они являются достойными осужденія наемниками, а не пастырями, тѣмъ болѣе они вмѣсто пользы причиняютъ вредъ, показывая народу соблазнительный примѣръ пренебреженія священными обязанностями своего высокаго служенія, во имя житейскихъ выгодъ.

б) Необходимо, чтобы каждый приходскій священникъ, по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю, посѣщалъ школу для преподаванія дѣтямъ Закона Божія, или, точнѣе сказать, для объясненія имъ въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ молитвы Господней, символа вѣры, десяти заповѣдей, важнѣйшихъ священнодѣйствій Богослуженія и краткой исторіи великихъ праздниковъ христіанской церкви и чтобы при этомъ наблюдалъ за правильностію занятій учителей по другимъ предметамъ.

в) Но для этого необходимо, чтобы лица, приготовляющіяся къ священству, старались развивать въ себѣ, кромѣ соответственныхъ нравственныхъ качествъ, необходимыл педагогическія наклонности и приемы, безъ которыхъ самые даровитые и образованные священники могутъ оказаться не вполне соответствующими требованіямъ своего служенія.

г) Такъ какъ развитіе во всѣхъ слояхъ народа, правильнаго образованія въ духѣ святой вѣры, служить важнѣйшимъ условіемъ къ достиженію возможно полнаго благосостоянія не только отдѣльныхъ обществъ, но и цѣлаго государства, и такъ какъ направленіе всѣхъ общественныхъ интересовъ сельскаго населенія зависитъ

главнымъ образомъ отъ мировыхъ посредниковъ и подчиненныхъ имъ волостныхъ старшинъ, вслѣдствіе чего приходскія общества могутъ распоряжаться своимъ общественнымъ хозяйствомъ и открытіемъ общественныхъ учреждений не иначе, какъ только съ согласія ихъ, мировыхъ посредниковъ; то необходимо, чтобы институтъ мировыхъ посредниковъ обязанъ былъ всегда самымъ тщательнымъ образомъ содѣйствовать духовенству въ убѣжденіи сельскаго населенія: а) ежегодно отдѣлять изъ разныхъ статей своего общественного хозяйства возможное количество суммъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ и в) исправно посылать въ школы дѣтей въ продолженіе 6-ти учебныхъ мѣсяцевъ съ 1-го октября до 1-го апрѣля. А чтобы мировые посредники не ограничивали своихъ отношеній къ школьному дѣлу одними только словесными предложеніями заводить школы, безъ дѣятельнаго настоянія надъ непремѣннымъ осуществленіемъ такихъ предложеній, необходимо, чтобы имъ вмѣнено было въ непремѣнную обязанность, вмѣстѣ съ наблюдателями церковно-приходскихъ школъ, въ определенное время посѣщать школы, узнавать ихъ пужды, послѣ совѣщанія съ ними, дѣлать соотвѣтственныя распоряженія и потомъ въ концѣ каждаго года доносить губернатору о томъ, что каждымъ изъ нихъ въ продолженіе года сдѣлано для улучшенія школъ своего района.

д) Для того, чтобы возможно было съ желаемымъ успѣхомъ располагать крестьянъ къ обученію дѣтей въ школахъ, необходимо заботиться о томъ, чтобы, по возможности, на учительскія должности опредѣляемы были лица, получившія изъ дирекціи гимназій установленное свидѣтельство на право быть учителями, и чтобы, при такомъ условіи со стороны учителей и при выполненіи священниками должности законоучительской, дѣти, окончившія въ школахъ обученіе по программѣ одноклассныхъ народныхъ училищъ, могли, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія, послѣ испытаній, получать свидѣтельства на право льготы по выполненію воинской повинности.

е) Такъ какъ иѣніе въ церкви обучающихся въ школахъ дѣтей, возвышая торжественность церковнаго Богослуженія, въ тоже время много располагаетъ крестьянъ посылать въ школы своихъ дѣтей, то необходимо, чтобы священнику и псаломщику поставлено было въ непремѣнную обязанность обучать крестьянскихъ дѣтей церковному иѣнію, чтобы псаломщики были опредѣляемы на мѣста не иначе, какъ только съ условіемъ и обязательствомъ обучать дѣтей иѣнію; но такъ какъ, съ одной стороны, далеко не всѣ лица,

занимающія мѣста псаломщиковъ, способны къ правильному обученію дѣтей церковному пѣнію, а съ другой—обученіе пѣнію не есть легкій трудъ для того, чтобы псаломщикъ могъ нести его безмездно, и при томъ тогда, когда, получая по своей должности незначительное содержаніе, онъ обязанъ давать соответственное воспитаніе и своему семейству, то необходимо: а) чтобы на мѣста псаломщиковъ были опредѣляемы лица, специально подготовленные и къ обученію дѣтей пѣнію или въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, или въ особомъ заведеніи для приготовленія къ должностямъ псаломщиковъ, которое съ удобствомъ могло-бы быть открыто на обще-епархіальныя средства при кафедральномъ соборѣ, и б) чтобы каждому псаломщику за преподаваніе пѣнія въ школахъ выдаваемо было изъ мірскихъ или правительственныхъ суммъ соответственное вознагражденіе.

ж) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что грамотность, изучаемая крестьянскими дѣтьми въ школахъ въ теченіе трехъ—четырехъ лѣтъ, безъ поддержанія ея по выходѣ изъ школы посредствомъ чтенія, постепенно ослабляется; нерѣдко бываетъ, что дѣти, научившіеся въ школахъ чтенію и кое-какъ писать, чрезъ пять—шесть лѣтъ по выбытіи изъ школы почти совсѣмъ забываютъ даже чтеніе. Поэтому, съ одной стороны для поддержанія и дальнѣйшаго развитія грамотности въ средѣ возрастнаго населенія, а съ другой—для доставленія сельскому населенію возможности извлекать для себя изъ грамотности надлежащую пользу всегда, какъ для улучшенія чисто нравственной своей жизни, такъ и для приобрѣтенія знаній, полезныхъ въ житейскомъ быту, необходимо, чтобы священники заботились объ учрежденіи церковныхъ библіотекъ изъ такихъ книгъ религіозно-нравственнаго и сельско-хозяйственнаго содержанія, которыя безъ затрудненія въ пониманіи могли-бы читать всѣ обучающіеся въ церковно-приходской школѣ, и чтобы сами священники въ праздничные дни приглашали грамотныхъ и неграмотныхъ прихожанъ въ удобныя мѣста для чтенія подходящихъ статей въ собраніи, съ объясненіемъ прочитаннаго и для раздачи желающимъ книгъ для чтенія по домамъ. Безъ этого условія развитіе и поддержаніе въ сельскомъ населеніи грамотности всегда будетъ дѣломъ весьма труднымъ и не приносящимъ пользы въ желаемой степени.

з) Наконецъ, для желаемаго преуспѣянія въ дѣлѣ народнаго образованія необходимо заботиться о томъ, чтобы по возможности всякая сельская дѣвочка обучалась въ школахъ. Въ крестьянской средѣ ни одинъ отецъ не въ состояніи повліять на развитіе свое-

го дитяти такъ, какъ мать. Крестьяне - отцы на своихъ дѣтей-сыновей въ воспитательномъ отношеніи начинаютъ обращать вниманіе уже тогда, когда они по возрасту своему являются болѣе или менѣе пригодными къ извѣстному физическому труду; а до того времени на ихъ развитіе имѣетъ вліяніе одна только мать. Ея познанія и неумѣлость въ дѣлахъ религіи, ея свѣтлыя и мрачныя черты характера, ея добродѣтели и пороки во всей почти полнотѣ дѣлаются наслѣдіемъ не только дѣвочекъ, но и мальчиковъ. Поэтому-то, чтобы возможно было съ младенчества располагать дѣтей и готовить ихъ къ обученію въ школѣ, чтобы доставить сельскому населенію возможность самостоятельно развивать въ себѣ сознаніе пользы и необходимости обученія въ школѣ дѣтей, необходимо болѣе всего заботиться о томъ, чтобы грамотность развивалась въ возможно большихъ размѣрахъ въ средѣ женскаго пола.

— Наши великосвѣтскіе сектанты находятся въ уныніи. „St. Pétersburger Evangelisches Sonntags-Blatt“ передаетъ, что дальнѣйшему существованію секты пашковцевъ, во главѣ которой находились извѣстный Пашковъ и графъ Корфъ, нынѣ положенъ конецъ. Правительство также конфисковало всѣ религіозныя брошюры г. Пашкова, которыя на дняхъ будутъ сожжены. Чтобы окончательно воспрепятствовать пропагандѣ пашковцами ихъ „лжеученій“, г. Пашкову предписано покинуть Россію въ продолженіи двухъ недѣль; графу Корфу точно также воспрещено дальнѣйшее пребываніе въ предѣлахъ Россіи. Сообщалъ объ этомъ, названная газета, съ своей стороны, привѣтствуетъ эти мѣры, какъ весьма разумныя, и усматриваетъ въ нихъ персть Божій.

— Одновременно съ тѣмъ нанесенъ ударъ съ другой стороны. Учрежденное въ 1876 году общество поощренія духовно-правственного чтенія нынѣ закрыто. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращена дѣятельность всѣхъ соединенныхъ съ этимъ обществомъ учреждений для распространенія книгъ и брошюръ въ народѣ. Распоряженіе о закрытіи этого общества послѣдовало 24 мая настоящаго года. Это то самое общество, подъ прикрытіемъ котораго распространялись брошюры съ протестантскимъ и пашковскимъ направленіемъ, списки которыхъ въ свое время были напечатаны въ духовныхъ изданіяхъ. Между прочимъ недавно и таврической епархіальный цензурный комитетъ имѣлъ поводъ сказать свое слово объ этихъ брошюрахъ. У одного крестьянина, совращеннаго изъ православія въ молоканство, они были забраны судебнымъ слѣдователемъ и доставлены въ консисторію. Комитетъ, въ видахъ предостереженія

священниковъ, анализируетъ содержаніе брошюръ и относитъ къ разряду неправославныхъ слѣдующія: „Путь ко спасенію“, напечатанный съ разрѣшенія варшавской цензуры, „Любимые стихи“, напечат. съ дозволенія с.-петербургской цензуры и „Голосъ вѣры или собраніе духовныхъ нѣсенъ и символовъ“, напечат. въ Тифлисѣ.

— Въ „Новостяхъ“ (№ 152) изъ Остзейскаго края обращаютъ вниманіе: на увеличивающееся тамъ въ послѣднее время количество послѣдователей баптизма. По словамъ корреспондента, „Причину этого явленія многіе видятъ въ желаніи народныхъ массъ перейти изъ лютеранской религіи въ православную, а разныя стѣснительныя мѣры, воздѣйствіе которыхъ приходится чувствовать на себѣ ренегатамъ, заставляютъ ихъ вмѣсто православія переходить въ баптизмъ, переходъ въ который свободнѣе и не обставленъ столькими неудобствами, какъ переходъ въ православіе“.

О свойствахъ стѣснительныхъ мѣръ, дѣйствіе которыхъ испытываютъ на себѣ желающіе перейти въ православіе лютеране Прибалтійскаго края, можно судить по сообщенію корреспондента „Новаго Времени“ (№ 2972). Для постройки православныхъ церквей и школъ готовы деньги, но земли или мѣста для постройки помѣщикъ или совѣтъ не даетъ или соглашается продать за баснословно высокую цѣну. Крестьянина штрафуетъ пѣмецкое начальство за позволеніе открыть въ своемъ домѣ дозволенную правительствомъ православную школу. Вопросъ объ обязательномъ отчужденіи земли подъ церкви и школы рѣшенъ впрочемъ уже при Николаѣ I правительственнымъ распоряженіемъ, не распространявшимся однако своей силы — непонятнымъ образомъ — только на Эстляндскую губернію. О такомъ распространеніи имѣетъ, по словамъ корреспондента, ходатайствовать мѣстная епархіальная власть въ близкомъ будущемъ.

— На сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ окраинахъ Россіи православію приходится выдерживать нелегкую борьбу. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ движеніе къ православію породило вражду нѣмецкихъ помѣщиковъ противъ новообращенныхъ, выражающуюся разнаго рода притѣсненіями. Во время посѣщенія Ревеля преосвященнымъ Донатомъ, ему заявлена была со стороны крестьянъ масса жалобъ на притѣсненія. Были также просьбы объ учрежденіи новыхъ приходскихъ школъ, новыхъ православныхъ церквей, для которыхъ собраны уже нужныя суммы, но невозможно купить земли, такъ какъ владѣтельные бароны или совершенно отказываются ее продать, или просятъ несообразно высокія цѣны; между прочимъ, одинъ крестьянинъ

жаловался, что его оштрафовали 25 руб. за то, что онъ позволилъ въ своей избѣ открыть, разрѣшенную учебнымъ начальствомъ, школу, причемъ для оправданія своего поступка заставили его же написать замѣчательно курьезную росписку, что якобы онъ добровольно жертвуетъ штрафныя деньги. Преосвященный отнесся къ этимъ просьбамъ съ должнымъ вниманіемъ. Корреспондентъ „Нов. Времени“, сообщая эти свѣдѣнія, прибавляетъ, что преосвященный намѣренъ войти съ представленіемъ о распространеніи и на Эстляндскую губернію издавнаго Императоромъ Николаемъ повелѣнія объ отчужденіи на законномъ основаніи участковъ помѣщичьей земли для церквей и школъ въ Лифляндской губерніи, если не послѣдуетъ на этотъ предметъ добровольнаго согласія между вновь образовавшимся приходомъ и помѣщикомъ.

— „Варшавскій Дневникъ“ сообщаетъ, что ксендзъ Іосифъ Заганевичъ, викарій костела въ Цехановѣ (Сувалянской губерніи), 66 лѣтъ отъ роду, принялъ православіе, какъ мірянинъ, 23 мая сего года, въ Варшавскомъ кафедральномъ соборѣ. Поводомъ къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія послужили, какъ объяснилъ самъ Іосифъ Заганевичъ, нестроеніе въ римско-католической церкви и особенно несогласіе ученія оной съ Евангеліемъ. По присоединеніи къ православію, Заганевичъ уѣхалъ на жительство въ Минскую губернію, гдѣ ему предложено мѣсто управляющаго имѣніемъ.

— Въ „Сам. Епарх. Вѣд.“ помѣщено рапортъ причта и церковнаго старосты с. Михайловки, Новоузенскаго уѣзда отъ 25 февраля сего 1884 г., которымъ донесено преосвященному, что Михайловскій приходскій храмъ, со времени его постройки въ 1873 году, не былъ ремонтированъ вовсе: почему какъ наружная его сторона, такъ и внутреннія значительно почернѣли, кровля крыши мѣстами обветшала. Мѣстный священникъ Іоаннъ Лебедевъ неоднократно говорилъ своимъ прихожанамъ о необходимости поновленія храма, но прихожане, въ слѣдствіе бывшихъ неурожаевъ и обѣдненія потому въ средствахъ жизни, отказывались отъ изысканія суммъ въ приходѣ на этотъ предметъ, впредь до болѣе благоприятнаго времени. У приходскаго попечительства денегъ также не было. Такъ проходили годы. Тогда священникъ предложилъ въ 1882 году попечительству заняться посѣвомъ пшеницы, на какой предметъ выдать собственныхъ сѣмянъ на пять десятинъ. Господь Богъ благословилъ посѣвъ обильнымъ урожаемъ хлѣба, такъ что попечительство, продавъ часть уродившейся пшеницы и употребивъ вырученныя отъ продажи ея деньги на расходы по об-

работѣ земли, весь остальной хлѣбъ оставило у себя до будущаго года. Въ прошломъ 1883 году попечительствомъ снова было за-сѣяно хлѣбомъ пять десятинъ земли. Урожай оказался обильный. Въ концѣ этого года хлѣбъ двухлѣтняго сбора былъ проданъ и за него выручено чистой прибыли 700 р. серебромъ. Въ январѣ сего 1884 года подрижень, въ присутствіи всего Михайловскаго приходскаго общества, мастеръ для поновленія внутри и снаружи храма и смѣны ветхихъ желѣзныхъ листовъ на кровлѣ его, за сумму 800 р. сер. Надостающую до подрядной цѣны сумму, всего 100 р. общество постановило приговоромъ доплатить изъ приходскихъ средствъ.

— Преосвященный Макарій, епископъ Нижегородскій, по поводу антиеврейскихъ безпорядковъ, бывшихъ въ Нижнемъ Новгородѣ 7 іюня, обратился къ горожанамъ съ глубоко прочувствованнымъ и трогательнымъ словомъ. „Своимъ духомъ и тономъ, говорить „Церк. Вѣст.“, оно переноситъ насъ въ тѣ отдаленныя времена Церкви, когда у вѣрующихъ были сердце и душа едино, когда пастыри прямо и откровенно высказывали свой взглядъ на дѣйствія пасомыхъ, несоотвѣтствовавшіе ихъ званію, и когда пасомые почтительно прислушивались къ голосу своихъ пастырей. Кто знакомъ съ посланіями и поученіями древнихъ отцевъ и учителей церкви, тому ни духъ, ни языкъ слова или воззванія не покажутся ни новыми, ни необычными. Это тоже горькое слово прещенія нарушителямъ Божіей правды, соединенное съ глубокой скорбью объ ихъ тяжкомъ паденіи и съ горячимъ призывомъ къ покаянію и исправленію. О, если-бы почаще раздавалось это вѣщее слово! Помимо своего непосредственнаго благотворнаго дѣйствія, оно напоминало-бы намъ лучшія преданія нашей Церкви, оживляло-бы и поддерживало нашу связь съ ея славнымъ прошлымъ.

Въ своемъ воззваніи преосвященный ограничился лишь осужденіемъ преступнаго дѣянія извѣстной части своихъ пасомыхъ и призывомъ ихъ къ раскаянію. Больше этого онъ, какъ христіанскій пастырь, не могъ сдѣлать. Выясненіе причинъ прискорбнаго событія и принятіе соотвѣствующихъ мѣръ къ ихъ устраненію выходило уже изъ программы его воззванія. Это однакожъ не умаляетъ ни достоинства, ни значенія его мужественнаго слова. Какъ выраженіе взгляда Церкви на преступное дѣяніе ея чадъ, оно навсегда сохранитъ свою силу, какъ предостереженіе на будущее время“. Въ этихъ видахъ мы и перепечатаемъ его на страницахъ нашего журнала.

„Когда дошла до меня (при обзорѣ епархіи) вѣсть о страшномъ событіи 7 іюня, я не вѣрилъ сначала слуху и потомъ со вздохомъ и слезами говорилъ самъ себѣ о возлюбленномъ Нижнемъ-Новгородѣ.—Ты-ли это городъ, столь славный и именитый предъ другими городами? Ты-ли это гордившійся потомствомъ доблестнаго гражданина Мипина? Ты-ли это прославляемый въ лѣтописяхъ за подвиги предковъ своихъ, бывшихъ патриотами? Ты-ли это видѣвшій столько благодѣяній отъ Царя небеснаго и отъ царей земныхъ? — Уже-ли все забыто тобою и не воспоминается болѣе никогда? Не ты-ли осуждалъ монголовъ и ляховъ за ихъ опустошенія и кровопролитія? Не ты-ли посылалъ въ послѣднюю турецкую войну банибузукъ, проливавшихъ кровь христіанскую? Не ты-ли воздыхалъ о братіяхъ своихъ, терзаемыхъ врагами нашими—турками? Но вотъ настало время, что ты сдѣлался не лучше, если не хуже безбожныхъ турокъ. Ты проливали кровь христіанскую во время войны, а ты своими руками терзалъ невинныхъ иновѣрцевъ во время мира и покоя. Ты проливали кровь, какъ безбожники и бусурманы, а у тебя нашлись вѣрующіе христіане кровопійцами, не пощадившими ни пола, ни возраста. Они приносили въ жертву не животныхъ, а людей, созданныхъ по образу Божію. Такъ велико безуміе и ослѣпленіе!

Ужели напрасно Господь сотворилъ всѣхъ отъ единыя крови человѣческой! Уже-ли Спаситель нашъ напрасно искупилъ и примирялъ Собою весь родъ человѣческій! Уже-ли напрасно для примиренія сего страдалъ и принималъ крестную смерть! Если не доступна тебѣ вся исторія міробытія и происхожденія отъ единого человѣка, то должно быть извѣстно ученіе Христово о любви ко всѣмъ, даже ко врагамъ,—о любви, не допускающей не только кровопролитія, но и простой обиды или оскорбленія. Но ты, рѣшившійся на убійство и раззореніе, не только христіанствъ, сынъ Церкви, но вмѣстѣ и сынъ православнаго отечества и вѣропоподанный русскаго Царя. Развѣ забылъ ты, что всѣ иновѣрцы и инородцы нашими царями допускаются жить въ нашемъ отечествѣ и пользоваться извѣстными правами? Развѣ забылъ, что почившій Царь-Мученикъ даровалъ всѣмъ поданнымъ миръ и свободу? Развѣ забылъ, что Онъ величайшій изъ земныхъ благодѣтелей, уравнилъ всѣхъ въ правахъ предъ наукою, предъ закономъ и воипскою повинностію? Вспомни всѣ благодѣянія, земныя и небесныя, и оплакивай постигшую судьбу твою и преступленія твоихъ братій. Вспомни, одобрялъ-ли ты подобные погромы въ южныхъ областяхъ, обилующихъ евреями. А у тебя число евреевъ, какъ капля въ морѣ; и ты эту каплю старался затопить въ собственной ихъ крови. Ты попралъ законы Божескіе и человѣческіе.

Обратись, всякій вѣрующій, къ свершившемуся событію и вразумляйся

онимъ на всю твою жизнь. Если въ тебѣ остается еще искра вѣры, если ты не уподобился зѣбрю, терзающему безвинныхъ, то кровь неповинная должна вопіять къ тебѣ и излекать слезы о убіенныхъ. Не указывай въ оправданіе свое на исторію Ветхаго и Новаго заветъ. Въ ней изображаются судьбы Божіи, часто непостижимыя для насъ, а не судьбы человѣческія. Въ ней много записано худаго о евреяхъ, но много и хорошаго и высокаго. Не забывай того, что народъ еврейскій самый древній, даже первоначальный, избранный некогда Богомъ и руководимый Имъ, что отъ его племени родился самъ Искупитель міра. Не осуждай его за дѣла жестоковѣрные и неблагодарныя: опъ и безъ тебя осужденъ уже Богомъ и разсѣянъ по всей землѣ. А кто тебя призвалъ быть судіею ближняго? Кто передалъ тебѣ право и власть сію? И по законамъ гражданскимъ, ты не можешь судить и осуждать даже тѣхъ, кои обидѣли тебя, а тѣмъ болѣе не можешь судить и убивать безвинныхъ. Судъ земной находится въ рукахъ законной власти, а судъ небесный у единаго Господа Бога. А что будетъ на землѣ, если все станутъ судить и дѣйствовать такъ, какъ поступили грабители и убійцы 7 числа? Будетъ одинъ вопль и рыданіе безутѣшное. Не устоитъ ни общество, ни царство, раздѣлившееся на ся, а тѣмъ болѣе не устоитъ то, въ которомъ будутъ раззорять и побивать другъ друга. Обратись къ себѣ самому, вѣроподданный. Ты клялся служить Царю вѣрою и правдой. Гдѣ-же твоя клятва? Ты измѣнилъ и Богу и Царю и Отечеству. Проси прощенія у всѣхъ, какъ отверженный всѣми за твое самоуправство, и прими достойное наказаніе. Въ лицѣ раззорителей и убійцъ наказанъ за грѣхи весь градъ позоромъ и илтномъ. Надлежитъ смыть оное пятно раскаяніемъ и исправленіемъ. И Господь проститъ достойныхъ прощенія.

Пастыри и учителя! Къ вамъ мое особенное слово. Вслушайте всѣмъ и каждому, что мы дѣти единаго Отца земнаго и небеснаго, что воровство и убійство запрещены навсегда и не останутся безъ наказанія, что любовь только созидаетъ, а вражда разрушаетъ всякое благосостояніе, что произвольный судъ никому и ни надъ кѣмъ не дозволенъ и ведетъ къ нарушенію общественнаго спокойствія, что послушаніе и повиновеніе властямъ всегда были и будутъ основаніемъ нашего счастья и благоденствія“.

— Въ „Волинск. Епарх. Вѣд.“ помѣщено слѣдующее предложеніе духовной консисторіи преосвящ. Тихона, архіепископа Волинскаго и Житомирскаго, направленное противъ весьма распространеннаго въ православномъ духовенствѣ недостатка—стремленія къ перемѣщеніямъ: „Въ духовенствѣ Волинской епархіи замѣчена мною непохвальная привычка перемѣнять мѣста службы. При подачѣ прошеній о перемѣщеніи въ другой приходъ, священнослужители

обыкновенно жалуются на бѣдность занимаемаго прихода, на недостатокъ матеріальныхъ средствъ къ содержанію семейства, совершенно забывалъ, что священникъ, по долгу пастыря, служеніе Господу и религіозно-нравственное воспитаніе духовныхъ чадъ долженъ ставить выше личныхъ матеріальныхъ интересовъ. Бываетъ и такъ, что о переводѣ просятъ священники молодые, не прослужившіе и одного года на предоставленномъ имъ мѣстѣ, и не заявившіе себя ничѣмъ по службѣ. О такихъ священникахъ съ прискорбіемъ должно сказать, что пастырское служеніе они избрали не для Иисуса, а для хлѣба куска. Желая ограничить въ духовенствѣ вѣтренной мнѣ епархіи недостойное пастырства стремленіе къ перемѣщенію изъ прихода въ приходъ, предлагаю Волынской духовной консисторіи циркулярно сообщить священнослужителямъ епархіи, что о перемѣщеніи могутъ на будущее время просить только священники, прослужившіе пять лѣтъ на одномъ приходѣ“.

— Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ опубликовано Высочайшее повелѣніе объ измѣненіи постановленій о присяжныхъ засѣдателяхъ. Согласно новому постановленію,—за три недѣли до открытія судебныхъ засѣданій съ присяжными засѣдателями, изъ очереднаго списка ихъ назначаются по жребію, при открытыхъ дверяхъ присутствія, тридцать засѣдателей и три запасныхъ засѣдателя изъ особаго о нихъ списка. Предварительно прокуроръ исключаетъ изъ списковъ тѣхъ лицъ, которыми, согласно имѣющимся въ виду его свѣдѣніямъ, не могутъ, по закону, быть присяжными засѣдателями. Въ девяти западныхъ губерніяхъ наблюдается, чтобы число евреевъ соотвѣтствовало процентному отношенію общаго числа ихъ въ каждомъ уѣздѣ къ численности всего населенія уѣзда. Если наличное число засѣдателей окажется менѣе двадцати четырехъ, то предсѣдатель суда дѣлаетъ распоряженіе о пополненіи ихъ списка, по жребію, изъ числа запасныхъ засѣдателей. Прокуроръ или частный обвинитель имѣетъ право отвести не болѣе трехъ засѣдателей. Такое же право принадлежит подсудимому, а если ихъ нѣсколько,—то всѣмъ имъ вмѣстѣ. Изъ числа неотведенныхъ лицъ, назначается по жребію, для рѣшенія дѣла, двѣнадцать комплектныхъ и двое запасныхъ присяжныхъ засѣдателей. Въ очередной списокъ присяжныхъ засѣдателей вносятся: 1) по городу С.-Петербургу съ его уѣздомъ—двѣ тысячи четыреста лицъ; 2) по городу Москвѣ съ его уѣздомъ—тысяча восемьсотъ лицъ; 3) по уѣздамъ, въ которыхъ предполагается на предстоящій годъ не болѣе четырехъ періодовъ засѣданій окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей—по шестидесяти лицъ на каж-

дый такой періодъ; 4) по уѣздамъ, въ которыхъ предполагается на предстоящій годъ болѣе четырехъ періодовъ упомянутыхъ засѣданій—по шестидесяти лицъ на каждый изъ первыхъ четырехъ періодовъ и по сорока лицъ на каждый послѣдующій періодъ. По составленіи какъ очереднаго, такъ и запаснаго списковъ временная коммисія, въ усиленномъ присутствіи, распредѣляетъ внесенныя въ оныя лица по періодамъ предполагаемыхъ въ предстоящемъ году засѣданій окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, назначая для лицъ, отнесенныхъ къ каждому изъ сихъ періодовъ, мѣсяцъ, въ теченіи котораго они должны быть готовы явиться, по призыву суда, для исполненія обязанностей присяжныхъ. Каждый изъ внесенныхъ въ очередной или запасный списокъ присяжныхъ засѣдателей можетъ просить председателя окружнаго суда о перенесеніи его изъ періода, къ которому онъ отнесенъ, въ другой, съ объясненіемъ причинъ. Относительно порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской, Подольской, Витебской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской и Минской, соблюдаются слѣдующія правила: 1) списки присяжныхъ засѣдателей составляются, по каждому уѣзду отдѣльно, особыми временными коммисіями, состоящими подъ председательствомъ уѣзнаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ мѣстныхъ мировыхъ судей, мировыхъ посредниковъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—непремѣннаго члена уѣзнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уѣзнаго исправника и полиціймейстера, гдѣ такіа учреждены и исполняются двумя мѣстными землевладѣльцами, по приглашенію губернатора, и городскими головами тѣхъ городовъ, гдѣ введено новое городское положеніе. 2) Общіе списки присяжныхъ засѣдателей передаются, для просмотра, уѣздными коммисіями въ особыя губернскія коммисіи, которыя составляются, подъ председательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, председателей мѣстныхъ окружнаго суда и сѣзда мировыхъ судей и прокурора окружнаго суда. Губернская коммисія имѣетъ право исключати изъ означенныхъ списковъ, безъ указанія причинъ, лицъ, которыхъ она не признаетъ возможнымъ допустить къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя. Постановленія коммисіи по этому предмету составляются по большинству голосовъ и не подлежатъ обжалованію. Относительно порядка составленія, на предстоящій 1885 годъ, списковъ присяжныхъ засѣдателей въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ, постановлено: особыя временныя коммисіи

собираются для составленія общихъ списковъ присяжныхъ заседателей подъ председательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Въ столицахъ и городѣ Одессѣ, въ комисіи приглашается, кромѣ председателя уѣзднаго съѣзда мировыхъ судей, также председатель городского съѣзда, а полиціймейстеровъ въ составѣ комиссій замѣняютъ должностныя лица общаго полицейскаго управленія сихъ городовъ, назначенныя къ тому министромъ внутреннихъ дѣлъ. При составленіи списковъ очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ заседателей въ 1885 г., въ составѣ временныхъ комиссій приглашается мѣстный товарищъ прокурора окружнаго суда“.

— Высочайше повелѣно комиссію прошеній, должность статсъ-секретаря у принятія прошеній и состоящую при статсъ-секретарѣ канцелярію упразднить. Взамѣнъ ея утверждены временныя правила о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Приносимыя на Высочайшее Имя всеподданнѣйшія прошенія и жалобы поступають къ командующему Императорскою главною квартирою, который по приему и направленію оныхъ подчиняется непосредственно Его Величеству. Дѣлопроизводство по прошеніямъ и жалобамъ возлагается на образованную при Императорской главной квартирѣ канцелярію прошеній.

На Высочайшее Имя приносятся: жалобы на опредѣленія департаментовъ Правительствующаго Сената, кромѣ кассационныхъ жалобъ на дѣйствія и распоряженія министровъ, главно-управляющихъ отдѣльными частями и генералъ-губернаторовъ, когда таковыя дѣйствія и распоряженія не подлежатъ по закону обжалованію Правительствующему Сенату: прошенія о дарованіи милостей, въ особыхъ случаяхъ, неподходящихъ подъ дѣйствіе общаго закона, когда симъ не нарушаются ничьи законные интересы и гражданскія права, и прошенія о помилованіи и смягченіи участи лицъ, осужденныхъ или отбывающихъ наказанія. Жалобы и прошенія, на Высочайшее Имя приносимыя, а также разрѣшительныя по онымъ бумаги освобождаются отъ гербоваго сбора. Жалобы и прошенія приносятся не иначе, какъ отъ имени и за лѣвственною подписью того лица, отъ коего подана просьба, съ указаніемъ мѣста жительства просителя и съ означеніемъ переписчика, когда просьба написана чужою рукою. Принесеніе жалобъ и прошеній повѣренными допускается лишь въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) если въ дѣлѣ, по коему приносится жалоба или прошеніе, участвуютъ нѣсколько лицъ и всѣ они или нѣкоторые изъ нихъ уполномочатъ на подачу прошенія одного изъ среды своей довѣренностью, кото-

рам должна быть въ подлинникѣ представлена; 2) если въ дѣлахъ, относящихся до цѣлаго сословія, общества, или общественнаго установленія, жалоба или прошеніе принесены законнымъ его представителемъ, уполномоченнымъ на сіе въ установленномъ порядкѣ. Въ жалобахъ на опредѣленія департаментовъ Правительствующаго Сената должны быть приведены законы, которые проситель считаетъ нарушенными, а также доказательства и доводы, на коихъ онъ основываетъ свое ходатайство, съ приложеніемъ копій съ обжалованнаго опредѣленія и свидѣтельства о времени его объявленія или приведеніе въ дѣйствительное исполненіе.

Оставляются безъ послѣдствій властью командующаго Императорскою главною квартирою жалобы и прошенія о такихъ предметахъ, по коимъ, въ общемъ законномъ порядкѣ, надлежитъ обращаться къ служебному начальству или установленнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ; жалобы и прошенія, заключающія въ себѣ повтореніе всеподданнѣйшаго ходатайства, оставленнаго безъ послѣдствій; жалобы и прошенія, заключающія въ себѣ нѣсколько разныхъ отдѣльныхъ одинъ отъ другаго предметовъ, имѣвшихъ особыя производства, — и прошенія о назначеніи пенсій въ виду особыхъ служебныхъ отличій и заслугъ просителя. Жалобы на опредѣленія департаментовъ Правительствующаго сената препровождаются въ учрежденное при государственномъ совѣтѣ временное присутствіе для разсмотрѣнія въ установленномъ порядкѣ.

Жалобы на министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генералъ-губернаторовъ командующій Императорскою главною квартирою повергаются на Высочайшее воззрѣніе.

По прошеніямъ о милостяхъ (ст. 3 п. 6), дарованіе коихъ сопряжено съ изытіемъ изъ закона, либо съ интересомъ казны, командующій Императорскою главною квартирою повергаетъ на Высочайшее воззрѣніе заключеніе свое.

Прошенія о всякаго рода иныхъ милостяхъ докладываются Государю Императору командующимъ Императорскою главною квартирою въ порядкѣ, опредѣленномъ по непосредственному указанію Его Величества.

Прошенія о помилованіи и смягченіи участи лицъ, приговоренныхъ къ наказанію или отбывающихъ оное, препровождаются командующимъ Императорскою главною квартирою для представленія на Всемиловитѣйшее Его Величества воззрѣніе: 1) къ министру юстиціи—въ отношеніи лицъ, осужденныхъ судами гражданскаго вѣдомства, и 2) къ военному министру или къ управляющему мор-

скимъ министерствомъ, по принадлежности — въ отношеніи лицъ, осужденныхъ военными или военно-морскими судами.

Высочайшія повелѣнія, послѣдовавшія по дѣламъ, сообщаются командующему Императорскою главною квартирою для свѣдѣнія и объявленія лицамъ, принесшимъ жалобы и прошенія.

По жалобамъ на министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генералъ-губернаторовъ командующему Императорскою главною квартирою предоставляется сноситься съ подлежащими вѣдомствами о доставленіи необходимыхъ свѣдѣній, а также подлинныхъ производствъ. Равнымъ образомъ командующій Императорскою главною квартирою сносится съ подлежащими министрами и главноуправляющими и по прошеніямъ о милостяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по изложеннымъ въ сихъ прошеніяхъ предметамъ, касающимся того или другаго вѣдомствъ, потребуются, необходимыя для разъясненія дѣла, свѣдѣнія.

Командующій Императорскою главною квартирою имѣетъ право требовать увѣдомленій о положеніи дѣла по прошеніямъ, переданнымъ въ министерства и главные управленія.

Командующій Императорскою главною квартирою поставляетъ въ извѣстность просителей, съ возвращеніемъ представленныхъ ими документовъ объ окончательныхъ распоряженіяхъ по всѣмъ прошеніямъ и жалобамъ, какъ разсмотрѣннымъ имъ или переданнымъ въ другія установленія, такъ и по оставленнымъ безъ разсмотрѣнія или безъ послѣдствій.

Прошенія о единовременныхъ пособіяхъ удовлетворяются изъ источниковъ, особо для сего предназначенныхъ, а выдача Всемилоствѣйше разрѣшенныхъ постоянныхъ пособій, въ особливыхъ случаяхъ крайней бѣдности просителей, производится изъ государственнаго казначейства не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ министромъ финансовъ и въ предѣлахъ суммы, ежегодно на этотъ предметъ опредѣляемой по непосредственному усмотрѣнію Его Величества.

— „С.-Петербург. Вѣд.“ изъ достовѣрнаго источника сообщаютъ, что состоялось окончательное рѣшеніе объ учрежденіи въ Харьковѣ практическаго технологическаго института, который будетъ помѣщенъ въ возведенныхъ для него въ означенномъ городѣ зданіяхъ, и что министру народнаго просвѣщенія предоставлено внести въ Государственный совѣтъ проектъ устава этого института. Открытіе его, вѣроятно, послѣдуетъ въ 1885 году. До свѣдѣнія газеты дошло также, что согласно представленію министра народнаго просвѣще-

нія, разрѣшено министерству принять пожертвованія, о которыхъ мы уже сообщали, именно жертвуемые Харьковскому университету статскимъ совѣтникомъ Харитоненко для потребностей этого университета домъ и 50 тыс. рубл., и что постановлено отпускать изъ суммъ государственнаго казначейства, начиная съ 1885 г., по 6 т. р. въ годъ на содержаніе при Харьковскомъ университетѣ 20 стипендіатовъ.

Тиражъ выигрышей билетовъ 1-го внутренняго 5% займа, произведеннаго 2 іюля 1884 года.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№:

№ серіи.	№ билет.	Вып- грывш.	№ серіи.	№ билет.	Вып- грывш.	№ серіи.	№ билет.	Вып- грывш.	№ серіи.	№ билет.	Вып- грывш.
7874	17	200,000	1091	44	8000	14638	28	1000	4179	48	1000
8963	46	75,000	15026	20	8000	13837	35	1000	12858	13	1000
18143	19	40,000	15097	40	5000	12819	40	1000	11580	22	1000
18433	17	25,000	6554	50	5000	16151	45	1000	13225	29	1000
10839	49	10,000	19115	8	5000	13555	49	1000	4071	11	1000
19855	11	10,000	17654	14	5000	14650	33	1000	12512	47	1000
4264	7	10,000	12360	34	5000	7019	31	1000	7137	20	1000
777	33	8000	8248	20	5000	12374	29	1000	5652	11	1000
13572	33	8000	11844	44	5000	14387	37	1000	1225	39	1000
18975	44	8000	1880	7	5000	4134	2	1000	15755	12	1000

Выигрыши въ ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ пали на слѣдующіе билеты.

№ серіи.	№ билет.	№ серіи.	№ билет.	№ серіи.	№ билет.	№ серіи.	№ билет.	№ серіи.	№ билет.	№ серіи.	№ билет.
6071	1	13352	8	17204	17	5274	27	17745	35	19063	42
2569	1	14723	8	10937	18	6057	27	18701	35	1123	43
3265	1	15948	8	12715	18	12246	28	8874	36	3660	43
11060	1	16367	8	1497	19	12314	28	9637	36	10197	43
11299	1	18614	8	6170	20	14970	28	13818	36	13652	43
11666	1	2335	10	7037	20	635	29	13980	36	19770	43
16675	1	3423	10	12646	20	1164	29	16765	36	7230	44
11573	2	5663	10	13841	20	4662	29	1015	37	9475	44
13267	2	8669	10	5546	21	9612	29	3240	37	14368	44
15213	2	9167	10	10238	21	10446	29	13269	37	791	45
16677	2	10367	10	14992	21	15401	29	15567	37	805	45
18215	2	15146	10	18996	21	472	30	16434	37	3645	45
3718	3	16644	10	19646	21	643	30	1816	38	4486	45
3768	3	12056	11	3227	22	2172	30	4887	38	7388	45
6606	3	14114	11	4745	22	4036	30	4981	38	10142	45
6741	3	17351	11	11752	22	4219	30	9458	38	13334	45
12540	3	813	12	14189	22	5632	30	11263	38	15448	45
14773	3	1516	12	2273	23	6730	30	12978	38	17278	45
17868	3	1520	12	7622	23	7745	30	17148	38	13148	46
12825	3	16124	12	9618	23	8194	30	17621	38	18666	46
1571	4	19956	12	12808	23	15051	30	1091	39	812	47
2972	4	6579	13	16653	23	15611	30	7836	39	2644	47
6426	4	8752	13	18285	23	8638	31	9460	39	2982	47
7484	4	14553	13	2995	24	10317	31	10394	39	6320	47
19061	4	19842	13	1523	24	14930	31	13260	39	6950	47
14064	4	1219	14	18593	24	17932	31	18295	39	9853	47

18274	4	5993	14	14724	24	830	32	9024	40	13197	47
19820	4	11988	14	17024	24	2776	32	10371	40	13875	47
760	5	18486	14	18204	24	7146	32	12207	40	18066	47
2596	5	18569	14	5216	25	9776	32	12334	40	13627	47
4880	5	1367	15	8561	25	18609	32	13660	40	3727	48
7310	5	7562	15	14428	25	1575	33	15851	40	6504	48
7370	6	14875	15	16127	25	13921	33	823	41	12818	48
9957	6	1	16	5048	26	2079	34	8589	41	1417	49
18604	6	610	16	5924	26	8303	34	12301	41	6134	49
9194	7	2323	16	6013	26	8594	34	13656	41	6392	49
14690	7	3821	16	7000	26	11032	34	17001	41	17265	49
16529	7	8401	16	7296	26	11383	34	7988	42	5324	50
16922	7	8674	16	8352	26	12340	34	8905	42	11665	50
5680	8	8751	16	8644	26	18851	34	9465	42	17191	50
5851	8	12792	16	10985	26	133	35	11413	42		
5975	8	19680	16	15366	26	1048	35	12382	42		
10412	8	1206	17	15415	26	7104	35	12533	42		
10836	8	8936	17	13548	26	9143	35	13791	42		

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ съ 1-го октября 1884 года.

Таблица серий билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

91	2132	6308	8662	10454	12279	13606	14832	16858	19337
619	2135	6454	8671	10567	12502	13713	14909	17337	19357
886	2511	6480	8960	10703	12983	14228	14937	17445	19697
960	3427	6522	9391	11072	13093	14286	15600	18189	19965
1129	3787	7385	9443	11242	13122	14300	16314	18356	
1181	4362	7490	9493	11447	13267	14635	16369	18801	
1743	4919	7820	10000	12164	13601	14712	16734	18831	
1893	5046	7997	10354	12320	13623	14786	16823	19222	

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1 октября 1884 г. въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

Статья автора „Анти-Энциклики“, печатавшаяся въ прошломъ году въ продолженіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ подѣ заглавіемъ:

ОТВѢТЪ на послѣдовавшее со стороны католичества противу „Анти-Энциклики“ возраженіе,

вышла въ свѣтъ, подѣ тѣмъ-же заглавіемъ, отдѣльной брошюрой, въ 8½ листовъ и, вмѣстѣ съ „Анти-Энцикликой“ продается:

Въ ХАРЬКОВѢ— въ томъ-же „Складѣ“ у проф. И. В. Платонова (Черноглазовская ул., собственный домъ, № 4), изъ котораго объявлена продажа „Анти-Энциклики“; въ книжной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря; въ книжныхъ магазинахъ братьевъ А. И. и И. И. Куролескиихъ, на Екатеринославской улицѣ и Приснова, рядомъ съ Университетомъ, внизу.

Въ МОСКВѢ— въ книжныхъ магазинахъ: *Ферапонтова*, на Никольской и *Глазунова* на Петровскѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Въ ПЕТЕРБУРГѢ— въ книжномъ магазинѣ Игн. Л. Тузова, на Большой Садовой, домъ Коровина, № 16 и въ книжной торговлѣ „Новаго Времени“, Невскій № 58, и

Въ КІЕВѢ— у Н. Я. Оглобина, на Крещатицкѣ.

Цѣна какъ „Анти-Энцикликѣ“, такъ и „ОТВѢТУ“ въ отдѣльности 60 коп., а вмѣстѣ 1 рубль.

Книгопродавцамъ уступка на 20 %. Пересылка на счетъ „Склада“.

О ПОДПИСКѢ НА ПОЛУЧЕНІЕ

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВѢСТНИКА“

съ 1-го іюля 1884 года.

Съ наступленіемъ подписки на вторую половину текущаго 1884 г., редакция нашла возможнымъ уменьшить полугодовую и трехмѣсячную подписную цѣну въ слѣдующемъ видѣ:

На полгода 4 руб.

„ три мѣсяца 2 „

Всѣмъ подписчикамъ на упомянутые сроки будетъ высланъ безплатно „Календарь для духовенства на 1884 годъ“.

Годовая подписка продолжается. Подписная цѣна 8 рублей.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается по прежнему.

Редакторъ-издатель А. Поповицкій.

Заглавие

Вера и разум

Подзаголовочные данные и сведения об ответственности

Журнал богословско-философский

Страна и место издания

Харьков

Издатели

Период издания

1884-1917

Периодичность

Два раза в месяц

Приложения

Примечание: С 1884-1914 гг. журнал выходит в 3-х отд.: 1. Церковный отдел ; 2. Отдел философский ; 3. Листок для Харьковской епархии 1915, № 1-8 вышел в 2-х отд.: 1. Отдел богословско-философский ; 2. Известия и заметки по Харьковской епархии С 1915, № 19 - 1917 2-й отд. Известия и заметки по Харьковской епархии преобразуется в отдельный журн. "Пастырь и паства" Изд. выходит с прил

Место хранения оригинала, шифр

ФГУ " Российская государственная библиотека "

I 8/2; P 36/11

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ,

1884.

ЮЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера. 59

Ученію Фихте младшаго о воскресеніи и явленіяхъ Христа (окончаніе) А. Дружинина. 112

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Липицкаго.

Значеніе философіи въ системѣ семинарскаго курса и имущества ея въ этомъ отношеніи предъ математикою и другими общеобразовательными предметами Б.

Письма философа Сенеки (продолженіе). * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленія Святейшаго Синода.—Свѣдѣнія о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X епархіальнымъ Сѣздомъ за первую половину сего 1884 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и загітки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НЕМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1884.

. ПОЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Окружнаго Штаба, Нѣмецкая ул., д. № 26,

1884.

Піста: вооѹмен.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Августа 1 дни 1884 года. Г. Харьковъ.

Врем. и. д. цензора, Протоіерей П. Солицевъ.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

идея священнаго союза.

(Продолженіе *)

V.

Отъѣздъ Государя изъ арміи въ Москву произошелъ при самыхъ тяжелыхъ, удручающихъ обстоятельствахъ. Что-бы тамъ ни говорили, но начало кампаніи 1812 года было во всѣхъ отношеніяхъ несчастливо для русскаго оружія. Пришлось не только убѣдиться въ полной несостоятельности принятаго въ началѣ войны плана, разочароваться во всѣхъ надеждахъ и тщательно обдуманыхъ комбинаціяхъ, отдать непріятелю почти безъ всякаго сопротивленія всю западную окраину Имперіи, но и лишиться громаднхъ запасовъ, собранныхъ для арміи, и, — что самое важное, — дать новое, наглядное доказательство превосходства Наполеона, его силъ, его военнаго генія и произвести тѣмъ, быть можетъ, крайне невыгодное, подавляющее впечатлѣніе на собственный народъ. И дѣйствительно, въ средѣ тогдашняго образованнаго русскаго люда нашлось не мало такихъ господъ, которые впали въ отчаяніе уже при первыхъ неудачахъ и, слѣдуя старой излюбленной привычкѣ, начали винить во всемъ правительство и Государя. Предстояшія страшныя для Россіи бѣдствія, утверждали они, были прямымъ послѣдствіемъ нежеланія или неумѣнія Императора предупредить или устранить третью войну съ врагомъ, уже два

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1884 г. № 11.

раза побѣдившимъ насъ. Трусость и негодованіе этихъ мнимыхъ патріотовъ дошли, наконецъ, до того, что они открыто начали превозносить до небесъ умъ и доблести покойнаго Императора и сожалѣть о его царствованіи *).

Само собою понятно, что господа эти, задававшіе тонъ въ гостинныхъ и въ Англійскомъ клубѣ, вовсе не выражали собою настроенія и чувствъ массы русскаго населенія. Самый патріотизмъ ихъ вытекалъ изъ очень мутнаго, чтобы не сказать, грязнаго источника. Они дрожали за собственное благосостояніе, боялись за свой карманъ; имъ мерещилось, что ихъ крѣпостные, слѣдуя призыву Наполеона, подымутся поголовно противъ нихъ и станутъ истреблять ихъ, какъ въ былыя, еще хорошо памятные времена пугачевщины. **) Къ чести тогдашняго русскаго дворянства, слѣдуетъ замѣтить, что громадное большинство его совершенно не раздѣляло тревожныхъ опасеній крикуновъ и фальшивыхъ патріотовъ. „Ваша Имперія, писалъ тогда графъ Растопчинъ Императору, имѣетъ двухъ могущественныхъ защитниковъ: въ своихъ пространствахъ и въ своемъ населеніи 16 милліоновъ людей, исповѣдующихъ одну вѣру, говорящихъ однимъ языкомъ, которыхъ не коснулась бритва; эти то бороды и составляютъ твердыню Россіи; кровь героевъ родитъ солдатъ на ихъ мѣсто и если-бы несчастное стеченіе обстоятельствъ принудило-бы Васъ отступать предъ побѣдоноснымъ непріателемъ, русскій Императоръ всегда будетъ страшенъ въ Москвѣ, ужасенъ въ Казани, непобѣдимъ въ Тобольскѣ“ ***).

*) „Мнѣ приходилось слышать страшныя слова. Огняліе до того доходило, что превозносили“ и т. д. Записки Растопчина, см. „Русскій Архивъ“, 1875 г. книга II-я „Москва въ 1812 году“, стр. 269.

**) „Гдѣ теперь безопасность“, писалъ Поздѣвъ, извѣстный въ то время магоу и филантроу, истинный христіанинъ, какъ называлъ онъ самъ себя, „потому, что и мужики, по вкорененію Пугачевымъ и другими молодыми головами желанію, ожидаютъ какой-то вольности, хотя и видятъ разореніе совершенное; но очаровательное слово вольность кружитъ ихъ, ибо мало смыслиющихъ; а прочее все число, такъ какъ и во всѣхъ состояніяхъ, глупые и невѣжды“. См. „Русскій Архивъ“, 1875 г. кн. III стр. 13.

***) Письмо гр. Растопчина къ Императору Александру I-му отъ 11-го іюня 1812 года. Въ этомъ письмѣ встрѣчаемъ еще слѣдующія замѣчательныя строки: „Но простите, Государь, мои опасенія и тревоги; они относятся единственно до Вашего священнаго лица, подвергнутаго покушеніямъ вѣроломства и злодѣйства челоуѣка, одареннаго адскимъ гениемъ и поддерживающаго себя ужасомъ. Для

Твердая вѣра въ русскій народъ, въ его непоколебимую доблесть, въ его безусловное довѣріе къ своему прирожденному вождю, высказывающаяся съ такою силою въ этихъ строкахъ, была присуща не одному графу Растопчину, а и громадному большинству русскихъ дворянъ. Самъ Императоръ Александръ всецѣло проникся этою вѣрою въ тѣ самыя минуты, когда съ горечью въ сердцѣ принужденъ былъ отвернуться отъ своихъ ученыхъ совѣтниковъ и стратегическихъ менторовъ, когда лакаемые имъ польскіе паны и іезуиты перешли въ непріятельскій лагерь, когда торжествующій противникъ неудержимо стремился къ самому сердцу его Имперіи. Самое рѣшеніе Императора оставить на время армию и спѣшить въ Москву было обусловлено и вызвано прежде всего именно этою пробудившеюся въ немъ вѣрою.

На пути изъ Полоцка въ Москву Императоръ подвергался, какъ и слѣдовало ожидать, самымъ противоположнымъ впечатлѣніямъ. Обгоняя по дорогѣ свои войска, онъ невольно приходилъ въ восторгъ при видѣ своихъ солдатъ, производившихъ, впрочемъ, наилучшее впечатлѣніе не только на него, но и на всѣхъ другихъ наблюдателей. Все въ этихъ войскахъ, начиная отъ духа и оканчивая дисциплиною и выправкою, не оставляло желать ничего лучшаго. Полки, обгоняемые Государемъ на пути, двигались въ такомъ порядкѣ, подобный которому можно было встрѣтить развѣ на петербургскомъ плац-парадѣ. „Выправка удивительная, и ни одного отсталого!“ — писалъ самъ Государь Барклаю-де-Толли. *) „Цѣлый день, — пишетъ польскій графъ Огинскій, русская армія переходила черезъ мостъ на Двинѣ, вступая въ Витебскъ; мнѣ казалось, что она состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 100,000 человѣкъ и проникнута наилучшимъ духомъ. Огромныя толпы стеклагося ото-

этого человѣка нѣтъ ничего священнаго; для него покушеніе на преступленіе и самое преступленіе составляютъ позволительныя средства, лишь-бы они вели къ цѣли. Что будетъ съ нами, что будетъ съ Россією? Снова проше, Государь, простить за эти размышленія того, кто знаетъ, какъ Вы любите правду, который и самъ ее любитъ и повергаетъ къ стопамъ Вашихъ“. Отсюда ясно, что и Растопчинъ считалъ дальнѣйшее пребываніе Императора въ арміи не желательнымъ и даже не безопаснымъ для него самого. См. „Русскій Архивъ“ 1875 г., книга II-я, стр. 271.

*) Письмо Государя къ Барклаю отъ 6 іюля. См. „Русскій Архивъ“ 1875 г., кн. II-я, стр. 293.

всюду народа стояли на улицахъ; съ удивленіемъ, съ радостнымъ энтузіазмомъ привѣтствовали они проходившія войска. Да и не удивительно, что эти войны внушали къ себѣ такое довѣріе. Они оглашали воздухъ радостными пѣснями; они ликovali, что отступленіе ихъ приходило къ концу, что ихъ поведутъ скоро на встрѣчу непріятелю, въ побѣдѣ надъ которымъ они были глубоко убѣждены“. *) Такое впечатлѣніе производили наши войска на польскаго графа, всецѣло поглощеннаго мечтами о возстановленіи своей отчизны; легко себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать при видѣ своихъ храбрецовъ русскій Государь.

Совершенно иное впечатлѣніе должна была производить на Государя страна, черезъ которую лежалъ его путь. До сихъ поръ на пути черезъ Литву и отчасти Бѣлоруссію, Александру приходилось переживать одни горькія и тяжелыя чувства. Ему не осталось, безъ сомнѣнія, неизвѣстнымъ, съ какимъ восторгомъ встрѣтило непріятеля населеніе Вильны, то самое населеніе, которое такъ ласкалъ онъ, такъ очаровалъ своею любовью, своими щедротами. Какое-то опьяненіе, какая-то бѣшеная радость овладѣли виленцами, лишь только передовые отряды великой арміи вступили въ улицы города. Польскій полкъ князя Доминика Радзивила первый вступилъ торжественно въ литовскую столицу. Польскія аристократки, только что блиставшія передъ тѣмъ на балахъ у русскаго Императора и силившіяся плѣнить его своею граціею и любезностью, выбѣгали на балконы и обливались слезами радости при видѣ красиваго мундира польскихъ уланъ и ихъ знаменъ, украшенныхъ польскими народными цвѣтами. „Я почувствовала въ эту минуту, что я полька, пишетъ одна изъ нихъ. Чудное время! какъ недолго продолжалось оно!“ **) Вся Вильна огласилась радостными криками. Люди всѣхъ званій спѣшили выразить свой восторгъ при видѣ своихъ мнимыхъ освободителей. Знатные паны подавали примѣръ шляхтичамъ и черни. „Люди простаго званія бросились вытаскивать изъ Вилии оружіе, брошен-

*) См. Michael Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. 3, стр. 186—37.

**) См. „Императоръ Александръ въ воспоминаніяхъ графини Шуазель-Гуфье“. „Русская Старина“ за 1877 годъ, декабрь, стр. 596.

ное въ воду русскими при ихъ отступленіи. Вооружившись поверхъ своей рабочей одежды, они бѣгали по городу какъ безумные, бросали вверхъ шапки, кричали вивать! Горожане, съ развѣвающимися знаменами, вышли на встрѣчу Наполеону и поднесли ему ключи города“. *) Что дѣлалось въ Вильнѣ, то повторялось и во всей Литвѣ. Повсюду населеніе, руководимое своими панамъ и ксендзами, встрѣчало французовъ какъ освободителей. Вездѣ торжественныя встрѣчи, вездѣ громкія заявленія о готовности всѣмъ жертвовать для возстановленія отечества, для славы великаго завоевателя. „Мы докажемъ вамъ, говорили литовцы французамъ, что мы истинные поляки, пожертвуемъ всѣмъ, разоримся до тла, но докажемъ!“ **)

Какъ-же относились къ этому горячему энтузіазму сами разноплеменные освободители и ихъ полновластный повелитель? Переправившись черезъ Нѣманъ, Наполеонъ тотчасъ-же объявилъ въ приказѣ по войскамъ, что они вступили въ непріятельскую землю, ***)) и его полчища вели себя вполне согласно съ этимъ заявленіемъ своего вождя. Всѣ города и селенія, лежавшія по пути великой арміи, подвергались систематическому грабежу и опустошенію; хлѣба и травы скашивались французскими фуражирами, многочисленные непріятельскіе мародеры производили всевозможныя безчинства и злодѣянія. Жители, пораженные ужасомъ, ограбленные, оскорбленные тѣми, кого они встрѣчали съ такими надеждами, бросали свои дома и бѣжали въ лѣса, оставляя на произволъ непріятеля все свое имущество и спасая только свою жизнь и честь своихъ женъ и дочерей. „Каждый день“,—пишетъ одна изъ тѣхъ аристократокъ, которыя плакали отъ радости при видѣ первыхъ напо-

*) Воспоминанія гр. Шуазель-Гуфье. „Русская Старина“, 1877 г. декабрь стр. 596. „Разсудительный и осторожный отецъ мой, добавляетъ графиня, не предвидѣлъ ничего хорошаго отъ всего этого. „Дураки, сумасброды,—говорилъ онъ,—русскіе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Вильны. Кто можетъ угадать, куда они двинутся и какой оборотъ приметъ дѣло“. Къ сожалѣнію, число такихъ разсудительныхъ людей было крайне не велико“.

**) Воспоминанія гр. Шуазель-Гуфье. Стр. 597.

***)) См. Michael Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. 3, стр. 126. „Итакъ онъ пришелъ въ Литву, замѣчаетъ Огинскій,—не какъ освободитель или другъ, и не съ намѣреніемъ присоединить ее къ герцогству Варшавскому и создать королевство Польское. Это объявленіе поразило ужасомъ литовцевъ“.

леоновскихъ солдатъ,—„слышали мы рассказы о безпорядкахъ, производимыхъ солдатами въ селеніяхъ. Вильна, казалось, стала военнымъ центромъ, черезъ нее постоянно тянулись войска этой безконечной арміи; солдаты располагались бивуакомъ посреди улицъ, всюду раздавалось бряцанье оружія, звуки трубъ, ржаніе лошадей и смѣсь всевозможныхъ языковъ. Уставъ смотрѣть на все это, я старалась отдохнуть, глядя на небо, но и тутъ мнѣ видѣлись въ облакахъ движущіяся арміи и я со страхомъ вспоминала объ Апокалипсисѣ“. *)

Самъ Наполеонъ велъ себя по отношенію къ литовцамъ съ неслыханнымъ высокомѣріемъ и съ чисто солдатской грубостью. Ему и не приходило въ голову придавать особое значеніе услугамъ поляковъ, жертвовавшихъ ради его жизни и достояніемъ. Объ аристократіи, ползавшей у его ногъ, онъ отзывался лишь въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ. Исключеніе дѣлалось, повидимому, только для женщинъ. „Въ Польшѣ одни только женщины,—писалъ Наполеонъ герцогу Бассанскому,—обладаютъ умомъ и силою воли“. „Обращайте особенное вниманіе на женщинъ,—говорилъ онъ одному изъ своихъ уполномоченныхъ въ Литвѣ,—такъ какъ онѣ всѣмъ вертятъ въ Польшѣ“ **). Выражаясь такъ лестно о польскихъ женщинахъ, Наполеонъ держалъ, однако-же, себя и по отношенію къ нимъ постояннымъ солдатомъ. На публичныхъ аудіенціяхъ онъ предлагалъ обыкновенно дамамъ такіе вопросы: „За мужемъ ли вы? Сколько у васъ дѣтей? А что ваши дѣти—плотныя, толстыя?“ Затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ дамамъ онъ замѣчалъ: „Императоръ Александръ очаровалъ васъ всѣхъ своею любезностью, остались ли вы хорошими польками?“ ***).

По мѣрѣ того какъ польскія патріотки всматривались ближе въ своего освободителя, онъ быстро терялъ въ ихъ глазахъ ореолъ величія и красоты. Онѣ находили, что ни въ наружности, ни въ манерахъ завоевателя не было ничего величественнаго. Онѣ не чувствовали въ его присутствіи того вол-

*) Воспоминанія гр. Шуазель-Гуфье. Стр. 597. О поведеніи французовъ въ Литвѣ см. также Огинскій, Т. 3, стр. 127—128.

**) Воспоминанія гр. Шуазель-Гуфье, стр. 599.

***) Воспоминанія гр. Шуазель-Гуфье, стр. 600.

ненія, которое овладѣвало ими въ присутствіи Императора Александра. Маленькій, толстенный, кругленькій человекъ, непрерывно покачивающійся со стороны на сторону, утратилъ въ ихъ глазахъ всякое обаяніе, не смотря на свои прекрасные зубы, матовую бѣлизну и античный профиль своего лица *). На балѣ, устроенномъ для него въ Вильнѣ, императоръ французовъ давалъ чувствовать на каждомъ шагѣ свою власть и свои грубыя манеры. Не одни только придворные и маршалы, но и дамы должны были ожидать его у подъѣзда. При выходѣ изъ экипажа, оберъ-штальмейстеръ Коленкуръ подставилъ его величеству скамейку. Наполеонъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на встрѣтившихъ его дамъ; онъ не поклонился имъ, не повернулся даже въ ихъ сторону. Во время бала онъ сидѣлъ на возвышеніи, имѣвшемъ видъ трона; ноги его покоились на подушкѣ. Все происходило по командѣ, **) точно также, какъ и на придворныхъ балахъ въ Парижѣ. Въ обычныхъ оффиціальныхъ возгласахъ: „да здравствуетъ императоръ!“ не было, разумѣется, недостатка.

Въ Бѣлоруссіи не было недостатка ни въ польскихъ панахъ, ни въ шляхтѣ, ни въ ксендзахъ, но горькіе опыты литовцевъ не остались уже и здѣсь безъ послѣдствій. Слухи о неистовствахъ и грабежахъ, производимыхъ французами, о совершенномъ упадкѣ дисциплины, о громадномъ количествѣ кровожадныхъ мародеровъ, бродившихъ вокругъ великой арміи, подѣйствовали охлаждающимъ образомъ на горячій патріотизмъ польскихъ пановъ и паннъ, навели паническій страхъ на горожанъ и сельское населеніе. Съ тревогою смотрѣли несчастные обыватели на удаляющіяся русскія войска; не дожидаясь прихода непріятеля, они бросали свои жилища и имущества и спѣшили укрыться въ непроходимыхъ боло-

*) Воспоминанія гр. Шуазель-Гуффе. стр. 600.

**) „Лишь только онъ сѣлъ, откинувши ногою подушку, раздалось въ родѣ команды: „дамы садитесь!“ Дамы размѣстились и начался балъ. Наполеонъ оставался не долго. Посмотрѣвъ на танцующихъ, поговоривъ съ окружающими его придворными, маршалами и хозяйкомъ дома, онъ прошелся въ кружкѣ дамъ и уѣхалъ при обычныхъ возгласахъ: „да здравствуетъ императоръ.“ Воспоминанія гр. Шуазель-Гуффе, стр. 601. Такимъ же точно характеромъ отличались балы Наполеона въ Парижѣ и Фонтенебло, какъ это видно изъ *Memoires Madame de Rémusat*.

тахъ и дремучихъ лѣсахъ своей родины. Все находилось подъ вліяніемъ одного гнетущаго паническаго страха. Знатные и богатые первые подавали примѣръ трусости и отчаянія. Въ Витебской, Минской, Могилевской губерніяхъ все бѣжало передъ непріятелемъ; *) не обнаруживалось ни малѣйшаго движенія ни за непріятеля, ни противъ него. Вся страна обратилась въ настоящую пустыню. „На пути изъ Полоцка, замѣчаетъ Шишковъ, проѣзжали мы деревни совершенно пустыя, въ которыхъ не только людей, даже никакихъ животныхъ не видали“ **).

Совершенно инныя картины и иной пріемъ ожидали какъ Государя, такъ и отступающую армію въ предѣлахъ пастоящей Россіи, начиная отъ границы Смоленской губерніи. И тутъ, правда, жители готовились бросать свои дома при появленіи непріятеля, но при этомъ намѣреніи ими руководило не одно чувство безотчетнаго страха, а также горячая любовь къ родинѣ, пламенное желаніе панести непріятелю какъ можно болѣе вреда. Проходящія войска встрѣчали у поселянъ самый радушный, гостепріимный пріемъ. Со всѣхъ сторонъ подвозили крестьяне въ лагерь съѣстные припасы и упорно отказывались принимать за нихъ какую бы то ни было плату. Собираясь жечь свои избы и бѣжать въ лѣса, они спѣшили въ тоже время вооружиться чѣмъ попало и добродушно спрашивали у начальства разрѣшенія бить французовъ ***). По мѣрѣ того, какъ Государь приближался къ Смоленску, въ селеніяхъ становилось все люднѣе и люднѣе ****). Народъ повсюду привѣтствовалъ съ восторгомъ своего Царя; въ немъ одномъ усматривалъ онъ своего защитника отъ всѣхъ грядущихъ бѣдствій. Дворянство первой чисто русской губерніи, угрожаемой непріятелемъ, спѣшило взять на себя починъ въ дѣлѣ народной обороны. Еще за два дня до пріѣзда Государя въ Смоленскъ дворяне, собравшись въ городѣ въ громадномъ количествѣ, составили прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ

*) См. между прочимъ Оганскій, Т. 3, стр. 134 и слѣдующія.

**) Богдановичъ, „Исторія Отечественной войны“. Т. I, стр. 295 – 96.

***) Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 149.

****) Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 150.

просили дозволенія вооружиться самимъ и вооружить своихъ крестьянъ въ числѣ 20,000 человекъ. Они заявили готовность снабдить ратниковъ необходимымъ продовольствіемъ, брались обучать ихъ стрѣльбѣ, просили только выдать потребное количество оружія *). Несмѣтныя толпы народа, людей всѣхъ званій и состояній привѣтствовали Императора при въѣздѣ его въ старыя русскія городы. Минута была въ полномъ смыслѣ слова торжественная. Настроеніе умовъ было до крайности возбужденное. Извѣстія съ театра войны получались до тѣхъ поръ крайне рѣдко и не отличались ни особенною точностью, ни содержательностью. Стоустая молва, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, преувеличивала и безъ того уже страшную опасность. Непріятельскія массы, подобно грозовымъ тучамъ, съ трехъ сторонъ надвигались на Смоленскъ. Бѣглецы, ежедневно прибывавшіе въ городъ изъ мѣстностей, подвергшихся уже нашествію непріятели, увеличивали общее смятеніе своими страшными и въ тоже время неопредѣленными рассказами. Смольняне предчувствовали бѣду, готовившуюся обрушиться на нихъ, они собирались встрѣтить ее, какъ истые русскіе люди и православные. Уже 7-го іюля горожане подняли чудотворную икону Смоленской Богоматери изъ Успенскаго собора и перенесли ее въ думу, гдѣ отслужена была всенощная. На другой день устроенъ былъ торжественный крестный ходъ вокругъ стѣнъ города. Громадныя толпы народа, все населеніе города и масса окрестныхъ жителей, со слезами провожали Смоленскую святыню; въ ней, въ помощи

*) При этомъ случаѣ выразился и тотъ духъ недовѣрія противъ всѣхъ иностранцевъ, или даже людей съ иностранными фамиліями, который игралъ такую великую роль во всю эту войну. „По приѣздѣ нашемъ въ Смоленскъ, рассказываетъ Шишковъ, предстало очамъ нашимъ великое множество народа и разныхъ чиновъ оставшихъ дворянъ, изъ которыхъ многіе приходили мнѣ сказывать, что они всѣхъ крестьянъ своихъ вооружать и сами пойдутъ съ нами на встрѣчу непріятелю. Тутъ, смотря на мужественный духъ и пылающее рвеніе, возродилась во мнѣ исчезающая надежда, и я въ восторгѣ души моею, самъ себя сказалъ: Нѣтъ! Богъ милостивъ, Россія не погибнетъ! Одно только меня смущало: почти всѣ приходившіе ко мнѣ дворяне единогласно говорили, что если дадутъ предводителя, то они охотно повиноваться ему будутъ, лишь бы онъ былъ русскій, но въ тоже самое время назначать предводительствовать имъ незнающій ни слова по русски, иностранецъ Виценгероде“. Записки. Т. I, стр. 151.

Всевышняго видѣли они свою крѣпчайшую охрану и спасеніе.

Уже на слѣдующій день Государь прибылъ въ Смоленскъ. Необходимо представить себѣ всю мрачную, чтобы не сказать, отчаянную обстановку минуты съ одной стороны, и то чарующее впечатлѣніе, которое способна была произвести личность Александра съ другой, чтобы понять тотъ взрывъ народнаго энтузіазма, ту бурю восторга, которые встрѣтили Императора при въѣздѣ въ городъ. Александръ былъ въ то время въ полномъ цвѣтѣ мужественной, почти юношеской силы и красоты. Ему было тогда тридцать пять лѣтъ отъ роду, но онъ казался гораздо моложе. Тонкія и правильныя черты, нѣжный цвѣтъ лица, а еще болѣе выраженіе безконечной доброты поражали всѣхъ и каждого, имѣвшихъ счастье видѣть его. Это выраженіе привлекало къ нему всѣ сердца и сразу внушало полное довѣріе къ нему. Онъ былъ прекрасно сложенъ и его станъ, наклоненный немного впередъ, напоминалъ собою позу античныхъ статуй. Высокій ростъ, величественная, благородная осанка сразу давали возможность отличить его отъ всѣхъ окружающихъ. Его чисто голубые глаза смотрѣли быстро, не смотря на близорукость; они свѣтились умомъ и кротостью. Прямой, прекрасно очерченный носъ, маленькій красивый ротъ, весь изящный профиль лица, напоминали красоту его августѣйшей матери. Недостатокъ волосъ на лбу не портилъ этого лица, а придавалъ ему выраженіе открытое и веселое. Онъ тщательно причесывалъ свои золотисто-бѣлокурые волосы на манеръ античный. Въ его голосѣ и манерѣ было безчисленное множество оттѣнковъ: онъ былъ величественъ, но въ тоже время любезенъ въ разговорѣ съ знатными особами, ласковъ съ низшими, почти фамиліаренъ съ приближенными, граціозно-любезенъ съ дамами. Тонкая улыбка мелькала на устахъ его; глаза его принимали участіе въ разговорѣ *). Таковъ былъ Александръ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому

*) Такъ изображаетъ Александра женщина, гр. Шуазель-Гуфье, урожденная гр. Софья Тизенгаузенъ. „Ни одному живописцу, замѣчаетъ она также, не удалось воспроизвести вполнѣ выраженія лица Государя. Правда, онъ и не любилъ спускаться съ себя портретовъ. Одинъ только Жераръ успѣлъ выпросить у него нѣсколько сеансовъ; но и тогъ, не смотря на все свое мастерство, не съу-

назадъ, такими чертами рисовала его восторженная польская графиня, имѣвшая счастье познакомиться съ нимъ въ Вильнѣ. Съ тѣхъ поръ прошло очень немного времени, но событія послѣднихъ недѣль и дней уже успѣли наложить свой отпечатокъ на благородныя и изящныя черты Монарха. Внутренній переворотъ, начинавшій совершаться въ душѣ Александра, придавалъ уже всей его фizioноміи то безконечно-грустное, но въ тоже время полное глубокой вѣры въ силу Божественнаго провидѣнія выраженіе, которое преображало и освѣщало въ послѣдствіи всю его фигуру. Здѣсь въ Смоленскѣ, среди этой толпы, тѣснившейся вокругъ его экипажа, привѣтствовавшей его восторженными кликами и слезами, простиравшей къ нему руки, какъ къ своему отцу и избавителю, Александръ впервые началъ черпать изъ того живаго источника народной силы, который оставался до тѣхъ поръ закрытымъ для него. Но онъ не постигалъ еще въ то время вполне основъ этой силы; переворотъ только что начинался, для окончательнаго просвѣтленія и вразумленія его потребны были еще иныя, болѣе тяжкія и страшныя испытанія.

Государь проѣхалъ прямо въ домъ, приготовленный для его приѣма, *) здѣсь онъ принималъ чиновниковъ и представителей дворянства. Въ немногихъ задушевныхъ словахъ благодарилъ онъ этихъ послѣднихъ за добровольный вызовъ ополчиться противъ непріятеля и вооружить народъ. Отсюда онъ поспѣшилъ въ соборъ и здѣсь горячо молился въ присутствіи многочисленнаго народа. Мысль о поднятій народныхъ силъ противъ страшнаго врага не покидала его ни на минуту. Послѣ смотра войскъ, собранныхъ въ Смоленскѣ, онъ занялся немедленно составленіемъ правилъ для организаціи народнаго ополченія и тотчасъ-же передалъ ихъ для руководства губернатору.

мѣлъ передать характера лица Государя. Онъ придалъ ему видъ завоевателя, что вовсе не гармонировало съ добрымъ выраженіемъ его фizioноміи". Воспоминанія гр. Шуваль-Гуфье стр. 581. О наружности Александра въ эту эпоху см. также Перцъ, Steins Leben. Т. 3, стр. 55.

*) О пребываніи Александра въ Смоленскѣ см. въ особенности „Русскій Архивъ“, статья „Москва въ 1812 г.“ Понова. 1875 г. кн. 2. стр. 294 и слѣд.

Испанія, первая подававшая примѣръ народной войны и поставившая тѣмъ самымъ непреодолимая преграды военному гению Наполеона, служила для него при этомъ, такъ сказать, образцемъ. *) Примѣняясь къ мѣстнымъ и національнымъ условіямъ и думая дать будущему ополченію правильную и строгую организацію, Императоръ намѣревался независимо отъ того вызвать движеніе въ самомъ народѣ, организовать партизанскую войну, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ появится непріятель. Но какими средствами достигнуть этой послѣдней цѣли, какъ подвинуть къ вооруженному возстанію мирныхъ поселенцевъ, совершенно отвыкшихъ отъ употребленія оружія,—поселенцевъ, пораженныхъ,—такъ казалось это, по крайней мѣрѣ, на первый разъ,—паническимъ страхомъ, думавшихъ, повидимому, только о томъ, какъ-бы укрыться куда-нибудь подальше отъ свирѣпаго врага. Что приказы и увѣщанія начальства не въ состояніи будутъ совершить это чудо, что они не въ состояніи будутъ превратить мирныхъ и добродушныхъ крестьянъ въ свирѣпыхъ гверильесовъ, въ этомъ Александръ не сомнѣвался ни на минуту. Для совершенія такого чуда необходимо было дѣйствіе иныхъ болѣе могущественныхъ силъ, силъ правдивыхъ, и прежде всего начала религіознаго. Примѣръ Испаніи, съ которою Россія именно въ этотъ моментъ вступала въ тѣсный союзъ, блистательно подтверждалъ эту несомнѣнную истину.

Оффиціальная Испанія съ своимъ королемъ, министрами, юнтами, чиновниками, генералами и регулярными войсками спасовала самымъ жалкимъ образомъ передъ первымъ толчкомъ Наполеоновскаго нашествія. Вѣроломный завоеватель захватилъ въ плѣнъ ея монарха, обезоружилъ ея войска, занялъ страшиными силами ея столицу и всѣ ея крѣпости, принудилъ къ измѣнѣ и присягѣ узурпатору ея грандовъ и представителей и считалъ дѣло завосованія поконченнымъ. Но вслѣдъ затѣмъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ, испанскій народъ,

*) „Я рѣшился, писалъ Государь 27-го іюня Барклаю-де-Толли, призвать народъ къ истребленію врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы, какъ къ такому дѣлу, котораго требуетъ самая вѣра. Надѣюсь, что мы въ этомъ отношеніи не уступимъ испанцамъ. Богдановичъ, „Исторія Отечественной войны“. Т. I стр. 171.

народъ забитый, заброшенный, порабощенный, невѣжественный, темный, и всѣ усилія завоевателя обуздать этотъ народъ, подчинить его своей волѣ, оказались тщетными! Что же подняло и воодушевило этотъ несчастный народъ, откуда взялъ онъ эту страшную силу, сломить которую не могли побѣдители всей Европы? Народъ возсталъ, разумѣется, прежде всего изъ чувства оскорбленнаго національнаго самолюбія. Онъ не могъ смотрѣть равнодушно, подобно своимъ грандамъ и чиновникамъ, на то, что иноземный властелинъ и его агенты увели въ плѣнъ его прирожденнаго государя,—что они попирали ногами всю его народную жизнь,—что они ломали и перекраивали на новый ладъ его учрежденія и порядки,—что они посягали, во имя какой-то революціонной, невѣдомой ему цивилизаціи, на всѣ его вѣковыя привычки, взгляды, предубѣжденія, симпатіи,—что они осмѣливались играть по отношенію къ нему роль наставниковъ и руководителей. Итакъ испанскій народъ возсталъ прежде всего на защиту своей самобытности; ради этой самобытности отвергъ онъ съ негодованіемъ ту новомодную свободу и просвѣщеніе, которыя предлагалъ ему завоеватель, и предпочелъ остаться лучше при старомъ рабствѣ и невѣжествѣ. Но народъ возсталъ еще и за другое, неощущенное въ глазахъ его благо,—за свою религію. Завоеватель, намѣревавшійся облагодѣтельствовать его, былъ прежде всего представителемъ анти-религіознаго, революціоннаго принципа. Посягая на основы національной жизни, желая стереть съ лица земли всѣ самобытныя народности и превратить все живое разнообразіе національностей въ одну мертвую, механическую массу космополитизма, онъ посягалъ въ то-же время и на религію, стремился превратить христіанскую Церковь въ слѣпое орудіе своей воли, въ простой государственный и полицейскій механизмъ, предназначавшійся исключительно для обузданія грубой массы, для порабощенія и искаженія самой души народа. Онъ возстановилъ католическую церковь во Франціи, онъ заключилъ конкордаты съ папою, но онъ стремился превратить этого папу въ своего чиновника, а епископовъ и священниковъ—въ своихъ полицейскихъ агентовъ и унтеръ-офицеровъ. Пусть эти чиновники и агенты исполняютъ слѣпо

его велѣнія, пусть они внушаютъ народу духъ безусловной покорности, пусть они учатъ народъ молиться за императора, платить исправно подати, давать безпрекословно рекрутъ, - и императоръ отнесется къ нимъ съ такимъ же благоволеніемъ, какъ и къ другимъ своимъ слугамъ, наградить ихъ также щедро, какъ своихъ маршаловъ, сенаторовъ, префектовъ и солдатъ. Но горе имъ, если они осмѣлятся выйти за предѣлы предначертанной имъ дѣятельности, если они вспомнятъ о своихъ старыхъ правахъ, устранившихся революціею, если они вздумаютъ учить народъ не тому, чего желаетъ и требуетъ императоръ, или если они возмечтаютъ, что религія должна служить еще и другимъ, болѣе высшимъ цѣлямъ, нежели цѣлямъ государственнымъ и полицейскимъ! Страшная участь ожидаетъ ихъ въ такомъ случаѣ, и императоръ не поколеблется ни на минуту покарать, затоптать въ грязь всѣхъ ихъ безъ исключенія. Французы, итальянцы и пѣмцы покорно подчинились такимъ церковнымъ взглядамъ и требованіямъ императора. Они не рѣшились протестовать даже тогда, когда самъ глава католической церкви, римскій епископъ, отведенъ былъ въ качествѣ государственнаго плѣнника въ французскую тюрьму, точно также какъ не протестовали и тогда, когда императоръ отдавалъ сотнями въ солдаты воспитанниковъ духовныхъ семинарій.

Совершенно иначе отнеслись къ церковной политикѣ Наполеона испанцы, закоснѣлые въ вѣковыхъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ, но чуждые въ тоже время духа индиферентизма и невѣрія; они поднялись, какъ одинъ человекъ, на защиту вѣры своихъ отцевъ и въ этой вѣрѣ почерпнули гигантскія силы, сдѣлавшія ихъ непобѣдимыми.

Положеніе русской народнои массы напоминало, во многихъ отношеніяхъ, положеніе массы испанской. Народъ русскій былъ также необразованъ и грубъ, какъ народъ испанскій; онъ страдалъ также подъ ярмомъ учрежденій, отжившихъ свой зѣкъ въ другихъ странахъ, но онъ сохранилъ всецѣло свою народную самобытность, онъ не былъ испорченъ иноземными вліяніями, онъ былъ преданъ душею и тѣломъ своему прирожденному Самодержавному Царю, а православная вѣра отцевъ

служила для него единственнымъ источникомъ духовной и нравственной жизни. Представитель революціоннаго принципа вступилъ теперь съ своими несмѣтными полчищами въ предѣлы этого народа, онъ мечталъ привлечь къ себѣ этотъ народъ общаніемъ свободы, отмѣною крѣпостнаго права, онъ думалъ поднять рабовъ противъ ихъ господъ и зажечь въ Россіи войну социальную. И въ то же самое время онъ относился къ вѣрѣ этого народа съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и къ вѣрѣ испанцевъ. Онъ хотѣлъ заставить православное духовенство молиться за себя и за успѣхи своего оружія, точно также, какъ заставлялъ онъ молиться католическихъ прелатовъ и епископовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Онъ позволялъ своимъ солдатамъ ругаться надъ православною святынею, грабить храмы и обращать ихъ въ конюшни. Онъ приказывалъ втаскивать орудія въ церкви и на колокольни и собственноручно направлялъ оттуда ихъ огонь на русскія войска. Однимъ словомъ, онъ дѣлалъ съ своей стороны все, чтобы раздражить противъ себя этотъ народъ, чтобы явиться въ глазахъ его не только врагомъ государства и обожаемаго Царя, но и святотатцемъ, антихристомъ, стремящимся искоренить православіе *).

Императоръ Александръ понималъ, разумѣется, русскій народъ лучше своего противника. Не будучи самъ первоначально искренно религіознымъ человекомъ, онъ придавалъ, однако же, громадное значеніе силѣ религіознаго принципа. Теперь, подъ вліяніемъ тяжелыхъ испытаній и въ силу начавшагося пробужденія въ немъ самомъ религіознаго чувства, онъ

*) „Въ Москву, рассказываетъ гр. Растопчинъ, начали пріѣзжать изгнанные и бѣжавшіе изъ Бѣлороссіи, которые, при приближеніи непріятеля, оставили свои имѣнія и пріѣзжали въ столицу, ожидая найти въ ней полнѣе безопасность. Они-то распространяли слухи о жестокихъ и святотатственныхъ дѣйствіяхъ Наполеоновыхъ воиновъ. Одинъ отрядъ пришелъ въ деревню, гдѣ находился помѣщикъ съ своимъ семействомъ; эти люди позволили себѣ всевозможныя неистовства по отношенію ко всемъ, не исключая его дочери и племянницы: первая умерла на другой же день, вторая умирающе была привезена въ Москву. Въ то время, какъ распространялось по городу это извѣстіе, узнали также, что непріятельская кавалерія устраиваетъ въ церквахъ конюшни для своихъ лошадей. Народъ, узнавши объ этомъ, пришелъ въ ярость и началъ вооружаться. Вотъ причина убійствъ французскихъ солдатъ крестьянами“. См. „Русскій Архивъ“. 1875 г. кн. II стр. 379.

задумалъ дѣйствовать на это чувство въ самомъ народѣ, искать помощи у представителей религіи, побудить ихъ дѣйствовать на народъ своимъ духовнымъ словомъ и пастырскимъ увѣщаніемъ. Представители Церкви, и прежде всѣхъ епископы, должны были призывать народъ на защиту отечества и религіи; всѣми силами должны они были противодѣйствовать дальнѣйшему развитію той паники, которая, видимо, начинала овладѣвать населеніемъ въ виду приближенія непріятеля. „Узнать, что нѣкоторые поселяне и жители,—писалъ Императоръ Смоленскому епископу Иринею,—оставляя поля и работы свои, бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разбѣздовъ, появляющихся еще въ далекомъ разстояніи отъ Смоленска, полагаемъ мы на васъ пастырскій долгъ внушеніями и увѣщаніями своими ободрить ихъ и не токмо отвращать отъ страха и побѣга, но напротивъ убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупясь вмѣстѣ, старались вооружиться чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ и вмѣсто робости наносили имъ самымъ великій вредъ и ужасъ“ *).

Приведенный документъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ показываетъ прежде всего, что уже въ это время Александръ твердо рѣшился воспользоваться въ предстоящей борьбѣ всѣми тѣми средствами, которыя предоставляла въ его распоряженіе Имперія и на ряду съ правильною войною вызвать войну народную, стремиться къ истребленію противника всѣми путями и способами. Не менѣе важно другое соображеніе. Въ приведенномъ документѣ незамѣтно еще и слѣдовъ того религіознаго одушевленія, которое овладѣло Александромъ нѣсколько позже. Очевидно, что Императоръ смотритъ еще въ это время на религію, какъ на средство, могущее вызвать энтузіазмъ въ народѣ, но самъ онъ не проникнуть еще окончательно и всецѣло этимъ энтузіазмомъ.

Дѣйствуя на народъ всѣми способами, ожидая отъ него помощи и спасенія, Императоръ старается стать въ тоже время, какъ можно ближе къ этому народу, сдѣлать его, такъ сказать, соучастникомъ своихъ помысловъ, своихъ надеждъ и радостей.

*) См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. книга II-я. стр. 295.

Прошло то время, когда Царь находился къ своему народу въ отношеніяхъ исключительно официальныхъ, когда онъ передавалъ ему свою волю, извѣщалъ его о событіяхъ первостепенной важности лишь черезъ посредство другихъ лицъ. Александръ понималъ, что теперь наступилъ такой моментъ, когда лучшимъ возвѣстителемъ царской воли, когда самымъ краснорѣчивымъ герольдомъ могъ быть для народа лишь самъ Царь. Въ Смоленскѣ Государь получилъ извѣстіе о ратификаціи мирнаго договора Россіи съ Оттоманскою Портою султаномъ. Эта радостная вѣсть не мало успокоила и подняла духъ его. Теперь не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, что Дунайская армія можетъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ. Теперь можно было повторить предписанія, посланныя адмиралу Чичагову еще изъ Дриссы, въ болѣе рѣшительной и окончательной формѣ; теперь слѣдовало категорически заявить главнокомандующему Дунайской арміи, что онъ долженъ спѣшить, какъ можно скорѣе, на Днѣстръ и распрощаться окончательно съ своими мечтами о походѣ на Константинополь, объ экспедиціи въ Иллирію. *) Александръ зналъ, что извѣстіе, такъ обрадовавшее его, ожидается съ напряженнымъ петербургскимъ всею Россіею, и спѣшилъ подѣлиться своею радостью съ своимъ народомъ. Поспѣшно вышелъ онъ изъ своего кабинета въ пріемную залу, надѣясь пайти еще въ ней представителей смоленскаго дворянства и горожанъ, но зала была уже пуста, случайно въ ней оставался лишь одинъ Смоленскій городской голова. Александръ быстро подошелъ къ нему, обнявъ его, сообщилъ о заключеніи съ Турціею славнаго мира и поручилъ ему объявить объ этомъ немедленно же народу, густыми толпами окружавшему домъ, занимаемый Государемъ, и распорядиться, чтобы въ соборномъ храмѣ приготовились служить торжественный молебенъ. Голова спѣшилъ исполнить Высочайшую волю; громкое, восторженное *ура* покрыло его слова; народныя толпы со всѣхъ сторонъ устремились къ собору.

*) Любопытно, что окончательныя и категорическія повелѣнія Чичагову посланы были только изъ Москвы, такъ велика была еще рѣшительность Александра въ это время и такъ тяжело было ему отказаться отъ разнѣлюбленныхъ надеждъ и комбинацій.

ному храму. Самъ Императоръ присутствовалъ на благодарственномъ молебствіи и вечеромъ того-же дня выѣхалъ въ Москву *).

Первопрестольная столица, долженствовавшая пасть такъ скоро очистительною жертвою за спасеніе Россіи и свободу Европы, радостно встрепенулась при первой-же вѣсти о приѣздѣ Государя. Съ необычнымъ энтузіазмомъ, съ горячею готовностью отдать на алтарь отечества все свое достоинство и кровь—ожидала московская масса своего вѣнценоснаго вождя. Въ громадномъ большинствѣ этой массы не было и тѣни тѣхъ опасеній, подозрѣній и страховъ, которыми волновались люди образованные, отъ которыхъ не могли отдѣлаться даже лица, подобныя графу Растопчину,—лица, воображавшія, что они руководятъ народомъ и бывшія въ дѣйствительности не болѣе, какъ слѣплыми орудіями тѣхъ стихійныхъ силъ, которыя начали теперь выдвигаться на первый планъ историческаго дѣйствія.

Никто, впрочемъ, во всей Россіи не сомнѣвался на счетъ того приѣма, который готовила Москва своему царственному гостю. „Можно сказать, г-нъ баронъ, что вы обладаете даромъ предвидѣнія, писалъ въ это время графъ Кочубей барону Штейну, **) такъ удачно выбрали вы моментъ для вашей поѣздки въ Москву. Вы увидите эту древнюю столицу во всемъ ея блескѣ, и,—что еще важнѣе,—вы встрѣтите въ ней великую привязанность, великій энтузіазмъ къ законному Государю. Вы будете свидѣтелемъ великихъ пожертвованій, и все это не можетъ не подѣйствовать пріятно на человѣка, думающаго и чувствующаго подобно вамъ. Я крайне жалѣю, что не могу быть очевидцемъ этихъ прекрасныхъ порывовъ; я люблю ихъ вдвойнѣ,—за нихъ самихъ и за то доказательство, которое даютъ они о великости нашихъ силъ и нашихъ средствъ“.

Само собою понятно, что первое извѣстіе о приѣздѣ Государя въ Москву получилъ главнокомандующій столицы, графъ Растопчинъ. Извѣстіе это перепугало графа не на шутку.

*) См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. кн. II, 295 стр.

**) Письмо гр. Кочубей къ барону Штейну изъ Великихъ Лукъ отъ 11 іюня и. с.) 1812 г. см. Періцъ, Stein's Leben, T. 3, стр. 613. Слѣдуетъ замѣтить, что Кочубей находился въ наилучшихъ, дружескихъ отношеніяхъ къ Штейну.

Растопчинъ *), человекъ безспорно умный и въ своемъ родѣ большой патріотъ, но въ тоже время суетливый и первный, обнаружилъ съ самыхъ же первыхъ дней своего назначенія въ Москву крайне энергичную, почти лихорадочную дѣятельность. Обладая большимъ практическимъ смысломъ, умѣя говорить и обходиться съ людьми всѣхъ состояній и званій, выбирая съ большимъ умѣніемъ и тактомъ своихъ помощниковъ, графъ Растопчинъ дѣйствовалъ, однакоже, очень часто скорѣе подъ вліяніемъ своей пылкой фантазіи и врожденной подозрительности, нежели трезваго смысла и правильнаго пониманія положенія дѣлъ. Онъ держалъ цѣлую массу шпионовъ и агентовъ, прислушивался самъ къ пародному говору и не имѣлъ, однако - же, не смотря на все это, вѣрнаго представленія о настроеніи пародной массы. Графъ не сомнѣвался, что воззваніе Государя къ Москвѣ должно произвести сильное впечатлѣніе на населеніе столицы; онъ былъ убѣжденъ, что дворянство, польщенное довѣренностью къ нему Государя, воодушевится благороднымъ усердіемъ на благо отечества; онъ былъ увѣренъ, что купцы изъявятъ готовность на всевозможныя по-

*) О Растопчинѣ писано очень много, но окончательное мнѣніе объ этой личности все еще не установилось, какъ видно это, между прочимъ, и изъ прекрасныхъ статей А. Н. Попова: „Москва въ 1812 году“, помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ. Главнѣйшимъ матеріаломъ для характеристики графа и его дѣятельности въ 1812 г. должна служить, во-первыхъ, его переписка съ Императоромъ Александромъ I и другими высокопоставленными лицами, обширныя извлеченія изъ которой мы находимъ у Попова. Далѣе имѣютъ значеніе *Matériaux, en grande partie inédits, pour la biographie future du comte Rastopchine, rassemblés par son fils*, изданныя въ Брюсселѣ (Отрывки изъ нихъ помѣщены въ русскомъ переводѣ во 2-й книгѣ „XIX вѣка“). Сергій, внукъ Растопчина, напечаталъ біографію своего дѣда подъ заглавіемъ „*Vie du c-te Rastopchine*“, Paris 1871 г., не имѣющую, впрочемъ, особеннаго значенія. Чрезвычайно важны записки Растопчина о его дѣятельности въ Москвѣ въ 1812. Подлинная рукопись этихъ записокъ хранится въ государственномъ архивѣ; мы могли пользоваться лишь, впрочемъ, весьма обширными извлеченіями изъ нея у Попова. Далеко не такъ важно другое сочиненіе самого графа: „Правда о Московскомъ пожарѣ“, изданное имъ въ Парижѣ въ 1823 г. Во 2-й книгѣ „XIX вѣка“ помѣщены письма гр. Растопчина къ князю Цицанову, не имѣющія никакого отношенія къ событіямъ 1812 года, (письма относятся къ первымъ людямъ XIX ст.), но чрезвычайно важны для характеристикъ самого графа. Въ этихъ письмахъ сказывается весь Растопчинъ, человекъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, минутнаго увлеченія, болѣзненный, раздражительный, никого не щадившій, вѣчно подозрѣвающій, вѣчно дѣйствующій подъ вліяніемъ своего пламеннаго воображенія.

жертвованія; но самый народъ, казалось ему, относится довольно равнодушно къ предстоящимъ великимъ и грознымъ событіямъ. Масса, доносили графу его шпіоны, не допускаетъ и возможности, чтобы непріятель могъ войти въ Москву. „Такую неблагоприятную увѣренность, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, въ пей поддерживало то обстоятельство, что въ продолженіи ста лѣтъ нога непріятельская не была на русской землѣ и что Наполеонъ долженъ погибнуть, какъ Карлъ XII подъ Полтавою. Бороды постоянно повторяли: Наполеонъ не можетъ насъ побѣдить, потому что для этого нужно всѣхъ насъ напередъ перебить“ *).

Всякій согласится, что въ этой послѣдней фразѣ, да и во всемъ томъ, что говоритъ Растопчинъ о настроеніи массы, высказывается лишь самое драгоцѣнное въ такіа критическія минуты народное чувство—твердая увѣренность въ самомъ себѣ и въ своей силѣ, а отнюдь не равнодушіе. Упрекая народъ въ этомъ небываломъ равнодушіи, графъ Растопчинъ заподозрѣвалъ его въ тоже время въ чемъ-то другомъ, несравненно худшемъ. Сознавая всю недостойность, весь позоръ крѣпостнаго ярма, лежавшаго на половинѣ населенія Имперіи, графъ Растопчинъ страшно опасался, подобно другимъ интеллигентамъ, что русскій народъ согласится принять свободу изъ рукъ иноземнаго завоевателя, что по призыву Наполеона онъ пріймется истреблять своихъ помѣщиковъ и весь образованный классъ. Это страшное подозрѣніе не давало ни на минуту покоя Московскому главнокомандующему. Измѣнники, предатели, возмутители народа мерещились ему на каждомъ шагу. Мартинисты и якобинцы, открытые въ Москвѣ его сыщиками, казалось ему, работали неумоимо надъ поднятіемъ народной массы. Верещагинъ, молодой купеческій сынъ, все преступленіе котораго заключалось въ переводѣ изъ газетъ двухъ прокламаций Наполеона, являлся въ его глазахъ страшнымъ государственнымъ преступникомъ, чуть не первымъ сообщникомъ Наполеона въ Москвѣ. Увлекаемый своими призрачными опасеніями, Растопчинъ выбивался изъ силъ, чтобы предохранить народъ отъ глѣтворнаго вліянія измѣнниковъ, чтобы предупре-

*) Записки Растопчина, у Попова: „Москва въ 1812 г.“ стр. 297—98.

дить грозящее возстаніе. Съ этою цѣлью графъ писалъ, между прочимъ, свои оригинальныя посланія къ московскимъ жителямъ. Безъ сомнѣнія, многіе москвичи впервые узнавали изъ этихъ посланій о тѣхъ великихъ благодареніяхъ и о той свободѣ, которыя сулилъ Наполеонъ русскому народу. „Иной вздумаетъ, говорилось въ этихъ посланіяхъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его дѣло кожу драть; общаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулить фельдмаршалство, нищимъ золотыя горы, народу свободу“ *). Не довольствуясь своими прокламаціями, графъ поручалъ спасать народъ и своимъ агентамъ. Извѣстный писатель и патріотъ С. Н. Глинка долженъ былъ возбуждать народъ противъ Наполеона, доказывать ему всяческими способами, что обѣщанія чуждаго завоевателя дать крѣпостнымъ людямъ свободу—не болѣе, какъ гнусный обманъ и ложь. Подобныя порученія могли возмутить, впрочемъ, и самого Глинку. Онъ очень хорошо зналъ, что самъ Растопчинъ во всѣхъ своихъ донесеніяхъ Императору свидѣтельствовалъ о спокойствіи народа, объ его глубокой преданности отечеству и Государю, объ его готовности на всякія пожертвованія, и въ тоже время опасался измѣны со стороны народа, подозрѣвать, что онъ можетъ принять освобожденіе отъ крѣпостной зависимости изъ рукъ врага отечества. „Говоря съ народомъ, замѣчаетъ Глинка, графъ Федоръ Васильевичъ отдалялъ отъ себя званіе главнокомандующаго. Въ дружескихъ своихъ посланіяхъ онъ бесѣдовалъ съ обывателями, какъ заботливый и привѣтливый другъ. Словомъ, онъ поставилъ себя на чреду старшины мірской сходки“ **). И въ самомъ дѣлѣ, какъ же можно было, становясь такъ къ народу, питать въ тоже время самое оскорбительное для того же народа подозрѣніе? Но подозрѣніе лежало въ самой натурѣ графа. Добродушный писатель не замедлилъ скорѣй сдѣлать печальное открытіе, что заботливый главнокомандующій

*) О мартинистахъ и шпіонахъ Растопчина см. Попова, „Москва въ 1812 г.“ первая глава. Тамъ же о Верещагинѣ. Еще въ 1811 г. Растопчинъ представлялъ записку о мартинистахъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Она напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1875 г. кн. III, стр. 75—81.

**) „Записки о Москвѣ“ Глинки, стр. 43.

подозрѣвалъ и его самого и устроилъ даже надъ нимъ бдительный надзоръ *).

По этой подозрительности и неустойчивости во взглядахъ и убѣжденіяхъ, Московскій главнокомандующій дѣятельно покровительствовалъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ своею супругою **) іезуитамъ и парочито вызвалъ ихъ въ Москву для охраненія проживавшихъ тамъ иностранцевъ отъ тлетворнаго вліянія мартинистовъ и Наполеоновскихъ агентовъ. Но онъ обомлѣлъ отъ страха, получивъ отъ генераль-адъютанта князя Трубецкаго пакетъ съ воззваніемъ Императора къ Москвѣ и съ увѣдомленіемъ о скоромъ прибытіи его въ столицу. Съ первой минуты ему представилось, что наши арміи уже не существуютъ, что онѣ разбиты и разсѣяны непріятелемъ. Долго распрашивалъ графъ князя Трубецкаго объ участи нашихъ войскъ и убѣдился наконецъ, что опасенія его неосновательны, что на театрѣ войны не произошло ничего рѣшительнаго, и что обѣ наши арміи готовятся соединиться подъ стѣнами Смоленска. Успокоившись окончательно, графъ немедленно-же принялся за работу, провелъ всю ночь безъ сна, успѣлъ повидаться со многими лицами, поручилъ напечатать воззваніе вмѣстѣ съ извѣщеніемъ къ народу, и на другой день вся Москва узнала о скоромъ пріѣздѣ Императора ***).

11-го іюля получено было извѣстіе о приближеніи Госуда-

*) „Не знаю почему, рассказываетъ самъ Глипка, приказано было за мною присматривать“. Записки Глипки, стр. 12.

**) Извѣстно, что супруга графа гр. Екатерина Петровна, урожденная Протасова, была обращена въ католичество іезуитами. Получивъ чисто свѣтское образованіе, она не имѣла первоначально, по свидѣтельству своего внука, никакихъ религіозныхъ убѣжденій. „Какъ жаль, голаривала она, что такое прекрасное ученіе, какъ христіанство—ложно“. Первымъ обратителемъ гр. на путь истинны явился знаменитый де-Местръ, наконецъ аббатъ Сергій убѣдилъ ее окончательно: „что христіанская вѣра есть истинная вѣра, и что во всей своей полнотѣ она выразилась въ римско-католическомъ исповѣданіи“. Аббатъ плелъ ее въ нѣдра всеспасающей церкви, взявъ съ нея напередъ строгое обѣщаніе, что она сохранитъ это въ тайнѣ даже отъ своего мужа. Тайна сохранялась, впрочемъ, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Гр. Раstopchine, этотъ пламенный патріотъ, ничего не имѣлъ противъ обращенія своей супруги. Онъ самъ усердно посѣщалъ церкви Св. Людовика, гдѣ проповѣдывали іезуиты, и посылалъ туда своего сына. См. Vie de c-to Rastopchine, стр. 159—162.

***) См. Записки гр. Раstopchina, у Попова, стр. 297.

ря къ Москвѣ. Одни утверждали, что Государь прибѣдетъ въ столицу въ тотъ-же день вечеромъ, другіе увѣряли, что онъ будетъ ночевать на послѣдней станціи въ Перхушковѣ. Уже съ ранняго утра Москва взволновалась и всѣ улицы наполнились народомъ. Масса простаго народа, казавшаяся почему-то графу Растопчину равнодушною, горѣла петербургіемъ увидѣть поскорѣе своего царственнаго вожда, услышать изъ его устъ слово, долженствующее положить предѣлы томительной неизвѣстности, разрѣшить муки сомнѣнія и недоумѣнія и указать путь къ спасенію отечества. Громадныя толпы народа всѣхъ званій и состояній устремились за городскія заставы на Смоленскую дорогу, онѣ намѣревались встрѣтить Государя за нѣсколько верстъ отъ города, выпрячь лошадей изъ его коляски и на своихъ рукахъ ввезти его въ столицу *). Императоръ Александръ, съ своей стороны, не былъ любителемъ торжественныхъ встрѣчъ. Шумныя оваціи, восторженные возгласы толпы скорѣе стѣсняли его скромную, стыдливую натуру, нежели доставляли ему удовольствіе. И въ этомъ отношеніи онъ представлялъ полную противоположность своему противнику, душа котораго никогда не могла насытиться официальной лестью, торжественными, чисто театральными церемоніями. Графъ Растопчинъ, какъ видно, не вполне посвященный въ намѣреніе Императора въѣхать въ Москву какъ можно тише и избѣгать всякаго шумнаго приѣма, выѣхалъ на встрѣчу къ Государю въ Перхушково, гдѣ по его распоряженію приготовленъ былъ обѣдъ.

Государя ждали около полудня, но онъ съ намѣреніемъ замедлялъ свой приѣздъ и прибылъ въ Перхушково только къ пяти часамъ вечера. Графъ ожидалъ встрѣтить Императора взволнованнымъ, потрясеннымъ послѣдними событіями, но, къ своему удивленію, онъ нашелъ его совершенно спокойнымъ и, повидимому, въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ принялъ

*) Это намѣреніе народа крайне не нравилось гр. Растопчину, но еще болѣе удивляло его то обстоятельство, „что мысль эта отъ народа перешла и къ болѣе высшимъ классамъ, и мнѣ было извѣстно, что многіе лица, имѣвшіе даже орденъ, намѣревались отіраться къ заставѣ и, можетъ быть, по усердію, а можетъ быть, и по глупости, превратиться тамъ въ четвероногихъ“. Записки Растопчина, у Попова, стр. 300.

графа съ своею обычною любезностью, хвалилъ его образъ дѣйствій, въ особенности-же то, что онъ успѣлъ заслужить расположеніе жителей Москвы. Затѣмъ Государь началъ говорить о войнѣ, онъ не обвинялъ никого въ дурномъ образѣ дѣйствій и высказывалъ твердую увѣренность, что арміи Барклая-де-Толли и Багратиона успѣютъ соединиться подъ стѣнами Смоленска. Затѣмъ онъ спрашивалъ графа о настроеніи умовъ въ Москвѣ, сообщилъ ему о своемъ намѣреніи обратиться къ дворянству съ предложеніемъ составить земское ополченіе и въ заключеніе объявилъ, что онъ намѣренъ вѣхать въ Москву попозже и остановиться на окраинѣ города, въ такъ называемомъ Слободскомъ дворцѣ. Растопчинъ замѣтилъ, что въ настоящую торжественную минуту Государю слѣдовало-бы проѣхать прямо въ Кремль и остановиться во дворцѣ своихъ предковъ и въ средоточіи города. Государь согласился съ замѣчаніемъ графа, но онъ настоялъ на своемъ желаніи пріѣхать въ Москву, какъ можно позже и избѣжать тѣмъ шумной встрѣчи. *) Растопчинъ, по обыкновенію, очень много суетился и въ его распоряженіяхъ высказалась и теперь его подозрительная, полицейская натура. Въ свитѣ Государя, состоявшей лишь изъ весьма немногихъ лицъ, въ томъ числѣ графа Толстаго, графа Аракчеева, князя Волконскаго, графа Комаровскаго (Балашевъ, Шинковъ и другія лица ѣхали позади), находился и баронъ Штейнъ. Растопчинъ не любилъ Штейна, казавшагося ему настоящимъ революціонеромъ; одновременный вѣздъ этого опаснаго чловека, и притомъ иностранца, въ Москву вмѣстѣ съ Государемъ казался ему неудобнымъ. Народъ былъ настроенъ, по его мнѣнію, крайне враждебно противъ всѣхъ иноземцевъ; онъ считалъ ихъ всѣхъ, безъ исключенія, нашими врагами и шпионами Наполеона. Растопчинъ принялъ видъ, что онъ опасается, чтобы присутствіе Штейна въ свитѣ Государя не вызвало недовольства и ропота въ москвичахъ, не охладило ихъ энтузіазма и отдалъ поэтому приказъ задержать на нѣсколько часовъ Штейна въ Перхушковѣ подъ предлогомъ недостатка въ лошадяхъ. **)

*) Всѣ эти подробности передаетъ самъ гр. Растопчинъ въ своихъ запискахъ. Стр. 299—300.

**) „Я сдѣлалъ это, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, въ виду сильно укоренившагося мнѣнія, что всѣ иностранцы наши враги и шпионы“.

Какъ видно, графъ зналъ очень мало дѣйствительное настроеніе москвичей; иначе онъ не могъ-бы заниматься подобными пустяками въ такія минуты.

Было уже около девяти часовъ вечера, когда Государь выѣхалъ изъ Перхушкова. Ночь была великолѣпная, небо ясно, незамѣтно было ни одного облачка. Величественная тишина стояла въ воздухѣ, яркій лунный свѣтъ озарялъ живописную богатую и густо-населенную мѣстность. Громадныя толпы народа, вышедшія еще съ утра изъ Москвы на встрѣчу Государю, терпѣливо ожидали его проѣзда. Живописными группами расположились они по краямъ дороги; одни лежали, другіе сидѣли, почти у всѣхъ въ рукахъ были зажжены фонари. Цѣлые потоки свѣта заливали дорогу и затемняли лучи мѣсяца. Изъ всѣхъ деревень, лежавшихъ по пути, выходили священники, съ крестомъ въ рукахъ, въ полномъ облаченіи въ сопровожденіи своихъ прихожанъ съ зажженными свѣчами. Они спѣшили на встрѣчу Государя, чтобы привѣтствовать, благословить его. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе должна была произвести эта встрѣча на воспріимчивую натуру Государя, потрясенную, но не сложенную столькими ужасными событіями. Эти толпы народа, опѣмѣвшія отъ восторга при видѣ своего Царя, эти свѣчи, эти священники, и эта величественная тишина почи,—все это было для него чѣмъ-то новымъ, небывалымъ, непережитымъ, затрогивавшимъ самыя сокровенныя струны сердца, вливавшимъ въ душу неслытанныя до тѣхъ поръ чувства умиленія и дѣтской покорности волѣ всеблагаго Провидѣнія. И вся эта картина подернута была какимъ-то грустнымъ, траурнымъ флеромъ. Казалось, что цѣлый великій народъ торжественно, спокойно и тихо обрекалъ себя на жертву за горячо любимое отечество, за вѣру предковъ и провозносилъ передъ лицомъ Всемогущаго нѣмой, но въ то же время громкій обѣтъ вѣрности до конца, до послѣдней капли крови, своему прирожденному Государю. Тяжело и въ то же время радостно становилось на сердцѣ, волновалась душа и тревожился умъ. Глаза всѣхъ невольно подымались къ небу и силились прочесть въ немъ грядущую судьбу отечества. У села Филей или Покровскаго, которому суждено было вскорѣ пріобрѣсти такую

всемірно-историческую извѣстность, наступилъ самый торжественный моментъ встрѣчи. Густыя толпы народа занимали здѣсь сплошь всю дорогу. Тутъ были и москвичи, и жители окрестныхъ деревень, и всѣ, поголовно, обыватели села Филей. Впереди всѣхъ стоялъ священникъ Григорій Гавриловъ въ полномъ облаченіи, неся на серебряномъ блюдѣ крестъ, подлѣ него старикъ-дьяконъ съ зажженною свѣчою. Экипажъ Государя остановился. Императоръ вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ провозгласилъ: „да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази Его“. Было уже за полночь, когда Государь прибылъ въ Кремль *).

Тамъ всѣ уже спали. По какому-то странному недоразумѣнію его ожидали въ другомъ дворцѣ **).

На другой день, 12 іюля, народъ уже зналъ безъ всякихъ объявленій, что Государь въ Москвѣ. Съ самаго ранняго утра густыя толпы спѣшили со всѣхъ сторонъ въ Кремль. День былъ великолѣпный, солнце сіяло въ полномъ блескѣ. Колоссальный городъ представлялъ величественное, несравненное зрѣлище. Москва, долженствовавшая пасть такъ скоро очистительною жертвою за спасеніе дѣлаго міра, сіяла во всемъ своемъ блескѣ. На иностранцевъ, подобныхъ Штейну и Арндту, она производила чарующее впечатлѣніе. Она казалась имъ не городомъ, а дѣлымъ сонмомъ городовъ. Эта масса построекъ самаго разнообразнаго характера, эта пестрая смѣсь великолѣпныхъ дворцовъ, деревянныхъ домовъ, бѣдныхъ хижинъ, эта масса куполовъ, позлащенныхъ главъ и шпидовъ, эта смѣсь византійскаго и восточнаго стиля, эти громадныя группы зеленѣйшихъ садовъ,—все это переносило ихъ въ какую-то чудную, волшебную страну ***). И среди всего этого, по этимъ уз-

*) Обо всей этой замѣчательной встрѣчѣ говоритъ гр. Растопчинъ въ своихъ Запискахъ, гр. Комаровскій въ своихъ Запискахъ, стр. 775. и Глинка въ Запискахъ, стр. 11—12.

**) Странное это недоразумѣніе, какъ справедливо замѣчаетъ А. П. Поновъ, произошло иррелятно отъ самого гр. Растопчина. По его свѣдѣтельству, Государь предполагалъ остановиться въ Слободскомъ дворцѣ, и безъ сомнѣнія, согласно съ этимъ желаніемъ, сдѣланы были приготовленія для его пріема. Онъ измѣнилъ это намѣреніе по совѣту гр. Растопчина, который раньше Государя пріѣхалъ въ Москву изъ Перхушкова, но не далъ знать кому слѣдовало о томъ, что Государь прібудетъ въ Кремлевскій дворецъ. См. „Москва въ 1812 г.“ стр. 301.

***) См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 104 и 105. Тамъ же помѣщены два

кимъ и кривымъ улицамъ, по этимъ площадямъ, четырехсотъ тысячное населеніе, стремящееся къ одному центру, величественному Кремлю, бросившее свои повседневныя занятія, забывшее свои обычныя тревоженія и мелочи жизни, преисполненное одною думою, слившееся въ одномъ великомъ чувствѣ.

Обширныя пространства Кремля не въ состояніи были вмѣстить въ себѣ нахлынувшего со всѣхъ сторонъ потока народа. Не только всѣ площади Кремля, но и всѣ улицы, ведущія къ нему, всѣ кровли сосѣднихъ домовъ сплошь были покрыты народомъ. Въ 9 часовъ должно было начаться шествіе Императора въ Успенскій соборъ, тамъ должно было совершиться торжественное молебствіе по случаю заключенія мира съ Портою. Едва только Государь показался на Красномъ крыльцѣ, какъ колокольный звонъ и привѣтственные громовые возгласы народа огласили воздухъ. Слышалось не одно только обычное русское *ура*, но и восклицанія иного рода. „Отецъ нашъ, ангелъ нашъ“—кричали тысячи восторженныхъ голосовъ,—„веди насъ куда хочешь, умремъ или побѣдимъ“. Народъ, казалось, обезумѣлъ, вышелъ изъ себя отъ восторга. Столько томительныхъ дней, недѣль, мѣсяцевъ, носился передъ нимъ мрачный призракъ нашествія, грозившаго гибелью отечеству, ему самому и всему дорогому для него. И среди этого мрака певѣдѣнія, среди страшнаго хаоса слуховъ, противорѣчившихъ другъ другу, сбивавшихъ всѣхъ съ толку, ни одного луча свѣта, ни одного указанія свыше,—куда идти, что дѣлать, чѣмъ руководиться! И вдругъ эта взволнованная и двигавшаяся во тьмѣ масса увидѣла свѣтъ, открыла вѣрную стезю спасенія. Ея законный, ея царственный вождь предсталъ передъ нею при яркихъ лучахъ утренняго солнца. Выяснилась страшная опасность, но блеснула и яркій лучъ надежды. Тьма певѣдѣнія и сомнѣній разсѣялась, всѣ почувствовали инстинктивно, что надлежитъ дѣлать, какія великія жертвы подобаетъ при-

любопытныхъ письма Штейна къ жентѣ о Москвѣ, стр. 106—108. Аридтъ рассказываетъ о Москвѣ въ своихъ воспоминаніяхъ. Онъ былъ въ ней, впрочемъ, позже Государя и Штейна, и оставался всего лишь два дня. „Этотъ городъ-чудо и видѣлъ только два дня. Я не могъ осмотрѣть ничего, а могъ только дивиться!“ См. „Русскій Архивъ“, 1871 г. стр. 87.

нести; всѣмъ дано было средоточіе и руководство въ лицѣ обожаемаго Монарха.

Государь двинулся къ Успенскому собору. „На всѣхъ ступеняхъ Краснаго крыльца, говоритъ очевидецъ *), сотни толпившихъ рукъ хватались за поги Государя, за полы мундира, цаловали и орошали ихъ слезами. Быстрый приливъ народа стѣснялъ его все болѣе и болѣе; чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „не троньте ихъ, не тропьте ихъ; я пройду!“ Стеченіе народа на всей Кремлевской площади, замѣчаетъ другой очевидецъ, графъ Комаровскій **), было такъ велико, что находившіеся при Государѣ генералъ-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобы довести Государя отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гауптвахты и оттуда уже кое-какъ добрались до собора. Между тѣмъ громогласное ура почти что заглушало колокольный звонъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это утро“. „Прибытіе Императора, говоритъ Штейнъ ***), взволновало все населеніе Москвы и окрестностей. Безчисленный, стекшійся со всѣхъ сторонъ народъ преисполненъ былъ самымъ возвышеннымъ религіознымъ и національнымъ одушевленіемъ, и всѣ сословія соперничали въ готовности жертвовать собою и всѣмъ своимъ достояніемъ, дабы на дѣлѣ доказать свою любовь къ Государю. Видъ этой массы, тѣснившейся вокругъ Государя, почти боготворившей его, старавшейся увидѣть его, прикоснуться къ нему, и пламенное чувство пачоженности, жаръ, съ которымъ молилась она въ церквахъ, одушевляли душу каждаго присутствующаго, возвышали его сердце“.

Престарѣлый Платонъ, митрополитъ Московскій, разбитый

*) Записки С. Н. Глинки о 1812 г. стр. 13—14; его же „Русскіе анекдоты“, 7. II стр. 7—10.

**) Записки гр. Комаровскаго, „Русскій Архивъ“ 1867 г. стр. 775.

***) Перль, Stein's Leben, T. 3, стр. 104—105.

уже въ то время параличомъ, плохо владѣвшій языкомъ, не въ состояніи былъ лично явиться, чтобы привѣтствовать Государя на порогѣ главной Московской святыни *). Тяжелое болѣзненное состояніе не помѣшало ему, однакоже, прислать изъ своего уединенія, изъ Виванскаго монастыря въ 60 верстахъ отъ Москвы, образъ преподобнаго Сергія **) вмѣстѣ съ слѣдующимъ письмомъ: „Первопрестольный градъ Москва, новый Іерусалимъ, пріемлетъ Христа своего, яко мать въ объятія усердныхъ сыновъ своихъ и, сквозь возникающую мглу, провидя блистательную славу твоея державы, поетъ въ восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый во имя Господне! Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; но кроткая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей гордыни. Се образъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего отечества, приносится Вашему Императорскому Величеству. Болѣзную, что слабѣющія силы мои препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ Вашимъ лицезрѣніемъ. Теплѣе возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ въ благихъ желанія Вашего Величества. ***)

Вмѣсто отсутствующаго митрополита, Государя привѣтствовалъ въ дверяхъ Успенскаго собора, Московскій ликарій архіепископъ Августинъ, одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ того времени. Въ своей умной и живой рѣчи, хотя и не чуждой риторической изысканности, онъ привѣтствовалъ Государя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Тамъ среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій своихъ ты менѣе перуны на дерзкаго вра-

*) Платонъ собирался ѣхать въ столицу, чтобы привѣтствовать Государя; нѣсколько разъ запрягали лошадей, нѣсколько разъ онъ подходилъ къ каретѣ; но, изнемогая отъ старости и болѣзни, возвращался въ свою келью. „Москва въ 1812 г.“ стр. 304.

**) Образъ этотъ имѣлъ важное историческое значеніе. Онъ былъ написанъ въ царствованіе Θεодора Алексѣевича на доскѣ отъ гроба преподобнаго Сергія. При Алексѣѣ Михайловичѣ онъ находился при войскахъ въ войнѣ съ Польшою въ 1654 г.). Точно также онъ сопутствовалъ нашимъ войскамъ во всю Сѣверную войну при Петрѣ Великомъ.

***) Письмо митрополита Платона изъ Виваніи отъ 14 іюля. См. Снегирева „Жизнь митрополита Платона“, ч. II стр. 42, примѣч. 19.

га, здѣсь воспламеняешь души наши любовью къ тебѣ и отечеству. Тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы, здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной тебѣ Россіи. Тамъ казнишь, здѣсь покоишь, тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь. Государь, оружіемъ ты побѣдилъ тысящи, а благостью тьмы. Наша благодарность, наша любовь къ тебѣ не имѣютъ предѣловъ; но твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувства нашего къ тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими“. Съ благоговѣйнымъ вниманіемъ выслушалъ Государь рѣчь Московскаго архіепископа. И въ этой рѣчи чувствовалось могучее вѣяніе того духа всепроникающей любви къ Государю, къ отечеству, который охватилъ тогда всю Москву, всю Россію. Этотъ духъ высказывался на каждомъ шагѣ, онъ проявлялся въ каждомъ движеніи, въ каждомъ дѣйствіи тѣхъ лицъ, которыя были преисполнены имъ. Государь вступилъ во внутрь храма, и пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Августина, вмѣсто обычной пѣсни: „Спаси Господи люди твоя“, запѣли: „да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази его.“ *)

Обратное шествіе Государя изъ собора во дворецъ сопряжено было еще съ бѣльшими трудностями. Толпы народа возрасли въ числѣ, а ихъ горячій энтузіазмъ, ихъ страстное желаніе увидѣть какъ можно ближе Государя, прикоснуться, если возможно, къ нему, достигли до своего крайняго предѣла. Неоднократно Государь принужденъ былъ останавливаться, чтобы дать толпѣ возможность раздвинуться и открыть ему путь. **) Радостно взволнованный, проникнутый твердою вѣрою въ крѣпкую, неразрывную связь между собою и народомъ, возвратился Государь во дворецъ. Теперь у него не оставалось и тѣни сомнѣнія, что Москва, а вслѣдъ за нею и вся Россія дадутъ ему неисчерпаемыя средства для борьбы съ нашествіемъ. Война всеобщая, война народная, о которой мечталъ онъ уже по выѣздѣ своемъ изъ Дрисскаго лагеря, возжечь которую пыталъ

*) См. Снегиревъ, „Очерки жизни Московскаго архіепископа Августина“, стр. 19—21.

**) Записки Радошчина, у Попова, стр. 304.

ся онъ уже въ Смоленскѣ, предстала передъ нимъ во всемъ мрачномъ и величавомъ блескѣ дѣйствительности. Энтузіазмъ, охватившій весь народъ, овладѣлъ и имъ самимъ, онъ заставлялъ его идти впередъ и отбросить въ сторону все колебанія и полумѣры. Надо было открыть путь потоку народнаго одушевленія, необходимо было указать ему на цѣль войны и на тѣ жертвы, которыя требовались отъ него для достиженія этой цѣли. Государь рѣшился прямо обратиться къ своимъ подданнымъ и съ этой цѣлью назначилъ дворянамъ и купцамъ собраться 15 іюля въ залахъ Слободскаго двorca.

Назначая такое необычное; по тогдашнимъ понятіямъ, собраніе, Государь не сомнѣвался ни на минуту, что одна мысль и одно чувство будутъ господствовать въ собраніи, что о какой-бы то ни было оппозиціи не можетъ быть и рѣчи, что нѣтъ, слѣдовательно, ни малѣйшей надобности въ какихъ-бы то ни было подготовительныхъ мѣрахъ, въ какихъ-бы то ни было искусственныхъ возбужденіяхъ и направленіяхъ общественнаго мнѣнія. Иначе смотрѣлъ на дѣло Московскій главнокомандующій. Предстоящее собраніе казалось ему дѣломъ необычнымъ, требующимъ чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности. Не довѣряя въ глубинѣ души своей простому народу, Растопчинъ не довѣрялъ въ тоже время и дворянству. Если мужики способны были, по его мнѣнію, принимать свободу изъ рукъ Наполеона, то въ средѣ дворянства, казалось ему, могли найтись господа, которые воспользуются удобнымъ случаемъ поиграть въ оппозицію. Донесенія его вѣрныхъ агентовъ не замедлили подтвердить его подозрѣніе. Уже въ день пріѣзда Государя, они увѣдомили графа, что нѣкоторые изъ лицъ, принадлежащихъ къ обществу мартинистовъ, сговариваются предложить Государю въ собраніи вопросы: сколько у насъ теперь войска, сколько у непріятеля, какія имѣются средства къ оборонѣ и т. под. Графъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что это предположеніе смѣлое, неумѣстное и опасное при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нисколько не испугало его, такъ какъ мартинисты храбры лишь у себя на дому, но трусливы въ обществѣ. Въ дѣйствительности-же главнокомандующій перетревожился, какъ видно, не на шутку. Съ намѣреніемъ объявлялъ онъ во всеуслыша-

ніе, что надѣялся представить Государю зрѣлище дворянскаго собранія вѣрнаго и почтительнаго, что онъ будетъ въ отчаяніи, если кто-либо изъ неблагонамѣренныхъ людей забудется въ присутствіи Государя, и что такой господинъ, прежде нежели окончитъ то, что захочетъ сказать, полетитъ во всю прыть въ дальній путь. Не довольствуясь этими угрозами, графъ въ самый день собранія приказалъ поставить неподалеку отъ Слободскаго дворца двѣ телѣжки, запряженные почтовыми лошадьми, и двухъ полицейскихъ офицеровъ, одѣтыхъ по-дорожному. Господа эти должны были прохаживаться возлѣ телѣжекъ и на вопросы любопытныхъ, для кого приготовлены эти телѣжки, отвѣчать: для тѣхъ, которыхъ пошлутъ въ ссылку. Растопчинъ былъ въ восторгѣ отъ своей выдумки, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что слухъ о телѣжкахъ достигнетъ до собранія и удержитъ въ предѣлахъ благоразумія злонамѣренныхъ мартинистовъ *).

Не одни, впрочемъ, замыслы мартинистовъ, но и соображенія иного рода занимали Московскаго главнокомандующаго передъ открытіемъ назначеннаго собранія. Графъ Растопчинъ, уже въ самомъ началѣ кампаніи, пришелъ къ убѣжденію, что Москва должна быть предоставлена французамъ, что Наполеонъ найдетъ себѣ въ ней вѣрную могилу и что необходимо, слѣдовательно, заманить его туда. Наоборотъ, Растопчинъ считалъ Россію погибшею въ томъ случаѣ, если Наполеонъ останется у Днѣпра и Западной Двины, если онъ подготовитъ, какъ слѣдуетъ, будущую кампанію, подыметъ противъ Россіи всѣхъ поляковъ и взволнуетъ русское простонародье, объявивъ уничтоженіе крѣпостнаго права **). Растопчинъ былъ глубоко убѣжденъ въ справедливости своихъ надеждъ и опасеній, но онъ зналъ въ тоже время хорошо, что мысль о добровольномъ предоставленіи столицы непріятелю не приходитъ

*) Записки гр. Растопчина, у Попова, стр. 310—11. „Слухъ объ этихъ отвѣтахъ и о телѣжкахъ дошелъ и до собранія. Хвастуны ничего не говорили въ собраніи и вели себя умно“.

**) „Я былъ изволнованъ постоянно мыслью, говорить онъ въ своихъ запискахъ, что Наполеонъ останется въ Смоленскѣ до будущей весны. Не нужно было много предвидѣнія, чтобы въ этой мѣрѣ не увидать величайшихъ несчастій для Россіи“. См. „Русскій Архивъ“, 1875 г., кн. 3, стр. 11.

никому въ голову. Надобно, слѣдовательно, предполагать онъ, заблаговременно распространять эту мысль, приучать къ пей умы, выставить въ глазахъ всѣхъ всю ея роковую необходимость и неизбежность. Растопчинъ думалъ воспользоваться значащнмъ собраніемъ для распространенія своей мысли, а роль оратора и возвѣстителя своей идеи онъ возложилъ на извѣстнаго писателя Глинку *).

Въ назначенный день, 15-го іюля, залы Слободскаго дворца наполнились громаднымъ количествомъ дворянъ и купцовъ. Глинка явился одинъ изъ первыхъ, хотя онъ не имѣлъ ни поземельной собственности, ни крѣпостныхъ. Между собравшимися шли самые оживленные разговоры. Кто-то изъ чиновныхъ бояръ замѣтилъ: „Мы должны спросить у Государа, сколько у насъ войска и гдѣ оно?“— „Если-бы мы и имѣли право спрашивать объ этомъ Государи, возразилъ генералъ Апраксинъ, то онъ не могъ бы дать намъ удовлетворительнаго отвѣта; войска наши двигаются сообразно движеніямъ непріятеля, которыя могутъ измѣняться каждый часъ; также можетъ измѣняться и число войскъ“. Въ разговоръ генерала и чиновника вмѣшался какой-то мужчина лѣтъ 40, высокій ростомъ, плечистый, красивый, въ мундирѣ безъ эполетъ. „Теперь не время, воскликнулъ онъ громогласно, разсуждать, надобно дѣйствовать. Кипитъ война необычайная, война нашествія, война внутренняя. Она изроетъ могилу и городамъ и народу. Россія должна выдержать сильную борьбу, и эта война требуетъ и необычайной доселѣ мѣры. Двинемся сотнями тысячъ, вооружимся чѣмъ можемъ. Двинемся быстро въ тылъ непріятеля, составимъ конныя дружины, будемъ вездѣ тревожить Наполеона, отрѣжемъ его отъ Европы и покажемъ, что Россія возстаетъ за Россію“. Горячія, задушевные слова неизвѣстнаго оратора подѣйствовали на

*) Растопчинъ самъ нигдѣ не говоритъ о порученіи, возложенномъ на Глинку, точно также умалчиваетъ о немъ и самъ Глинка. Мы думаемъ, однакоже, что Глинка провозгласилъ мысль объ оставленіи Москвы не самъ собою, а по порученію графа. Въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить, что Растопчинъ и Глинка пришли къ этой мысли совершенно независимо другъ отъ друга, что Растопчинъ держалъ ее про себя и что Глинка отважился заговорить о ней въ собраніи самъ, безъ вѣдома Московскаго главнокомандующаго.

всѣхъ слушавшихъ его какъ электрическая искра. Глинка, человѣкъ въ высшей степени увлекающійся, пришелъ въ настоящий экстазъ. Теперь настала минута, когда онъ могъ высказать мысль графа о необходимости припести въ жертву Москву. „Адѣ должно отражать адомъ“,—такими словами началъ онъ свою рѣчь. Воодушевляясь съ минуты на минуту, онъ говорилъ около получаса объ опасности, грозящей отечеству, о необходимости крайнихъ мѣръ. Вокругъ него стѣснился большой кружокъ слушателей. Всѣ слушали его молча, съ напряженнымъ вниманіемъ. Наконецъ, Глинка воскликнулъ: „мы не должны ужасаться,—Москва будетъ сдана“. Слова эти произвели потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Люди, сидѣвшіе до тѣхъ поръ спокойно на креслахъ, повскакивали съ своихъ мѣстъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы: „Кто вамъ сказалъ это? Почему вы это знаете?“ Волей или неволей, а Глинка долженъ былъ продолжать свою рѣчь. „Милостивые государи, говорилъ онъ, во-первыхъ отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ ни одной природной, или искусственной обороны, достаточной для того, чтобы остановить сильного непріятеля. Во-вторыхъ, всѣ отечественныя наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Москва привыкла страдать за Россію, и въ третьихъ, и дай Богъ, чтобы сбылись мои слова—сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы!“ Неизвѣстно, какъ далеко зашелъ бы Глинка въ своемъ увлеченіи, но его рѣчь была прервана появленіемъ въ залѣ собранія графа Растопчина и государственнаго секретаря Шипкова *). Они явились въ собраніе по приказу Государя, для того чтобы еще до его пріѣзда прочесть дворянству и купечеству манифестъ отъ 6 іюля **).

*) Записки Глинки о 1812 г. стр. 16—19.

**) Вотъ текстъ этого достопамятнаго документа: „Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрести спокойствіе великой сей державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію на устахъ несетъ онъ вѣнчики для ней цѣпи и оковы. Мы, призывая на помощь Бога, поставляемъ ему въ преграду войска наши, кипящія мужествомъ погнать, опрокинуть его, и то, что останется нестрелбленнымъ, согнать съ лица земли нашей. Мы возлагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ,

Манифестъ, какъ и слѣдовало ожидать, произвелъ одинаково сильное дѣйствіе и на дворянъ, и на купцевъ, но энтузіазмъ того и другаго сословія высказался совершенно различнымъ способомъ. Въ дворянской залѣ все происходило тихо и въ порядкѣ; въ залѣ купеческой энтузіазмъ выразился цѣлою бурей, внезапно вырвавшейся наружу, патріотическаго одушевленія. „Сначала вниманіе, говоритъ Растопчинъ, потомъ гнѣвъ; но когда Шишковъ произнесъ слова, въ которыхъ говорилось, что непріятель съ лестію на устахъ несетъ въ рукахъ оковы, тогда негодованіе выразилось въ сильнѣйшей степени: ударяли себя въ голову, рвали на себѣ волосы, ломали руки, видны были слезы гнѣва, струившіяся по этимъ лицамъ, напоминавшимъ древнихъ. Я видѣлъ одного, который скрежеталъ зубами. При этомъ шумѣ невозможно было разобрать, что говорили, но явно было, что это были угрозы и возгласы гнѣва и стона“ *).

Уже много лѣтъ спустя, при составленіи своихъ записокъ, **)

что собравшія имъ разнородныя силы велики, и что отважность его требуетъ неутомимаго противъ него бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе наше воинство, полагаемъ мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домоу, женѣ и дѣтямъ каждаго и всѣхъ“.

„Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ, а нинѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣроподданнѣмъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, призвавъ ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдеть онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не выходя изъ копейки его лукавства и обмана. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовникѣ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Мицина. Благородное дворянское сословіе! ты, во всѣ времена, былъ спасителемъ отечества; святѣйшій синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ. Соединитесь всѣ со крестомъ въ сердцахъ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“. Записки Шишкова. Т. I, прилож. V, стр. 426.

*) Записки графа Растопчина, у Попова, стр. 307.

**) Извѣстно, что графъ Растопчинъ писалъ свои записки долго спустя послѣ

графъ Растопчинъ старался уяснить себѣ непонятный для него феноменъ этого внезапнаго и страстнаго проявленія національнаго чувства у того класса людей, который, по его собственному внутреннѣйшему убѣжденію, способенъ былъ думать лишь о рубляхъ и алтынахъ, да въ самомъ лучшемъ случаѣ жертвовать тысячи и милліоны по приказанію начальства, или же ради полученія пустыхъ, вѣшнихъ знаковъ отличія. Какъ, разсуждалъ онъ, эти русскіе люди приходятъ въ такое яростное негодованіе при мысли объ оковахъ, которыя готовятъ имъ иностранецъ, и предпочитаютъ смерть позору быть побѣжденнымъ, а между тѣмъ развѣ они не томятся у себя дома въ вѣчномъ рабствѣ? Откуда истекаетъ этотъ энтузіазмъ, который прорвался тогда вдругъ такимъ всеокрушающимъ потокомъ? Изъ страстной любви къ родинѣ, изъ горячаго національнаго чувства, изъ глубины религіознаго одушевленія? Нѣтъ, графъ не допускаетъ присутствія и дѣйствія такихъ высокихъ началъ въ массѣ русскаго простонародья и купечества? По его мнѣнію, все дѣло объясняется гораздо проще. Русскіе простолюдины жертвуютъ своимъ достояніемъ и своею кровью единственно потому, что у нихъ нѣтъ другаго руководства, другихъ началъ, другихъ правилъ кромѣ четырехъ пословицъ, которыми объясняются причины всѣхъ ихъ дѣйствій, какъ дурныхъ, такъ и хорошихъ. Пословицы эти слѣдующія: Русскій Богъ великъ; служить Государю вѣрою и правдою; два раза не умираютъ; чему быть, тому не миновать.*).

Объясняя такимъ оригинальнымъ способомъ источникъ великаго воодушевленія, охватившаго тогда русскую массу, графъ Растопчинъ старается въ тоже время доказать, что не смотря на магическую силу четырехъ пословицъ, рвеніе московскаго

1812 г., по всѣмъ соображеніямъ около 1823 года. См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. II кн. стр. 270, примѣчаніе.

*) „Вотъ что дѣлаетъ, оканчиваетъ гр. свое оригинальное разсужденіе, настоящаго русскаго покорнымъ волѣ Божіей, вѣрнымъ своему Государю, равнодушнымъ къ смерти и предпріимчивымъ. И въ какомъ блескѣ выражались его мужество и вѣрность въ 1812 г. Онъ дѣйствовалъ самъ собою, его истинникъ руководилъ имъ. Древнія исторіи мало представляютъ примѣровъ такой преданности и пожертвованій. Исторія нашего времени не представляетъ ни одного“. Записки Растопчина, у Попова, стр. 307.

купчества оказалось-бы далеко не такимъ обильнымъ въ смыслѣ пожертвованій всякаго рода, если-бы не вмѣшался въ дѣло еще одинъ всесильный элементъ,—начальство въ лицѣ самого графа Растопчина. Милліоны никогда-бы не потекли такимъ богатымъ потокомъ, если-бы Московскій главнокомандующій не принялъ съ своей стороны мѣръ къ тому, чтобы не дать охладѣть энтузіазму купчества. Онъ приготовляетъ заранѣе бумагу, чернильницы и перья, онъ всячески подстрекаетъ купцовъ и своимъ могучимъ словомъ развязываетъ ихъ кошельки. *) Въ дѣйствительности, дѣло было, однако-же, не совсемъ такъ, какъ рассказываетъ это графъ Растопчинъ. Изъ свидѣтельствъ другихъ очевидцевъ оказывается несомнѣнно, что подписка пожертвованій началась по почину самихъ купцовъ, безъ всякаго посторонняго воздѣйствія, еще до прибытія Государя, въ то время, когда графъ Растопчинъ удалился изъ собранія, чтобы донести Императору, что все готово. **) Первый подписался градской голова. Весь капиталъ его состоялъ изъ 100,000 рублей; изъ нихъ онъ пожертвовалъ 50,000 рублей, крестясь и говоря: „мнѣ далъ ихъ Богъ, а я отдаю ихъ отечеству“. Еще Государь не входилъ въ купеческую залу, а уже подписка достигла въ какихъ-нибудь полчаса до нѣсколькихъ милліоновъ.

Между тѣмъ Государь прибылъ изъ Кремля въ Слободской дворецъ и остановился предварительно въ своихъ покояхъ. Графъ Растопчинъ явился къ нему съ докладомъ, что все готово. На слова Государя, что онъ рассчитываетъ получить отъ Московской губерніи 10000 ратниковъ, Растопчинъ замѣтилъ, что ихъ будетъ вѣроятно гораздо больше. Изъ своихъ покоевъ Государь пошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ совершено было краткое молебствіе. На предстоящій шагъ онъ смотрѣлъ, какъ на одно изъ важнѣйшихъ дѣйствій своей жизни; намѣревался говорить съ своимъ народомъ, онъ укрѣплялъ себя предварительно помощію свѣще. Прибѣгая къ народной силѣ и сливаясь съ нею, онъ чувствовалъ, что его собственная сила удваивается, что

*) Обо всемъ этомъ повѣствуетъ, разумѣется, самъ графъ въ своихъ запискахъ, стр. 308

**) Такъ свидѣтельствуется гр. Комаровскій. Записки Комаровскаго. „Русскій Архивъ“ 1867 г. стр. 777.

онъ является воистину самодержавнымъ владыкою, олицетвореніемъ страшной, стихійной силы своего народа. Само собою понятно, что торжественное сознаніе всей всемірно-исторической важности момента наполняло собою все существо Императора, что оно придавало его лицу видъ сосредоточенности и озабоченности, что оно замедляло самый шагъ его и могло быть понято свидѣтелями недальновидными или предубѣжденными совершенно въ иномъ превратномъ смыслѣ. Растопчину, казалось, напримѣръ, что Государь сильно озабоченъ и взволнованъ тѣмъ, что въ эту минуту онъ какъ-бы отрекался отъ полноты своей власти. Шагъ, который онъ рѣшался сдѣлать, замѣчаетъ графъ, не могъ не быть тяжелъ для каждаго государя*. *) Но въ данномъ случаѣ дѣло вовсе не шло объ отреченіи отъ полномочія, а лишь объ отождествленіи его съ волею народа. Не слѣдуетъ забывать также, что Императоръ никогда не дрожалъ, подобно другимъ, надъ неприкосновенностью своей власти, что онъ былъ всегда поборникомъ свободныхъ учрежденій и идей.

Государь вступилъ прежде всего въ дворянскую залу. Онъ милостиво поклонился собранію. Лицо его, и безъ того прекрасное, оживлено было въ эту минуту тѣмъ высокимъ напряженіемъ, которое пронизало все его существо. Онъ началъ говорить: „Вамъ извѣстна, знаменитое дворянство, причина моего сюда пріѣзда. Императоръ французскій, вѣроломнымъ образомъ, безъ объявленія войны, съ многочисленною арміею, составленною изъ поработченныхъ имъ народовъ, вторгся въ наши границы. Всѣ средства были истощены, охраняя однакоже достоинство Имперіи, къ отвращенію бѣдствія, но властолюбивый духъ Наполеона, не знающій предѣловъ, не внималъ никакимъ предложеніямъ. Настало время для Россіи, показать свѣту ея могущество и силу. Я въ полной увѣренности взываю къ вамъ; вы, подобно предкамъ вашимъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель да не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Сего ожидаютъ отъ васъ отечество ваше и Государь.“ **)

*) Записки Растопчина, стр. 397.

**) Рѣчь Государя дворянамъ у Комаровскаго, Записки, стр. 776. Растопчинъ говорить только, что Государь, собравшись съ духомъ, съ лицомъ оживленнымъ

Едва только окончилъ свою рѣчь Государь, какъ все собраніе огласилось шумными криками. Объятые восторгомъ, со слезами на глазахъ, дворяне воскликнули: „готовы умереть скорѣе, Государь, нежели покориться врагу. Все, что мы имѣемъ, отдаемъ тебѣ; на первый случай назначаемъ 10 человѣкъ со ста душъ нашихъ крестьянъ на службу“. Государь былъ глубоко тронутъ; слезы струились по его щекамъ, вся зала наполнилась сдержанными рыданіями. „Я многого ожидалъ отъ московскаго дворянства, отвѣчалъ Государь“—и его голосъ дрожалъ отъ внутренняго волненія,—„но оно превзошло мои ожиданія. Благодарю васъ именемъ отечества“ *). Потомъ Императоръ прошелъ въ залу, гдѣ ожидало его московское купечество. Шумныя восторженныя восклицанія привѣтствовали его здѣсь. Кушцы объявили, что ими уже сдѣлана подписка на нѣсколько миллионъ рублей, которые они приносятъ въ даръ отечеству. Государь говорилъ и купцамъ, и его рѣчь **) вызвала такія-же порывы восторга и готовности жертвовать всѣмъ на алтарь отечества. Подписка продолжалась и по выходѣ Государя изъ залы. ***) Императоръ встрѣченъ былъ у выхода изъ дворца несмѣтными толпами народа: онѣ окружали его, онѣ

сказали прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности. Записки, стр. 307.

*) Записки гр. Комаровскаго, стр. 776. И весь этотъ разговоръ, замѣчаетъ онъ, остался у меня въ совершенной памяти.

**) Рѣчь Государя купцамъ, къ сожалѣнію, не передана намъ дословно. Распоряженіе утверждаетъ, что Государь сказалъ купцамъ лишь нѣсколько лестныхъ словъ. Записки, стр. 308.

***) „Недавно намъ довелось слышать разсказъ одного московскаго купца о томъ, какъ онъ въ эти торжественныя минуты подписывать на листъ свое пожертвованіе. Купецъ этотъ былъ почтенный московскій гражданинъ Иванъ Несторовичъ Епанешниковъ, скончавшійся въ Москвѣ въ пятидесятыхъ годахъ, 86 л. отъ роду. „Всѣ мы плакали, говорилъ онъ, отъ волненія. Съ полными слезъ глазами подошелъ я вслѣдъ за другими къ подписному листу. Торговое дѣло тогда было у меня маленькое, и я рѣшился однакожь подписать 500 рублей. Но когда пришли ко мнѣ потомъ съ подписнымъ листомъ для полученія денегъ, я съ изумленіемъ увидѣлъ, что моею собственною рукою подписано не 500, а 5000 р. Сквозь слезы и дрожащею рукою я поставилъ лишній ноль. Что же, думаю, видно такъ Богу угодно. Раздобытыми деньгами и внесъ 5000 р., чуть не весь свой капиталъ. И замѣчательно: такъ легко покрылась эта сумма въ послѣдствіи въ моемъ торговомъ оборотѣ, что я не почувствовалъ никакого стѣсненія въ своихъ дѣлахъ. Да, чудное было время!“—заключилъ онъ. (Сообщено духовникомъ покойнаго)

тѣснились съ такимъ же восторгомъ, какъ и въ достопамятный день кремлевскаго выхода. Народъ бѣжалъ за коляскою Государя вплоть до самаго Кремля, оглашая воздухъ громкими криками ура.

Такъ повѣствуютъ о событіяхъ этого достопамятнаго дня всѣ безпристрастные свидѣтели-очевидцы, писавшіе подъ впечатлѣніемъ минуты, не преслѣдовавшіе никакихъ предвзятыхъ цѣлей *). На основаніи ихъ правдивыхъ и безыскусственныхъ свидѣтельствъ должна говорить и исторія, имѣющая въ виду одну истину. Исторія будетъ утверждать вмѣстѣ съ нами, что въ тотъ великій день загорѣлся въ залахъ Слободскаго дворца яркимъ пламенемъ тотъ святой и спасительный огонь, который вспыхивалъ передъ тѣмъ уже въ Смоленскѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ чисто Русской земли, которыхъ касалась нога завоевателя, который освѣтилъ уже яркимъ свѣтомъ Кремль и всю Москву въ день 12-го іюля и которому суждено было теперь свыше спасти и очистить отъ позорнѣйшаго рабства всю Европу. Иное дѣло графъ Растопчинъ и его тенденціозные рассказы, возникшіе уже много лѣтъ спустя послѣ событий. Если вѣрить графу, хлопотавшему болѣе всего о собственной репутаціи и славѣ, то энтузіазмъ, охватившій тогда Москву, а вслѣдъ за нею и всю Россію, далеко не былъ такъ всеобщъ, искрененъ и неподдѣленъ, какъ утверждаютъ это другіе очевидцы. Рѣчь Государя дворянамъ производить, по его словамъ, электрическое дѣйствіе, она располагаетъ всѣхъ жертвовать частію своего состоянія, чтобы спасти все. Итакъ, дворяне дѣйствуютъ не подъ вліяніемъ охватившаго ихъ могучаго чувства, а скорѣе холоднаго экономическаго разсчета. Въ лицѣ своего перваго представителя, графа Гудовича, бывшаго главнокомандующаго Москвы, они предлагаютъ Императору по одному ратнику съ 25 душъ, одѣтому и снабженному на мѣсяцъ продовольствіемъ. Это предложеніе, замѣчаетъ графъ Растопчинъ, было и справедливо и разумно, по едва только фельдмаршалъ кончилъ свою рѣчь,

*) Такъ свидѣлствуютъ, между прочимъ: гр. Комаровскій, Глинка, Шипковъ, Бестужевъ-Рюминъ, Мертваго, Лубяновскій, Вильсонъ, Штейнъ, Нелединскій-Мелецкій и многіе другіе.

какъ слышались голоса: „нѣтъ не по одному съ 25, но по одному съ 10 обмундированныхъ и снабженныхъ провіантомъ на три мѣсяца“. Это съ шумомъ было повторено всѣмъ собраніемъ *).

Графъ Растопчинъ остался крайне недоволенъ такою немѣстною щедростію. Немедленно-же произвелъ онъ надлежащее разслѣдованіе съ цѣлью развѣдать, кто были крикуны, первые осмѣлившіеся видоизмѣнить такимъ радикальнымъ образомъ предложеніе престарѣлаго фельдмаршала **). Оказалось, что крикуновъ этихъ было два человѣка, впрочемъ, совершенно различныхъ между собою. „Одинъ изъ этихъ господъ былъ человѣкъ очень умный и предлагалъ мѣру, которая ему ничего не стоила, потому что у него не было никакой собственности въ Московской губерніи, и онъ случайно сдѣлалъ свое предложеніе, какъ бы шутя. Другой съ сильными легкими, былъ низкій человѣкъ, глупый и злой; онъ мнѣ общалъ свой голосъ за то, чтобы имѣть честь быть приглашеннымъ къ Императорскому столу. И вотъ какъ часто направляютъ собранія и какъ они дѣйствуютъ и подаютъ голоса по увлеченію и безъ размышленія! Бываютъ люди, которыхъ газетчики, біографы и историки-романисты возвышаютъ до небесъ за какой-нибудь поступокъ или слово, въ которомъ они сейчасъ-же, быть можетъ, раскаявались, что его сдѣлали, или произнесли“ ***).

Произнося эти рѣзкія слова для назиданія потомства, графъ Растопчинъ вѣроятно и не подозрѣвалъ, что достопамятная эпоха 1812 года обрѣла именно въ немъ одного изъ тѣхъ историковъ-романистовъ, надъ которыми онъ такъ глумился. И въ самомъ дѣлѣ, изъ романа, сочиненнаго графомъ, оказывается, что весь неслыханный энтузіазмъ, овладѣвшій Москвою, вызванъ былъ вовсе не грознымъ нашествіемъ Наполеона, не любовью къ отечеству, вѣрѣ предковъ и Государю, а полицейскими мѣропріятіями самого графа, почтовыми тележками и одѣтыми по дорожному квартальными, разудалыми

*) Записки Растопчина, стр. 308.

**) Гр. Растопчинъ начинаетъ повѣствованіе о своихъ открытіяхъ такими словами: „Теперь надо объяснить, почему собраніе было такъ щедро и благородно“. (Si généreuse et si noble)

***) Записки Растопчина, у Попова, стр. 309.

прокламаціями и ловкими внушеніями агентовъ главнокомандующаго, приглашеніями къ обѣду, подстрекательствами и попукаціями, сдѣланными въ настоящую, хорошо выбранную минуту, на купцовъ, неспособныхъ, по своей натурѣ, ни къ какому увлеченію, да четырьмя магическими пословицами. И если собраніе вышло изъ тѣхъ предѣловъ, которые предначерталъ для него графъ, хватило черезъ край и припало предложеніе, не совсѣмъ совмѣстное съ выгодами дворянскаго сословія, то единственными виновниками этого были два незванныхъ и непрошенныхъ крикуна,—одинъ веселый путникъ, другой злой дуракъ. Какъ жаль, что графъ Растопчинъ во-время не предвидѣлъ выходки этихъ господъ, навѣрное онъ заблаговременно отправилъ бы ихъ съ квартальными на телѣжкахъ, куда слѣдуетъ! Столь же неумѣстною казалось, впрочемъ, графу Растопчину, какъ выходка двухъ упомянутыхъ господъ, и приведенное нами выше письмо митрополита Платона. Письмо написано было, правда, прекрасно и умно, но съ чего это вздумалъ митрополитъ сравнивать Государя съ пастыремъ Давидомъ, а Наполеона съ Голиафомъ. „Времена были уже иные: Наполеонъ не сдѣлалъ бы вызова и не таковъ былъ, чтобы позволить себя убить ударомъ пращи“ *). Еще бы! Но дѣло не въ однихъ только временахъ, а еще и кое въ чемъ другомъ. Развѣ могъ понять языкъ вѣры, языкъ православнаго архипастыря, человѣкъ, думавшій и говорившій по-французски и принимавшій такъ къ сердцу интересы іезуитскихъ пастеровъ, писавшихъ и произносившихъ свои проповѣди, разумѣется, въ самомъ модномъ, раціоналистическомъ стилѣ!

Не одинъ, впрочемъ, графъ Растопчинъ, а также и другіе высокопоставленные официальные дѣятели этой эпохи относились совершенно своеобразно къ проявленіямъ патріотическаго чувства. Вотъ что разсказываетъ, по этому поводу, Бестужевъ-Рюминъ. **) Дворянство Рязанской губерніи, узнавъ о воззваніи Императора къ Москвѣ, отправило въ качествѣ депута-

*) Записки Растопчина, у Попова, стр. 304.

**) Бестужевъ-Рюминъ, членъ вѣщннаго департамента, составилъ „Краткое описаніе происшествій въ столицѣ Москвѣ въ 1812 г.“. Сочиненіе это напечатано въ „Чтеніяхъ въ Им. Обществѣ Исторіи и Древностей при Московск. унверс.“ 1859 г. к. II, отд. V.

товъ къ Императору своихъ уѣздныхъ предводителей, заявить Государю, что они готовы поставить на защиту отечества 60 тысячъ ратниковъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ. Предводители, пріѣхавъ въ Москву, отправились къ министру полиціи, Балашеву. Каково-же было ихъ удивленіе, когда министръ принялъ ихъ крайне неблагосклонно, началъ кричать на нихъ и осыпать упреками за то, что они осмѣлились отлучиться отъ своихъ должностей. Изумленные, обиженные депутаты отвѣчали, что они пріѣхали не самовольно, а по общему приговору дворянства и съ согласія рязанскаго губернатора. Но Балашевъ не унимался. Онъ объявилъ, что подвергнетъ строгому взысканію всѣхъ тѣхъ, которые дозволили имъ пріѣхать, и въ заключеніе почти что выгналъ депутатовъ. Оскорбленные предводители дворянства искали защиты у московскаго генераль-губернатора. Графъ Растопчинъ принялъ ихъ дѣйствительно чрезвычайно вѣжливо и ласково, порицалъ образъ дѣйствій Балашева и обѣщалъ доложить о нихъ немедленно Государю. Предводители возвратились домой, очарованные любовью графа и совершенно успокоенные на счетъ успѣха порученія, возложеннаго на нихъ рязанскимъ дворянствомъ. Каково же было ихъ удивленіе и негодованіе, когда, на другой день утромъ, они получили черезъ полицію приказаніе немедленно-же выѣхать изъ Москвы *).

Таковы были закулисныя дѣйствія тѣхъ лицъ, которыя впоследствии приписывали чуть не однимъ себѣ главную заслугу въ дѣлѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи. Само собою понятно, что Императоръ Александръ остался въ полномъ невѣдѣніи на счетъ суетливой дѣятельности графа Растопчина и своего министра полиціи. Слухъ о почтовыхъ телѣжкахъ и наряженныхъ квартальныхъ у Слободскаго дворца, о предполагаемой и счастливо предупрежденной оппозиціи маринистовъ, о высылкѣ рязанскихъ депутатовъ изъ Москвы, никогда не достигъ до него. Приписывая большое значеніе дѣятельности графа Растопчина въ дѣлѣ поднятія Москвы, Государь не усматривалъ, однако-же, въ этомъ движеніи ничего искусственнаго, а считалъ его, напротивъ, прямымъ и совершенно естественнымъ вы-

*) Вестужевъ-Рюминъ, „Краткое описаніе“ и пр. стр. 75—76.

раженіемъ народнаго чувства, затронутого, взволнованнаго въ самой глубинѣ своей дерзкимъ посягательствомъ иноземнаго врага на достоинство и цѣлость отечества. „Мой приѣздъ въ Москву имѣлъ настоящую пользу, писалъ онъ графу Салтыкову. *) Нельзя быть не тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ“. Московскія событія,—событія, въ которыхъ впервые пришлось ему стать лицомъ къ лицу съ народомъ, проникнуться его силою, почувствовать ясно и сознательно свое великое значеніе, какъ самодержавнаго вождя и руководителя этого народа, казались ему на столько важными, что онъ принялъ тотчасъ же мѣры, дабы память объ этихъ событіяхъ перешла по возможности въ настоящее и неискаженномъ видѣ къ потомству. Съ этою цѣлью онъ поручилъ описать приѣздъ свой въ Москву со всѣми его неожиданными послѣдствіями извѣстному тогда писателю Нелединскому-Мелецкому. Описаніе это **), передающее дѣйствительно вѣрно, и вполне согласно съ другими современными свидѣтельствами, народное движеніе, охватившее тогда Москву, окапчивается слѣдующими знаменательными словами: „Да познаетъ надменный и жребіемъ подвластныхъ ему людей играющій врагъ нашъ, что мы идемъ противъ него всѣ, предводимые вѣрою, неизмѣнною любовью къ Монарху и отечеству своему; умремъ всѣ совокупно или побѣдимъ“. Духъ высокой и непреклонной рѣшимости, выражающійся въ этихъ словахъ, былъ тотъ самый духъ, который выражали „бороды“ своими словами: „чтобы насъ побѣдить, нужно всѣхъ перебить“,—который началъ уже наполнять сердце Императора Александра, но который казался страннымъ и непонятнымъ феноменомъ для людей, подобныхъ графу Раstopчину.

Еще три дня послѣ 15 іюля оставался Государь въ Москвѣ; эти дни были двумя самой оживленной, лихорадочной дѣятельности. Необходимо было прежде всего торжественно оповѣстить всю Россію о святомъ энтузіазмѣ, объявившемъ Москву,

*) Письмо Императора къ Салтыкову отъ 15 іюля 1812 г. См. „Русскій Архивъ“ за 1875 г. кн. II, стр. 311.

**) Оно помѣщено въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1812 г. № 58.

необходимо было принять неотложныя мѣры къ возможно скорѣйшей организаціи призванныхъ къ защитѣ отечества народныхъ силъ. И то и другое исполнено было въ Высочайшемъ манифестѣ, подписанномъ 15 іюля *).

„По прибытіи нашемъ въ Москву, говорилось въ манифестѣ, нашли мы, къ совершенному удовольствію нашему, во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ, такую ревность и усердіе, что предлагаемыя добровольно приношенія далеко превосходятъ потребное къ ополченію число людей. Сего ради, приѣмля такое рвеніе съ отеческимъ умиленіемъ и признательностью, обращаемъ мы попеченіе наше на то, чтобы, составивъ достаточныя силы изъ однихъ губерній, не тревожить безъ нужды другихъ“. Вслѣдствіе такого соображенія Императоръ предписывалъ составить на первый разъ ополченія только въ 16 губерніяхъ. Эти губерніи были раздѣлены на три округа. Первый округъ состоялъ изъ губерній, прилежавшихъ непосредственно къ Москвѣ (Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской). Въ этомъ округѣ предполагалось принять самыя скорыя и дѣятельныя мѣры къ собранію, вооруженію и устроенію внутреннихъ силъ, долженствовавшихъ охранять Москву и предѣлы всего округа. Такія же мѣры должны были быть предприняты и во второмъ округѣ (губерніи С.-Петербургская и Новгородская), ополченія котораго назначались, главнымъ образомъ, для прикрытія Петербурга. Что-же касается до третьяго округа, состоявшаго изъ Казанской, Нижегородской, Костромской, Пензенской, Симбирской и Вятской губерній, то здѣсь предполагалось пока ограничиться однѣми подготовительными мѣрами, разчислить и назначить людей, но не собирать ихъ пока и не отрывать отъ сельскихъ работъ. Манифестъ возвѣщалъ въ заключеніе, что призываемая, такимъ образомъ, народная сила „не есть милиція, или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе, устрояемое для предосторожности, въ подкрѣпленіе войскамъ и для надежнѣйшаго охраненія отечества. Каждый изъ военно-начальниковъ и во-

*) Манифестъ напечатанъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ за 1812 г., а также въ запискахъ Шинкова. Т. I, приложение VI, стр. 427—428.

иновъ, при новомъ званіи своемъ, сохраняетъ прежнее, даже не принуждается къ перемѣнѣ одежды, а по прошествіи надобности, т. е. по изгнаніи непріятеля изъ земли нашей, всякъ возвратится съ честію и славою въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ своимъ обязанностямъ“.

Какъ ни велики были пожертвованія, *) приносимыя вѣрными сынами Россіи въ эту тяжелую минуту, но при всемъ томъ ощущался недостатокъ въ самомъ существенномъ, — въ вооруженіи. Ополченіе Московской губерніи состояло, напри- мѣръ, изъ 25,000 человѣкъ, а ружей для него нашлось всего 6000. Получать необходимое оружіе изъ-за границы не было пока никакой возможности, такъ какъ миръ съ Англіею все еще не былъ формально заключенъ и наши порты все еще оставались закрытыми для англійскихъ судовъ. Въ виду этого приходилось прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Государь нарочно вызвалъ въ Москву генерала Воронова, начальника надъ тульскими оружейными заводами; онъ поручилъ ему принять мѣры, чтобы казенные мастерские приготавливали ежемѣсячно по 7000 ружей новаго образца, войти въ соглашеніе съ частными оружейниками, чтобы они изготовляли по три тысячи ружей въ мѣсяцъ и передѣлывать, наконецъ, съ помощью вольныхъ рабочихъ по три тысячи старыхъ ружей, также въ теченіи каждаго мѣсяца. „Поручаю вамъ, говорилъ Государь въ своемъ предписаніи Воронову, объявить всѣмъ заводскимъ мастерамъ и фабрикантамъ, имѣющимъ свои фабрики, что въ какое еще время въ отечествѣ нашемъ не требовалось болѣе отъ каждаго усердія и пожертвованій, какъ въ нынѣшнее“. **) Но всѣ эти чрезвычайныя мѣропріятія не казались Императору вполне достаточными. И въ самомъ дѣлѣ, время не ждало, людей было достаточно, а необходимое для нихъ оружіе могло поспѣть лишь черезъ два, три мѣсяца. Надо было достать его во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе. И вотъ Императоръ по-

*) О количествѣ пожертвованій см. Богдановичъ „Исторія Отечественной войны“. Т. II стр. 33—93. Всего Россія выставила добровольно, по призыву своего Царя, 320,000 воиновъ, въ томъ числѣ 50,000 конницы и пожертвовала около ста милліоновъ рублей.

**) Письмо генералу Воронову отъ 17-го іюля 1812 г., извлеченіе у Попова, „Русскій Архивъ“ 1875 г. кн. II, стр. 316.

ручаетъ Барклаю собрать всѣ ружья, оставшіеся отъ убитыхъ, умершихъ и больныхъ и прислать немедленно въ Москву *).

За недостаткомъ ружей пришло, однакоже, вооружать пока ратниковъ пиками.

Двойное, отчасти противоположное теченіе продолжаетъ еще все это время бороться въ душѣ Императора Александра. Съ одной стороны онъ начинаетъ возлагать всѣ свои надежды и упованія на помощь Всевышняго, на доказанную вновь и надѣлѣ мощь и непоколебимую вѣрность народа русскаго, съ другой онъ продолжаетъ еще искать спасенія тамъ, откуда могла прійти въ самомъ лучшемъ случаѣ лишь помощь слабая и несвоевременная. Остановимся нѣсколько на этихъ противоположныхъ теченіяхъ. Ихъ борьба и приближающаяся видимо побѣда перваго изъ нихъ знаменуетъ собою наступленіе того внутренняго кризиса въ душѣ Александра, который создалъ изъ него новаго человѣка, который превратилъ человѣка искони слабого и колеблющагося въ непобѣдимаго героя, спасителя Россіи и Европы. Твердое упованіе на заступничество Всевышняго высказывается во всѣхъ частныхъ и оффиціальныхъ письмахъ Александра, относящихся къ этой эпохѣ. „Образъ святаго поборника Россійскихъ военныхъ силъ,—пишетъ Императоръ въ своемъ рескриптѣ къ митрополиту Платону,—велѣлъ я отдать составляющемуся для защиты отечества московскому ополченію; да сохранить онъ его своимъ предстательствомъ у престола Божія!“ **).

„Вы не можете представить, пишетъ онъ въ частномъ письмѣ генералу Барклаю, съ какимъ петербургіемъ ожидаю я вашихъ донесеній объ исходѣ генеральнаго сраженія, къ которому вы готовитесь. Я полагаю надежды на милость Всевышняго“ ***).

Изъ этого твердаго упованія черпаетъ Александръ свою рѣшимость продолжать войну до послѣдней крайности. Графъ Толстой, бесѣдуя въ это время съ Императоромъ, предложилъ ему однажды вопросъ, что намѣренъ онъ сдѣлать въ томъ случаѣ, если

*) Письмо Императора къ Барклаю-де-Толли изъ Москвы отъ 17 іюня 1812 г. у Попова, „Русскій Архивъ“, 1875 г., кн. II, стр. 315.

**) Рескриптъ митрополиту Платону помѣщенъ въ запискахъ Шишкова. Т. I, приложение VIII, стр. 429.

***) Письмо къ Барклаю отъ 17 іюня 1812 г. у Попова, „Русскій Архивъ“.

Наполеонъ займетъ Москву и останется въ ней на зиму. „Сдѣлать изъ Россіи вторую Испанію“, отвѣчалъ Государь *).

Итакъ Александръ начинаетъ уже въ это время примиряться съ мыслью о потерѣ Москвы. Даже эта страшная мысль не колеблетъ его въ намѣреніи продолжать войну. Пусть вступаетъ Наполеонъ побѣдителемъ въ древнюю нашу столицу, пусть линіи Двины и Днѣпра будутъ окончательно потеряны, сопротивленіе нашествію должно возобновиться съ новою силою на берегахъ Оки и Волги. Уже Императоръ приказываетъ устроить для этой цѣли укрѣпленный лагерь въ Нижнемъ Новгородѣ, уже онъ готовится поставить врагу новыя страшныя преграды на рубежѣ Азіи.

Всѣ эти распоряженія, знаменуя собою переворотъ, происходящій въ душѣ Александра, не обозначаютъ еще, однако-же, полного и окончательнаго исчезновенія тѣхъ обманчивыхъ надеждъ и иллюзій, которыми убаюкивалъ онъ себя въ началѣ кампаніи. Александръ имѣетъ уже въ виду возможность потери Москвы, но онъ не хочетъ еще вѣрить въ неизбѣжность этой возможности. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы очищеніе Москвы, а тѣмъ болѣе сожженіе ея составляли уже тогда предметъ тайной бесѣды между Государемъ и Московскимъ главнокомандующимъ. Самъ Растропчинъ, ожидавшій спасенія Россіи отъ паденія Москвы, не ожидалъ и не рассчитывалъ, что паденіе это должно послѣдовать такъ скоро. „Я надѣялся, писалъ онъ, что Смоленскъ остановитъ движеніе Наполеона и что онъ окончитъ первую свою кампанію на берегахъ Днѣпра“ **). Подобныхъ же мнѣній держался, очевидно, и самъ Государь. Изъ его писемъ къ Барклаю видно, что онъ возлагалъ еще въ это время всѣ свои надежды на исходъ генеральнаго сраженія. Отъ этого исхода зависѣли всѣ его дальнѣйшія рѣшенія. Къ тому же онъ находился еще и тогда въ полнѣйшемъ невѣдѣніи на счетъ плановъ и намѣреній непріятеля. Онъ не въ состояніи былъ даже предвидѣть, куда направить Наполеонъ свои главные силы, на Москву или на Петербургъ. Эта послѣдняя возможность могла казаться въ то время столь же вѣроятною, какъ и первая, и глав-

*) Михайловскій-Данилевскій, томъ IV, стр. 178.

**) „Русскій Архивъ“, 1875 годъ, книга II, стр. 373.

нымъ образомъ въ виду ея начинала пріобрѣтать въ глазахъ Александра все большее и большее значеніе та новая связь, которая установилась въ это время между Россіею и побѣжденною ею Швеціею, или, выражаясь точнѣе, между Императоромъ Александромъ и шведскимъ наслѣдвымъ принцемъ Бернадотомъ.

Бернадотъ, бывшій Наполеоновскій маршалъ, типъ настоящаго Гасконца, человекъ, безъ сомнѣнія, умный и чрезвычайно прозорливый, пользовался въ это время громаднымъ влияніемъ на Александра. Бернадотъ вступилъ въ союзъ съ Англіею, а затѣмъ и съ Россіею изъ вѣрнаго пониманія интересовъ Швеціи, а вовсе не изъ какихъ-либо идеальныхъ стремленій спасти Европу отъ ига своего бывшего повелителя. Онъ очень хорошо понималъ, что только этотъ союзъ можетъ дать ему возможность отнять у датчанъ Норвегію, вознаградить Швецію за потерю Финляндіи и утвердить тѣмъ самымъ за собою и за своимъ потомствомъ шведскій престолъ. Суетливый, хвастливый до безконечности, Бернадотъ успѣлъ увѣрить Императора Александра въ громадномъ значеніи своей помощи и въ своихъ колоссальныхъ военныхъ талантахъ, равныхъ чуть не генію самого Наполеона. *) Уже въ самомъ началѣ войны онъ началъ поражать Императора Александра глубиною и смѣлостью своихъ стратегическихъ соображеній, хотя слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти соображенія и совѣты оказались столь-же ошибочными, какъ и планы Фуля. До самаго пріѣзда своего въ Москву, Императоръ Александръ, слѣдуя настоятельнымъ внушеніямъ Бернадота, возлагалъ большія надежды на предложенную русско-шведскую экспедицію на берега сѣверной Германіи. Только теперь, по мѣрѣ того какъ начало обнаруживаться все яснѣе и яснѣе громадное превосходство силъ Наполеона, Александръ сталъ сомнѣваться въ пользѣ и даже возможности предположенной диверсіи. Прибѣгая къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, какъ созывъ государственнаго ополченія, собирався обратить Россію во вторую Испанію, Александръ не могъ въ тоже время разбра-

*) Бернадотъ явился въ настоящее свѣтъ въ кампанію 1813 г., когда онъ не дѣлая самъ ровно ничего и заботясь единственно о цѣлости и невредимости своихъ шведовъ, сумѣлъ однако-же присвоить себѣ честь всѣхъ побѣдъ, одержанныхъ русскими и прусскими генералами, бывшими подъ его начальствомъ.

сывать свои, и безъ того уже не особенно многочисленныя, регулярныя силы и отправлять въ заморскія экспедиціи цѣлыя отряды войскъ въ то самое время, когда непріятель съ главными своими силами приближался къ Смоленску, маршалъ Удино угрожалъ Полоцку, а Макдональдъ подошелъ уже къ самой Ригѣ и принудилъ генерала Эссена запереться въ стѣнахъ этой крѣпости. Страшная опасность угрожала такимъ образомъ одновременно и Москвѣ и Петербургу, и войска генерала Штейнгейля могли быть употреблены съ несравненно большею пользою для прикрытія сѣверной столицы, нежели для экспедицій въ Норвегію и Германію. Соображенія эти были такъ естественны, что они приходили въ голову всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя знакомы были болѣе или менѣе съ общимъ положеніемъ дѣлъ на театрѣ войны. На нихъ указывалъ, между прочимъ, и престарѣлый фельдмаршалъ Салтыковъ, С.-Петербургскій генераль-губернаторъ. *) Онъ предлагалъ даже прямо Государю призвать войска изъ Финляндіи и употребить ихъ для прикрытія Петербурга и Риги. Въ своемъ отвѣтѣ **) графу Салтыкову Императоръ давалъ видѣ, что Петербургу не угрожаетъ еще особенная опасность, что непріятель обратитъ прежде всѣ свои усилія на Ригу, и не двинется далѣе прежде взятія этого города. Необходимо впрочемъ, писалъ Императоръ, принять всѣ мѣры къ вывозу всѣхъ драгоценностей, приготовить также все къ отъѣзду Императорской фамиліи изъ Петербурга въ Казань. Для защиты столицы Императоръ предлагаетъ различныя мѣры, но онъ разрѣшаетъ употребить для этой цѣли только тѣ войска, которыя не назначены къ посадкѣ на суда вмѣстѣ съ шведами. Императоръ держался, такимъ образомъ, до послѣдней возможности за предположенную диверсію, но обстоятельства вскорѣ оказались и въ этомъ дѣлѣ сильнѣе его. Правда, въ это время состоялся, наконецъ, давно желанный миръ съ Англіею и англичане изъявили готовность содѣйствовать русско-шведской высадкѣ въ сѣверную Германію, но одновременно съ этимъ начала приближаться и такая пора, когда моръ

*) Письмо гр. Салтыкова къ Императору изъ Петербурга отъ 7 іюля 1812 г. См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. кн. II, стр. 319.

**) Письмо Императора къ гр. Салтыкову отъ 18 іюля изъ Москвы. „Русскій Архивъ“, 1875 г. кн. II, стр. 321.

скія экспедиціи въ сѣверныхъ моряхъ становились опасными. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, а также совершенной беззащитности Петербурга въ томъ случаѣ, если бы войска Штейнгеля удержали свое первоначальное назначеніе, Александръ началъ, наконецъ, сомнѣваться въ удобоисполнимости сѣверной диверсіи. Отказаться отъ нея было, однако-же, гораздо труднѣе во многихъ отношеніяхъ, нежели отъ Иллирійскихъ плановъ адмирала Чичагова. Можно было опасаться, что Бернадотъ, раздраженный этимъ отказомъ, разорветъ только что заключенный союзъ съ Россією и, пользуясь обстоятельствами, займетъ беззащитную Финляндію. Волнуемый этими опасеніями и сомнѣніями, Императоръ уже по приѣздѣ въ Москву получилъ письмо отъ Бернадота. *) „Мы находимся въ постоянномъ ожиданіи извѣстій изъ вашей главной квартиры, писалъ шведскій кронпринцъ, а между тѣмъ вооруженія наши продолжаютъ. Къ концу мѣсяца 35 тысячъ шведскихъ войскъ будутъ готовы къ посадкѣ на суда, другая армія будетъ собрана на границахъ Норвегіи“. Затѣмъ Бернадотъ совѣтуетъ Императору укрѣпить какъ можно сильнѣе Ригу и высказываетъ убѣжденіе, что эта крѣпость можетъ долгое время задержать Наполеона на Двинѣ. „Извините, Государь, что я вдаюсь въ подробности, говоритъ онъ въ заключеніе,—которыя вѣроятно входили въ ваши соображенія; но желаніе торжества вашимъ войскамъ увлекаетъ и занимаетъ меня до такой степени, что я молю Провидѣніе, чтобы каждый городъ, каждое укрѣпленіе вашей Имперіи защищались также, какъ Сарагосса. Надѣюсь, однако-же, что крѣпости Вашего Величества будутъ счастливы, потому что военныя лѣтописи мало представляютъ примѣровъ, чтобы русскія войска сдавались на капитуляцію“. Въ припискѣ къ этому письму, Бернадотъ вновь обращаетъ вниманіе Императора на нашъ лѣвый флангъ, т. е. на Ригу, выходя очевидно изъ ошибочнаго убѣжденія, что Наполеонъ направитъ свои главные силы на Петербургъ.

Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо Императоръ Александръ дѣлаетъ, наконецъ, серьезную попытку отказаться отъ высад-

*) Письмо Бернадота къ Императору изъ Еребро отъ 15 іюня 1812 г. См. „Русскій Архивъ“ 1878 г. кн. II, стр. 323.

ки въ Германію и предлагаетъ вмѣсто того направить соединенныя русско-шведскія войска къ Ревелю, откуда они могутъ угрожать тылу Макдональда. Письмо любопытно и въ другихъ отношеніяхъ. *) Императоръ благодаритъ принца за тѣ чувства, которыя выражаетъ онъ ему при каждомъ удобномъ случаѣ, и проситъ вѣрить въ неизмѣнность его чувствъ въ пему. „Да позволено будетъ мнѣ присовокупить къ этому, продолжаетъ онъ затѣмъ, что много разъ желалъ я видѣть васъ присутствующимъ посреди моихъ войскъ, чтобы руководить вашими высокими дарованіями и большою опытною всю совокупность военныхъ дѣйствій въ этой важной войнѣ. Я получилъ ваши письма, когда всѣ движенія были уже окончены и когда не представлялось уже никакой возможности измѣнить ихъ. Не останавлиюсь откровенно выразить мое мнѣніе, что ваши соображенія нашелъ я несравненно превосходнѣе тѣхъ, которыми мы руководились. Одно только изъ нихъ до сихъ поръ исполнялось въ точности; мы избѣгали генеральныхъ сраженій, а всѣ частныя дѣла окапчивались въ нашу пользу“. Сказавъ затѣмъ нѣсколько словъ о движеніяхъ второй арміи, Императоръ обращается къ самому существенному пункту своего письма. „Рѣшившись, говоритъ онъ, продолжать войну до послѣдней крайности, я долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы составить новыя резервныя войска. Въ виду этой цѣли необходимо было мое присутствіе въ средоточіи Имперіи, чтобы возбудить духъ и склонить на новыя пожертвованія моихъ подданныхъ. Я воспользовался промежуткомъ времени, которое мнѣ оставалось до полученія вашего отвѣта на тѣ сообщенія, которыя я поручилъ адмиралу Бентинку доставить вамъ, чтобы съѣздить на нѣсколько дней въ Москву. Эта поѣздка доставила мнѣ болѣе 100,000 ополченія, которое предложили мнѣ Московская и смежныя съ нею губерніи. Другое такое же ополченіе будетъ устроено между Нижнимъ Новгородомъ и Казанью. Пробывъ здѣсь восемь дней, я отправлюсь въ Петербургъ, гдѣ буду 20 с. ст. Тамъ я надѣюсь получить отвѣтъ Вашего Высочества,

*) Письмо Императора къ Вериадота отъ 17-го іюля 1812 г. „Русскій Архивъ“, 1875 г., кн. II, стр. 324.

отъ котораго будетъ зависѣть, направлюсь ли я къ тому мѣсту свиданія съ вами, которое вы назначите *), или возвращусь къ войскамъ, если вы не пайдете возможнымъ устроить наше свиданіе въ настоящее время. Корпусъ Макдональда приблизился къ Ригѣ, чтобы начать осаду. Если Наполеонъ одержитъ значительные успѣхи надъ моими арміями, то Петербургъ окажется въ опасности, потому что Рига можетъ быть прикрыта частью корпуса Макдональда. Поэтому я полагаю, что высадку нашихъ соединенныхъ войскъ съ гораздо большею пользою можно-бы было произвести у Ревеля. Соображеніямъ Вашего Королевскаго Высочества я предоставляю рѣшить этотъ вопросъ, и вполне полагаюсь какъ на вашу дружбу, такъ и на желаніе ваше успѣха общему дѣлу. Будьте увѣрены, что ни что не ослабитъ моихъ усилій для торжества святаго дѣла и что я вижу спасеніе Россіи и Европы только въ томъ постоянствѣ, съ которымъ мы будемъ стремиться къ этой цѣли“.

Уже изъ этого письма видно, что Государь оставилъ Москву, не имѣя никакихъ точныхъ и опредѣленныхъ намѣреній на счетъ своего дальнѣйшаго мѣстопробыванія. Пока онъ спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы принять тамъ мѣры для защиты своей сѣверной столицы, но оттуда онъ думалъ поспѣшить на свиданіе съ Бернадотомъ. Что предприметъ онъ затѣмъ, отправится-ли въ армію, или возвратится въ Петербургъ — рѣшеніе этого важнаго вопроса онъ предоставляетъ обстоятельствамъ. Онъ покинулъ свою старую столицу сосредоточенный, но не грустный, твердо увѣренный въ конечномъ успѣхѣ того святаго дѣла, которому онъ теперь служилъ. Новыя и въ высокой степени тяжелыя испытанія ожидали его въ Петербургѣ; чтобы понять ихъ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на дальнѣйшее развитіе военныхъ дѣйствій, начиная отъ отступленія нашей первой арміи къ Витебску.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

*) Это свиданіе предложено было нѣсколько ранѣ Александромъ чрезъ посредство англійскаго адмирала Бентинка.

УЧЕНІЕ ФИХТЕ МЛАДШАГО

О ВОСКРЕСЕНІИ И ЯВЛЕНІЯХЪ ХРИСТА.

(Окончаніе *).

Ученіе Фихте младшаго о воскресеніи и явленіяхъ Господа нашего Іисуса Христа, по мнѣнію самого писателя, „удовлетворяя требованіямъ естественнаго объясненія“, въ тоже время возстановляетъ христіанскую вѣру въ ея внутренней доказательной силѣ; поэтому Фихте видитъ въ немъ величайшую свою заслугу для всего вѣрующаго міра (стр. 185). Если оно, дѣйствительно, таково, то, конечно, съ охотою должно быть принято богословскою наукою, такъ какъ для современной богословской науки нѣтъ ничего желательнѣе, какъ естественное, по возможности, объясненіе религіозныхъ истинъ, не приносящее ущерба вѣрѣ. Однако, этого далеко нельзя сказать по отношенію къ ученію Фихте. Правда, оно даетъ фактическое обоснованіе вѣрѣ въ безсмертіе (и то не „христіанской“, а только естественной). Но вѣрою въ безсмертіе, особенно естественною вѣрою, вовсе не исчерпывается сущность христіанства. Душу христіанства составляетъ личность Христа, какъ Богочеловѣка, и спасеніе, совершенное Имъ. А съ этой, единственно правильной точки зрѣнія, воскресеніе Христа должно быть признано не „побочнымъ только историческимъ обстоятельствомъ, отъ котораго нисколько не зависитъ убѣжденіе въ истинѣ христіанства“, а, напротивъ, краеугольнымъ камнемъ, фундаментомъ христіанства. „Если Христосъ не воскресъ“, говоритъ ап. Павелъ Коринѣянамъ, „то и проповѣдь наша

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 13.

тщетна, тщетна и вѣра ваша“ (1 Кор. 15, 14—17). Все, что проповѣдано апостолами и принято вѣрующими,—все христіанство зиждется на истинѣ воскресенія Христова, стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ нею. Стоитъ только принять взглядъ на воскресеніе, подобный взгляду Фихте, и христіанская вѣра не только не „возстанавливается“, а, напротивъ, совершенно испровергается. Если не было воскресенія въ общепринятомъ, „церковномъ“ значеніи этого слова; если тѣло Христа осталось навсегда во гробѣ и „увидѣло тлѣніе“: то вмѣстѣ съ нимъ погребено въ томъ же самомъ гробѣ все христіанство, и тлѣетъ и гибнетъ въ гробѣ грѣховъ своихъ все человѣчество (1 Кор. 15, 18), потому что невоскресшій, хотя и безсмертный Христосъ есть простой человѣкъ, и не могъ совершить спасенія людей. Если бы Фихте уяснилъ себѣ это, то едва-ли бы сталъ серьезно и съ сознаніемъ исполненнаго долга утверждать, что такое пониманіе факта воскресенія „возстанавливаетъ христіанскую вѣру“ и составляетъ „величайшій подарокъ, какой только можно предложить шаткому религіозному образованію нашего времени“ (стр. 185). Можетъ быть, изложенное нами ученіе Фихте, дѣйствительно, имѣетъ преимущество предъ другими ученіями о томъ же предметѣ со стороны научной; но по отношенію къ христіанской вѣрѣ оно приводитъ къ такимъ же разрушительнымъ результатамъ, какъ и гипотеза мнимаго оживленія и субъективистическая визионерная гипотеза, и потому также, какъ и эти гипотезы, рѣшительно не можетъ быть принято богословскою наукою. Но, впрочемъ, Фихте желаетъ „быть вдали отъ богословскихъ споровъ“. Находя это желаніе вполне основательнымъ, сойдемъ съ богословской почвы и обратимся къ разсмотрѣнію его „научной“ аргументаціи, къ разбору тѣхъ основаній, на которыхъ зиждетъ онъ свое ученіе.

Отрицательный взглядъ Фихте на событіе воскресенія не высказывается у него прямо, но вездѣ предполагается самъ собою признаніемъ духовнаго только характера явленій Христа. Поэтому и основаніями этого взгляда служатъ тѣ самые аргументы, на которыхъ основывается признаніе духовности явленій Христа. Для признанія явленій Христа только духовными, визионерными явленіями можно видѣть у Фихте три глав-

ныхъ основанія: 1) признаніе исторической достовѣрности только за тою группою евангельскихъ повѣствованій, которая указываетъ на духовный, визионерный характеръ явленій Христа; 2) признаніе однородности явленія Христа ап. Павлу съ явленіями Его другимъ ученикамъ и 3) духовный характеръ воскресенія по представленіямъ перваго христіанскаго общества. Последнее, кратко выраженное у Фихте, по не менѣе другихъ важное основаніе ближе другихъ относится, собственно, къ событію воскресенія; поэтому рассмотримъ его прежде другихъ.

„Для Павла и апостоловъ и, вообще, перваго христіанскаго общества въ воскресеніи Христа заключалось фактическое доказательство ихъ будущаго воскресенія; свое же будущее воскресеніе они представляли неимѣющимъ ничего общаго съ земною тѣлесностью или съ продолженіемъ тѣлесной жизни. Отсюда съ вѣроятностію предполагается, что, по собственному повиманію перваго христіанскаго общества, воскресеніе Христа мыслилось какъ духовное появленіе вновь, а не какъ тѣлесное оживленіе“. Такъ можно формулировать этотъ тезисъ Фихте (стр. 155). Можно ли признать его вѣрнымъ? Прежде всего не можемъ не замѣтить, что, высказывая такое положеніе, Фихте противорѣчитъ самому себѣ. „Возможно доказать прямыми свидѣтельствами, говоритъ онъ на стр. 139, что по представленію іудейскаго правовѣрія личное безсмертіе понималось какъ воскресеніе изъ мертвыхъ, какъ пробужденіе изъ могилы, изъ гроба“, и въ подтвержденіе этого ссылается на рѣчь ап. Павла предъ синагогою и Агриппою. Но оставимъ это въ сторонѣ и рассмотримъ: а) дѣйствительно ли будущее воскресеніе, по представленіямъ первыхъ христіанъ, не имѣло ничего общаго съ земною тѣлесностью, — рассмотримъ на основаніи посланій ап. Павла, какъ источника „самаго ранняго и наиболѣе заслуживающаго довѣрія“ съ точки зрѣнія Фихте. Въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ ап. Павелъ пишетъ: „скажетъ кто-нибудь: какъ воскреснутъ мертвые и въ какомъ тѣлѣ прійдутъ? Безразсудный! то, что ты сѣешь, не оживетъ, если не умретъ..... Но.... сѣется въ тѣліе, возстаетъ въ нетѣліи.... Сѣется тѣло душевное,

возстаетъ тѣло духовное“ (гл. 15 ст. 35—44). Не очевидно ли здѣсь, что, по ученію апостола, тѣло, въ которомъ прійдутъ воскресіе, имѣетъ непосредственную связь съ земнымъ, истлѣвающимъ во гробѣ тѣломъ, относится къ нему, какъ хлѣбное растеніе къ посѣянному въ землю и истлѣвающему зерну? Конечно, тѣло воскресшихъ будетъ не такимъ, какимъ оно было во время этой земной жизни, но оно будетъ существенно тѣмъ же самымъ. Оставшись тѣмъ же самымъ по существу, оно только получитъ нѣкия свойства: будетъ не „душевымъ“, но „духовнымъ“. Что это такъ, ясно изъ дальнѣйшихъ словъ апостола: „не всѣ умремъ, но всѣ измѣнимся.... Мертвые воскреснутъ.... нетлѣнными, а мы измѣнимся.... въ нетлѣніе“ (ст. 51—53; ср. 1 Фессал. 4, 16—17). Если нѣкоторые не умрутъ, т. е. не отложить отъ себя этого земнаго тѣла, а только измѣнятся, то ясно, что у нихъ останется тоже самое земное тѣло, и только это земное тѣло получитъ нѣкоторое измѣненіе въ своихъ свойствахъ, сдѣлается „нетлѣннымъ“. А такъ какъ это измѣненіе будетъ для нихъ не исключеніемъ изъ общаго закона, но фактомъ совершенно равносильнымъ смерти и воскресенію, то мы принуждены думать, что и у воскресшихъ „нетлѣнныя“ тѣла будутъ не что иное, какъ „преобразованныя“ земныя тѣла (ср. Филип. 3, 21). Иначе, т. е. если бы земныя, погребенныя тѣла (*νεκρώς*) не принимали участія въ воскресеніи, даже не имѣло бы смысла самое выраженіе „воскресеніе мертвыхъ“ (*ἀνάστασις νεκρῶν*). Приведенныхъ выраженій ап. Павла вполне достаточно, чтобы видѣть, вопреки Фихте, что, по представленію апостоловъ и, вообще, перваго христіанскаго общества, въ будущемъ воскресеніи мыслилось оживленіе и преобразование земныхъ тѣлъ. А отсюда становится въ высшей степени сомнительнымъ, чтобы б) воскресеніе Христа, по пониманію перваго христіанскаго общества, было представляемо въ смыслѣ Фихте, а не какъ тѣлесное оживленіе. Въ самомъ дѣлѣ, самое уже опредѣленіе его, какъ „воскресенія изъ мертвыхъ“ (*ἐκ νεκρῶν*), указываетъ на тѣлесную его сторону. Если бы ап. Павелъ или кто-нибудь другой понималъ воскресеніе Христа въ смыслѣ продолженія духовной жизни, въ смыслѣ безсмертія, то о немъ не могло бы быть

и рѣчи, какъ о событіи особомъ и исключительномъ, потому что безсмертіе признавалось общимъ достояніемъ духа. Или, если бы воскресеніе Христа мыслилось какъ „духовное явленіе вновь“, то оно не отличалось бы отъ явленій Христа. Но въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ не то. „Христосъ (возьмемъ для примѣра это изреченіе ап. Павла) умеръ за грѣхи наши, по писанію, и погребенъ былъ, и воскресъ (ἐγήγερται) въ третій день, по Писанію, явился (ᾤφθη) Кифѣ, потомъ двѣ-падцати“.... (1 Кор. 15, 3—5). Съ одной стороны, воскресеніе ясно отличается отъ явленій, съ другой—выставляется особымъ событіемъ на ряду съ смертью, погребеніемъ и явленіями,—событіемъ, совершившимся, именно, въ третій день послѣ смерти во исполненіе писаній. Если-бы воскресеніе понималось въ смыслѣ безсмертія, то приведенныя слова апостола пришлось-бы читать такъ: „Христосъ умеръ за грѣхи наши, по Писанію, и погребенъ былъ, и духъ его сдѣлался безсмертнымъ въ третій день“...—явная нелѣпость, обезображивающая смыслъ словъ апостола. Если, такимъ образомъ, ясное ученіе апостола Павла о будущемъ воскресеніи мертвыхъ и столь же ясное свидѣтельство его о воскресеніи Христа выражаютъ мысль совершенно противоположную той, какую усвоитъ этому апостолу Фихте въ приведенномъ положеніи, то совершенно непонятно, по какимъ другимъ соображеніямъ онъ высказываетъ это положеніе. По крайней мѣрѣ, онъ не представляетъ для него никакихъ основаній и вслѣдствіе этого здѣсь можно даже подозрѣвать, ничего не доказывающій, логическій кругъ доказательства: апостолы мыслили воскресеніе Христа нетѣлеснымъ потому, что представляли свое будущее воскресеніе нетѣлеснымъ; свое же будущее воскресеніе они представляли таковымъ потому, что таково было, по ихъ пониманію, воскресеніе Христа.

Обратимся теперь къ другимъ, болѣе обоснованнымъ тезисамъ Фихте.

1. Изъ евангельскихъ повѣствованій о воскресеніи и явленіяхъ Христа Фихте признаетъ исторически достоверными только тѣ, которыя выставляютъ духовный характеръ явленій Христа. Къ раздѣленію указанныхъ евангельскихъ повѣство-

ваній на исторически достовѣрныя и недостовѣрныя (апокрифическія) приводитъ Фихте кажущаяся ему непримиримость евангельскихъ указаній на свойства „воскреснаго тѣла“ Христа, а признаніе происхожденія евангелій не отъ очевидцевъ жизни Христа, но изъ посредствующаго преданія, повидимому, какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ такому раздѣленію. Признаніе же исторической достовѣрности именно за вышеуказанными повѣствованіями, а не за противоположными, основывается на томъ, что: а) вымыселъ ихъ не былъ возможенъ и не могъ имѣть достаточной цѣли, тогда какъ вымыселъ противоположныхъ повѣствованій вполне объяснимъ изъ тогдашнихъ религіозныхъ взглядовъ и вѣрованій; б) свидѣтельства о воскресеніи ап. Павла и составителя апокалипсиса — самыя раннія и достовѣрныя свидѣтельства — выставляютъ духовный, а не тѣлесный характеръ этого событія. Разсмотримъ особо всѣ эти положенія.

Признаніе исторической достовѣрности и недостовѣрности евангельскихъ повѣствованій обнимаетъ у Фихте не повѣствованія того или другаго евангелиста въ ихъ цѣломъ составѣ, но отдѣльныя, частныя черты повѣствованій каждаго евангелиста. Напр., если мы возьмемъ повѣствованіе о воскресеніи, явленіяхъ и вознесеніи Господа въ евангеліи Луки (гл. 24), то это повѣствованіе, съ точки зрѣнія Фихте, должно быть признано частию за исторію, а частию за апокрифъ. Именно: обрѣтеніе мѣроносицами гроба отверзтымъ и пустымъ (ст. 2 и 3) — черта апокрифическая, явленіе же имъ ангеловъ (ст. 4) — историческая; обрѣтеніе Петромъ во гробѣ только пеленъ (ст. 12) — опять апокрифъ, дальнѣйшій-же рассказъ о явленіи Христа на пути въ Эммаусъ двумъ ученикамъ (ст. 13—33), кажется, весь (и особенно ст. 15 и 31) можетъ быть призванъ за исторію, только должно быть сдѣлано исключеніе для первой половины ст. 23 и для ст. 24; слѣдующій затѣмъ рассказъ о внезапномъ явленіи Христа посреди одиннадцати (ст. 36) историченъ, но дальнѣйшія подробности его — о показаніи Имъ рукъ и ногъ (ст. 38 — 40) и вкушеніи пицы (ст. 41 — 43) — апокрифическаго характера; наконецъ, въ рассказѣ о вознесеніи выраженіе ст. 51: „сталъ отдаляться отъ

нихъ,, весьма исторично, хотя непосредственно слѣдующее за нимъ выраженіе того-же стиха: „и возноситься на небо“ есть результатъ позднѣйшей саги. Такова-же оцѣнка исторической достовѣрности и повѣствованій другихъ евангелистовъ. Спрашивается: какое право имѣеть нашъ „ученый и безпристрастный“ критикъ такимъ образомъ обращаться съ историческими документами? Неужели такое право можетъ дать то соображеніе, что стихи, полустихи и фразы, выбрасываемые имъ изъ „историческаго“ разсказа какъ апокрифы, могутъ быть „съ удобствомъ признаны за вымыселъ“?! Уже на первый взглядъ это — не научно-историческая критика, а совершенно произвольный выборъ того, что нравится, какъ соответствующее предвзятымъ взглядамъ. Добросовѣстный и безпристрастный критикъ если и можетъ поступать такъ, то развѣ по весьма важнымъ и твердымъ научнымъ основаніямъ. Въ данномъ случаѣ эти основанія здѣсь на лицо и разсмотрѣть ихъ не трудно.

„Евангельскія указанія касательно свойствъ воскресшаго тѣла Христова, утверждаетъ Фихте, такъ противоположны, что принятіе одной группы ихъ совершенно исключаетъ другую“. Что-же отсюда слѣдуетъ? Не болѣе, какъ то, что составить ясное понятіе о свойствахъ воскресшаго тѣла Христова для насъ весьма трудно, и что долгъ добросовѣстнаго изслѣдователя — примирить или объединить, по возможности, затрудняющія насъ противоположности въ упомянутыхъ евангельскихъ указаніяхъ. Что такое примиреніе, вообще, не „невозможно“, доказываютъ весьма успѣшныя попытки въ этомъ родѣ. *) А что игнорированіе или отсѣченіе цѣлаго ряда свойствъ единичнаго и тѣмъ болѣе — единственнаго въ своемъ родѣ предмета никогда не приведетъ къ уясненію понятія о немъ, ясно само собою.

„Твердо признается, разсуждаетъ далѣе Фихте, что евангельскіе разсказы не суть свидѣтельства очевидцевъ, но произошли изъ болѣе или менѣе посредствующаго преданія; преданіе-же, по собственной своей природѣ, весьма легко окружаетъ событіе побочными неисторическими подробностями“. Такъ доказывается существованіе апокрифическихъ подробностей въ еван-

*) Достаточно указать, напр. статью Р. Л. „Тѣло воскресшаго Христа Спасителя“ — въ „Прав. Обзор.“ за авг. 1880 г.

гельскихъ повѣствованiяхъ. Но мы рѣшительно не можемъ согласиться съ этимъ. 1) Мы твердо признаемъ, что первое и четвертое евангелiя написаны непосредственными учениками Господа, очевидцами евангельскихъ событiй; второе евангелiе, по нашему мнѣнiю, написано лицомъ, по крайней мѣрѣ, близко стоявшимъ къ евангельскимъ событiямъ, такъ какъ мы видимъ въ немъ того юношу, котораго едва не захватили воины при взятiи Христа (гл. 14 ст. 51—52). Что касается третьяго евангелiя, то въ писателѣ его мы не можемъ не признать очевидца явленiй Христа, именно—того самаго ученика, который вмѣстѣ съ Клеопою удостоился видѣть воскресшаго Господа на пути въ Эммаусъ. Но если-бы даже евангелiя дѣйствительно были написаны не очевидцами описанныхъ въ нихъ событiй, то и тогда 2) привнесенеiе неисторическихъ подробностей, возможное для всякой другой исторической записи, не можетъ быть допущено по отношенiю къ евангельскимъ повѣствованiямъ. Апостолы, проповѣдуя евангелiе устно, всегда съ неунынною ревностью заботились о судьбѣ проповѣданнаго ими ученiя. Они тщательно слѣдили за его состоянiемъ (Римл. 1; 18; 1 Кор. 11, 2; Колос. 1, 5—8; 2, 5; 1 Тессал. 1, 7—8; 3, 5—8; 2 Тессал. 1, 3), возобновляли его въ памяти вѣрующихъ или сами лично, неоднократно посѣщая основанныя ими церкви, или чрезъ другихъ (1 Кор. 4, 17), особенно чрезъ поставленныхъ ими пастырей и учителей (Ефес. 4, 11—13; 1 Тимоф. 4, 13; 5, 17; 2 Тим. 2, 2; 4, 2; Тит. 1, 9), или чрезъ свои посланiя (1 Кор. 15, 1 и сл. 2 Тессал. 2, 5),—убѣждали вѣрующихъ неизмѣнно держаться принятаго ими преданiя (2 Тессал. 2, 15; Филип. 4, 9; Колос. 2, 6—7; 1 Тим. 6, 20; 2 Тим. 1, 13; 3, 14; Евр. 10, 23), предостерегали отъ извращенiя его (Римл. 16, 16; 1 Кор. 15, 58; Гал. 1. 6—7. 8—9; Колос. 2, 8) и, между прочимъ, заботились именно о томъ, чтобы оно сохранялось въ своей первоначальной чистотѣ, безъ примѣсей „преданiя человѣческаго“ (Колос. 2, 8). Могли ли при такихъ условiяхъ въ преданiе апостольское войти черты апокрифическiя, и могли-ли быть единодушно приняты во всехъ церквахъ писанiя съ элементомъ апокрифическимъ? Правда, уже очень рано начали появляться апокрифическiя евангелiя, и мы

знаемъ достаточное число ихъ; но такъ-же рано начали и отличать апокрифы отъ истинно апостольскаго преданія и ни одно изъ таковыхъ писаній не было принято въ церковное употребленіе. Въ евангеліи Луки мы уже находимъ указаніе на существованіе апокрифовъ (гл. 1 ст. 1). Но то обстоятельство, что писатель знаетъ объ ихъ существованіи и отличаетъ отъ нихъ истинное апостольское преданіе (ст. 2), „тщательно изслѣдуя“ весь свой историческій матеріалъ (ст. 3),—твердо ручается за первоисточную историческую достовѣрность его писанія, равно какъ и другихъ евангелій, и ставитъ эти историческіе документы выше всѣхъ произвольныхъ критическихъ нападеній въ родѣ разсматриваемаго мнѣнія Фихте. Еще меньшую доказательную силу имѣетъ слѣдующее соображеніе Фихте.

„Привнесеніе въ первоначальную евангельскую исторію указаній на тѣлесную сторону воскресенія весьма объяснимо изъ желанія сдѣлать это событіе болѣе достовѣрнымъ и уничтожить всякое подозрѣніе въ самообманѣ апостоловъ или въ поспѣшности ихъ вѣры: по тогдашнему народному вѣрованію, всякое явленіе духа признавалось за воскресеніе, за выходъ изъ гроба (Матѣ. 27, 52—53); поэтому и явленія Христа, чтобы заслужить вѣру, должны были объясняться не иначе, какъ тѣлеснымъ воскресеніемъ“. Руководствуясь подобнымъ соображеніемъ, можно отвергнуть достовѣрность какого угодно, твердо засвидѣтельствованнаго историческаго событія, если только оно представляется „объяснимымъ, напр. изъ народной гордости или изъ желанія увѣковѣчить память лицъ, принимавшихъ въ немъ непосредственное участіе“ и т. п. Будучи совершенно произвольнымъ, этотъ доводъ Фихте, кромѣ того, съ одной стороны, взводитъ на апостоловъ и, вообще, первыхъ проповѣдниковъ христіанства обвиненіе въ обманѣ, съ другой—представляетъ ихъ самообманутыми, между тѣмъ какъ то и другое давно признано несогласимымъ съ личнымъ характеромъ апостоловъ. Съ одной стороны, если неисторическія черты, указывающія на тѣлесную сторону воскресенія, привнесены „изъ желанія сдѣлать это событіе болѣе достовѣрнымъ“ и т. д., то это привнесеніе должно представлять не иначе, какъ намѣреннымъ. Съ другой стороны, такъ какъ вся-

кое явленіе духа признавалось за тѣлесное воскресеніе, то апостолы (раздѣлявшіе, конечно этотъ взглядъ) могли обмануться сами, принявъ духовныя, въ сущности, явленія Христа за тѣлесное Его воскресеніе. И это тѣмъ естественнѣе, что на нихъ явленія Христа, по психологическимъ разъясненіямъ Фихте, могли производить впечатлѣніе вполне опредѣленной тѣлесной личности. Такъ, изъ разсматриваемаго положенія Фихте, можно съ совершенно одинаковымъ правомъ сдѣлать два совершенно различные вывода (причину этого мы постараемся объяснить послѣ). Какой изъ нихъ принять здѣсь во вниманіе, для насъ совершенно все равно, такъ какъ мы признаемъ апостоловъ и выше обмана, и выше самообмана (съ чѣмъ, по мѣстамъ, соглашается и Фихте). Но самъ Фихте, кажется, склоняется болѣе къ послѣднему. По крайней мѣрѣ, онъ „думать о намѣренномъ обманѣ признаетъ невозможнымъ“ и даже находитъ „столько же непсихологичнымъ, сколько и неисторичнымъ утверждать, будто его пониманіе можетъ давать поводъ къ какому-нибудь моральному упреку апостоламъ и первымъ проповѣдникамъ христіанства“ (стр. 140). Но дѣйствительно-ли апостоловъ могли ввести въ обманъ ихъ предвзятые взгляды на явленіе духа? Дѣйствительно-ли „всякое явленіе духа признавалось за тѣлесное воскресеніе, за выходъ изъ гроба?“ Основаніемъ для этого выставляется замѣчаніе евангелиста Матѳея о томъ, что по смерти Христа, „гробы отверзлись, и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли и, вышедши изъ гробовъ, по воскресеніи Его, вошли во св. градъ и явились многимъ“ (гл. 27, 52—53). Но почему въ этомъ событіи непременно нужно видѣть лишь явленіе духа святыхъ, а не дѣйствительное, тѣлесное воскресеніе ихъ, каковымъ оно представляется у евангелиста,—Фихте не указываетъ. Вѣроятно, или потому, что такъ желаетъ онъ, или, пожалуй, потому, что аналогичныя явленія Христа должно представлять только духовными; а такъ какъ явленія Христа признаются духовными, между прочимъ, на основаніи признанія духовности явленій „святыхъ“, то въ послѣднемъ случаѣ получился бы логическій кругъ доказательства. Для рѣшенія поставленнаго вопроса: дѣйствительно-ли всякое явленіе духа признавалось

за тѣлесное воскресеніе, и именно, для отрицательнаго рѣшенія его мы имѣемъ не голословный фактъ, какъ Фихте, а дѣйствительное основаніе. Когда, по свидѣтельству евангелиста Луки, Іисусъ сталъ посреди одиннадцати и сказалъ: „миръ вамъ!—они, смутившись и испугавшись, подумали, что видятъ духа. Но Онъ сказалъ имъ: что смущаетесь и для чего такіа мысли входятъ въ сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это—Я Самъ; осяжите Меня и рассмотрите, ибо духъ плоти и костей не имѣтъ, какъ видите у Меня. И, сказавъ это, показалъ имъ руки и ноги“ (гл. 24 ст. 36—40). Повѣствованіе это, со стороны своей исторической достовѣрности, должно быть признано, съ точки зрѣнія Фихте, совершенно равноправнымъ съ тѣмъ, которое представлено у него (т. е. съ Матѳ. 27, 52—53): и здѣсь, и тамъ одинаково содержится и визионерная, и реальная, тѣлесная сторона событія. Какой-же здѣсь представляется взглядъ на явленіе духа? Если для разувѣренія учениковъ въ томъ, что они видятъ духа, потребовалось показаніе рукъ и ногъ и даже это оказалось не вполне достаточнымъ (ст. 41), по понадобилось еще и вкушеніе пищи (ст. 41—43), то ясно, что явленіе духа не признавалось непременно за тѣлесное возстаніе изъ гроба,—что, по представленію учениковъ, могло имѣть мѣсто явленіе духа, совершенно независимое отъ тѣлеснаго воскресенія и, вообще, не связанное ни съ какой тѣлесностью. „Духъ плоти и костей не имѣтъ“—эта мысль, высказанная Христомъ, очевидно, была убѣжденіемъ учениковъ. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія ученики, дѣйствительно, впали было въ самообманъ, по только въ противоположный тому, какой приписываетъ имъ Фихте, и именно—въ тотъ, въ который впадаетъ самъ Фихте: явленіе Христа въ прославленномъ тѣлѣ они приняли-было за явленіе исключительно духовное, визионерное; но такъ какъ это было большимъ заблужденіемъ, то Господь и поспѣшилъ ихъ разувѣрить.

Остается теперь только одно основаніе въ пользу признанія исторической достовѣрности лишь за евангельскими указаніями на духовный характеръ явленій Христа и вмѣстѣ съ тѣмъ—въ пользу признанія духовнаго характера самыхъ явленій Христа. Оно прямѣе всѣхъ другихъ и ближе всѣхъ другихъ

приводить къ цѣли; но за то можетъ похвалиться вѣрностью едва-ли не меньше всѣхъ другихъ. „Самыя раннія и, поэтому, заслуживающія довѣрія свидѣтельства о воскресеніи, какія только мы знаемъ, суть свидѣтельства Павла и составителя апокалипсиса; эти свидѣтельства представляютъ воскресеніе хотя въ общихъ чертахъ, но въ такихъ, которыя допускаютъ мысль о духовномъ появленіи Христа, о христофаніи“ (стр. 141). Мы имѣли уже случай видѣть, какъ мало ученіе ап. Павла о воскресеніи соотвѣтствуетъ мнѣнію Фихте. Приходится предположить только, что Фихте видитъ здѣсь мысль о духовности воскресшихъ въ названіи ихъ тѣлъ „духовными“ (1 Кор. 15, 44); но такое пониманіе апостольской рѣчи было бы крайне страннымъ. Названіе тѣлъ „душевными“ и „духовными“, очевидно, употребляется не какъ точное опредѣленіе существа воскресшихъ, а какъ метафорическое обозначеніе различія со стороны свойствъ между нынѣшними „тѣлесными“ и будущими „нетѣлесными“ или „преобразованными“ тѣлами. Иначе самыя выраженія: „тѣло душевное“ и „тѣло духовное“ (въ смыслѣ нетѣлесныхъ, противоположныхъ тѣлеснымъ по существу) заключали бы въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Что касается апокалипсиса, то здѣсь Іисусъ Христосъ, названный въ одномъ мѣстѣ (гл. 1 ст. 5) „Первенцемъ изъ мертвыхъ“, въ другомъ мѣстѣ говоритъ о Себѣ: „Я есмь первый и послѣдній, и живой; и былъ мертвъ, и се живъ во вѣки вѣковъ, аминь“ (1, 18, 2, 8). Кромѣ этого нѣтъ въ апокалипсисѣ никакихъ свидѣтельствъ о воскресеніи. Но здѣсь выраженіе „Первенецъ изъ мертвыхъ“ ясно предполагаетъ опредѣленное событіе, отличившее его отъ всѣхъ умиравшихъ и умирающихъ (ср. 1 Кор. 15, 23), а противоположеніе „мертвъ“ и „живъ“ указываетъ, что это событіе было, именно, оживленіе или воскресеніе изъ мертвыхъ. Видѣть здѣсь мысль о духовности воскресенія такъ же нельзя, какъ и въ ученіи ап. Павла.

Теперь мы имѣемъ твердыя основанія для оцѣнки перваго тезиса Фихте. Сдѣланное имъ раздѣленіе евангельскихъ повѣствованій о воскресеніи и явленіяхъ Господа на исторически достовѣрныя и апокрифическія не научно, произвольно, пристрастно. Перейдемъ ко второму, менѣе сложному тезису.

2. Фихте признаетъ явленія Христа ученикамъ однородными съ явленіемъ Его ап. Павлу, духовно-визіонерный характеръ котораго предполагается у него самъ собою. Въ качествѣ оснований для признанія этой однородности онъ выставляетъ то, что а) явленіе Христа произвело на Павла такое-же могущественное дѣйствіе, какое имѣло на непосредственныхъ учениковъ воскресеніе, б) явленіе ап. Павлу и явленіе другимъ апостоламъ одинаково называются „явленіями“ и в) самъ ап. Павелъ бывшее ему явленіе поставляетъ въ связь съ другими обнаруженіями воскресенія и выводитъ изъ него то-же право апостольства, какое для другихъ апостоловъ явилось въ воскресеніи. Если-бы эти основанія были вѣрны, то рассматриваемый тезисъ Фихте какъ нельзя болѣе соответствовалъ-бы его взгляду. Но а) одинаково могущественное дѣйствіе явленій далеко еще не указываетъ на одинаковость самихъ явленій. Могущественное дѣйствіе на апостоловъ произвело, собственно, не явленіе Христа, такое или иное, а вѣра во Христа; только съ этой точки зрѣнія мы можемъ объяснить то обстоятельство, что христіанство, въ послѣдующей своей исторіи, когда и по признанію Фихте христофанія не имѣли уже мѣста,—производило не менѣе могущественное дѣйствіе на увѣровавшихъ. Значить, могущественное дѣйствіе принадлежитъ, собственно, вѣрѣ во Христа независимо отъ того, возбуждена-ли эта вѣра тѣлеснымъ явленіемъ Христа, какъ у одиннадцати апостоловъ, или духовною, визіонерною (въ смыслѣ Фихте) христофанією, какъ у ап. Павла, или, наконецъ, только слышаніемъ проповѣди о Христѣ. Такъ-же мало б) подтверждаетъ основную мысль Фихте и одинаковость названій явленія ап. Павлу явленій другимъ апостоламъ. Правда, ап. Павелъ (1 Кор. 15, 5—8), дѣлая перечень явленій Христа и причисляя сюда бывшее ему явленіе, всѣхъ ихъ обозначаетъ однимъ словомъ „явился“ (ὤφθη); но этимъ онъ только обозначаетъ ихъ всѣ, какъ одинаково дѣйствительные и объективные факты, а вовсе не опредѣляетъ ихъ внутреннее существо, о которомъ, вообще, у него въ этомъ краткомъ перечнѣ совершенно нѣтъ и рѣчи. Что этимъ названіемъ не опредѣляется существо всѣхъ явленій, какъ „духовныхъ и призрачныхъ“, видно изъ того, что

самъ ап. Павелъ въ другомъ мѣстѣ (1 Кор. 9, 1) выражается о бывшемъ ему явленіи иначе: „видѣлъ я (ἐώρακα) Иисуса Христа Господа нашего“, *) и наоборотъ, евангелисты, представляющіе тѣлесность явленій Христа прочимъ апостоламъ, не затрудняются, однако, обозначать ихъ на ряду съ другими выраженіями и употребляемымъ у ап. Павла словомъ „ὤφθη“ (Лук. 24, 34). Это подтверждается и тѣмъ еще, что для обозначенія духовныхъ и призрачныхъ явленій гораздо удобнѣе слово „θεωρεῖν“, каковое, дѣйствительно, и употреблено въ этомъ смыслѣ для обозначенія видѣнія духа у евангелиста Луки (гл. 24 ст. 37 **); между тѣмъ явленія Христа ни разу не обозначаются этимъ словомъ ни у евангелистовъ, ни у ап. Павла. Остается в) рассмотреть послѣднее основаніе Фихте. Дѣйствительно ап. Павелъ, въ 1 Кор. 15, 5—8, бывшее ему явленіе ставитъ въ связь съ явленіями другимъ апостоламъ, но не въ смыслѣ одинаковыхъ „обнаруженій воскресенія“, а въ смыслѣ только одинаково дѣйствительныхъ фактовъ священной исторіи. Имѣя въ виду напомнить Коринѳянамъ преподанное имъ евангеліе (ст. 1), онъ кратко упоминаетъ о важпѣйшихъ фактахъ новозавѣтной священной исторіи, къ числу которыхъ не могъ не отнести и бывшаго ему явленія, сдѣлавшаго его проповѣдникомъ евангелія въ Коринѳѣ и другихъ мѣстахъ. Если-же сопоставить явленія другимъ апостоламъ и явленіе самому ап. Павлу со стороны внутренняго значенія, какое усвоится здѣсь тѣмъ и этому, то мы вовсе не найдемъ между ними непосредственной связи. О явленіяхъ другимъ апостоламъ упоминается здѣсь, дѣйствительно, какъ о доказательствахъ и обнаруженіяхъ воскресенія (это особенно ясно изъ второй половины ст. 6), о явленіи-же, бывшемъ самому ап. Павлу, говорится здѣсь только какъ о событіи, объясняющемъ, именно, какимъ образомъ онъ, не бывшій съ самаго начала

*) Ср. Иоан. 20,—20: „сказалъ это, Онъ показалъ имъ руки и ноги, и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидѣвъ (ἰδούτες) Господа“. Ст. 25: „скавали Ѳомѣ ученики: „мы видѣли (ἐώρακαμεν) Господа“. Но онъ сказалъ имъ: „если не увижу (ἴδω) на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей..., не повѣрю“. Ст. 29: „убѣдивши Ѳому, Господь говоритъ: „Ты повѣрилъ потому, что увидѣлъ (ἐώρακας) Меня“....

**) „Подумали, что видать духа“ (ἐδόχουν πνεῦμα θεωρεῖν).

ученикомъ Христа и даже главнѣйшій церковь Божию, сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ евангелія и, въ частности, учителемъ Коринтянъ. Напоминая Коринтянамъ евангеліе о воскресеніи Христа (ст. 1—7), апостольство напоминаетъ имъ и то, почему онъ, именно, дѣлаетъ это напоминаніе (ср. 2, 12 и 4, 15). Только при такомъ пониманіи этого мѣста и можно видѣть въ немъ мысль объ апостольскомъ достоинствѣ ап. Павла. Но и при этомъ утверждать, что ап. Павелъ „здѣсь и въ другихъ мѣстахъ (1 Кор. 9, 1; Гал. 1, 12) изъ бывшаго ему явленія выводитъ тоже апостольское право, какое для другихъ апостоловъ явилось изъ воскресенія“, было-бы слишкомъ много. Такого прямого вывода ап. Павелъ нигдѣ не дѣлаетъ, и это, конечно, потому, что апостольское право его, равно какъ и другихъ апостоловъ, основывалось не на явленіяхъ, собственно, Христа, а на особомъ призваніи къ апостольскому служенію (Дѣян. 13, 1—4; ср. Матѣ. 28, 19—20; Марк. 16, 15—16; Лук. 24, 47—49; Иоан. 20, 21—23; 21). Въ указанныхъ мѣстахъ ап. Павелъ свое апостольское достоинство только ставитъ въ связь съ бывшимъ ему явленіемъ, и это очень понятно, потому что безъ этого явленія онъ не былъ-бы не только апостоломъ, но даже и послѣдователемъ Христа. Самое-же право апостольства, если изъ чего и выводится здѣсь, то не изъ явленія Христа, а изъ „призванія божественною благодати“ (Гал. 1, 15), изъ дарованія апостольской „благодати“ (1 Кор. 15, 10) и подкрѣпляется успѣхами апостольской проповѣди (1 Кор. 9, 16—2. Ср. Дѣян. 13, 1—14 и Гал. 2, 7—9). Итакъ, и для признанія однородности явленій ученикамъ съ явленіемъ ап. Павлу нѣтъ никакихъ основаній; а вмѣстѣ съ тѣмъ рушится и послѣднее основаніе Фихте для отрицанія воскресенія какъ особаго событія и для признанія явленій Христа духовными, визионерными.

Поставимъ теперь, съ своей стороны, вопросъ: какъ, въ самомъ дѣлѣ, поняли воскресеніе и явленія Христа очевидцы и свидѣтели этихъ событій—апостолы? Фихте замѣтно избѣгаетъ такого прямого вопроса и лавируетъ между обоими возможными рѣшеніями его, что нерѣдко, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, ставитъ его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Съ одной стороны онъ склоняется къ признанію того, что апо-

стоны понимали явленія Христа какъ тѣлесныя: къ этому, по крайней мѣрѣ, ведетъ у него то соображеніе, что всякое явленіе духа признавалось за тѣлесное возстаніе изъ гроба, къ этому же приводятъ и тѣ психологическія данныя, по которымъ Христосъ могъ явиться ученикамъ, какъ близко заинтересованнымъ въ Его исторіи, даже въ опредѣленномъ тѣлесномъ обликѣ. Съ другой стороны, онъ усволяетъ ап. Павлу взглядъ на явленія Христа другимъ апостоламъ, какъ на однородныя съ бывшимъ ему явленіемъ и старается доказать, что и у другихъ апостоловъ и вообще въ перво-христіанскомъ обществѣ не могло возникнуть никакого противорѣчія по отношенію къ этой однородности. Онъ даже и прямо усиливается доказать, что апостолы и перво-христіанское общество понимали воскресеніе въ духовномъ смыслѣ. Такъ какъ для Фихте необходимо признаніе того и другаго, то эта дѣйствительность, эта противорѣчивость не должна даже представляться странною у него: иначе едва-ли и можетъ быть въ ученіи, которое зиждется на самомъ себѣ и совершаетъ лишь логическіе круги, доказывая свои положенія апріорнымъ признаніемъ доказываемаго. Однако, мы этимъ не можемъ удовлетвориться и требуемъ у Фихте прямого отвѣта на поставленный выше вопросъ. Но остановиться только на первомъ рѣшеніи онъ едва ли согласится, потому что тогда ему пришлось-бы отказаться и отъ тѣхъ соображеній, которыми доказывается у него существованіе въ евангельскихъ разсказахъ апокрифическихъ подробностей, и отъ тѣхъ, по которымъ усвоится перво-христіанскому обществу духовное пониманіе воскресенія, между тѣмъ какъ тѣ и другія составляютъ душу его ученія. Если же онъ исключительно станетъ на сторону втораго отвѣта, то къ высказанному противъ этого прежде присоединимъ и еще одно соображеніе. Мы имѣемъ прямые доказательства на то, что воскресеніе понималось въ іудействѣ не иначе, какъ въ смыслѣ тѣлеснаго оживленія (Іов. 19, 25—26; Іезек. 37, 1—10) и ясно отличалось отъ личнаго безсмертія (Еккл. 12, 7). Отсюда апостолы должны были понимать подъ воскресеніемъ не что иное, какъ тѣлесное оживленіе, „тѣлесное воскресеніе“, отнюдь не смѣшивая его съ личнымъ безсмертіемъ (такое смѣ-

шеніе, какъ мы уже видѣли, было, по крайней мѣрѣ, совершенно невозможно по отношенію къ Христу, такъ какъ признаніе за Христомъ только безсмертія, этого общаго достоянія людей, никогда не могло-бы дать основанія для тѣхъ взглядовъ на лицо Христа, какіе выводятся изъ вѣскресенія). Но 1) какъ могли апостолы прійти къ мысли о тѣлесномъ вѣскресеніи Христа, если они понимали явленіе Христа, какъ явленія Его духа? Мы видѣли, что по тогдашнимъ вѣрованіямъ явленіе духа вовсе не признавалось за тѣлесное вѣскресеніе. И 2) какъ могли они мысль о тѣлесномъ вѣскресеніи Христа не только сдѣлать искреннѣйшимъ убѣжденіемъ своимъ, но и проповѣдывать во всеуслышаніе другимъ, если на самомъ дѣлѣ тѣло Христа оставалось во гробѣ? Быть не можетъ, чтобы они, при повторявшихся явленіяхъ Христа, не поинтересовались судьбою его гроба; а если такъ, то они должны были знать дѣйствительную судьбу тѣла Христова и, если оно оставалось во гробѣ, никогда не заводить рѣчи о Его вѣскресеніи. Но если-бы даже сами апостолы не сдѣлали этого, то враги ихъ не преминули-бы воспользоваться уликой на-лицо: вмѣсто голословнаго запрещенія проповѣдывать о вѣскресеніи Христа (Дѣян. 4, 17—18; 5, 40) имъ было-бы удобнѣе и цѣлесообразнѣе фактически обличить апостоловъ во лжи, показавъ имъ мертвое тѣло мнимо-вѣскреснаго. Если прибавимъ къ этому, что мы ни на одну минуту не можемъ допустить мысли о намѣренномъ обманѣ со стороны апостоловъ или старой іудейской клеветы о похищеніи ими тѣла Христова, то должны признать, что проповѣдь апостоловъ о вѣскресеніи Христа служить однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ доказательствъ дѣйствительности Его тѣлеснаго вѣскресенія, а вмѣстѣ и дѣйствительности Его явленій апостоламъ въ вѣскресшемъ, „прославленномъ“ тѣлѣ.

Изъ всего сказаннаго ясно само собою, что хотя мы вполне согласны съ Фихте въ признаніи объективности видѣній Христа, но не можемъ согласиться съ нимъ въ самомъ опредѣленіи объективной причины этихъ видѣній. Такою объективною причиною мы признаемъ не „воздѣйствіе изъ сверхъ-естественнаго міра“ или частіе, дѣйствіе духа Христова на духъ учениковъ,

а дѣйствительное явленіе воскресшаго Христа въ „прославленномъ“ тѣлѣ. Кажется, Фихте хотѣлъ замѣнить понятіе „прославленнаго“ тѣла своимъ понятіемъ „внутренняго“ тѣла. Но его „внутреннее“ тѣло по существу своему не имѣетъ ничего общаго съ земною тѣлесностью; поэтому отождествленіе его съ прославленнымъ тѣломъ прямо противорѣчило бы ученію объ этомъ послѣднемъ ап. Павла, которое мы имѣли уже случай разсмотрѣть и которое, конечно, основано на аналогіи съ прославленнымъ тѣломъ воскресшаго Христа. Послѣ этого воплѣтъ понятно и то, что воскресеніе Христа мы не можемъ признать состояніемъ нормальнымъ, состоящимъ подъ уровнемъ общихъ естественныхъ законовъ. Напротивъ, мы признаемъ его, какъ самовоскрешеніе Христа, не только событіемъ чудеснымъ, но и выходящимъ совершенно изъ ряда всѣхъ другихъ чудесныхъ событій,—признаемъ единственнымъ въ своемъ родѣ, безпримѣрнымъ чудомъ. Если, наконецъ, обратимся къ тѣмъ соображеніямъ, какія высказываетъ Фихте, относительно прекращенія явленій Христа, то и они далеко не такъ вѣрны, чтобы благопріятствовать взглядамъ Фихте. Доказывая, что видѣнія Христа имѣли обыкновенную причину, Фихте въ тоже время ставитъ ихъ въ зависимость и отъ причины субъективной—экстатическаго состоянія учениковъ послѣ насильственной смерти Учителя. Это состояніе, по мнѣнію Фихте, съ теченіемъ времени должно было прекратиться; вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и явленія Христа, каковое обстоятельство было понято, какъ вшествіе Его въ высшій міръ, какъ вознесеніе. Было-ли дѣйствительно состояніе учениковъ послѣ смерти Христа экстатическимъ, или не было таковымъ, мы не знаемъ. Явленія воскресшихъ въ это время святыхъ (Мѡ. 27, 52 - 53), на которыя ссылается здѣсь Фихте, какъ на доказательство экстатическаго состоянія учениковъ, ничего, собственно, не доказываютъ, но что экстатическое состояніе учениковъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его здѣсь Фихте, т. е. какъ состояніе, обусловливавшее для нихъ возможность непосредственныхъ воспріятій изъ сверхчувственнаго міра,—что такое состояніе имѣло мѣсто послѣ вознесенія Христа, на это мы имѣемъ прямыхъ доказательства въ апокалипсисѣ Іоанновомъ (особенно 1, 10;

4, 2 и т. п.), въ видѣнiяхъ Павловыхъ (2 Кор. 12, 1—10) и въ многочисленныхъ свидѣтельствахъ книги Дѣяній (9, 10—16; 10, 10—16, 22, 17 и мн. др.). Отсюда ясно, что прекращенiе видѣнiй Христа не зависѣло отъ прекращенiя экстатического состоянiя учениковъ; а это даетъ основанiе заключать, что видѣнiя Христа не стояли въ зависимости отъ экстатического состоянiя учениковъ и по самому своему началу и продолженiю. *) Съ нашей точки зрѣнiя этимъ видѣнiямъ положило конецъ совершившееся въ сороковой день послѣ воскресенiя событiе вознесенiя, которымъ вообще окончилось тѣлесное присутствiе Господа на землѣ. Съ точки же зрѣнiя Фихте они должны бы еще повторяться долгое время, такъ какъ въ дѣйствительности имѣли еще мѣсто и дѣйствiе духа Христова на духъ учениковъ, и экстатическое состоянiе послѣднихъ. Понимаемое въ смыслѣ Фихте вознесенiе Христа могло бы быть отнесено развѣ только къ концу апостольскаго вѣка. Какой оборотъ получила бы въ такомъ случаѣ исторiя христіанства, предоставляемъ судить самому Фихте.

А. Дружининъ.

*) Ограничиваемся только этимъ замѣчанiемъ по поводу собственно психологическихъ разъясненiй Фихте, не вдаваясь въ критическую оцѣнку его теорiи видѣнiй самой по себѣ. Уже изъ этого, равно какъ и изъ предъидущаго, неприложимость этой теорiи къ событiямъ воскресенiя и явленiй Христа очевидна. Критическія же замѣчанiя по поводу самой теорiи видѣнiй и въ частности—понятiя „внутренняго тѣла“ можно видѣть въ вышеуказанной статьѣ Гусева (Тр. К. Д. Акад. 1874, 1 стр. 36 и сл. 156 и сл.)

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

III.

Вопросъ о бытіи идей отдѣльно отъ вещей.—Ученіе Аристотеля о сущности вещей.—Идеи не отдѣльны отъ вещей.—Общее не есть сущность.—Сущность есть видъ или форма.—Матерія и форма или родъ и видовой разность.—Возможное и дѣйствительное.—Понятіе Аристотеля о цѣлесообразности.—Высочайшая цѣль, или Божество какъ разумъ, самъ себя мыслящій.—Идеализмъ и реализмъ въ философіи Аристотеля.—Сравненіе философіи Аристотеля съ философіею Платона.—Реализмъ въ стоической философіи.—Происхожденіе стоическаго реализма.—Связь стоическаго реализма съ философіею Аристотеля.—Ученіе стоиковъ о Божествѣ и цѣлесообразной его дѣятельности.—Вліяніе Платона на стоическую философію.

Выше было показано, что по Платону умъ нашъ, обозрѣвая вещи, распредѣляетъ ихъ по родамъ и видамъ, восходя отъ менѣе общаго къ болѣе общему, и, наоборотъ,—постепенно переходя, такимъ образомъ, отъ единства къ неопредѣленному множеству, и отъ множества къ единству. Основаніе-же такого отношенія нашего разума къ вещамъ познаваемымъ Платонъ полагалъ въ томъ, что вещи образованы по идеямъ, причемъ самыя идеи онъ разсматривалъ какъ сущности, которыя сами по себѣ существуютъ. Такимъ образомъ, вопросъ о сущемъ все болѣе усложнялся. Элеаты учили, что сущее едино; атомисты утверждали, что сущее множественно. Платонъ далѣе училъ, что множество и единство—это различныя опредѣленія, или стороны въ бытіи вещей, что во всемъ есть и множество и единство, а потому должны быть и начала, служащія основаніемъ единства и множества; начала эти суть: съ одной сто-

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 13.

ропы—вещество, а съ другой—идеи. Чрезъ идеи вещи объединяются, ибо идея отображается въ томъ, что есть сходнаго, общаго во множествѣ отдѣльныхъ вещей; вещество-же, будучи неопредѣленнымъ, измѣнимымъ, производитъ неопредѣленное множество, по своей идеѣ, сходныхъ между собою вещей, и потому есть начало множества или неограниченное. ¹⁾ Теперь самъ собою возникалъ вопросъ, какимъ-же образомъ идеи существуютъ рядомъ съ вещами, которыя посредствомъ идей объединяются для познающаго ихъ разума? Выше мы видѣли, что, по Анаксагору, умъ самъ по себѣ недѣлимъ, хотя онъ и есть начало раздѣляющее. А какъ недѣлимость тоже, что и неразличимость, то слѣдовательно не должно быть также въ умѣ никакихъ различій; между тѣмъ ясно, что одна идея не то, что другая. Вотъ почему Платонъ не могъ признать, что идеи существуютъ въ умѣ хотя-бы божественномъ, что онъ не что иное, какъ мысли божественнаго ума; идеи созерцаются божественнымъ умомъ, слѣдовательно суть объекты, отдѣльно отъ него существующіе. Далѣе, идей существуетъ множество, а какъ сказано выше, гдѣ множество, тамъ должна быть и матерія, которая есть начало множества. Вотъ какимъ образомъ Платонъ (о чемъ свидѣтельствуетъ Аристотель) пришелъ къ странному, и даже непонятному на первый взглядъ, предположенію, что матерія должна быть также и въ мірѣ идей, по что матерія эта въ отличіе отъ чувственной должна быть неизмѣняемою, какъ неизмѣняемы самыя идеи. ²⁾ Итакъ Аристотель былъ правъ, когда противъ Платонова ученія объ идеяхъ возражалъ, что идеи—это тѣ-же вещи, только увѣковѣченные, что вся доктри-

¹⁾ Матерія есть то, изъ чего все происходитъ и въ чемъ отражаются подобія идей. Въ этомъ смыслѣ Платонъ называетъ матерію воспріимницею и какъ бы питательницею всякаго порожденія: *πάσης εἶναι γενέσεως ὑποδοχὴν αὐτῇ, οὐκ τιδὴν*. Тим. 49 а.

²⁾ Аристотель говоритъ, что, по Платону, неограниченное (которое онъ опредѣлялъ какъ большое и малое, *μέγα καὶ μικρόν*, ибо и увеличиваться можетъ безъ конца, и уменьшаться) есть какъ въ чувственныхъ вещахъ, такъ и въ идеяхъ, и только потому неограниченное или матерія есть въ чувственномъ мірѣ, что первоначально она содержится въ идеяхъ. Мстаф. 1, 6, 988 b. Такъ какъ въ діалогахъ Платона нигдѣ прямо это не утверждается, то полагаютъ, что Аристотель имѣлъ въ виду ученіе Платона объ идеяхъ, въ позднѣйшемъ его фазисѣ, какъ оно сдѣлалось ему извѣстнымъ въ изустномъ, а не письменномъ изложеніи.

на Платона объ идеяхъ—это бесполезное и безцѣльное удвоение вещей. Ясно, что необходимо было снова подвергнуть дальнѣйшему тщательному изслѣдованію тотъ-же вопросъ о сущности, которымъ занимались и всѣ прежніе философы. И вотъ какъ этотъ вопросъ изслѣдуется у *Аристотеля*.

Давно уже изслѣдуемый вопросъ, говоритъ Аристотель, что есть сущее, собственно можно выразить такъ: что нужно признать самостоятельно существующимъ (οὐσία)? ¹⁾ Платонъ, какъ мы видѣли, дѣйствительность познаваемую разсматривалъ въ связи съ самымъ познаніемъ, такъ какъ разумъ, по Платону, есть такое движущее начало, которое равномерно проявляетъ свою образующую силу какъ въ дѣйствительности или сущемъ, такъ и въ познаніи этой дѣйствительности. Аристотель-же, при изслѣдованіи вопроса о сущемъ, не однѣ только формы познающей дѣятельности разума имѣетъ въ виду, разсматривая эти формы въ связи съ бытіемъ, которое чрезъ нихъ познается (хотя у него сравнительно съ Платономъ рѣшительнѣе разграничиваются субъективныя формы отъ объективной дѣйствительности), но притомъ онъ беретъ также во вниманіе и словесныя формы выраженія мысли по причинѣ тѣсной связи мысли и слова. Потому-то онъ указываетъ прежде всего на то, какъ именно мы высказываемъ понятіе о сущемъ. Сущность, говоритъ онъ, прежде всего есть *подлежащее* (ὑποκείμενον) ²⁾, именно то, о чемъ мы высказываемъ нѣчто (κατηγορούμενον); но подлежащимъ признается либо матерія (ὕλη) или форма (μορφή), или, наконецъ, состоящее изъ матеріи и формы (σύνολον), напр.

¹⁾ Καὶ ὅτῃ καὶ τὸ πάλαι τε καὶ νῦν καὶ ἀεὶ ζητούμενον καὶ ἀεὶ ἀπορούμενον, τί τὸ ὄν, τοῦτό ἐστι τίς ἡ οὐσία. Метаф. VII, 1, 1028 b. Арист. различаетъ πρῶται οὐσίαι и δευτεραί οὐσίαι. Первые сущности—это отдѣльно существующіе предметы (что разумѣется подъ названіемъ *субъекта*); вторыя сущности суть роды и виды, родовыя и видовыя формы,—что впоследствии разумѣлось подъ названіемъ *essentia* (вѣотлпчіе отъ *existentia*)

²⁾ Метаф. VII, 3. 1029 a. Выраженіе это у Аристотели означаетъ и субъектъ и субстратъ. Хотя названія *субъектъ* и *субстратъ* выражаютъ сходныя понятія, тѣмъ не менѣе субстратъ есть подлежащее въ значеніи объективномъ, именно въ значеніи основы самаго существованія; въ этомъ смыслѣ матерія есть субстратъ; субъектъ-же есть подлежащее въ смыслѣ предмета, о которомъ нѣчто высказывается,—слѣд. есть подлежащее высказыванію, опредѣленію, хотя впоследствии названіе это получило еще иное значеніе.

мѣдъ—вещество, наружный видъ (*σχῆμα τῆς ἰδέας*)—форма, а статуя есть состоящее изъ обоихъ. ¹⁾ Такимъ образомъ, если признать сущимъ подлежащее, то въ этомъ смыслѣ и матерія есть сущее, ибо матерія (какъ субстратъ) есть то, о чемъ все прочее высказывается (какъ-то: качество, количество, мѣсто, время, дѣйствіе, страданіе и проч. категоріи), сама-же она ни о чемъ не высказывается. Но отнимите отъ матеріи ширину, высоту, длину, останется лишь то, что ими ограничивается, а само по себѣ неограниченное, слѣдовательно неопредѣленное; это и есть вещество; вещество не есть кака-либо вещь, оно не есть ни количество, ни иное что-либо, чѣмъ опредѣляется сущее. Между тѣмъ сущимъ въ собственномъ смыслѣ должно признать то, что можетъ быть *опредѣлено*. Опредѣленіе (*ὅρος, ὀρίσμος*)—вотъ та форма, въ которой мы выражаемъ познаніе сущаго. Ибо на вопросъ, что такое эта вещь (*τί ἐστὶ*) мы отвѣчаемъ опредѣленіемъ ея сущности. Опредѣленіе есть выраженное въ словахъ понятіе (*τὸ τί ἦν εἶναι*), слѣдовательно тоже, что у Платона называется идеею. А потому вопросъ теперь въ томъ, есть-ли понятіе тоже, что и самая вещь, познаваемая чрезъ понятіе, или иное что? Предположимъ, что *дѣйствительно доброе* и *доброе по понятію* (*αὐτὸ τὸ ἀγαθὸν καὶ τὸ ἀγαθὸν εἶναι*) не одно и тоже; равно дѣйствительно животное не тоже, что животное по понятію, и дѣйствительно сущее отъ понятія сущаго отлочно (т. е. сущее, данное въ дѣйствительности, не тоже, что сущее, познаваемое умомъ, какъ это полагалъ Платонъ, раздѣлявшій идеи отъ вещей, хотя вещи познаются чрезъ идеи), тогда необходимо допустить, что кромѣ названныхъ есть еще иныя подобныя имъ сущности (ибо если идея существуетъ отдѣльно отъ вещей подобныхъ ей, въ такомъ случаѣ должна быть еще иная такая-же идея, которою первая идея объединялась-бы (обобщалась) съ соотвѣстственными ей вещами.) При раздѣленности понятія и существованія, первое было-бы не существующимъ, а послѣднее—непознаваемо, такъ какъ позна-

¹⁾ *Μάλιστα δοκεῖ εἶναι οὐσία τὸ ὑποκειμενον πρῶτον. τοιοῦτον δὲ τρόπον μὲν τίνα ἢ ὅλη λέγεται, ἄλλον δὲ τρόπον ἢ μορφή, τρίτον δὲ τὸ ἐκ τούτων.*

ніе возможно только чрезъ понятіе: раздѣленностію-же, говорить Аристотель, я называю то, если ни идеѣ блага не принадлежитъ дѣйствительность блага, ни дѣйствительному благу не присуща идея блага. ¹⁾ Итакъ необходимо признать, что прекрасное (т. е. идея прекраснаго) и бытіе прекраснаго, доброе и дѣйствительность добраго, тождественны. Идея Платона это есть общее, т. е. то, что высказывается о цѣломъ (*καθόλου*), а не объ отдѣльной части, причемъ за цѣлое принимается весь родъ (*γένος*). Но сущность въ собственномъ смыслѣ (*πρῶτη οὐσία*) есть то, что принадлежитъ именно этой вещи и не принадлежитъ другой (*ἴδιος ἐκχάτω*); общее-же есть то, что многomu принадлежитъ. Такъ какъ общее высказывается о многомъ, то оно и не есть сущность въ собственномъ смыслѣ. Ибо иначе въ одномъ сущемъ было-бы уже не одно сущее, т. е. и общее было-бы сущимъ, и само это существо, въ которомъ общее существуетъ, также было-бы сущимъ. Такъ Сократъ есть существо (отдѣльное), но онъ есть также человѣкъ, слѣдовательно человѣкъ въ немъ—это было-бы другое существо, и животное въ немъ опять было-бы иное существо. Ясно, что ничто общее не есть сущность и высказываемое общее объ извѣстномъ предметѣ не есть это самое существо, а только подобное ему. ²⁾ Невозможно, чтобы одно существо состояло изъ нѣсколькихъ существъ; ибо что въ дѣйствительности есть двое, о томъ уже нельзя сказать, что это одно, а не двое, или наоборотъ; и Демокритъ правъ, когда говорить, что изъ двухъ не можетъ быть одного, и изъ одного—двухъ ³⁾.

¹⁾ Εἰ μὴτε τῇ ἀγαθῇ αὐτῇ ὑπάρχει τὸ εἶναι ἀγαθὴν, μὴτε τοῦτω το εἶναι ἀγαθόν. Метаф. VII, 6, 1031, b. Къ этимъ словамъ Аристотеля Ивгелеръ въ своемъ комментарий къ метафизикѣ Аристотеля дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: Τὸ ἀγαθὸν εἶναι bezeichnet das seiende, empirische, wirkliche Gute, das Dasein des Guten: τὸ ἀγαθὴν εἶναι das (begriffliche) Wesen des Guten. Met. d. Arist. 4 Bd. 70.

²⁾ Φανερόν, ὅτι οὐδὲν τῶν καθόλου ὑπαρχόντων οὐσία ἐστὶ, καὶ ὅτι οὐδὲν σημαίνει τῶν κοινῇ κατηγορουμένων τὸδε τί, ἀλλὰ τοιοῦδε. Метаф. VII, 14, 1039 a.

³⁾ Одно и тоже, говорить еще Аристотель, не можетъ находиться во многихъ мѣстахъ, а общее напротивъ находится вмѣстѣ во многихъ мѣстахъ; отсюда ясно, что никакое общее возлѣ и отдѣльно отъ единичнаго не существуетъ. Метаф. VII, 16. 1040 b. Общее существуетъ въ отдѣльномъ не какъ сущность, а какъ принадлежащее сущности.

Выше сказано, что дѣйствительное существо не отдѣлимо отъ того, что оно есть по своему понятію, слѣдовательно въ понятіи мыслимое и есть сущность существа. Однакоже теперь мы видимъ, что общее не есть сущность, а въ понятіи развѣ не заключается общее? По Аристотелю понятіе означаетъ не-общее, а то, что составляетъ отличительную особенность, видовое различіе вещи; понятіе вещи выражаетъ ея видъ (*εἶδος*), общее же не видъ, а родъ; а такъ какъ матерія, будучи неопредѣленною, не есть сущность и тоже самое сейчасъ сказано объ общемъ, то матерія, общее и родъ,—это выраженія однозначущія ¹⁾. Матерія несомнѣнно есть *общее* основаніе (субстратъ) всего, но родъ также имѣетъ общее значеніе и служитъ матеріаломъ, изъ котораго образуется опредѣленная вещь, когда присоединяется къ нему видовая разность (потому-то для опредѣленія вещи мы беремъ ея родовые и видовые признаки). Однакожъ, хотя матерія и не есть сущность, тѣмъ не менѣе она не отдѣлима отъ сущности (что также должно сказать объ общемъ, т. е. о родѣ въ отношеніи къ видовымъ различіямъ): отличительная особенность вещи, или, что тоже, ея видовая разность, очевидно, есть форма вещи, а въ началѣ было сказано, что каждая вещь, какъ цѣлое, состоитъ изъ формы и матеріи. Ясно теперь, что общее, или, что тоже, родъ такъ относится къ видовой разности, какъ матерія къ формѣ. Форма—сущность въ собственномъ смыслѣ, матерія же сущность въ смыслѣ второстепенномъ, именно она есть принадлежащее сущности; она лишь нераздѣльна съ сущностію. Какъ же возможно, что и матерія есть сущность и форма, — какимъ образомъ сущностію можетъ быть цѣлое, состоящее изъ формы и матеріи? Единство — необходимый признакъ сущности; сущность едина и нераздѣльна, тогда какъ цѣлое, состоящее изъ формы и матеріи — не единое, а сложное существо. Дѣло въ томъ, что и въ матеріи и въ формѣ обнаруживается одна нераздѣльная сущ-

1) Вотъ почему Аристотель объ идеяхъ Платона такъ высказывается: идеи Платона не сущности; онѣ не дѣйствительно, а только въ возможности существуютъ, ибо идеи суть *γέννη*, а *γέννη* тоже что *ὕλη*. Метаф. VIII, 1, 1042 a (*τῷ δὲ καθόλου καὶ τῷ γένει καὶ αἱ ἰδέαι συνάπτουσιν*) См. также *ibid* IX, 8, 1050, b. XII, 6, 1071. b.

пость, но только различными образомъ,—именно: матерія или вещество есть сущность *въ возможности* (*δυνάμει ὄν*); форма же есть сущность *въ действительности* или, иначе, въ дѣятельномъ ея состояніи (*ἐν ἐργείᾳ ὄν*); а потому форма представляетъ, какъ дѣйствительное, то самое, что въ матеріи дано только какъ возможное, или, иначе, къ чему возможность представляетъ собою матерія. Отсюда ясно далѣе, что не собственно цѣлое, состоящее изъ формы и матеріи, есть сущность, а то, что проявляется въ матеріи и формѣ, тотъ дѣятельный, *формирующий* принципъ, который, будучи связанъ съ матеріею, не всегда бываетъ дѣятельнымъ, но остается иногда въ состояніи пассивномъ, въ состояніи простой возможности; когда же преодолеваетъ коспость матеріи, то является въ дѣйствіи, такъ что бытіе сущности состоитъ въ постоянномъ переходѣ отъ возможности къ дѣйствительности, или, что тоже, въ постепенномъ осуществленіи возможности,—переходъ этотъ есть движеніе (*κίνησις*) или перемѣна (*μεταβολή*), такъ что движеніе должно различать отъ энергіи или дѣятельнаго состоянія сущности. Движеніе собственно относится къ матеріи; сама по себѣ форма неподвижна, т. е. неизмѣняема; измѣняема только матерія, такъ что форма въ матеріи существуетъ какъ неизмѣнное въ измѣняемомъ. Такъ какъ движеніе есть перемѣна въ матеріи, то и цѣль движенія заключается не въ немъ самомъ, а внѣ; цѣль движенія состоитъ въ наиболѣе полномъ и свободномъ обнаруженіи сущности; отсюда видно, что сущность есть и движущая (формирующая матерію) и вмѣстѣ конечная причина; отъ нея исходитъ движеніе и къ ней же направляется. Движеніе не что иное, какъ перемѣна, производимая дѣйствіемъ сущности въ матеріи и направленная къ наиболѣе полному и по возможности совершенному обнаруженію сущности.

Итакъ мы видимъ теперь, что понятіе о цѣли у Аристотеля является въ значительной степени инымъ сравнительно съ тѣмъ же понятіемъ у Платона. Мы видѣли, что Платонъ полагалъ цѣли для всего частнаго въ общемъ; при чемъ общее онъ хотя и представлялъ какъ начало, объединяющее въ себѣ частное, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ раздѣльность того и другаго, такъ что частное, съ точки зрѣнія Платона, яв-

ляется лишь внѣшнимъ образомъ подчиненнымъ общему. По Аристотелю общее не есть сама сущность, а только принадлежащее сущности; общее есть матерія, простая возможность того, что въ самой сущности представляется какъ дѣйствительное, по мѣрѣ обнаруженія ея въ матеріи. Поэтому и цѣль, по Аристотелю, не въ общемъ заключается, а въ частномъ, именно въ видовомъ различіи вещи, въ томъ, чѣмъ она различается отъ другихъ однородныхъ съ нею вещей. И притомъ, что въ особенности важно, такъ какъ цѣль всѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергается извѣстное существо, или какая-либо вещь, состоитъ въ обнаруженіи сущности этой вещи и этого существа со всѣми отличительными свойствами, а сущность вещи это не что-либо отдѣльное отъ нея, но начало дѣйствующее въ ней самой, то и цѣлесообразность понимается у Аристотеля не въ смыслѣ внѣшняго подчиненія отдѣльнаго общему, а въ смыслѣ сообразности отдѣльнаго съ собственною его природою, и осуществленіе цѣли, по Аристотелю, есть процессъ, совершаемый собственною, внутренне-присущею каждому отдѣльному существу, силою. Не внѣшнею причиною опредѣляется цѣль каждой вещи, но собственною ея изнутри дѣйствующею природою ¹⁾. Цѣль каждой вещи заключается въ ней самой, именно въ возможно полномъ обнаруженіи ея существа, или, что тоже, въ осуществленіи формы въ матеріи, съ которою эта форма связана. Такъ какъ однако существую-

¹⁾ Такъ какъ цѣль есть конецъ процесса, а между тѣмъ ею условливается и самый процессъ происхожденія (ἡ γένεσις ἔνεκα τῆς οὐσίας ἐστίν, ἀλλ' οὐχ ἡ οὐσία ἔνεκα τῆς γένεσεως), то въ этомъ смыслѣ Аристотель говоритъ, что предшествующее по сущности, т. е. по достоинству, въ порядкѣ происхожденія, является позже (τὸ τῇ γένεσει ὑστερον τῇ οὐσίᾳ πρότερον). Такъ государство есть цѣлое, а семья или община—часть, но семья и община по происхожденію предшествуютъ государству; тѣло образуется ранѣе появленія въ тѣлѣ души, а въ душѣ назшии силы во времени своего проявленія предшествуютъ высшимъ. Метаф. V, Н. Понятіе Аристотеля о цѣли особенно ясно выражено въ слѣдующихъ словахъ: τὸ γὰρ ἔργον τέλος, ἡ δὲ ἐνέργεια τὸ ἔργον. διὸ καὶ τοῦτοια ἐνέργεια λέγεται κατὰ τὸ ἔργον, καὶ συντείνει πρὸς τὴν ἐντελέχειαν х. т. л. Метаф. IX, 8, 1050 а. Изъ того, что Аристотель сходство дѣтей съ родителями считалъ столь важнымъ, что несходство представляется ему какъ бы чудомъ,—*ἰκνέμ* (Die Methode der Aristotelischen Forschung 80) неправильно заключаетъ, будто Аристотель въ этомъ случаѣ индивидуальныя черты считаетъ

щія въ мірѣ формы представляютъ рядъ восходящихъ степеней одной жизни, при чемъ каждая низшая степень по отношенію къ высшей есть только возможное, что въ этой высшей ступени становится дѣйствительнымъ; а потому, при относительной самостоятельности каждаго существа, вмѣстѣ съ тѣмъ познее такъ относится къ высшему, какъ средство къ цѣли, такъ что должна быть и цѣль высочайшая, цѣль общая для всего существующаго. Такою цѣлью можетъ быть лишь существо, уже не состоящее изъ формы и матеріи, т. е. существо, которое было бы чистою формою, слѣдовательно, существо духовное, непрерывно-дѣятельное, которое никогда не испытываетъ никакого утомленія, ибо ничто не препятствуетъ свободному обнаруженію его дѣятельности; дѣятельность же эта имѣетъ свою цѣль въ самой себѣ, т. е. направлена на самое это существо и потому состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ самопознаніи. Существо это, очевидно, есть высочайшій разумъ, самъ себя мыслящій, т. е. Божество. Божеству не свойственна ни практическая, ни творчески-художественная дѣятельность; такъ какъ дѣятельность его не привязана къ матеріи, то она есть исключительно теоретическая.

Уже изъ представленнаго очерка философіи Аристотеля видно, что въ этой философіи идеализмъ значительно сближается съ реализмомъ. То и другое направленіе представляются здѣсь соединенными и примиренными между собою. Аристотель въ своей философіи является столь же глубокимъ мыслителемъ, сколько тонкимъ и проницательнымъ наблюдателемъ, не только существенно важными, слѣдовательно имѣющими отношеніе къ цѣли, между тѣмъ какъ вообще Аристотель признавалъ не индивидуальныя черты, а видовыя формы соотносящими понятію цѣли. И въ означенномъ случаѣ Аристотель разумѣетъ не индивидуальныя черты, а видовой типъ, представляющій отличительныя черты цѣлаго поколѣнія; наследующа въ самомъ дѣлѣ не индивидуальныя черты, а видовой типъ. Аристотель говоритъ: *ἀεὶ ἰσχύει πρὸς τὴν γένεσιν μᾶλλον τὸ ἴδιον καὶ τὸ καθ' ἑκάστων*, — при этомъ хотя онъ прямо замѣчаетъ, что сказываемое объ отдѣльномъ (τὸ καθ' ἑκάστων) у него означаетъ отдѣльное лицо, какъ Корискъ, Сократъ; но самая форма выраженія показываетъ, что не само отдѣльное разумѣется здѣсь, а высказываемое объ немъ, именно ближайшіе къ отдѣльному видовые признаки. См. примѣчаніе Шлегера къ VII к. Метаф. гл. 6, 1, 6 стр. 67, 68; ср. Діогенъ Лаэрт. II, 61. Для обозначенія индивидуальныхъ свойствъ Аристотель обыкновенно употребляетъ выраженіе *συμβεβηχός*. Шлегель, 4 кн. 193 кн. 233.

ко философъ, но и первостепеннымъ ученымъ. Умозрѣніе опъ связываетъ съ опытнымъ знаніемъ ¹⁾. Разумъ познаетъ общее, чувственное же наблюдение соприкасается всегда съ единичнымъ и случайнымъ. *Общее* есть единое, *отдѣльное* — множественно; средняя же область, въ которой то и другое соединяется, есть *частное*, т. е. видовыя формы, ибо видъ съ одной стороны соприкасается съ наиболѣе общимъ, именно съ родомъ, съ другой же стороны примыкаетъ къ отдѣльнымъ случаямъ, къ явленіямъ единичнымъ, частѣйшимъ, и потому соединяетъ въ себѣ общность родовую съ опредѣленностью отдѣльнаго. На сторонѣ просто общаго необходимость, но недостаѣтъ опредѣленности; на сторонѣ отдѣльныхъ случаевъ опредѣленность, но недостаѣтъ необходимости (ибо все единичное по существованію своему случайно). Средняя же область видовыхъ формъ, спеціальныхъ различій или особенностей общее соединяетъ въ себѣ съ опредѣленнымъ. Здѣсь именно, въ средней области, слѣдуетъ видѣть бытіе наиболѣе совершенное; и точно — видовая форма это сама сущность, сущность по преимуществу, между тѣмъ какъ соединенное съ этою формою, принадлежащее ей, есть не самая сущность, а только *существенное*. Вотъ почему въ осуществленіи видовой опредѣленности или формы заключается цѣль всякаго натурального процесса. Генезисъ всякаго живаго существа начинается съ наиболѣе общаго и затѣмъ постепенно спеціализуется, пока не получитъ своего опредѣленнаго вполнѣ сформировавшагося вида ²⁾, затѣмъ всякія отклоненія отъ нормы, все случайное, несогласное съ видовымъ типомъ, есть только послѣдствіе несовершеннаго

¹⁾ Наблюдение Аристотель признавалъ столь же важнымъ для пріобрѣтенія познанія, какъ и самый умъ. Посему онъ не довольствовался, подобно Платону, лишь указаніемъ отдѣльныхъ примѣровъ въ видахъ разъясненія мысли, но методически собиралъ и приводилъ въ систему фактически слѣдствія. См. прекрасную характеристику метода Аристотелевскаго изслѣдованія въ соч. Die Methode d. Aristot. Forschung. Eucken, 1872.

²⁾ Не вѣдѣтъ образуется, говоритъ Аристотель, животное и человекъ, т. е. не разомъ являются общіе признаки животнаго и частные признаки человека въ процессѣ образованія послѣдняго, равно не вѣдѣтъ происходить животное и лошадь и тоже должно сказать о другихъ животныхъ. Цѣль всегда послѣ происходитъ, т. е. въ концѣ процесса, но отличительное, а не общее и есть именно цѣль процесса (τὸ διδιδον ἔστί τὸ ἐκαστου τῆς γενέσεως τέλος) De gener. anim. 736, b.

осуществленія этого типа, по принципѣ противодѣйствія этой цѣли со стороны матеріи, хотя, съ другой стороны, послѣдняя есть также содѣйствующая причина осуществленію цѣли, когда она не выступаетъ изъ подчиненнаго своего отношенія къ формѣ.

Платонъ, какъ мы видѣли, все общее, постигаемое чрезъ непосредственное умственное созерцаніе, рѣшительно раздѣлялъ отъ чувственнаго, т. е. отъ всего доступнаго чувствамъ, какъ особую область бытія, пребывающаго всегда неизмѣннымъ, по выраженію его, въ мѣстѣ мыслимомъ, — а потому и въ познаніи требовалъ отвлеченія мысли отъ чувственныхъ впечатлѣній, лишь разсѣвающихъ вниманіе и порождающихъ въ душѣ безпокойство и страсть; онъ требовалъ, чтобы мысль, по природѣ своей, ищущая сроднаго себѣ, вращалась единственно въ области идей, „отъ идей переходя къ идеямъ и чрезъ идеи“ ¹⁾. Наблюденіе важно только какъ исходный пунктъ, какъ возбуждатель дѣятельности мысли, а потому и значеніе опыта, съ точки зрѣнія Платоновой философіи, заключается единственно въ томъ, что онъ даетъ примѣры, способствующіе уясненію мысли. По Аристотелю, общее не существуетъ отдѣльно отъ частнаго; умопостигаемое онъ связываетъ съ наблюдаемымъ, духовное съ матеріальнымъ. Душа не отдѣлима отъ своего тѣла, ибо она есть форма тѣла. Только Божество чисто духовное, нематеріальное существо; равно и въ человѣкѣ лишь дѣятельный разумъ, способный непосредственно постигать истину ²⁾, не привязанъ къ тѣлу и потому есть начало безсмертное. Въмѣстѣ съ тѣмъ и въ познаніи Аристотель не довольствуется разсмотрѣніемъ общаго. Онъ требуетъ связывать общее съ частнымъ. Вотъ почему все познаваемое Аристотель дѣлитъ на спеціальныя области знанія, на отдѣльныя науки (чего нѣтъ у Платона), при чемъ въ каждой спеціальной области онъ требуетъ установленія началъ, принадлежащихъ именно этой области,

¹⁾ Респуб. 511 в. с. (...αἰσθητῶ παντάπασιν οὐδενὶ προσχρῶμενος, ἀλλ' εἰδέναι αὐτοῖς δι' αὐτῶν εἰς αὐτὰ, καὶ τελευτᾶ ἐν εἶδη.)

²⁾ Аристотель различалъ въ человѣкѣ двоякій умъ: дѣятельный и страдательный, соответственно различію познанія непосредственнаго, имѣющаго предметомъ своимъ самыя принципы, отъ познанія, опирающагося на этихъ принципахъ и потому зависимаго отъ перваго познанія.

сверхъ общихъ принциповъ, имѣющихъ силу по отношенію ко всему познаваемому,—полагая, что наибольшую доказательную силу имѣютъ основанія, ближайшія къ той совокупности предметовъ, которая подлежитъ изслѣдованію въ данной специальной области знанія. Однимъ словомъ, Платонъ имѣлъ въ виду установленіе общихъ принциповъ для всего познаваемого, и эту цѣль преслѣдовалъ въ своей философіи; Аристотель-же по преимуществу обращалъ вниманіе уже не на отысканіе принциповъ, а на приложеніе ихъ къ познанію и изъясненію вещей каждой специальной области изслѣдованія. Ибо все значеніе общаго, по Аристотелю, въ томъ заключается, что оно высказывается нами объ отдѣльныхъ предметахъ или цѣлой совокупности предметовъ. А такъ какъ всякое выраженное въ отношеніи къ частному общее положеніе, коль скоро оно обосновано на понятіи сущности предмета, его существенныхъ свойствъ, или, что тоже, выведено при *посредствѣ* этого понятія, есть *силлогизмъ*, то вотъ почему Аристотель смотрѣлъ на силлогизмъ, какъ на форму научнаго изложенія и требовалъ въ наукѣ силлогистическаго метода, какъ единственнаго способа къ доказательному (демонстративному) представленію добытыхъ наукою знаній.

Если въ философіи Аристотеля идеализмъ является, такъ сказать, въ равновѣсїи съ реализмомъ, то у стоиковъ, напротивъ, реализмъ замѣтно беретъ перевѣсъ надъ идеализмомъ. Аристотель признавалъ верховный разумъ, какъ движущую и конечную причину міра, началомъ невещественнымъ, духовнымъ, сверхчувственнымъ, да и самыя формы, по Аристотелю, хотя и существуютъ нераздѣльно съ матеріею, однако сами по себѣ, какъ силы дѣйствующія въ матеріи, не матеріальны, не вещественны. ¹⁾ Напротивъ стоики, различая во всемъ существующемъ два начала — дѣятельное и страдательное, не только послѣднее, но и первое признавали тѣлеснымъ, матеріальнымъ, на томъ основаніи, что только тѣлесное можетъ

¹⁾ См. конецъ 7-й кн. метаф., гдѣ Аристотель разъясняетъ, что сущность, которая даетъ форму матеріи, соединяя различныя матеріальныя элементы, сама не можетъ быть ни однимъ изъ этихъ элементовъ, ни ихъ совокупностію, ибо въ такомъ случаѣ оставалось бы необъяснимымъ соединеніе элементовъ въ одно цѣлое.

дѣйствовать на тѣлесное. Обыкновенно полагаютъ, что стоики, въ своей физикѣ, слѣдовали ученію Гераклита. Нѣкоторые при этомъ несомнѣнное сходство стоической физики съ ученіемъ Гераклита расширяютъ и простираютъ до того, что во всей физикѣ стоиковъ видятъ лишь простое повтореніе высказаннаго Гераклитомъ. ¹⁾ Допуская даже и это, все-же слѣдуетъ спросить: почему именно стоики остановились на Гераклитѣ, а не на другомъ какомъ либо философѣ, и когда-же мы видимъ это рабское воспроизведеніе философіи Гераклита? Послѣ Платона и Аристотеля. Пусть эпикурейцы возобновили атомистическую теорію Демокрита, но къ этому имѣлись у Эпикура практическія основанія, между тѣмъ какъ трудно объяснить изъ основаній практическихъ предпочтеніе, оказанное стоиками Гераклиту, такъ какъ нравоученіе стоиковъ мало имѣетъ связи съ ихъ физикою. Между тѣмъ, несомнѣнная зависимость стоической физики отъ Аристотелевой философіи обнаруживается уже въ томъ, что стоики, подобно Аристотелю, полагаютъ въ основу вещей два начала: дѣятельное и страдательное, матерію и форму. ²⁾ Они отступаютъ отъ Аристотеля лишь въ томъ, что и само по себѣ дѣятельное начало они признавали тѣлеснымъ, началомъ матеріальнымъ. ³⁾ Этимъ достигалось совершенно ясное и наглядное представленіе двухъ началъ—дѣятельнаго и страдательнаго,—представленіе одного отдѣльно отъ другаго, между тѣмъ какъ, по Аристотелю, форма не отдѣлима отъ матеріи. Но и эта особенность стоической физики, признаніе самой формы началомъ вещественнымъ, тѣлеснымъ, отъ котораго матерія различается лишь своею грубостію, плотностію, стоитъ въ связи съ философіею Аристотеля, такъ что физика стоиковъ имѣетъ свое основаніе въ фи-

¹⁾ См. Forschungen aus d. Gebiete d. alten Philosophie, Krische 1840 стр. 368 и д. 365.

²⁾ Δοκεῖ δ' αὐτοῖς ἀρχὰς εἶναι τῶν ὄλων δύο, τὸ ποιοῦν καὶ τὸ πάσχον. τὸ μὲν οὖν πάσχον εἶναι τὴν ἀποιον οὐσίαν τὴν ὅλην, τὸ δὲ ποιοῦν τὸν ἐν αὐτῇ λόγον τὸν θεόν. Діогенъ Лаэрт. VII, 134

³⁾ Πᾶν γὰρ τὸ ποιοῦν σῶμα ἐστί. Діог. Лаэрт. VII. 56.

Στωικοί... ὑπέθεντο ἀρχὴν μὲν θεόν τῶν πάντων, σῶμα ὄντα τὸ καθαρώτατον, διὰ πάντων δὲ δάσκειν τὴν πρόνοιαν αὐτοῦ. (Ипполитъ) Dogographi 571.

лософіи Аристотеля даже для того, въ чемъ она отступаетъ отъ этой философіи. Убѣдиться въ этомъ не трудно. По Аристотелю, какъ мы видѣли, форма нераздѣльно связана съ матеріею въ каждомъ живомъ существѣ. Но существуетъ извѣстная градація живыхъ существъ, опредѣляемая съ точки зрѣнія конечныхъ причинъ такимъ образомъ, что пребывающее въ низшемъ существѣ лишь въ состояніи возможности является дѣйствительнымъ въ существѣ высшемъ, такъ что въ каждомъ высшемъ существѣ достигается цѣль того натурального процесса, начало котораго заключено въ низшемъ существѣ; если же въ высшемъ заключается цѣль низшаго, то должна быть и послѣдняя высочайшая цѣль, — каковою цѣлью можетъ быть только такое существо, въ которомъ уже ничего нѣтъ въ состояніи простой возможности, т. е. незавершеннаго, незаконченнаго; ибо иначе слѣдовало бы допустить еще высшее существо; а такъ какъ матерія и есть возможное, то слѣд. конечную цѣлю міра можетъ быть только нематеріальное, духовное существо. Разсматривая ту-же постепенность живыхъ существъ съ точки зрѣнія причинъ движущихъ, приходимъ къ тому же выводу. Хотя каждое существо само въ себѣ имѣетъ движущую причину происходящихъ въ немъ перемѣнъ и направляющую эти перемѣны къ наиболѣе совершенному обустройству сущности этого существа, но для самаго соединенія формы и матеріи въ каждомъ существѣ, или, что то же, для происхожденія этого существа должна быть причина, лежащая внѣ его, — въ другомъ такомъ же существѣ. Каждое существо происходитъ отъ другаго равнаго себѣ, но это не первоначальное происхожденіе; по первоначальному же своему происхожденію низшія существа зависима отъ высшихъ: такъ растенія, животныя, включая и человѣка, за исключеніемъ бессмертнаго разума въ немъ, могли быть произведены только жизненнымъ принципомъ самой земли; возбудитель земной жизни заключается въ ближайшемъ къ землѣ небесномъ тѣлѣ, именпо въ солнцѣ, которое въ свою очередь зависимо отъ другихъ планетъ, а вмѣстѣ со всѣми планетами отъ сферы неподвижныхъ звѣздъ. Итакъ, разсматривая живыя существа не только со стороны конечныхъ причинъ ихъ су-

ществованія, но и со стороны причинъ движущихъ (которыя, впрочемъ, совпадаютъ съ конечными), мы видимъ необходимость признать бытіе перваго существа, а такое существо уже не можетъ быть состоящимъ изъ формы и матеріи, ибо ипаче не было бы первымъ, но предполагало бы другое высшее существо. ¹⁾ Если мы возьмемъ во вниманіе, что, по Аристотелю, матерія есть необходимое орудіе, чрезъ которое проявляетъ свою дѣятельность связанная съ нею форма, что именно каждая форма, лишь по мѣрѣ возможности, заключенной въ матеріи, съ которою она связана, проявляетъ себя, то трудно удержаться отъ мысли, что и верховное существо также проявляетъ свою дѣятельность ближайшимъ образомъ въ извѣстной матеріальной средѣ, т. е. должно быть существомъ тѣлеснымъ. И по Аристотелю, Божество есть движитель міра, а движущее предполагаетъ движимое, съ которымъ оно ближайшимъ образомъ соприкасается. Такъ какъ окружность міра состоитъ изъ эѳира,—тончайшаго матеріальнаго элемента, Божество же дѣйствуетъ непосредственно лишь на окружность міра, то отсюда само собою получалось то заключеніе, что эѳиръ, или, иначе, теплота, огонь—это и есть та матеріальная среда, въ которой непосредственнымъ образомъ открывается Божество. Божество, по ученію стоиковъ, есть міровизидательный огонь (πῦρ τεχνικόν), дыханіе (πνεῦμα), воздухъ, всюду проникающій, присущій всякой вещи, всему дающій бытіе и жизнь ²⁾. Но какъ разрѣшить трудность, на которую указалъ Аристотель, соединенную съ тѣмъ предположеніемъ, что и первая

¹⁾ Ученіе Аристотеля о Божествѣ и устройствѣ міра изложено въ XII кн. метаф. (см. особенно 7 гл.); о послѣднемъ кромѣ того въ сочин. *о небѣ*.

²⁾ Θεὸν δὲ εἶναι ζῶον ἀθάνατον, λογικόν, τέλειον ἢ νοερὸν ἐν εὐδαιμονίᾳ, κακῶς πάντος ἀνεπίδεκτον, προσηγορικὸν κόσμου τε καὶ τῶν ἐν κόσμῳ μὴ εἶναι μέντοι ἀνθρωπόμορφον. εἶναι δὲ τὸν μὲν δημιουργὸν τῶν ὅλων καὶ ὥσπερ πατέρα πάντων κοινῶς τε καὶ τὸ μέρος αὐτοῦ τὸ διῆχον διὰ πάντων, ὃ πολλαῖς, προσηγοραῖς προσονομάζεται κατὰ τὰς δυνάμεις. *Diog. Laert. VII. 147.* См. также *Cicero. de natura deor. I, 15.*

Οἱ Στωικοὶ νοερὸν θεὸν ἀποφαίνονται, πῦρ τεχνικόν, ὁδῶ βαδίζον ἐπὶ γένεσιν κόσμου, ἐμπεριεληφὸς πάντας τοὺς σπερματικούς λόγους, καθ' οὓς ἅπαντα καθ' εἰμαρμένην γίνεται καὶ πνευμαμέν' ἐνδιῆχον δι' ὅλου τοῦ κόσμου.. κ. т. л. *Doxographi 305—306.*

причина всего, а не только второстепенная, связана съ матеріею и дѣйствуетъ въ матеріальной средѣ,—трудность, состоящую въ томъ, что если первая причина такова, то она также должна быть происшедшею, и слѣдовательно не была бы первою, ибо происхожденіе вообще состоитъ въ соединеніи формы и матеріи, причина же такого соединенія всегда должна быть внѣ его. Стоики, согласно съ Аристотелемъ, также полагали, что всякое живое существо состоитъ изъ формы и матеріи и причина соединенія той и другой должна быть внѣ этого существа, но притомъ они утверждали, что раздѣленіе формы и матеріи является лишь въ ряду второстепенныхъ причинъ; первая-же причина есть вмѣстѣ и матерія и форма, и начало дѣйствующее, образующее собою міръ, и вмѣстѣ матеріаль, который входитъ въ составъ міра и всего въ немъ существующаго. Какъ матеріаль, изъ котораго все образуется, первая причина вещей есть *огонь*, путемъ послѣдовательныхъ превращеній рождающій изъ себя всѣ другія стихіи,—воздухъ воду и землю,—и снова обратнымъ процессомъ поглощающій ихъ въ себя. Какъ сила образующая, міровой огонь, или первая причина, есть *разумъ*, содержащій въ себѣ сѣмена всѣхъ вещей (*λόγος σπερματικός*), и дѣйствующій цѣлесообразно. Но какова эта цѣлесообразная дѣятельность міроваго огня?

Хотя, по Аристотелю, форма не отдѣлима отъ матеріи (за исключеніемъ Божества, которое есть чистая форма), и потому раздѣленіе ея отъ матеріи есть какъ бы фиктивное, т. е. мыслимое только, а не дѣйствительное, однако и такое разграниченіе формы отъ матеріи,—лишь по понятію, а не по дѣйствительному существованію,—имѣло весьма важное значеніе въ философіи Аристотеля. Только потому, что форма, по Аристотелю, хотя и существуетъ въ связи съ матеріею, однако же сама не матеріальна,—онъ рѣшительно разграничиваетъ два такихъ понятія, какъ движеніе или перемѣна, и дѣятельность. Прежде всякое дѣйствіе понимали обыкновенно какъ движеніе, перемѣну. Даже Платонъ, хотя вообще онъ изображаетъ идеи, какъ сущности неизмѣняемыя и неподвижныя, вынужденъ былъ однако признать, что идеямъ также должно быть свойственно движеніе, иначе онѣ были бы лишены всякой жиз-

ни ¹⁾. По Аристотелю же дѣятельность, энергія, тѣмъ различается отъ движенія, перемѣны, что цѣль дѣятельности всегда заключается въ ней самой, слѣдовательно, есть внутренняя, а не внѣшняя, и потому дѣятельность слѣдуетъ относить только къ формѣ; только начало формирующее можетъ быть дѣятельнымъ, перемѣна же или движеніе всегда есть принадлежность матеріи (хотя и производится въ ней формою); а потому и цѣль движенія для самаго движенія всегда есть внѣшняя, заключающаяся въ формѣ, а не въ матеріи, подверженной движенію, перемѣнѣ.

Коль скоро стоики признали и самую форму началомъ тѣлеснымъ, вещественнымъ, то для нихъ уже невозможно было, слѣдуя Аристотелю, различать дѣятельность отъ движенія. По Аристотелю, первая причина міра не только дѣятельна, по есть даже чистая дѣятельность, т. е. такая, которая не знаетъ утомленія и напряженія и никогда не прерывается, продолжаясь всегда съ равною свободою и силою, и однако вмѣстѣ съ тѣмъ она *неподвижна*, т. е. не подвержена никакой перемѣнѣ. По ученію же стоиковъ, первая причина сама подвергается непрерывно происходящимъ перемѣнамъ, превращаясь во все другое, и потому дѣятельность ея не отлична отъ движенія, по состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ именно въ непрерывно продолжающемся процессѣ измѣненія міроваго огня въ другіе матеріалы и обратно другихъ матеріаловъ—въ міровой огонь. А такъ какъ движеніе всегда имѣетъ цѣль свою внѣ себя, то отсюда и цѣлесообразность дѣятельности мірообразовательнаго разума, или разумнаго огня есть внѣшняя. Такимъ образомъ, слѣдуя Аристотелю, по нѣкоторымъ основнымъ своимъ понятіямъ, стоики въ то же время, по своему взгляду на цѣлесообразность въ мірѣ, оказываются послѣдователями не Аристотеля, а Платона.

Подобно Платону, стоики разумѣли цѣлесообразность въ смыслѣ внѣшняго подчиненія частнаго общему, и какъ наиболѣе общее есть міръ, то и цѣль всего заключается въ цѣлости, порядкѣ и единствѣ міра. Міръ, по ученію стоиковъ, есть живое существо, въ которомъ обитаетъ и дѣйствуетъ разумная душа. При этомъ, такъ какъ все существующее тѣ-

¹⁾ *Софистъ* 248 b.—249 a.

лесно, и слѣдовательно дѣлимо, то и въ мірѣ, при единствѣ его, должно быть различіе частей; въ немъ есть части господствующія и подчиненныя ¹⁾. Господствующая въ немъ часть есть эфиръ или огонь, составляющій окружность міра, гдѣ по преимуществу обитаетъ разумъ. Цѣль всего заключается въ томъ, что есть наилучшаго, а наилучшее—это есть міръ въ его цѣлости, т. е. порядокъ, существующій въ устройствѣ міра, подчиненность частей цѣлому, или же частнаго общему ²⁾. Порядокъ этотъ стоики называли *πρωτεύμεναι*, на томъ основаніи, что имъ условливается и обезпечивается благосостояніе всѣхъ существъ, населяющихъ міръ; по этотъ же порядокъ назывался еще *судьбою*, ибо, по понятіямъ стоиковъ, онъ есть необходимость, съ непреодолимою силою господствующая надъ всѣмъ частнымъ, отдѣльнымъ.

Добровольное и сознательное подчиненіе относительно этой необходимости, подчиненіе, основанное на познаніи природы,—такъ-ва цѣль жизни человѣческой; назначеніе человѣка, его благо и добродѣтель заключаются въ томъ, чтобы вести жизнь, сообразную съ природою ³⁾. На мѣсто государства, какъ такого цѣлаго, въ которомъ должны объединяться и согласоваться дѣйствія и стремленія отдѣльныхъ лицъ, стоики полагали природу въ значеніи цѣли и нормы, опредѣляющей человѣческую дѣятельность. Это потому, что вмѣстѣ съ лишеніемъ политической самостоятельности, и понятія о цѣляхъ, о важнѣйшихъ интересахъ человѣческаго существованія сами собою уже далеко отодвигались за предѣлы національной жизни. По необходимости приходилось опредѣляющею нормою человѣческихъ стремленій и дѣйствій признать уже не порядокъ существующій или долженствующій быть въ

¹⁾ "Οτι δὲ καὶ ζῶον ὁ κόσμος καὶ λογικὸν καὶ ἔμφυχον καὶ νοερὸν καὶ Χρυσίππος φησὶν καὶ Απολλοδώρος· ζῶον μὲν οὕτως ὄντα, οὐσίαν ἔμφυχον αἰσθητικὴν τὸ γὰρ ζῶον τοῦ μὴ ζῶου κρείττον. οὐδὲν δὲ τοῦ κόσμου κρείττον. Διογ. Λαέρ. VII, 142.

²⁾ Платонъ и Аристотель также цѣлесообразное разумѣли въ смыслѣ наилучшаго. Отсюда Платонъ разсматривалъ устройство міра съ точки зрѣнія идеи блага. Аристотель говоритъ: ἡ φύσις οὐδὲν ποιεῖ μάτην, ἀλλ' αἰεὶ ἐκ τῶν ἐνδεχομένων τῇ οὐσίᾳ περὶ ἕκαστον γένος ἔφου τὸ ἄριστον. De inc. anim. 704. b.

³⁾ ὁ Ζήνων τέλος εἶπε το ὁμολογουμένως τῇ φύσει ζῆν, ὅπερ ἐστὶ κατ' ἀρετὴν ζῆν. Διογ. Λαέρ. VII. 87.

обществѣ человѣческомъ, но порядокъ всей природы; не общественныя отношенія людей, а отношенія вещей, существующія въ природѣ; а такъ какъ порядокъ въ природѣ одинъ и тотъ-же для всѣхъ людей, *для всѣхъ народовъ*, то отсюда и мораль стоическая, какъ основанная на принципѣ согласія съ природою, является съ характеромъ космополитическимъ. Вліяніе философіи Платона на стоиковъ выразилось, впрочемъ, не только въ томъ, какъ они разумѣли цѣлесообразность въ мірѣ, но также и въ томъ, что философію они разумѣли какъ діалектическое искусство связывать и раздѣлять понятія, доказывать и опровергать, ¹⁾ а не такъ, какъ понималъ опую Аристотель, т. е. не въ смыслѣ систематическаго, основаннаго на точно опредѣленныхъ принципахъ и распределеннаго по частямъ, изслѣдованія. Стоики, правда, также раздѣляли философію на части (діалектика, физика, этика), но ни въ какой части философіи они не держались строгаго систематическаго порядка, а довольствовались діалектическою обработкою отдѣльныхъ вопросовъ, состоявшею въ доказываніи однихъ положеній и опроверженіи другихъ, такъ что философія стоиковъ представляетъ смѣсь различныхъ понятій, положеній и доказательствъ, частію заимствованныхъ у Аристотеля, а частію весьма близкихъ къ философіи Платона и, очевидно, сложившихся подъ ея вліяніемъ. Собственно отличительная черта стоической философіи заключается въ нравственномъ настроеніи, свойственномъ этой философіи, въ правоучительной ея части. Это потому, что именно въ этой части заключается разрѣшеніе вопросовъ, которые были поставлены на первый планъ историческими условіями тогдашняго времени, когда возникла стоическая школа.

П. Липницкій.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Αὐτὴν δὲ τὴν διαλεκτικὴν (οἱ Στωικοὶ φασιν) ἀναγκαίαν εἶναι καὶ ἀρετὴν ἐν εἴδει περιέχουσαν ἀρετὰς. — Οὐκ ἄνευ δὲ τῆς διαλεκτικῆς θεωρίας τὸν σοφὸν ἀπώτων ἔσεσθαι ἐν λόγῳ; τό τε γὰρ ἀληθὲς καὶ τὸ ψεῦδος διαγινώσκεισθαι ὑπ' αὐτῆς καὶ τὸ πιθανόν τό τε ἀμφιβόλως λεγόμενον διεκρίνεσθαι. Diog. L. VII. 47. 62.

ЗНАЧЕНІЕ ФИЛОСОФІИ

въ системѣ семинарскаго курса и преимуществъ ея въ этомъ отношеніи предъ математикою и другими общеобразовательными предметами.

Въ послѣднее время газетные слухи о томъ, что за пересмотромъ академическаго устава имѣеть послѣдовать и пересмотръ устава православныхъ духовныхъ семинарій, стали раздаваться все настойчивѣе и увѣреннѣе. Мы имѣемъ полное основаніе думать, что слухи эти не замедлятъ и оправдаться.

Съ предстоящаго учебнаго года новый, пересмотрѣнный уставъ православныхъ духовныхъ семинарій вступить уже въ свои права, хотя, впрочемъ, въ одномъ только административномъ отношеніи; во всемъ же объемѣ своемъ новый семинарскій уставъ будетъ введенъ въ дѣйствіе лишь съ начала 1885—86 учебнаго года.

Къ пересмотру семинарскаго устава, дѣйствовавшаго до настоящаго времени, должно, конечно, отнести только съ полнымъ сочувствіемъ, такъ какъ на практикѣ обнаружились многіе его недостатки. Мы имѣемъ въ виду, впрочемъ, только ту сторону дѣйствующаго устава, которая касается обученія, образованія и умственнаго развитія воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Въ этомъ отношеніи существенно важнымъ недостаткомъ въ уставѣ каждаго заведенія является все то, что не только противорѣчитъ, но и что не служитъ достаточнымъ ручательствомъ за наиудобнѣйшее достиженіе прямой и основной цѣли заведенія. Напротивъ, только тотъ уставъ будетъ безупречнымъ, въ которомъ все направлено и принаровлено къ достиженію лишь одного,—ясно, опредѣленно, вѣрно постав-

ленной цѣли того или другаго учебно-воспитательнаго заведенія.

Что касается обученія и образованія учащихся, то прямыми и положительными средствами къ достиженію цѣли заведенія являются, конечно, прежде всего тѣ учебные предметы, которые, какъ сами по себѣ, такъ и во взаимномъ отношеніи другъ къ другу, имѣютъ непосредственное образовательное значеніе. И главная задача каждаго школьнаго устава состоитъ въ томъ, чтобы точно, вѣрно и опредѣленно указать въ учебной программѣ мѣсто, количество, объемъ и даже самый духъ преподаванія общеобразовательныхъ учебныхъ предметовъ.

За потребность въ пересмотрѣ дѣйствовавшаго доселѣ устава православныхъ духовныхъ семинарій ясно говоритъ намъ уже то, что уставъ этотъ, составленный сравнительно въ очень недавнее время (1867 года), въ высшихъ сферахъ духовно-учебнаго управленія признанъ неудовлетворительнымъ; а изданное въ 1875 г. „Собраніе постановленій Святѣйшаго Синода 1867—1874 г. относительно устройства духовныхъ семинарій и училищъ“,—книжка вдвое большая по объему самаго устава,—заставляетъ насъ думать, что уставъ, съ самаго начала введенія его въ дѣйствіе, нуждался въ обширныхъ пополненіяхъ, поясненіяхъ и проч.

И дѣйствительно, дѣйствовавшій донинѣ семинарскій уставъ не былъ чуждъ такихъ существенныхъ недостатковъ, которые не могли не отразиться на общемъ ходѣ семинарскаго образованія и потому самому рано или поздно должны были обратить на себя вниманіе со стороны ревнителей духовнаго просвѣщенія.

Имѣя только два класса съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, въ которыхъ, по дѣйствовавшему донинѣ уставу, только и были преподаваемы богословскія науки, наши православныя семинаріи получили не столько спеціальный, сколько общеобразовательный характеръ, не имѣвшій прямого и непосредственнаго отношенія къ цѣли самаго заведенія. Въ этомъ-то именая и была главнымъ образомъ допущена составителями устава та великая ошибка, которая, чѣмъ скорѣе будетъ устранена, тѣмъ будетъ лучше.

Уставъ 1867 года есть своего рода дань, уплаченная духу

времени. Припомнимъ, какую печать носили у насъ на себѣ 60-е и первые 70-е годы нашего вѣка. Достаточно прочесть какую-нибудь изъ книжекъ тогдашнихъ русскихъ журналовъ,— „Слова“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Дѣла“, „Вѣстника Европы“ или Юрьевской „Бесѣды“, чтобы видѣть, какими желаніями и стремленіями жило и дышало тогда русское общество. Симпатіи къ *реализму* и отвращеніе къ классицизму, полное осужденіе отвлеченному мышленію и одностороннее влеченіе къ эмпиризму, иногда самому мелочному и скрупулезному, опрометчивый промѣнъ Пушкина на сапожника, искусствъ на ремесла,—все это было только незначительнымъ отголоскомъ этихъ стремленій, не утихнувшихъ еще и въ наше время. Намъ любезны были тогда лишь одни положительные знанія, историческія, естественныя, техническія, физико-математическія; во что бы то ни стало, какіе бы мы ни понесли убытки въ будущемъ, мы хотѣли имѣть наличный капиталъ; мы давали цѣну лишь осозательно *полезному*, которое бы тотчасъ же возможно было примѣнить къ дѣлу, не обращая вниманія ни на его качество, ни на его прочность. Ученыхъ и серьезныхъ разсужденій намъ было не нужно, мы требовали фактовъ, опытовъ, экспериментовъ; самые мелкіе опыты подъ увеличительнымъ стекломъ разгоряченной фантазіи намъ обѣщали блестящіе результаты... Само собою понятно, что наибольшему пренебреженію съ нашей стороны подверглись науки и работы философскія. Мы не полагали тогда даже строгаго различія между философіею и какою-нибудь астрологіею или отыскиваніемъ философскаго камня. Мы смѣялись надъ самымъ названіемъ и философскими терминами. „Метафизика“, „философія“, „субстанція“,—эти слова положительно рѣзали наши уши. Философы мы, если и не представляли себѣ человекомъ въ странномъ средневѣковомъ одѣяніи, то непремѣнно считали его близкимъ къ умопомѣшательству, отвергающимъ и сомнѣвающимся въ реальномъ существованіи нашего феноменальнаго міра, сухимъ схоластикомъ, играющимъ лишь въ самыя отвлеченныя понятія и ничего болѣе не дѣлающимъ.

Не будемъ здѣсь доискиваться причинъ такого отношенія къ философіи со стороны русскаго общества, какъ и причинъ указаннаго

нами общаго характера стремленій и воззрѣній того времени. Это вовсе не входитъ въ нашу задачу. Но мы не можемъ не отмѣтить здѣсь того, что подъ вліяніемъ такого рода воззрѣній, подъ давленіемъ общаго духа времени, отчасти находились и составители дѣйствовавшаго донныѣ семинарскаго устава въ постановкѣ учебнаго дѣла, хотя вліяніе это могло быть, разумѣется, и не непосредственнымъ. Мы склонны даже думать, что философскіе предметы вошли въ составъ общихъ образовательныхъ наукъ семинарскаго курса вовсе не потому, что за ними тогда признавали важное значеніе, а лишь благодаря одной традиціи, по которой въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ философія изстари находила себѣ благосклонный пріемъ и уваженіе. Иначе, совершенно невозможно объяснить себѣ того страннаго положенія, въ какое были втиснуты семинарскимъ уставомъ философскіе предметы. Программа какого-то повонзобрѣтеннаго, такъ называемаго, „обзора философскихъ ученій“, составленная по образцу программъ заграничныхъ средне-учебныхъ заведеній, изъ самыхъ пестрыхъ, самыхъ разношерстныхъ лоскутьевъ прежней „исторіи философіи“, даже при точномъ и честномъ выполненіи ея, могла лишь запутать и оттолкнуть отъ себя молодыхъ людей, но никогда не могла вселить въ нихъ любви къ ученымъ философскимъ (да и вообще серьезнымъ) занятіямъ,—любви, которая еще такъ недавно была и считалась отличительною чертою воспитанниковъ средне-высшеучебныхъ духовныхъ заведеній. О другихъ философскихъ предметахъ, психологіи и логикѣ, изъ которыхъ послѣдняя отнесена уставомъ скорѣе къ словесности, чѣмъ къ философіи, мы не будемъ и говорить.... И можно ли послѣ этого было ожидать, чтобы ученики семинаріи имѣли серьезныя философскія познанія и навыки къ строгому мышленію и слѣдуетъ ли удивляться тому, что, по выходѣ изъ семинаріи, они не только оказывались неподготовленными къ чтенію мало-мальски серьезныхъ философскихъ разсужденій, къ вѣрной оцѣнкѣ даже такихъ ничтожныхъ философскихъ произведеній, какъ Бюхперовская „Сила и матерія“, но и самую философію привыкали считать какою-то темною, а вмѣстѣ и крайне тяжелою наукою, и лишь изъ свѣтскихъ журналовъ пользовались такъ

называемыми послѣдними словами этой науки о женскомъ вопросѣ, о переустройствѣ человѣческихъ обществъ и пр.? И если вы не желаете скомпрометировать молодаго человѣка, только еще вчера выдержавшаго въ семинаріи экзаменъ по „обзору философскихъ ученій“, то никогда не спрашивайте его, что такое философія вообще, и тѣмъ болѣе философія религіи, философія права, философія исторіи и т. п.

Униженіе философіи, по дѣйствующему пока семинарскому уставу, можно видѣть на каждомъ шагѣ. Вотъ примѣръ. Для математики и физики уставъ назначилъ *пятнадцать* уроковъ въ недѣлю, для философіи, если не причислять сюда *опытной* психологіи, которая, само собою понятно, скорѣе должна быть отнесена къ *антропологіи*, чѣмъ къ философіи, и *формальной логики*, отпесенной уставомъ къ словесности, назначено всего на-всего только *четыре* урока!... А между тѣмъ по объему и количеству своихъ предметовъ философія ни въ какомъ случаѣ не будетъ менѣе математики.

Будемъ надѣяться, что этотъ существенный недостатокъ въ составѣ настоящаго общеобразовательнаго семинарскаго курса будетъ устраненъ новымъ, нынѣ проектируемымъ уставомъ нашихъ духовныхъ семинарій. Особенно желательно, чтобы въ этомъ случаѣ было вполне правильно и точно оцѣнено общеобразовательное значеніе философскихъ наукъ и несомнѣнное ихъ превосходство въ этомъ отношеніи предъ всѣми другими общеобразовательными науками, въ томъ числѣ даже и математическими,—особенно въ духовныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ, между прочимъ, и свою спеціальную цѣль, далекую отъ математики, но весьма близкую къ философіи.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое математическое знаніе и что такое знаніе философское? Какое общеобразовательное значеніе тому и другому знанію должно принадлежать въ системѣ учебныхъ предметовъ семинарскаго курса?

Математическое знаніе мы обыкновенно привыкли считать знаніемъ точнымъ, вѣрнымъ, пунктуальнымъ; но *абсолютнымъ*, безотносительнымъ нельзя считать и математическаго знанія. Это подсказываетъ намъ нашъ собственный разсудокъ; это-же говорятъ и самые знаменитые ученые математики,

какъ напимѣрь, бывшій профессоръ и ректоръ Казанскаго университета Н. И. Лобачевскій въ изданномъ имъ въ Берлинѣ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіи „Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien, 1840“,—знаменитый германскій математикъ, гёттингенскій профессоръ Гауссъ, составитель извѣстной формулы для вычисленія дня празднованія Пасхи,—Швейггардъ и др. Эти ученые нашли недоказаннымъ въ нашей теперешней, такъ называемой Евклидовой геометріи даже то положеніе ученія о параллельныхъ линіяхъ, которое гласитъ, что сумма обоихъ внутреннихъ угловъ, образуемыхъ двумя параллельными прямыми линіями, пересѣченными третьею прямою, абсолютно равна 180^0 , т. е. двумъ прямымъ угламъ. Но такъ какъ обѣ параллельныя прямыя, вмѣстѣ съ заключеннымъ между ними отрѣзкомъ пересѣкающей ихъ прямою, могутъ быть разсматриваемы какъ стороны треугольника, изъ которыхъ двѣ бесконечно длинны, и въ такой треугольникъ постепенно, чрезъ непрерывный рядъ измѣненій, можетъ перейти всякій треугольникъ, если удалять вершинную точку одного изъ его угловъ отъ противоположной стороны, то подлежатъ сомнѣнію будетъ и то основное положеніе обыкновенной геометріи, по которому сумма всѣхъ угловъ каждаго треугольника равна $2d.$, т. е. двумъ прямымъ угламъ, или 180^0 . „Если-же сумма эта можетъ быть больше или меньше 180^0 , и если на этомъ, очевидно, болѣе общемъ предположеніи можно построить особую геометрію, не заключающую противорѣчій въ самой себѣ, то придется спросить, какую именно величину имѣетъ въ дѣйствительности сумма угловъ треугольника, и какъ можемъ мы вымѣрить и окончательно установить эту величину?.. Такъ какъ она не можетъ быть выведена a priori, одними умозаключеніями, то ее приходится опредѣлять эмпирически, при помощи явленій, доступныхъ нашимъ чувствамъ“. *) Отсюда понятно, какимъ образомъ математическое знаніе всегда представляетъ собою въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ смѣсь спекулятивного мышленія съ данными опыта или экспериментации; таково, напимѣрь, допущеніе математикомъ такъ называемой геометрической точки, не имѣющей никакой величины, а слѣдо-

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1878 г. февраль, стр. 950.

вательно и измѣренія, — ливіи, имѣющей только одно измѣреніе и т. п., — т. е. допущеніе пространства, или вовсе неизмѣряемаго, или-же измѣряемаго только отчасти. Допуская возможность ошибокъ при такихъ математическихъ приѣмахъ, названные ученые математики, Лобачевскій и Гауссъ, признавали настоящее математическое знаніе выше неполнымъ, а слѣдовательно и неудовлетворительнымъ, *) и потому одинъ изъ нихъ, Лобачевскій, усердно трудился надъ выработкою новой науки — „воображаемой“ геометріи; а другой, Гауссъ, долго работалъ надъ своею „особою“, „абсолютною“, „не-Эвклидовою“ геометріею, но оба имѣютъ дѣло уже не съ обыкновеннымъ геометрическимъ пространствомъ, но съ пространствомъ „абсолютнымъ“, „анти-Эвклидовскимъ“. А это что значитъ? Очевидно, это значитъ то, что вышеуказанные ученые математики, считая неудовлетворительнымъ обыкновенное математическое знаніе, самую науку математику старались подчинить другой высшей наукѣ, которая имѣетъ дѣло уже съ абсолютною математическою величиною и которая уже по этому самому не можетъ быть названа иначе, какъ только *философіею математики*...

Этимъ мы, конечно, не говоримъ того, что математическое знаніе не отличается сравнительною точностію, основательностію или серьезностію, и вовсе не имѣемъ намѣренія унижать или умалять значеніе математическаго знанія въ глазахъ своихъ читателей. Математика, какъ и всѣ другія *точные* науки, имѣетъ полное право на уваженіе къ себѣ со стороны каждаго, для кого только могутъ быть дороги ученые и научные интересы. Математика сообщаетъ человѣку извѣстные знанія или извѣстнаго рода истины и, такимъ образомъ, является однимъ изъ средствъ, при помощи которыхъ облегчается человѣку достиженіе предъуказанныхъ ему цѣлей. Но мы имѣемъ намѣреніе показать только, что въ этомъ случаѣ математика не есть какое-либо особое исключеніе, не есть наука, выходящая изъ ряда другихъ *точныхъ* наукъ, какъ не безошибочно принято называть науки, основывающіяся на опытѣ или

* Здѣсь можно вспомнить еще о математическихъ *приблизительныхъ* величинахъ, *неопредѣленныхъ* рѣшеніяхъ и т. п.

экспериментъ и заимствующія почти всѣ свои свѣдѣнія изъ феноменальнаго міра, или указывающія на ихъ подтвержденіе и оправданіе въ немъ. Математика, физика, химія, астрономія, фізіологія, анатомія, эмпирическая психологія, ботаника, зоологія, минералогія, фармакологія, исторія, географія и всѣ такъ называемыя строительныя, инженерныя, военныя, агрономическія, коммерческія, филологическія и юридическія науки равно доставляютъ намъ свѣдѣнія вѣрныя, точныя, положительныя,—въ томъ смыслѣ, конечно, какъ эти свѣдѣнія получаются самими науками изъ феноменальнаго міра и какъ они были подтверждены на дѣлѣ нѣсколько разъ повторившимися явленіями, наблюденіемъ этихъ явленій и экспериментальною. Построеніе всѣхъ этихъ наукъ, за исключеніемъ развѣ исторіи, географіи, филологіи и юриспруденціи, основывается на томъ законѣ мышленія человѣческаго, который обыкновенно принято называть умозаключеніемъ отъ частнаго къ общему. Въ этомъ состоитъ ихъ достоинство, какъ наукъ опытныхъ; въ этомъ-же состоитъ и ихъ недостатокъ, какъ наукъ, построенныхъ на умозаключеніяхъ только относительно *точныхъ*. Понятно, насколько и въ какомъ смыслѣ науки эти могутъ быть называемы *точными* науками. Гораздо правильнѣе было бы называть ихъ науками лишь опытными, эмпирическими или естественными,—какъ говорятъ нѣмцы, *Naturwissenschaft*.

Правда, градація, существующая между самими явленіями природы, необходимо должна существовать и дѣйствительно существуетъ и между указанными нами науками, имѣющими своимъ содержаніемъ изученіе явленій и законовъ этой же самой природы. Но различіе между науками по этой градаціи никогда не можетъ быть существеннымъ и безотносительнымъ. Въ этомъ отношеніи математика стоитъ выше указанныхъ нами остальныхъ наукъ, но лишь настолько, насколько ея основанія или тѣ положенія, на которыхъ она зиждется, выше, общѣе, отвлеченнѣе положеній, на которыхъ основываются остальные науки.

Само собою понятно, что какъ науки опытыя, сообщающія массу свѣдѣній извѣстнаго рода, всѣ эти науки, и въ томъ числѣ математика, всегда могутъ быть науками *спеціальными*,

и въ этомъ случаѣ каждая изъ нихъ въ извѣстной сферѣ имѣетъ право на превосходство предъ всѣми другими, подобными ей науками. Было-бы, напримѣръ, въ высшей степени странно, если-бы въ математическомъ факультетѣ какого-либо университета преобладающею наукою была не математика, а исторія, въ историко-филологическомъ — минералогія, въ естественномъ — математика...

Но если математика, какъ и всѣ другія *положительныя* науки, имѣютъ полное право на преобладающее значеніе въ спеціальныхъ заведеніяхъ, какъ наука въ своемъ родѣ специальная, то и ей не большее значеніе и не больше правъ принадлежить, чѣмъ остальнымъ указаннымъ нами наукамъ, въ системѣ учебныхъ предметовъ каждаго общеобразовательнаго курса. Въ этомъ отношеніи все значеніе такъ называемыхъ положительныхъ наукъ главнымъ образомъ исчерпывается тѣмъ, что онѣ доставляютъ изучающему ихъ лицу массу довольно однородныхъ свѣдѣній, указываютъ законы, по которымъ совершаются въ мірѣ тѣ или другія явленія, отыскиваютъ ихъ причины, опредѣляютъ ихъ слѣдствія, — и всѣ эти свѣдѣнія сообщаютъ въ извѣстномъ порядкѣ и опредѣленномъ объемѣ. Такъ, зоологія сообщаетъ изучающему ее лицу всѣ извѣстныя ей свѣдѣнія о животныхъ, ботаника — о растеніяхъ, исторія — о событіяхъ минувшихъ дней, математика — о количественныхъ отношеніяхъ, проявляющихся въ эмпирическихъ формахъ пространства и времени. Но для выработки болѣе или менѣе правильнаго общаго міровоззрѣнія, которое нужно считать по всей справедливости самымъ необходимымъ и самымъ существеннымъ признакомъ истинной образованности, очевидно, еще далеко недостаточно того, чтобы только собрать вмѣстѣ и какъ-нибудь втискать въ свою голову возможно большее количество разнообразныхъ свѣдѣній. Приобрѣвъ при помощи этихъ наукъ массу многостороннихъ и разнообразныхъ свѣдѣній, мы, подобно нашимъ отдаленнымъ предкамъ, можемъ сказать лишь одно: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ“. А для того, чтобы установить этотъ порядокъ, мы, помимо этихъ наукъ, должны обратиться еще къ новой наукѣ и сказать ей отъ лица свѣдѣній, уже приобретенныхъ нами: „прійди

киджить и владѣть нами!“ — Быть спеціалистомъ еще не значитъ — быть человѣкомъ истинно *образованнымъ*. Эту мысль наглядно доказываетъ намъ примѣръ ученыхъ спеціалистовъ-математиковъ, Лобачевскаго и Гаусса. Какъ мы видѣли, они не были удовлетворены самыми точными, несомнѣнно спеціальными свѣдѣніями, прибрѣтенными ими при посредствѣ обыкновенной математической науки, но стоявшими особнякомъ, и стремились подчинить эти свѣдѣнія болѣе общему началу, старались *обобщить* ихъ еще въ новой системѣ, которую мы не могли иначе назвать, какъ только *философіею математики*. Послѣ этого понятно само собою, что если мы желаемъ, чтобы свѣдѣнія или знанія, полученные нами при помощи математики, какъ и остальныхъ подобныхъ ей наукъ, имѣли свое полное значеніе въ системѣ общаго образованія, чтобы они не стояли въ нашей головѣ сами по себѣ, особнякомъ, внѣ органической связи со всѣми другими группами нашихъ знаній, но составляли-бы съ ними одно цѣлое, одно общее стройное міровоззрѣніе, для этого необходимо намъ внимательно заботиться съ одной стороны о томъ, чтобы свѣдѣнія эти были прибрѣтаемы только въ извѣстномъ, опредѣленномъ количествѣ и направленіи, — иначе своимъ излишествомъ они будутъ обременять нашу воспринимательную способность, — а съ другой, и прежде всего о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ и въ надлежащемъ размѣрѣ было обращено вниманіе на развитіе той силы нашей разсудочной дѣятельности, которую мы привыкли называть силою синтеза, силою обобщенія, умомъ *философскимъ*. Правда или нѣтъ, что паденіе яблока послужило для Ньютона поводомъ къ грандіозному открытію міроваго закона тяготѣнія, но это показываетъ намъ, какъ высоко цѣнится и какъ высоко должно цѣниться развитіе разсудочной силы обобщенія. Только одна эта сила, только одинъ правильно развитый философскій умъ можетъ правильно упорядочить всѣ наши свѣдѣнія, всѣ наши знанія, полученные нами путемъ изученія всѣхъ остальныхъ положительныхъ наукъ; только онъ одинъ можетъ привести эти знанія въ правильную систему, указать каждому изъ нихъ его мѣсто и значеніе, выработать стройное, цѣльное, логически-правильное, органически-связное

міровоззрѣніе; только онъ одинъ можетъ дать намъ возможность вполне ориентироваться въ своемъ умственномъ богатствѣ и правильно распоряжаться своимъ умственнымъ капиталомъ..

Полнаго вниманія заслуживаютъ слова Сенеки въ его письмѣ объ условіяхъ, при которыхъ болѣе всего возможно нравственное усовершенствованіе. „Ничто, говоритъ Сенека, даже самое превосходное и спасительное, не будетъ доставлять мнѣ удовольствія, если буду узнавать это только для одного себя. Если-бы мудрость давалась съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы владѣть ею, скрывая отъ другихъ, и не высказывать, то я отвергъ бы ее“ *). Между тѣмъ въ дѣйствительности нерѣдко случается, что люди, обладающіе специальными знаніями, въ сущности владѣютъ ими какъ-бы только для самихъ себя. Даже въ школьномъ дѣлѣ, въ обученіи другихъ, т. е. въ передачѣ учащимся своихъ познаній, несомнѣнный специалистъ, самъ весьма основательно изучившій предметъ своего преподаванія, нерѣдко стоитъ ниже преподавателя, обладающаго, по видимому, менѣе специальными познаніями. Еще болѣе замѣтно это довольно странное обстоятельство на поприщѣ литературномъ. Великіе ученые, особенно математики, иногда бываютъ мало способны къ изложенію своихъ ученыхъ изслѣдованій на бумагѣ; сочиненія ихъ, съ великимъ трудомъ написанныя, требовавшія большой усидчивости и хлопотъ, часто оказываются недостойными имени своихъ ученыхъ авторовъ. Обыкновенно въ нихъ всегда можно встрѣтить цѣлую массу самыхъ точныхъ и специальныхъ свѣдѣній, множество фактовъ и опытовъ, описанныхъ со всѣми подробностями, иногда даже мелочныхъ и совершенно излишнихъ, только обременяющихъ, обезсиливающихъ вниманіе читателя. Но не всегда можно встрѣтить въ этихъ сочиненіяхъ значительные, важные, и тѣмъ болѣе поразительные выводы, даже правильную и тонкую оцѣнку самыхъ описываемыхъ фактовъ и опытовъ; напротивъ, легко встрѣтить отсутствіе общей идеи, строго-логической послѣдовательности въ изложеніи, противорѣчія, недостатокъ полнаго соотвѣтствія частей цѣлому и т. п.

Намъ приходилось слышать слѣдующее объясненіе этого

*) „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. іюнь, книга 2, стр. 658.

страшнаго обстоятельства, заслуживающее нѣкотораго вниманія и несомнѣнно заключающее въ себѣ долю правды и основательности. Указанный нами недостатокъ стараются объяснить именно подавляющею массою знаній, совладать съ которою ученый оказывается совершенно безсильнымъ. Какъ, повидимому, ни странно это объясненіе, какъ ни жестко для нашего уха слышать, что ученый специалистъ не можетъ иногда справиться съ своими собственными, многолѣтними и усидчивымъ трудомъ пріобрѣтенными познаніями, по въ виду множества фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ это объясненіе, въ этой части съ нимъ нельзя не согласиться, хотя само по себѣ оно, собственно говоря, еще ничего не объясняетъ, а только подтверждаетъ существующій фактъ. Оно ничуть не избавляетъ насъ отъ разрѣшенія вопроса: почему же ученый мужъ иногда бываетъ не въ силахъ справиться съ своими специальными познаніями? Намъ кажется, что причина этого явленія заключается какъ въ самомъ характерѣ специальныхъ знаній, такъ и въ томъ способѣ, которымъ они были пріобрѣтены ученымъ. Для примѣра останавливаемся на знаніяхъ математическихъ. Что такое положенія и теоремы, которыя намъ сообщаются математикою? Это—истины, отвлеченныя отъ опыта и имѣющія свое непосредственное значеніе прежде всего для опыта; это—общія формулы для выраженія явленій извѣстнаго порядка; это—точные, вѣрные и опредѣленные отвѣты, но только на извѣстные вопросы. $5 \times 5 = 25$. Что бы вы ни умножали, математика утверждаетъ, что пять вещей, взятыхъ пять разъ, всегда будутъ равняться двадцати пяти, точно также, какъ, по ея изслѣдованію, противъ большаго угла *каждаго* треугольника всегда должна находится и большая сторона, или, что сумма квадратовъ катетовъ всегда и въ каждомъ прямоугольномъ треугольникѣ будетъ равняться квадрату гипотенузы. Человѣкъ, прекрасно изучившій всѣ подобныя свѣдѣнія, ни на минуту не остановится предъ вамиими вопросами, когда они будутъ касаться этихъ истинъ, и всегда съумѣетъ примѣнить эти истины къ дѣлу на практикѣ, какъ специалистъ извѣстнаго рода. Но пока эти истины въ его умственной жизни не подверглись никакой дальнѣйшей переработкѣ, до тѣхъ

поръ у него нѣтъ еще тѣсной, внутренней, существенной связи съ ними. Онъ еще не полновластный хозяинъ ихъ, а только болѣе или менѣе вѣрный хранитель ихъ. Не представится случая къ частному примѣненію на практикѣ этихъ истинъ, и значеніе ихъ останется мертвымъ капиталомъ, если совсѣмъ не растеряется. Всегда можно встрѣтить такого рода „спеціалистовъ“, которые въ свое время были даже извѣстными знаменитостями, но впоследствии оказались людьми отсталыми, равно какъ и учениковъ, забывающихъ пріобрѣтенныя ими математическія и иныя спеціальныя познанія, чуть ли не на другой же день послѣ экзамена, и не знающихъ, зачѣмъ и для чего они пріобрѣтали ихъ. Все это происходитъ оттого, что связь между пріобрѣтенными познаніями и самымъ внутреннимъ существомъ человѣка, его я, была лишь вѣшная, механическая, а не внутренняя и органическая. Когда же эта связь можетъ быть болѣе надежною, т. е. внутреннею и органическою? Когда человѣкъ можетъ стать полновластнымъ хозяиномъ своихъ познаній? Когда онъ будетъ въ состояніи дать окружающему его міру не взятое только имъ отъ него, но и нѣчто новое, высшее даннаго опытомъ?—Все это достигнется тогда, когда эти познанія будутъ не только восприняты имъ, какъ готовые данныя отвѣтъ, но когда онъ будетъ имъ *усвоены* въ собственномъ смыслѣ этого слова, когда онъ будетъ, такъ сказать, освѣщенъ изнутри его сознанія, когда онъ пройдетъ чрезъ ту сферу познанія, которая не дается готовою, а есть собственность духа человѣческаго, стануть частію его собственного существа, подчинятся ясно сознаннымъ законамъ и пріемамъ его собственного мышленія, потеряють свой исключительно эмпирическій характеръ, войдутъ въ связь съ врожденными человѣку идеями и, такимъ образомъ, получать для него новый болѣе широкій смыслъ, дать который не въ силахъ ни одинъ опытъ, ни одно отдѣльно взятое явленіе феноменальнаго міра. Пифагоръ никогда не былъ бы столь великимъ, какимъ онъ считается теперь, если бы онъ остался только спеціалистомъ-математикомъ. Много именъ великихъ математиковъ, обладавшихъ познаніями болѣе обширными, чѣмъ Пифагоръ, не найдутъ для себя мѣста въ міровой исторіи. Извѣст-

ная теорема, открытая Пифагоромъ, только для геометріи имѣетъ свое значеніе. Но когда отъ числовыхъ отношеній въ явленіяхъ феноменальнаго міра, при помощи философствующей мысли, или, что тоже, синтезирующей силы разсудка, Пифагоръ сумѣлъ возвыситься до понятія господствующаго въ мірѣ порядка и строгой цѣлесообразности,—понятія, которое не дается отвлѣкъ, какъ нѣчто готовое и законченное, а достигается лишь при посредствѣ цѣлаго ряда строго-логическихъ сужденій и умозаключеній,—имя его стало бессмертнымъ для всей исторіи развитія мысли человѣческой. Этотъ примѣръ ясно доказываетъ намъ, что математическія истины только тогда пріобрѣтаютъ свое полное значеніе какъ для внѣшней, такъ и для внутренней жизни человѣка, когда онѣ не принимаются имъ только для храненія въ памяти, но продолжаютъ свой путь далѣе, подвергаются новой внутренней переработкѣ, проходятъ чрезъ логическія формы его разсудочной дѣятельности и становятся неотдѣлимыми отъ всей внутренней его жизни. А это достигается опять-таки лишь подъ условіемъ развитія обобщающей силы разсудка, подъ условіемъ навыка къ философскому мышленію.

Уже изъ сказаннаго нами доселѣ можно видѣть, какое важное значеніе въ системѣ общеобразовательнаго курса должно принадлежать философскимъ наукамъ, имѣющимъ своимъ предметомъ не столько сообщеніе однихъ положительныхъ свѣдѣній, сколько развитіе той разсудочной, философской силы человѣка, на которую мы только что указали. Но значеніе философіи, какъ общеобразовательнаго учебнаго предмета, и ея превосходство въ этомъ отношеніи предъ всѣми, такъ называемыми, *положительными* науками, выступить предъ нами еще яснѣе и рѣшительнѣе, когда мы увидимъ, что развитіе той разсудочной дѣятельности, которой всецѣло и съ самаго начала своего существованія всегда служила и служить философія, есть самая насущная и самая естественная потребность духа человѣческаго. Мы говоримъ опять-таки о силѣ обобщенія, разсудочной силѣ синтеза. А что развитіе этой силы дѣйствительно есть самая естественная потребность духа человѣческаго, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Впро-

чемъ, для доказательства этой мысли мы приведемъ нѣсколько данныхъ изъ разныхъ сторонъ дѣятельности и проявленія стремленій духа человѣческаго.

Семья есть *обобщеніе* отдѣльныхъ лицъ, связанныхъ между собою узами кровнаго родства; *общество* есть *обобщеніе* отдѣльныхъ лицъ, соединенныхъ между собою общностью интересовъ и преслѣдуемыхъ ими цѣлей; племя есть *обобщеніе* семействъ и родовъ; государство есть выраженіе высшаго политическаго *обобщенія*, осуществленнаго и поддерживаемаго общимъ управленіемъ и законодательствомъ. Просьба славянъ къ варягамъ придти и управлять ими ясно показываетъ намъ, до какой степени была сильна и настойчива нужда въ удовлетвореніи естественной потребности ихъ духа слиться въ одно цѣлое, *обобщиться* въ правильную политическую единицу. Высшій пунктъ нравственнаго *обобщенія* отдѣльныхъ лицъ есть церковь, а полное выраженіе этого нравственно-соціального *обобщенія* есть нравственное, духовное единство, указанное Христомъ... И здѣсь-то заключается корень всего лучшаго въ человѣкѣ, его нравственной дѣятельности—любви, дружбы, состраданія, преданности, самопожертвованія, самоотверженія, честнаго труда, духовнаго усовершенствованія...

Въ умственной дѣятельности проявляется та-же естественная потребность человѣческаго духа. Впечатлѣніе есть *обобщеніе* отдѣльныхъ ощущеній, представленіе есть *обобщеніе* отдѣльныхъ впечатлѣній, понятіе есть *обобщеніе* представленій, идея есть *обобщеніе* понятій. Наука есть *обобщеніе* отдѣльныхъ знаній. Рѣчь, разсужденіе, есть *обобщеніе* отдѣльныхъ мыслей. Ученое сочиненіе есть *обобщеніе* сужденій. Образование есть *обобщеніе* знаній и мотивовъ нравственной дѣятельности.

Удовлетворенія этой-же самой естественной потребности своего духа человѣкъ ищетъ въ искусствахъ и художествахъ Музыкальное произведеніе есть гармоническое *обобщеніе* тоническихъ звуковъ. Прекрасныя произведенія живописи и изящной словесности обыкновенно выражаются или въ типахъ, или въ идеалахъ; но какъ типы, такъ и идеалы суть не что иное, какъ *обобщеніе* отдѣльныхъ чертъ, разбѣянныхъ въ дѣйствительности и собранныхъ художникомъ или поэтомъ въ одно прекрасное цѣлое.

Много можно было-бы и еще указать подобныхъ примѣровъ, но для поставленной нами цѣли, намъ кажется, достаточно будетъ и приведенныхъ.

Послѣ этого мы не ошибемся, если скажемъ, что разсудочная сила синтеза или обобщенія и есть именно та сила, которая движетъ человѣчество по пути прогресса и постоянно ведетъ его къ большому и большому усовершенствованію. Отсюда,—все то, что содѣйствуетъ развитію этой силы, или,—что тоже,—что удовлетворяетъ указанной нами естественной потребности духа человѣческаго, то содѣйствуетъ и общечеловѣческому усовершенствованію или прогрессу,—равно какъ и наоборотъ,—что противодѣйствуетъ постепенному развитію этой силы духа человѣческаго, то противодѣйствуетъ и человѣческому усовершенствованію.

Что философія, съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ ее исторія, всегда и непосредственно содѣйствовала развитію этой могучей силы духа человѣческаго и всегда стремилась удовлетворить этой естественной и самой насущной его потребности,—этого никто не можетъ отрицать. При этомъ философія не просто общала только отдѣльныя явленія феноменальнаго міра, но въ большинствѣ случаевъ стремилась даже подвести ихъ подъ одно общее начало, которое она признавала абсолютнымъ, безотносительнымъ и универсальнымъ, т. е. стремилась удовлетворить указанной нами потребности человѣческаго духа вполне и всецѣло, тогда какъ во всѣхъ другихъ сферахъ жизни и дѣятельности духъ человѣческій находилъ для себя удовлетвореніе въ этомъ отношеніи только отчасти.

Правда, первые шаги философіи на этомъ пути были неуверенны и даже положительно ошибочны; духъ человѣка еще былъ не въ силахъ освободиться отъ общей жизни природы и стать выше ея; начало, къ которому первые философы хотѣли свести всѣ отдѣльныя явленія феноменальнаго міра, были довольно грубы, даже вещественны: вода (по Фалесу), воздухъ (по Анаксимену), огонь (по Гераклиту) и т. д. Но что-же дѣлать, когда человѣку суждено идти къ совершенству отъ несовершенства и притомъ окольными путями, т. е. съ ошибками и погрѣшностями?... Впрочемъ, начала, указанные пер-

выми философами, нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ словъ, которыми они обозначены. По крайней мѣрѣ имъ были приписываемы такія свойства, какими въ дѣйствительности не обладаютъ ни вода, ни воздухъ, ни огонь, какъ напримѣръ, „бесконечность“, проявленіе „единства въ разнообразныхъ видахъ“, способность „осуществленія бесконечнаго въ конечномъ“ и т. п. Подъ огнемъ Гераклитъ также разумѣлъ вовсе не матеріальное, или вещественное начало въ собственномъ смыслѣ, а начало, находящееся въ постоянномъ движеніи и вѣчно дѣйствующее, слѣдовательно,—живое.

Несомнѣнно, гораздо выше этихъ философовъ-натуралистовъ стоялъ Пифагоръ, стремившійся обобщить всѣ явленія феноменальнаго міра также въ одномъ, но болѣе отвлеченномъ началѣ—числѣ. Только одни числовыя отношенія въ явленіяхъ феноменальнаго міра, по Пифагору, всегда остаются постоянными и неизмѣнными при всевозможныхъ измѣненіяхъ въ самыхъ явленіяхъ. Отсюда,—число, симметрія, количественное отношеніе частей къ цѣлому и между собою, по мнѣнію Пифагора, и должно признать верховнымъ началомъ всего существующаго въ мірѣ. Чтѣ бы ни говорили объ этой философій люди, съ недовѣріемъ относящіеся къ философствующей мысли, но Пифагоръ оказалъ немаловажную услугу человечеству въ дѣлѣ развитія синтезирующей силы разсудка, такъ какъ онъ первый, какъ мы сказали уже, обратилъ вниманіе мыслящихъ людей на то обстоятельство, что въ явленіяхъ и жизни природы всегда господствуетъ разумный порядокъ, взаимное соотвѣтствіе и цѣлесообразность, и что законы природы могутъ быть выражены въ мѣрѣ и числахъ. При этомъ онъ первый созналъ также неудовлетворительность одного лишь математическаго знанія и потому, подобно Гауссу и Лобачевскому, стремился перейти отъ математики къ чистой философій. И исторія философій всегда должна признать за Пифагоромъ эту заслугу.

Далѣе Пифагора пошли элеаты, стремясь обобщить всѣ явленія феноменальнаго міра въ самомъ отвлеченномъ пантеистическомъ понятіи чистаго бытія, отождествленнаго съ мышленіемъ,—положеніе, которое въ новѣйшее время было по-

вторено Гегелемъ. Но Анаксагоръ въ этомъ отношеніи песомѣнно возвысился даже и надъ элеатами. Верховнымъ началомъ всего существующаго онъ признаетъ уже творящую и образующую силу вѣчнаго, безконечнаго и самосущаго разума, который создаетъ все и въ тоже время опредѣляетъ, что должно-бы быть и что было на самомъ дѣлѣ, что существуетъ теперь и что еще предстоитъ въ будущемъ,—разума, слѣдовъ котораго онъ не могъ не видѣть въ гармоніи и цѣлесообразности явленій феноменальнаго міра.—Платонъ все стремился свести къ идеямъ и подчинить верховному началу, высшему уму (*νοῦς*) или *λογосу*.

Изъ философовъ новаго времени прежде всего здѣсь нужно назвать Декарта, относившаго все существующее въ мірѣ къ единому Творцу его—Богу;—Спинозу, все феноменальное обобщившаго въ одномъ универсальномъ началѣ, которое онъ называлъ абсолютною субстанціею. Гегель также старался объяснить все существующее въ мірѣ однимъ общимъ началомъ, абсолютною идеею. Фихте все сводилъ къ личному сознанию — я, и этимъ началомъ стремился изъяснить все то, что не—я, въ томъ отношеніи, въ которомъ находятся между собою эти два противоположныя начала — отчасти я—отчасти не—я; предшественникомъ Фихте въ этомъ случаѣ изъ исторіи древней философіи можно назвать Сократа (хотя, конечно, лишь относительно). Шопенгауэръ высшимъ началомъ всего сущаго призналъ волю, впрочемъ, не въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, а какъ универсальное и безотносительное начало всякаго движенія и жизни, всего существующаго въ феноменальномъ мірѣ, который есть не что иное, какъ ея объективация. Въ наши дни ученикъ Шопенгауэра—Гартманъ, идя по пути своего учителя и обобщая также все существующее въ мірѣ въ одномъ общемъ началѣ, называлъ это начало,—безличное и безотчетное—„безсознательнымъ“.

Этихъ примѣровъ, намъ кажется, будетъ совершенно достаточно для того, чтобы убѣдиться въ истинности высказанной нами мысли, что именно философія всегда служила и служить прямымъ и непосредственнымъ орудіемъ развитія синтезирующей силы духа человѣческаго. И если философія иногда глу-

боко ошибалась въ своемъ послѣднемъ словѣ, то все-таки это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ ея значенія въ указанномъ нами отношеніи. Заслуги философіи для человѣчества въ этомъ случаѣ неоцѣнимы. Всѣмъ тѣмъ, что полезнаго получается отъ общественности и гражданственности, человѣчество обязано именно философіи, какъ непосредственному орудію въ дѣлѣ развитія его обобщающей способности, которая, какъ мы видѣли, есть главный двигатель его нравственно-общественнаго усовершенствованія и прогресса. Въ этомъ, и только въ этомъ, именно, смыслѣ нужно понимать и правдивое слово Цицерона о значеніи философіи въ исторіи человѣчества: „О, философія, *путеводительница жизни, учительница добродѣтели, изгнательница пороковъ!* Какъ безъ тебя могли бы существовать не только мы, но и вся жизнь человѣческая? Ты создала *города*, ты *разстланнымъ* людей призвала къ общественной жизни, *соединила* ихъ сначала жилищами, затѣмъ *супружествомъ*, наконецъ *общностью языка и наукъ*; ты изобрѣла законы (законъ здѣсь разумѣется, очевидно, какъ обобщеніе обычнаго права), научила нравственности и доброму порядку жизни. Къ тебѣ прибѣгаемъ, у тебя просимъ помощи... Одинъ день, проведенный хорошо по твоимъ наставленіямъ, лучше, чѣмъ порочное безсмертіе“. („Вѣра и Разумъ“ 1884, апрѣль, кн. 2, стр. 404).

Въ виду такого важнаго значенія философіи въ развитіи разсудочной дѣятельности духа человѣческаго, уже нѣтъ болѣе надобности доказывать ту мысль, что въ средѣ учебныхъ предметовъ каждаго общеобразовательнаго курса философіи должно принадлежать не только первенствующее, но и преобладающее значеніе... И весьма страннымъ намъ представляется всегда тотъ общеобразовательный курсъ многочисленныхъ общеобразовательныхъ русскихъ учебныхъ заведеній, по которому довольно обширно изучается исторія человѣчества безъ исторіи развитія мысли человѣческой... Какъ будто бы человѣкъ есть кака-то слѣпо дѣйствующая машина!..

Но если вообще въ каждомъ общеобразовательномъ курсѣ философіи слѣдовало бы предоставить первенствующее и преобладающее значеніе, то еще болѣе нужно сказать это въ от-

ношеніи къ общеобразовательному курсу православныхъ духовныхъ семинарій. По своему содержанію философія весьма близко соприкасается съ богословіемъ. Ученіе о первопринципѣ всего существующаго, или о началѣ всѣхъ началъ, ученіе о назначеніи человѣка и его положеніи въ мірѣ среди всѣхъ другихъ явленій, ученіе о мотивахъ нравственной дѣятельности человѣка,—вотъ главные пункты содержанія каждой философской системы. Эти же пункты, какъ извѣстно, входятъ въ содержаніе и христіанскаго богословія. Различіе въ этомъ отношеніи между богословіемъ и философіею состоитъ только въ томъ, что первое раскрываетъ свое ученіе на основаніи Божественнаго откровенія, вторая на основаніи синтезирующей силы человѣческаго разума. Но такъ какъ эта же самая сила разума человѣческаго служитъ главнымъ факторомъ и при раскрытіи въ человѣческомъ сознаніи Богооткровенныхъ истинъ, то понятно, въ какой тѣсной связи находятся между собою христіанское богословіе и здравая философія, равно какъ и то, насколько въ этомъ отношеніи послѣдняя можетъ и должна быть полезна для перваго. Здѣсь особую пользу можетъ принести даже отрицательная сторона философствующей мысли,—разумѣемъ ошибки и явно ложные выводы, къ которымъ пришли многія изъ философскихъ системъ прошедшаго времени. Какъ значеніе изученія исторіи вообще состоитъ въ томъ, что изучающему прошлое даются уроки для настоящаго и будущаго, такъ и значеніе изученія философіи прошлаго времени выѣстъ съ ея ошибками должно состоять въ томъ, чтобы въ будущемъ предостеречь изучающаго философію отъ увлеченія ошибками, въ которыя уже разъ впадали предшествовавшіе работники философствующей мысли. Лишать молодыхъ людей возможности наудобнѣйшаго пользованія этимъ главнымъ орудіемъ развитія разсудочной дѣятельности, не предостеречь ихъ отъ ошибокъ, разъ уже сдѣланныхъ другими и вполне обнаруженныхъ, отнимать у нихъ лучшее средство въ дѣлѣ раскрытія и усвоенія Богооткровенныхъ истинъ,—было бы не только непростительною ошибкою со стороны людей, заботящихся о благѣ и просвѣщеніи общества, но и преступленіемъ противъ него...

Тѣсно соприкасаясь съ областью богословія, по, по ограниченности разума человѣческаго, будучи не въ силахъ исполнить и всецѣло постигнуть Богооткровенныя истины, философія нерѣдко или истолковываетъ ихъ по своему, или же совершенно отрицаетъ ихъ значеніе и достовѣрность. А изъ исторіи и даже современной намъ жизни мы знаемъ, подъ какимъ иногда сильнымъ вліяніемъ даже и ложной философіи можетъ находиться общество. Является зло: искаженіе или отрицаніе Богооткровенныхъ истинъ въ ложной философіи, а подъ ея вліяніемъ—и въ общественномъ сознаніи; въ обществѣ распространяется тѣвріе, а вмѣстѣ съ тѣмъ потрясаются основы нравственной дѣятельности и правильныхъ общественныхъ и социальныхъ отношеній; въ общественной жизни начинается процессъ нравственного и социальнаго разложенія. Истиннымъ пастыремъ христіанской Церкви неминуемо приходится вступать въ борьбу съ ожесточеннымъ и упорнымъ зломъ... Но плохъ и ненадеженъ тотъ борецъ, который, вступая въ борьбу, не будетъ знать своего противника, не будетъ знать, какими силами и средствами располагаетъ его врагъ и даже,—какое оружіе онъ держитъ въ своихъ рукахъ *).

Противъ изученія философіи говорятъ, впрочемъ, весьма много. Указываютъ на могущій произойти отъ нея вредъ для цѣлости строя общественной жизни и самыхъ религіозныхъ вѣрованій, такъ какъ „излишнее философствованіе можетъ приучить разсуждать тамъ, гдѣ нужно исполнять и дѣйствовать, и научить спрашивать о причинѣ, смыслѣ и цѣли каждаго постановленія“; повторяютъ слова Тертуліана, что „философія—матеръ ересей, источникъ ложныхъ понятій о религіи“ и пр. Желаящимъ ближе и болѣе подробно познакомиться съ такими и подобными имъ нападками на философію, а еще болѣе—съ превосходными опроверженіями ихъ, равно какъ и съ тѣмъ тѣснымъ соприкосновеніемъ, къ которое вступаетъ философія съ религіею,—рекомендуемъ рядъ прекрасныхъ и весь-

*) Говорятъ, что въ семинаріяхъ нельзя молодыхъ людей, по самому ихъ возрасту, достаточно снабдить свѣдѣніями для борьбы съ ложными философскими ученіями. Но чтоже изъ этого?—Укажите первый начала науки, развѣйте къ ней пиуелъ, пробудите умы къ напряженной работѣ мысли, возбудите охоту къ серьезному чтенію,—и дальнѣйшая жизнь докончитъ недоконченное.

ма серьезныхъ статей почтеннаго профессора Московской духовной академіи В. Д. Кудрявцева въ „Вѣрѣ и Разумѣ“, напримѣръ, „Нужна-ли философія?“ — „Возможна-ли философія?“; — въ „Православномъ Обзорѣніи“, „напримѣръ, „Теизмъ“, „Атеизмъ“ и „Паптеизмъ“. Мы же, хотя мимоходомъ, укажемъ здѣсь на неудачную практику въ этомъ отношеніи въ нашемъ русскомъ законодательствѣ. Приписывая философіи все зло, происходившее на западѣ въ области жизни политической, въ 40-хъ годахъ у насъ, какъ извѣстно, предприняли явное гоненіе на философію — въ университетахъ, уничтоживъ самое названіе *философскаго факультета*, и особливо въ школахъ духовнаго вѣдомства, думая тѣмъ пріостановить наплывъ къ намъ разрушительныхъ идей запада. Но что вышло изъ этого? Вышло то, что этимъ именно гоненіемъ на философію и открыли свободный къ намъ путь съ запада самымъ вѣрнымъ его „мудрованіямъ“. Наше общество лишено было твердаго и основательнаго критерія для отличія въ философіи истиннаго отъ ложнаго, а потому и совершенно естественно, если оно стало способнымъ къ увлеченію „всякимъ вѣтромъ“ самыхъ разнообразныхъ, даже явно ложныхъ и бессмысленныхъ философскихъ ученій...

Послѣ сказаннаго, нѣтъ уже болѣе нужды доказывать того, что если въ воспитанникахъ нашихъ духовныхъ семинарій мы желаемъ видѣть отличныхъ богослововъ и лицъ, вполне подготовленныхъ къ пастырскому служенію въ обществѣ, то необходимо предварительно позаботиться не только о томъ, чтобы въ семинаріяхъ были прекрасно преподаваемы богословскія науки, но и о томъ, чтобы въ системѣ предметовъ *общеобразовательнаго* курса семинарій преподаваніе философіи заняло во всѣхъ отношеніяхъ свое надлежащее, т. е. не только первенствующее, но и преобладающее положеніе. Къ сожалѣнію, при нынѣ дѣйствующемъ семинарскомъ уставѣ, объ этомъ даже и думать было невозможно, такъ какъ, по этому уставу, преподаваніе философіи въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ поставлено не только въ ложное, но и въ самое комическое положеніе. Оно поставлено даже ниже преподаванія математики, физики и исторіи, т. е., вопреки всѣмъ требованіямъ логическихъ законовъ, „общее“ поставлено ниже „частнаго“.

Будемъ, впрочемъ, надѣяться, какъ мы сказали и выше, что предпринятый въ высшихъ духовно-учебныхъ сферахъ пересмотръ семинарскаго устава устранить этотъ существенный недостатокъ семинарскаго образованія и дать надлежащую постановку преподаванію въ семинаріяхъ философскихъ наукъ, какъ учебныхъ предметовъ обще-образовательнаго курса. Противъ этого намъ, конечно, могутъ замѣтить, что, вслѣдствіе ненормально поставленнаго дѣйствующимъ уставомъ преподаванія въ семинаріяхъ философіи, трудно въ настоящее время найти вполне достойныхъ наставниковъ этого предмета. Но затрудненіе это, по нашему мнѣнію, вовсе не такъ велико, какимъ оно можетъ представиться на первый взглядъ. При всей обширности своего предмета положительныхъ знаній философія, какъ извѣстно, представляетъ вовсе не такъ много, чтобы для усвоенія ихъ потребовался слишкомъ продолжительный періодъ времени. Наши духовныя академіи ежегодно выпускаютъ значительный контингентъ молодыхъ людей съ достаточнымъ запасомъ положительныхъ философскихъ свѣдѣній и научныхъ силъ, а главное—здорово мысля, пужно только честное отношеніе къ дѣлу, любовь къ труду и наукѣ, — и эти молодые люди, спустя непродолжительное время, будутъ прекрасными наставниками. При честномъ отношеніи къ дѣлу, какъ философскія познанія будутъ скопляться, такъ и философствующій разумъ наставника будетъ зрѣть и крѣпнуть вмѣстѣ съ усиліемъ доставить надлежащее философское образованіе другимъ. Ибо если къ чему, то именно къ преподаванію философіи по преимуществу должно быть отнесено изреченіе древнихъ *docendo discimus!*...

Ъ.....

ПИСЬМА

Философа Сенеки.

ПИСЬМО XXXV *).

ОБЪ УМѢРЕННОСТИ. РАЗБОРЪ НѢКОТОРЫХЪ ПОЛОЖЕНІЙ СТОИКОВЪ.

Прежде чѣмъ взойти на корабль, я потерялъ кораблекрушеніе. Я не рассказываю тебѣ, какъ это случилось, чтобы ты не подумалъ, что и это должно отнести къ числу стоическихъ парадоксовъ; *все-таки* я докажу тебѣ, — если хочешь, даже если не хочешь, — что между ними нѣтъ ни одного ложнаго или столь страннаго, какъ это кажется съ перваго взгляда. Между прочимъ путешествіе это научило меня тому, сколь много есть у насъ излишняго и сколь многое могли бы мы отбросить такого, лишенія чего мы не замѣчаемъ, если лишаемся по необходимости. Съ весьма немногими рабами, сколько можно помѣстить ихъ въ одну повозку, не взявши съ собою ничего кромѣ того, что носимъ на своемъ тѣлѣ, я и мой Максимъ **) вотъ уже два дня проводимъ въ высшей степени пріятную жизнь. На землѣ лежитъ тюфякъ, на тюфякѣ я. Изъ двухъ *пенулъ* ***)) одна служитъ простынею, другая покрываломъ. Въ моемъ столѣ нельзя сдѣлать никакого уменьшенія; готовится онъ не болѣе, какъ въ одинъ часъ, никогда не обходится безъ сушеныхъ смоквъ и никогда безъ

*) Ер. 87.

**) Цезоній Максимъ (Caesonius Maximus) считается въ числѣ самыхъ близкихъ и вѣрныхъ друзей Сенеки.

***)) *Пенула* — круглое и закрытое верхнее платье, покрывавшее все тѣло, кромѣ головы и ногъ, носимое особенно во время пуги и при походахъ въ войскѣ.

моей записной книжки. Смоквы служатъ мнѣ, если есть хлѣбъ, прикускою, а если нѣтъ хлѣба, то вмѣсто хлѣба. Опѣ, *т. е. смоквы*, дѣлають для меня каждый день новымъ годомъ*), который, благодаря моимъ добрымъ мыслямъ и величію духа, для меня является счастливымъ и благопріятнымъ. Духъ никогда не чувствуетъ себя столь высоко, какъ когда отстранить отъ себя все чуждое и, устраняя всякій страхъ, приготовить себѣ миръ, и, отдаливъ всякое страстное пожеланіе, приготовить богатство. — Повозка, въ которой я сижу, деревенская; мулы только движеніемъ доказываютъ, что они живы; погонщикъ муловъ боится не ради того, что лѣто, а ради экономии. Я едва удерживаюсь отъ желанія считать эту повозку своею. Меня удерживаетъ еще отъ этого ложный стыдъ. Всякій разъ, встрѣчаясь съ какимъ-нибудь пыльнымъ поѣздомъ, я невольно краснѣю, — что служить доказательствомъ того, что то, что я считаю за благо, что я хвалю, еще не имѣетъ во мнѣ прочности и устойчивости. Кто краснѣетъ отъ бѣдной повозки, тотъ (слѣдовательно) тщеславится богатой. Недалеко я еще ушелъ; я еще не смѣю открыто выставить свою простоту, я еще доселѣ обращаю вниманіе на мнѣніе *встрѣчающихся* путешественниковъ. Я долженъ былъ возвышать свой голосъ противъ мнѣнія всего рода человѣческаго (и кричать): вы безумствуете, заблуждаетесь, изумляетесь пустому, никого не оцѣниваете *по тому, что въ немъ есть действительно* его! Когда дѣло доходить до имущества, то вы, тщательнѣйшіе счетчики, о каждомъ, кому намѣрены дать въ заемъ денегъ или оказать благодѣяніе (вѣдь и это вы вписываете въ расходъ), такъ рассуждаете: у него большія владѣнія, но онъ много долженъ; домъ у него прекрасенъ, но устроенъ на чужія деньги; никто не одѣваетъ такъ красиво домашнюю прислугу, но онъ молчитъ о своихъ долговыхъ обязательствахъ. Если онъ уплатитъ своимъ кредиторамъ, то у него для себя ничего не останется. Такъ точно должны вы поступать и во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ и изслѣдовать, сколько у каждого своего собственного. Ты считаешь такого-то богачемъ, потому что золотая мебель

*) Римляне въ день новаго года, въ знакъ благожеланій, дарили, обыкновенно, другъ другу смоквы и др. т. п. плоды.

сопровождаетъ его даже въ пути, потому что онъ дѣлаетъ по-сѣвы во всѣхъ провинціяхъ; потому что онъ перелистываетъ громадную книгу процентовъ (приходо-расходную); потому что онъ владѣетъ въ такомъ количествѣ подгородними землями, что ему позавидовали бы, если бы онъ имѣлъ столько въ пустыняхъ Апуліи; хотя бы ты сказалъ все это, онъ все таки бѣденъ. Почему? потому что долженъ. Сколько?—спросишь ты. Все,—если только ты не признаешь разницы между тѣмъ, взялъ-ли кто займы у человѣка, или у фортуны. Какое отношеніе къ дѣлу имѣютъ хорошо откормленные мулы и эта украшенная рѣзбою повозка?

. У коней какъ будто
Крылатыя ноги. Ихъ сѣдла оцѣты
Пурпуровой тканью съ богатымъ узоромъ:
На грудь упадаетъ пазъ золота поводъ,
На сѣдлахъ повсюду такіа же бляхи,
Такиа жъ удила, покрытая пѣной,—
Они потрясаютъ своими зубами *).

Все это не сдѣлаетъ лучшимъ ни господина, ни мула. Маркъ Катонъ цензоръ, существованіе котораго для государства было столь же полезно, какъ и Сципіона (послѣдній велъ войну съ нашими врагами, а первый съ нашими правами), ѣздилъ на обыкновенной обозной лошади, имѣя при этомъ व्यюковый мѣшокъ, чтобы имѣть возможность возить съ собою все полезное. О, какъ бы я желалъ, чтобы теперь встрѣтился съ нимъ на улицѣ какой-нибудь изъ щеголей, ѣдущій съ скороходами и Нумидійцами **) и поднимающій предъ собою облака пыли! Онъ, безъ сомнѣнія, оказался бы гораздо пышнѣе и съ большею свитою, нежели Катонъ,—онъ, который среди этой пышной обстановки съ нерѣшимостію размышляетъ о томъ, взяться-ли ему за мечъ, или за ножъ ***). О, какое прекрасное

*) „Энеида“ Виргилія кн. VII. ст. 461 и д. по переводу г. Соснецкаго. Этими стихами Виргилій описываетъ лошадей, которыхъ подарилъ при первомъ знакомствѣ спутникамъ Эней царь латинцевъ.

**) Нумидійцы считались всегда превосходными наѣздниками, и богатые римляне всегда нанимали ихъ въ своей свитѣ въ качествѣ стремящихъ.

***) Здѣсь заключается указаніе на разраженность нравовъ того времени, когда много не знало не стыдился являться на аренѣ цирка для гладиаторскаго состязанія (съ мечомъ), или для борьбы съ дикими звѣрями (съ ножомъ), что въ доброе старое время считалось дѣломъ приличнымъ только рабамъ.

было время! Полководецъ, почтенный триумфомъ *) цензоръ—и, что всего важнѣе—Катонъ—довольствовался одною лошадейю, да и то даже не всею: часть ея занимала съ обѣихъ сторонъ висящая поклажа! Не предпочтешь ли ты всѣмъ откормленнымъ иноходцамъ, астурийскимъ рысакамъ и скакунамъ этого единственнаго, самимъ Катономъ вычищеннаго коня?

Но я не вижу конца этой матеріи, если не сдѣлаю его самъ. Итакъ, я умолчу относительно тѣхъ вещей, о которыхъ безъ сомнѣнія тотъ, который назвалъ ихъ *impedimenta*, **) предвидѣлъ, что онѣ будутъ таковы, каковы въ дѣйствительности теперь. Теперь я хочу тебѣ сообщить еще нѣсколько положеній нашей школы, имѣющихъ отношеніе къ добродѣтели, о которой мы утверждаемъ, что она (одна) достаточна для счастливой жизни. „Отъ добраго происходитъ доброе. Вотъ въ музыкальномъ искусствѣ (хорошаго) музыканта образуетъ то, что есть въ немъ (въ искусствѣ) хорошаго. Дары случая не дѣлаютъ хорошимъ, следовательно, они—не благо“. Напротивъ, перипатетики признаютъ первое наше положеніе ложнымъ. „Изъ того, что благо, говорятъ они, не необходимо всегда выходить хорошее. Въ музыкѣ можетъ быть что-либо хорошее, какъ напр. флейта, струнный инструментъ, приспособленный къ употребленію музыканта, — однакоже ничто изъ нихъ не дѣлаетъ музыканта“. На это мы отвѣтимъ: вы не понимаете, въ какомъ смыслѣ мы высказали положеніе, что „въ музыкѣ есть нѣчто хорошее“. Мы подъ этимъ не разумѣли того, чѣмъ вооружается музыкантъ, но то, что его дѣлаетъ *искуснымъ* музыкантомъ; ты останавливаешь вниманіе только на инструментахъ *музыкальнаго* искусства, а не на самомъ искусствѣ. Но если въ музыкальномъ искусствѣ есть нѣчто хорошее, то оно во всякомъ случаѣ образуетъ (хорошаго) музыканта. Представляю это яснѣе. Въ музыкальномъ искусствѣ прекрасное понимается въ двоякомъ отношеніи, во-первыхъ въ отношеніи къ исполненію музыканта, во-вторыхъ въ отношеніи къ самому искусству. Къ

*) Катонъ удостоенъ былъ триумфа за военные дѣянія въ Испаніи, во время своего проконсульства въ 194 г. до Р. Х.

**) *Impedimenta* собственно значить *препятствія*, — то, что мешаетъ свободному движенію, а отсюда *багажъ*.

исполненію относятся музыкальные инструменты, какъ флейты, струнные и др. инструменты; къ самому искусству они не имѣютъ отношенія. Вѣдь художникомъ (музыкальнымъ) можно быть и безъ нихъ, хотя проявить своего искусства безъ нихъ нельзя. Но въ человѣкѣ прекрасное нельзя подобнымъ образомъ раздвоить; для человѣка и для жизни бываетъ одно только благо.

Что выпадаетъ на долю самаго презрѣннаго и самаго низкаго человѣка, то — не благо; богатства же достаются и своднику, и учителю гладіаторскаго искусства; слѣдовательно, они — не благо. „Ложно, скажутъ намъ, это ваше положеніе. Въ занятіяхъ словесностію, въ медицинѣ или въ дѣлѣ управленія кораблемъ благо бываетъ достояніемъ людей самыхъ презрѣнныхъ“.

Но эти самыя искусства не проявляютъ никакого величія духа, не стремятся въ высоту и не презираютъ даровъ случая. Добродѣтель возвышаетъ человѣка и ставитъ его выше всего того, что дорого смертнымъ; она не питаетъ излишняго пристрастія къ тому, что называется благомъ, не боится того, что называется зломъ. Хелидонъ, одинъ изъ баловней Клеопатры, владѣлъ огромнымъ имуществомъ; недавно существовалъ Наталисъ, человѣкъ съ дерзкимъ и сквернословнымъ языкомъ, служившимъ ему только на дурное *), — который считался наслѣдникомъ очень многихъ и самъ имѣлъ множество наслѣдниковъ. И что же? Деньги его замарали, или онъ самъ замаралъ деньги? *Попавъ къ некоторымъ людямъ, деньги попадаютъ, какъ динарій въ помойную яму.* Добродѣтель стоитъ выше всего этого, она оцѣнивается *по собственному достоинству*; она не признаетъ за благо ничего изъ того, что куда-либо можетъ исчезнуть. Медицина и искусство управлять кораблемъ не запрещаютъ себѣ и своимъ людямъ относиться съ уваженіемъ къ такого рода предметамъ. Недобрый человѣкъ тѣмъ не менѣе можетъ быть медикомъ, кормчимъ, грамматикомъ точно также, клянусь Зевсомъ, какъ и поваромъ. Кому не выпало на долю имѣть все, чего хочетъ случайность, тому нельзя дать какое угодно, возможное имя. Каждый таковъ есть, каково то, чѣмъ онъ владѣетъ. Денежный сундукъ цѣнится во столько, сколько въ немъ есть (денегъ), — даже идетъ въ придачу къ

*) Въ данномъ мѣстѣ мы позволили себѣ отступитъ отъ дословнаго перевода.

тому, что въ немъ есть. Кто же будетъ цѣнить кошелекъ, наполненный *денгами* иначе, какъ по тому количеству денегъ, какое въ немъ заключается? Тоже самое выпадаетъ на долю владѣльцевъ большихъ имѣній; они бываютъ придачею, прибавкою къ нимъ (имѣніямъ). Итакъ, почему мудрецъ великъ? Потому что онъ имѣетъ великій духъ. Послѣ этого вѣрно, что то, что бываетъ достояніемъ самаго дурнаго человѣка, не есть благо. Поэтому нечувствительность къ скорби я никогда не назову благомъ, она есть и у кузнечика и у блохи. Не назову даже благомъ покоя и свободы отъ неудовольствій. Что покойнѣе червяка?...

Ты спросишь, что же дѣлаетъ мудрымъ? То-же, что дѣлаетъ Богомъ *). Ты непременно долженъ будешь приписать ему (мудрецу) нѣчто божественное, нѣчто небесное, нѣчто величественное. Не каждому выпадаетъ благо и не каждый допускается къ обладанію имъ. Посмотри,

Что производятъ отдѣльныя страны и чѣмъ онѣ бѣдны.

Здѣсь зеленыя богатая нивы, а тамъ виноградники;

Тамъ уродились яблоки, груши, а тамъ безъ ухода

Выросли злаки. Замѣть-же, что Тмоль ²⁾ шлетъ духи изъ шафрана,

Индія всѣхъ надѣляетъ слоновью костью; Сибейцы ³⁾

Смолы душистыя всѣмъ рассылають, Халибы ⁴⁾—железо ⁵⁾.

Всему этому указаны въ (различныхъ) странахъ опредѣленные мѣста, чтобы смертные могли между собою производить обмѣнъ, если кто-либо отъ другаго что пожелаетъ. И высшее благо имѣетъ также свое мѣстопробываніе; но оно не родится тамъ, гдѣ производится слоновая кость и гдѣ добывается железо. Гдѣ же мѣстопробываніе, спросишь ты, высшего блага? Духъ. Если духъ не чистъ и не святъ, то онъ не въ состояніи принять въ себя Бога. Благо изъ зла не бываетъ, а богатства бываютъ результатомъ жадности; слѣдовательно, богатства—не благо. Намъ скажутъ: „несправедливо, что изъ зла не рож-

¹⁾ Т. е. совершенный разумъ. Эта часть нашего существа есть часть божественнаго разума и совершенствованіе ея ведетъ къ богоподобію.

²⁾ Горы и городъ въ Лидіи въ Малой Азіи.

³⁾ Жители города Саба въ Аравіи.

⁴⁾ Халибы—народъ, жившій въ восточномъ Понтѣ и занимавшійся особенно рыболовствомъ и горнымъ дѣломъ.

⁵⁾ Виргилія „Георгики“ I ст. 53 и сл.

дается блага. Вѣдь воровствомъ и святотатствомъ наживаютъ деньги? Воровство и святотатство, правда, зло, но зло потому, что причиняютъ больше зла, чѣмъ добра. Вѣдь они приносятъ выгоду, но бываютъ соединены со страхомъ, безпокойствомъ, муками тѣла и души. Каждый, говоря это, непременно долженъ признать, что воровство, будучи зломъ, такъ какъ оно причиняетъ много зла,—въ нѣкоторомъ отношеніи также и благо, такъ какъ доставляетъ нѣсколько блага“. Что можетъ быть несообразнѣе этого *утвержденія*? Не смотря на это, мы убѣждены, что (нѣкоторые) признаютъ за благо святотатство, воровство, прелюбодѣяніе. Какъ много есть людей, которые не стыдятся воровства, которые хвалятся прелюбодѣяніемъ! Наказываютъ маленькаго вора, а большой празднуетъ триумфъ. Прибавь теперь къ этому, что святотатство, если оно дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи благо, будетъ даже прекрасно (нравственно-добрымъ) и будетъ называться честнымъ поступкомъ,—вѣдь это наше дѣйствіе,—съ чѣмъ не можетъ согласиться ничья уже мысль. Итакъ, благо не можетъ произойти изъ дурнаго (зла).

„Если, какъ вы говорите, воровство потому только зло, что влечетъ за собою много зла, то, съ отнятіемъ у него наказанія и съ присоединеніемъ безопасности, оно явится совершеннымъ благомъ.“ Но самое тяжкое наказаніе за злодѣянія заключается въ нихъ самихъ. Ты заблуждаешься, скажу я, если наказаніе (за преступленіе) сводишь къ палачу или темницѣ; преступленія наказываются тотъ-же часъ, какъ они совершены, даже въ то время, какъ совершаются. Итакъ, благо не происходитъ изъ зла, точно также, какъ изъ оливковаго дерева не рождается смоква. Растеніе соотвѣтствуетъ *своему* сѣмени; благо не можетъ вырождаться. Какъ изъ безчестнаго не можетъ произойти честное, такъ изъ зла не можетъ произойти благо, потому что честное (нравственно-прекрасное) и благо одно и то же. На это нѣкоторые изъ нашей школы отвѣчаютъ такъ: „положимъ, что деньги, откуда бы онѣ ни достались,—благо; тогда деньги, хотя-бы онѣ достались чрезъ воровство, все-таки не происходятъ отъ воровства“. Это должно понимать такъ: въ одной и той-же урнѣ лежитъ змѣя и золото. Если ты вы-

нешь изъ урны золото при существованіи тамъ змѣи, то урна не потому даетъ золото, что тамъ есть змѣя, но (просто) даетъ золото, хотя тамъ и есть змѣя. Точно также въ воровствѣ есть выгода не оттого, что оно постыдно и преступно, а потому что имѣетъ выгоду. Какъ въ урнѣ зло составляетъ змѣя, а не золото, которое лежитъ вмѣстѣ съ змѣею, такъ и въ воровствѣ зло составляетъ преступленіе, а не выгода. Противъ этого имъ говорятъ: отношенія въ томъ и другомъ случаѣ совершенно различны. Тамъ я могу взять золото безъ змѣи, а въ послѣднемъ случаѣ сдѣлать приобрѣтеніе безъ воровства не могу. Здѣсь выгода не приложена къ злодѣянію, а смѣшана съ нимъ. Тотъ предметъ, желая достигнуть котораго, мы претерпѣваемъ множество зла, не есть благо; желая приобрѣсти богатство, мы претерпѣваемъ множество зла; слѣдовательно, богатство не благо. Намъ скажутъ: „ваше положеніе даетъ два заключенія. Первое: желая приобрѣсти богатство, мы претерпѣваемъ множество зла,“ — но мы претерпѣваемъ много зла и при стремленіи къ добродѣтели. Иной, обучаясь *управлять кораблемъ*, терпитъ кораблекрушеніе, иной попадаетъ въ плѣнъ. Другое заключеніе таково: „То, благодаря чему мы терпимъ много зла,—не благо“. Изъ этого положенія не слѣдуетъ, что мы чрезъ богатства или удовольствія терпимъ много зла; или, если мы (дѣйствительно) чрезъ богатство терпимъ много зла, богатство не только не благо, но *даже* зло, тогда какъ вы только говорите, что оно—не благо. Кромѣ того, скажутъ намъ: вы согласны, что богатство имѣетъ своего рода полезную сторону; вы считаете его въ числѣ предметовъ выгодныхъ; но послѣ этого его нельзя считать даже въ числѣ выгодъ, потому что чрезъ него бываетъ множество невыгодъ. На это нѣкоторые отвѣчаютъ слѣдующее: вы заблуждаетесь, если приписываете невыгоды богатству. Богатства не вредятъ никому; вредитъ каждому или своя собственная глупость, или чужая подлость. Точно также мечъ никого не убиваетъ (самъ), но бываетъ оружіемъ для убійцы. Посему если тебѣ наносятъ вредъ изъ-за богатства, не богатства вредны. Посидоній, *) какъ мнѣ кажется, разсуждаетъ лучше. Онь

*) Посидоній, именно Rhodius, философъ стоической школы, родившійся око-

говорить, что богатства бываютъ причиною бѣдъ не потому, что они сами причиняють (зло), а потому, что *другихъ* побуждаютъ причинять. Иное дѣло причина дѣйствующая, которая необходимо вредить сейчасъ-же, иное дѣло причина побудительная; эту-то побудительную причину поситъ въ себѣ богатство. Оно влечетъ за собою напыщенность, порождаетъ гордость, привлекаетъ зависть и до того ослѣпляетъ умъ, что насъ радуетъ даже молва о (нашемъ) богатствѣ, хотя бы и вредная для насъ. А благо должно быть чуждо всякаго обвиненія. Оно чисто, не развращаетъ и не беспокоитъ душу; оно хотя возвышаетъ духъ и расширяетъ *его кругозоръ*, но безъ напыщенности. Благо рождаетъ увѣренность (въ себѣ), богатство—наглость; благо рождаетъ великодушіе, богатство—надменность, а надменность есть не что иное, какъ подложный видъ величія.

„Такимъ образомъ, скажутъ намъ, богатство даже зло, не только не благо“. Было-бы зло, если бы оно вредило само, если бы, какъ я сказалъ, оно было дѣйствующею причиною; теперь же оно—причина побудительная и не только побуждаетъ души (причинять зло), но увлекаетъ ихъ. Вѣдь оно по виду представляется почти, а для большинства несомнѣнно,—благомъ. Добродѣтель также заключаетъ въ себѣ побудительную причину къ зависти: многимъ завидуютъ по причинѣ мудрости, многимъ по причинѣ справедливости; но эта причина лежитъ не въ самомъ существѣ добродѣтели, а только кажущаяся. Напротивъ, добродѣтель имѣетъ въ себѣ болѣе всего тотъ видъ, который побуждаетъ души людей къ любви и уваженію. Посидоній говоритъ, что должно умозаключать (въ данномъ случаѣ) такъ: все, что не возвышаетъ духа, не даетъ ему увѣренности и спокойствія,—не благо; а богатство, доброе здоровье и т. п. не приносятъ съ собою ничего такого, слѣдовательно, они—не благо. Это умозаключеніе опъ опредѣленіе выражаетъ еще такимъ образомъ: все, что не возвышаетъ духа, не даетъ ему увѣренности и спокойствія, а напротивъ порождаетъ надменность, наглость и притязательность, есть зло; все случайное побуждаетъ насъ къ этому послѣднему, слѣдова-

тельно, все случайное—не благо. „Да такимъ образомъ, скажутъ намъ, оно не будетъ даже и выгодною“. Иное дѣло—выгода, иное—благо. Выгодною называется все то, что заключаетъ въ себѣ болѣе пользы, чѣмъ неудобствъ; благо должно быть чисто и со всѣхъ сторонъ безукоризненно. Не то благо, что приноситъ *болше* пользы, а то благо, что приноситъ *только одну* пользу. Поэтому выгода можетъ относиться и къ животнымъ, и къ людямъ несовершеннымъ, и къ глупцамъ; къ нему можетъ быть, такимъ образомъ, примѣшана и невыгода, но она будетъ называться выгодною, будучи цѣнима по большей своей части. Благо относится къ одному только мудрецу, оно должно быть безъ всякой примѣси. Имѣй добрый духъ!

Остается тебѣ рѣшить еще одинъ вопросъ и вопросъ Геркулесовскій. *) Изъ зла не бываетъ блага; *изъ имущества многихъ бѣдниковъ* составляется (можно образовать) богатство; слѣдовательно, богатство не благо. Наппи (стоики) не признаютъ этого умозаключенія. Перипатетики выдумали его, чтобы опровергнуть. Но Посидоній говоритъ, что этотъ, во всѣхъ школахъ диалектиковъ, часто употребляемый софизмъ Антипатръ **) такъ опровергаетъ: бѣдность называется бѣдностью не въ утвердительномъ, а въ отрицательномъ смыслѣ, или, какъ говорили древніе, *per orbatationem*, а по гречески *κατὰ στέρησιν* ***); она получаетъ свое названіе не оттого, что имѣетъ, но оттого, что не имѣетъ. Множествомъ пустоты ничего нельзя наполнить; богатство образуется изъ множества предметовъ, а не изъ множества недостатковъ. Ты понимаешь бѣдность не такъ, какъ должно (понимать). Бѣдностью называется не то, что владѣетъ немногимъ, а то, у чего многого недостаетъ. Итакъ, она получаетъ названіе не оттого, что имѣетъ, а оттого, чего ей недостаетъ. Я яснѣе выразилъ-бы то, что хочу,

*) Т. е. такой, который требуетъ большихъ усилій для того, чтобы разрѣшить его; въ означенномъ мѣстѣ это опредѣленіе употреблено въ ироническомъ смыслѣ.

**) Антипатръ—уроженецъ города Тира, философъ стоической школы, жившій въ Афинахъ около 44 года до Р. Х.

***) Т. е. слово *бѣдность* (*paupertas*) должно быть понимаемо не какъ нѣчто положительное, но какъ нѣчто отрицательное. *Per orbatatem*, *κατὰ στέρησιν* собственно значить *по причинѣ лишенія*.

если-бы на латинскомъ языкѣ было слово, соотвѣтствующее по значенію греческому ἀνταρξία. *) Этимъ словомъ Антипатръ обозначаетъ бѣдность. Я съ своей стороны вижу, что бѣдность есть не что иное, какъ обладаніе немногимъ. На досугѣ мы рассмотримъ, какова сущность богатства и бѣдности, тогда также поразсудимъ, не лучше-ли успокоить бѣдность и уменьшить высокомеріе богатства, чѣмъ спорить изъ-за словъ, какъ будто-бы вопросъ рѣшается о самомъ дѣлѣ. Представимъ себѣ, что мы призваны въ народное собраніе. Предлагается законъ объ уничтоженіи богатствъ: согласны или несогласны мы съ этимъ предложеніемъ? намѣрены-ли вы этимъ сдѣлать, чтобы народъ римскій снова хвалилъ и стремился къ бѣдности, основѣ и причинѣ его власти, а своихъ богатствъ боялся бы; чтобы онъ мыслилъ такъ, что богатства найдены у побѣжденныхъ; что благодаря имъ въ самый нравственно чистый и воздержный городъ проникли заискиваніе *при соисканіи должностей*, мотовство, смуты; что съ великою роскошью на показъ выставляется награбленное у другихъ народовъ; что отнятое однимъ народомъ у всѣхъ другихъ легче можетъ быть отнято этими послѣдними у одного? Вотъ все это внушать и изгонять страсти гораздо лучше, чѣмъ заниматься опредѣленіями (того, что такое бѣдность и пр.). Если будетъ возможность, мы поговоримъ объ этомъ болѣе основательно, если-же нѣтъ,—выскажемъ *нашу мысль* яснѣе.

ПИСЬМО XXXVI **).

ДОЛЖНО ЖИТЬ СООБРАЗНО СЪ ТРЕБОВАНИЯМИ ПРИРОДЫ.

Я жалуюсь, бранюсь, гнѣваюсь. Неужели ты и теперь еще желаешь того, чего желали твоя кормилица, педагогъ, ***) мать? Развѣ ты еще не понимаешь, сколько дурнаго они желали? О, сколь невыгодны для насъ пожеланія нашихъ близкихъ и чѣмъ они невыгодиѣ, тѣмъ легче осуществляются! Я уже не удивляюсь

*) 'Ανταρξία—отсутствіе чего-либо.

**) Ер. 60.

***) Педагогами назывались рабы, которые отводили дѣтей въ школу и надсматривали за ними.

тому, если насъ съ младенчества преслѣдуетъ зло: мы растемъ подъ заклѣтіемъ родителей. Пусть же они слушаютъ нашу благодарный за пожеланія голосъ. Долго ли мы будемъ обращаться съ просьбою къ богамъ, какъ будто мы сами еще не можемъ прокормить себя? Долго-ли мы будемъ еще засѣвать поля, равныя по пространству цѣлымъ округамъ? Долго-ли для насъ будетъ собирать жатву цѣлый народъ? Долго-ли для стола одного человѣка будутъ привозить продовольствіе множество кораблей и при томъ не изъ одного только моря *)? Быкъ довольтвуется пастбищемъ на пространствѣ нѣсколькихъ югеровъ **); одного лѣса довольно для многихъ слоновъ; а человѣкъ захватилъ для себя пастбища на морѣ и на сушѣ. Что-же это значитъ? Неужели природа при столь незначительномъ тѣлѣ дала намъ столь ненасытный желудокъ, что мы жадностію превосходимъ самыхъ огромныхъ и самыхъ прожорливыхъ животныхъ? Нѣтъ! Сколь мало здѣсь есть того, что собственно требуется природою! Она довольтвуется малымъ. Не требованіе нашего желудка обходится намъ такъ дорого, а тщеславіе. Потворствующихъ своему желудку, какъ говоритъ Саллюстій ***), мы будемъ считать въ числѣ животныхъ, а не людей; а нѣкоторыхъ (прибавлю) даже не въ числѣ животныхъ, а въ числѣ мертвецовъ. Тотъ живетъ, кто полезенъ многимъ, кто пользуется своими силами, а кто скрывается и лежитъ въ оцѣпелѣніи, тотъ въ своемъ домѣ какъ-бы въ могилѣ. На ихъ порогѣ, на мраморной доскѣ, можно написать ихъ имена; ****) они предупредили свою смерть.

*) Указаніе на богачей, которые владѣли огромными помѣстьями, на которыхъ работало безчисленное множество рабовъ. Всѣ доходы, обыкновенно, употреблялись на роскошь и удовольствія.

**) Югеръ—римская десятина, участокъ земли длиною въ 240, ширинною въ 120 футовъ.

***) Римскій историкъ, родившійся въ 86, а умершій въ 35 г. до Р. Х. Означенное мѣсто приведено изъ его сочиненія „Catilina“ cap. I.

****) Т. е. надъ ними, какъ надъ умершими, можно сдѣлать надгробныя надписи.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Іюля № 14. 1884 года.

Содержаніе: Опреѣленія Святѣйшаго Синода. — Свѣдѣнія о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X Епархіальнымъ Свѣдомъ за первую половину сего 1884 года. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки.

Опреѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 13—21 Іюня 1884 года, за № 2955, о правилахъ церковно-приходскихъ школь.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 21 Іюня 1884 года за № 2955, въ коемъ изъясняется, что, во исполненіе определѣнія Святѣйшаго Синода, онъ имѣлъ счастье повергать на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе составленныя Святѣйшимъ Синодомъ „Правила о церковно-приходскихъ школахъ“ и испрашивать Высочайшее разрѣшеніе на введеніе сихъ правилъ въ дѣйствіе во всѣхъ епархіяхъ, кромѣ Рижской, а также и Великаго Княжества Финляндскаго, и что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ въ 13 день Іюня сего года правила эти утвердить. При чемъ Его Величеству благоугодно было, на всеподданнѣйшей запискѣ по этому предмету, Собственноручно начертать: „Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ“. При ка за л и: Державная воля возлюбленнаго Монарха подтверждаетъ нынѣ православному духовенству возложенную на него долгомъ званія обязанность учительства къ просвѣщенію народа въ истинахъ Православной вѣры и въ правилахъ благочестія. Слово Монарха, обращенное къ пастырямъ и

учителямъ Церкви, послужить новымъ для нихъ возбужденіемъ къ ревности въ священномъ ихъ служеніи, дабы совокупленнымъ ихъ трудомъ и примѣромъ собственной жизни воспитывать въ дѣтяхъ страхъ Божій, преподавать имъ знаніе вѣры, вселять въ сердца ихъ любовь къ Св. Церкви и преданность Царю и Отечеству. Препровождая при семъ къ подлежащему исполненію Высочайше утвержденныя правила о церковно-приходскихъ школахъ, Святѣйшій Синодъ возлагаетъ на Епархіальныхъ Архіереевъ особое попеченіе какъ о поддержаніи существующихъ, такъ и объ устройствѣ, по мѣрѣ возможности, новыхъ церковно-приходскихъ школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ никакихъ училищъ не имѣется, при чемъ надлежитъ прилагать заботу не только объ умноженіи школъ, но въ особенности о томъ, чтобы обученіе повсюду, гдѣ есть школы, происходило старательно и правильно. Въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждены гражданскимъ вѣдомствомъ школы, не принадлежащія къ числу приходскихъ, духовенство должно открывать свои школы не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи Преосвященнаго съ подлежащимъ начальствомъ, такъ какъ для достиженія полного успѣха въ просвѣщеніи народа потребно единодушіе между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ служенію сему дѣлу. На должность наблюдателей за церковно-приходскими школами должны быть назначаемы преимущественно тѣ изъ священниковъ, кои извѣстны своимъ усердіемъ и опытностію въ дѣлѣ учительства и начального образованія. Вниманіе Преосвященныхъ должно быть обращено и на привлеченіе къ сему дѣлу просвѣщенныхъ и благочестивыхъ мірянъ, извѣстныхъ прежнимъ своимъ усердіемъ къ устройству церковно-приходскихъ школъ, и способныхъ личнымъ трудомъ и попеченіемъ или матеріальною помощію оказать свое содѣйствіе: участіе въ трудахъ Епархіальнаго Совѣта и въ наблюденіи за школами людей благочестивыхъ и преданныхъ Церкви поможетъ духовенству въ усовершеніи дѣла на него возложеннаго. Святѣйшій Синодъ питаетъ надежду, что Архипастыри Всероссийской Церкви со тщаніемъ и любовью приложатъ трудъ свой къ утвержденію въ народной школѣ церковнаго начального образованія въ духѣ благочестія, что священники, руководствуясь 10-мъ правиломъ седьмага Вселенскаго Собора, будутъ помнить, что имъ „паче всего подобаетъ учить отроковъ, читая имъ Божественное Писаніе, ибо для сего и священство получили“, и что вообще всѣ члены клира, служа по мѣрѣ силъ народному просвѣщенію, оправдаютъ то высокое довѣріе къ православному духовенству, которое

Государь Императоръ благоволилъ выразить при утвержденіи настоящихъ правилъ. Призывая благословеніе Господне на всѣхъ трудящихся и обучающихся въ церковно-приходскихъ школахъ, Святѣйшій Синодъ уповаетъ, что школы сіи будутъ истинными расадниками христіанскаго просвѣщенія въ православномъ народѣ. Іюля 12 дня 1884 года.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„Утверждаю“

Въ Петергофѣ,
13-го Іюня 1884 года.

П РА В И Л А

О церковно-приходскихъ школахъ.

§ 1. Церковно-приходскими школами именуются начальныя училища, открываемыя православнымъ духовенствомъ. Школы сіи имѣютъ цѣлю утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія.

§ 2. Церковно-приходскія школы открываются приходскими священниками или, съ ихъ согласія, другими членами причтовъ, на мѣстныя средства прихода, безъ пособій или съ пособіемъ отъ сельскихъ и городскихъ обществъ, приходскихъ попечительствъ и братствъ, земскихъ и другихъ общественныхъ и частныхъ учреждений и лицъ, епархіальнаго и высшаго духовнаго начальства, а равно и казны.

§ 3. Объ открытіи церковно-приходской школы приходскіе священники доносятъ чрезъ благочинныхъ Епархіальному Архіерею, испрашивая его благословенія и утвержденія.

Примѣчаніе. О вновь открываемыхъ церковно-приходскихъ школахъ священники сообщаютъ чрезъ благочинныхъ для свѣдѣнія Уѣзднымъ Училищнымъ Совѣтамъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, должностнымъ лицамъ учебнаго вѣдомства, заведывающимъ народными школами.

§ 4. Закрытіе церковно-приходскихъ школъ, а равно и передача ихъ въ другое вѣдомство происходятъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея.

§ 5. Церковно-приходскія школы могутъ быть одноклассныя съ двухлѣтнимъ и двуклассныя съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Въ нихъ преподаются: 1) Законъ Божій, и именно: а) изученіе молитвъ, б) священная исторія и объясненіе богослуженія, в) краткій катихизисъ; 2) церковное пѣніе, 3) чтеніе церковной и гражданской печати и письмо; 4) начальныя ариф-

метическія свѣдѣнія. Въ школахъ двухклассныхъ преподаются сверхъ сего начальныя свѣдѣнія изъ исторіи Церкви и отечества.

Примѣчаніе. Объемъ преподаванія сихъ предметовъ и распредѣленіе ихъ по тѣмъ и другимъ школамъ устанавливаются особыми программами съ утвержденія Святейшаго Синода. При семъ наблюдается, чтобы въ одноклассныхъ школахъ составъ учебныхъ предметовъ былъ не менше опредѣленнаго въ положеніи о пач. народн. учил. 25 мая 1874 года.

§ 6. Вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства подлежатъ и открываемыя по деревнямъ и поселкамъ, входящимъ въ составъ прихода, домашнія крестьянскія школы грамотности.

§ 7. По мѣрѣ надобности и средствъ дозволяется открывать, съ разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея, при церковно-приходскихъ школахъ: а) дополнительные классы по предметамъ, преподаваемымъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ школахъ; б) ежедневные уроки для взрослыхъ; в) особыя ремесленныя отдѣленія и руководныя классы и г) воскресныя школы для лицъ, не имѣющихъ возможности пользоваться ученіемъ ежедневно.

Примѣчаніе. Уроки для взрослыхъ и воскресныя школы могутъ быть открываемы священниками и тамъ, гдѣ нѣтъ церковно-приходской школы.

§ 8. Преподаваніе въ церковно-приходскихъ и воскресныхъ школахъ на урокахъ для взрослыхъ и въ дополнительныхъ классахъ производится по руководствамъ, учебнымъ пособиямъ и вообще книгамъ, указаннымъ Святейшимъ Синодомъ. При названныхъ школахъ, по мѣрѣ средствъ, составляются учительскія и ученическія библіотеки.

§ 9. Приходскія школы нераздѣльно съ церковью должны внушать дѣтямъ любовь къ церкви и богослуженію, дабы посѣщеніе церкви и участіе въ богослуженіи содѣлялось навѣкомъ и потребностію сердца учащихся. Въ воскресные и праздничные дни учащіеся должны присутствовать при богослуженіи, а способные, по надлежащей подготовкѣ, должны участвовать въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Ежедневныя учебныя занятія начинаются и оканчиваются молитвою.

§ 10. Обученіе въ церковно-приходскихъ школахъ производятъ мѣстные священники или другіе, по соглашенію, члены причта, а равно особо назначаемые для того, съ утвержденія Епархіальнаго Архіерея, учителя и учительницы, подъ наблюденіемъ священника.

§ 11. Наставленіе въ правилахъ вѣры и преподаваніе Закона Божія относится къ прямой обязанности священника. Если въ составѣ причта есть діаконъ, то преподаваніе Закона Божія можетъ быть предоставлено и ему. Въ особнявыхъ случаяхъ, съ разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея, преподаваніе Закона Божія можетъ быть предоставлено членамъ кляры или благонадежному учителю изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу кляры.

§ 12. Учительскія должности въ церковно-приходскихъ школахъ замѣщаются преимущественно лицами, получившими образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства.

§ 13. Преподаватели церковно-приходскихъ школъ изъ свѣтскихъ лицъ, имѣющіе званіе учителя начального народнаго училища, пользуются всѣми правами, сему званію предоставленными.

§ 14. Испытанія оканчивающихъ курсъ учениковъ церковно-приходскихъ школъ для полученія свидѣтельствъ, дающихъ права на льготы IV разряда по отбыванію военной повинности, производятся на основаніи общихъ установленныхъ для начальныхъ училищъ правилъ.

§ 15. Лицо, учредившее церковно-приходскую школу на собственные средства, можетъ быть утверждено Епархіальнымъ Архіереемъ въ званіи попечителя сей школы.

§ 16. Лица, обнаружившія особую ревность о распространеніи народнаго образованія въ духѣ православной Церкви, утверждаются Синодомъ въ званіи почетныхъ попечителей церковно-приходскихъ школъ одного или нѣсколькихъ благочиническихъ округовъ.

§ 17. Почетные попечители церковно-приходскихъ школъ оказываютъ всѣми возможными для нихъ способами поддержку благимъ начинаніямъ мѣстнаго духовенства въ дѣлѣ церковно-православнаго просвѣщенія народа. По званію своему, они состоятъ членами Епархіальнаго Совѣта церковно-приходскихъ школъ, и, кромѣ того, имѣютъ право непосредственно ходатайствовать о нуждахъ вѣреннаго ихъ попеченію церковно-приходскихъ школъ какъ предъ мѣстнымъ Епархіальнымъ Начальствомъ, такъ и въ высшемъ Духовномъ Управленіи.

§ 18. Почетные попечители, представители учреждений, отъ коихъ церковно-приходскія школы пользуются пособиями, и частные благотворители, жертвующіе на ихъ содержаніе, а также предводители дворянства и члены учебной инспекціи могутъ посѣщать сія школы, не дѣлая однако отъ себя никакихъ распоряженій или внушеній во время ихъ осмотра. О своихъ наблюденіяхъ они сообщаютъ руководящему школою лицу, а въ случаѣ надобности представляютъ Епархіальному Архіерею.

§ 19. Непосредственное и отвѣтственное заведываніе церковно-приходскими школами (см. § 7) возлагается на приходскихъ священниковъ, или же на тѣ лица, кои, въ исключительныхъ случаяхъ, будутъ назначены для сего Епархіальнымъ Архіереемъ, коему принадлежитъ общее заведываніе церковно-приходскими школами въ епархіи и попеченіе о ихъ благоустройствѣ.

§ 20. Къ обязанностямъ Епархіальнаго Архіерея относятся:

а) утвержденіе въ должности и увольненіе законоучителей, учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ;

- б) поощреніе наиболѣе ревностныхъ священниковъ и учителей;
- в) посѣщеніе школъ при обзорѣ епархій;
- г) представленіе Святѣйшему Синоду ежегодно отчета о состояніи церковно-приходскихъ школъ епархій.

§ 21. Для ближайшаго руководства церковно-приходскими школами Епархіальные Архіереи назначаютъ, по личному выбору, изъ наиболѣе способныхъ и благонадежныхъ священниковъ, наблюдателей, обязанныхъ ежегодно представлять Пресвященнымъ отчетъ о числѣ и состояніи школъ вѣреннаго ихъ руководству училищнаго округа. Свѣдѣнія изъ сихъ отчетовъ печатаются въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

§ 22. Для обсужденія вопросовъ по церковно-приходскимъ школамъ въ каждой епархіи учреждается Епархіальный Училищный Совѣтъ. Предсѣдатель и члены Совѣта избираются Епархіальнымъ Архіереемъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, преданныхъ дѣлу народнаго образованія и близко знакомыхъ съ бытомъ и духовными потребностями населенія. Къ засѣданіямъ сего Совѣта приглашается на правахъ члена мѣстный Директоръ народныхъ училищъ. Училищный Совѣтъ разсматриваетъ отчеты священниковъ-наблюдателей и представляетъ Епархіальному Архіерею свои соображенія о мѣрахъ, кои могутъ способствовать распространенію въ народѣ просвѣщенія въ духѣ православной Церкви.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ существуетъ Епархіальное Церковное Братство, заведывающее церковно-приходскими школами, Совѣту такого Братства могутъ быть, по усмотрѣнію мѣстнаго Архіерея, предоставлены права Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

§ 23. Высшее управленіе всѣми церковно-приходскими школами и распоряженіе отпускаемыми на ихъ содержаніе суммами принадлежитъ Святѣйшему Синоду, который, въ развитіе настоящихъ правилъ, имѣетъ издавать особые постановленія.

Отъ 6—12 іюня 1884 года, за № 1153, объ изданныхъ въ 1882 году комиссіею по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ брошюрахъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 26 минувшаго мая, за № 410, журналъ Учебнаго Комитета, № 178, съ заключеніемъ Комитета, объ изданныхъ въ 1882 году комиссіею по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ брошюрахъ, подъ названіями: 1) „О Богѣ какъ Высочайшемъ Духѣ“, протоіерея Петра Смирнова; 2) „Значеніе повѣствованія Боговидца и пророка Моисея о сотвореніи человѣка“, доцента Москов-

ской духовной академіи А. Вѣльева; 3) „Объ отношеніи естественныхъ наукъ къ библейскому сказанію о происхожденіи человѣка“, священника И. Мансветова; 4) „Богочеловѣческій образъ Иисуса Христа“, священника І. Петропавловскаго; 5) „О вліяніи христіанства на бытъ европейскаго общества и о заслугахъ христіанской Церкви для европейскаго общества въ эпоху переселенія народовъ“, профессора В. Соколова, и 6) „Женщина въ христіанствѣ и въ христіанствѣ“, священника Александра Смирнова. Учебный Комитетъ полагаетъ: одобрить всѣ вышеупомянутыя шесть брошюръ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій, а также въ бібліотеки при церквахъ и по благочиніямъ. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить, и, для объявленія объ изданныхъ въ 1882 году комиссіею по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ вышеназванныхъ брошюрахъ правленіямъ духовныхъ семинарій и епархіальнымъ благочиннымъ сообщить, съ приложеніемъ копій съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Свѣдѣнія о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X Епархіальнымъ Съѣздомъ за первую половину сего 1884 года.

Къ 1-му января 1884 года оставалось наличными деньгами 233 руб. 10 к. и билетами 8,000 рублей. Съ 1-го января по 1-е іюля н. г. поступило: а) личнаго взноса отъ духовенства епархіи чрезъ окружныхъ благочинныхъ 1,687. руб. 25 к.; б) процентовъ по купонамъ и текущему счету 237 руб. 35 коп. и в) билетами 2,200 рублей.

Въ 1-й половинѣ 1884 года израсходовано: а) на покупку облигацій восточнаго займа 2,085 руб. 60 к., и в) на гербовыя марки при взносѣ денегъ въ контору государственнаго банка и на застраховку билета 1-го внутренняго займа 1 руб. 30 коп.

Затѣмъ къ 1-му іюля 1884 года осталось: наличными деньгами, находящимися на текущемъ счету въ конторѣ государственнаго банка, 70 руб. 80 коп. и билетами 10,200 рублей.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Консисторія сямъ объявляетъ, что на 18 число сентября мѣсяца н. г., назначенъ очередной епархіальный Съѣздъ духовенства, обсужденію коего будутъ предложены слѣдующіе вопросы:

А. По Епархіальному женскому училищу:

- 1) Рассмотрѣніе суммъ училищныхъ доходовъ и расходовъ на предстоящее трехлѣтіе.
- 2) Избраніе членовъ Совѣта отъ духовенства на новое трехлѣтіе.
- и 3) Рассмотрѣніе отчета по устройству новаго больничнаго зданія.

Б. По Духовной Семинаріи:

1) Объ обращеніи временныхъ (на три года) сборовъ, назначенныхъ съѣздами 1880 и 1881 годовъ съ церковью Харьковской епархіи, по 1 р. 50 к. съ каждой церкви на пособіе бѣднымъ ученикамъ семинаріи и по 1 р. 50 к. на восполненіе ученической библіотеки и на музыку,—въ постоянные, съ тѣмъ, чтобы изъ послѣдняго сбора 1 руб. поступалъ на предметы прежняго назначенія (библіотеку и музыку), а 50 к. были отчисляемы на содержаніе семинарскихъ зданій.

и 2) объ изысканіи средствъ для покрытія расходовъ по содержанію семинарскихъ зданій въ совершенномъ порядкѣ, въ добавленіе къ суммѣ, ассигнуемой на этотъ предметъ Св. Синодомъ, на основаніи указа Св. Синода отъ 16 апрѣля 1884 г. за № 1149.

Утверждены въ должности законоучителя: свящ. слоб. Верхней Писаревки Косма *Оульковъ*, при Верхне-Писаревскомъ народномъ училищѣ и окончившій курсъ семинаріи Тимоѣй *Коробчанскій* при Ивановскомъ народномъ училищѣ, Волчанскаго уѣзда.

— Діаконъ слоб. Деркачей, Харьковскаго уѣзда, Анастасій *Михайловскій* рукоположенъ преосвященнѣйшимъ Геннадіемъ во священника къ Архангело-Михайловской церкви села Ольховаго Рога, Изюмскаго уѣзда.

— Священникъ Митрофаніевской церкви г. Нидригайлова, Лебединскаго уѣзда, Андрей *Должанскій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ, а на его мѣсто опредѣленъ студентъ семинаріи Антоній *Дикаревъ*.

— Діаконъ Брусовской Покровской церкви, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Павловъ* рукоположенъ преосвященнѣйшимъ Геннадіемъ во священника къ Тихоновской церкви села Ганусова, того же уѣзда.

— Опредѣленъ на праздное настоятельское мѣсто при Христорождественской церкви села Боровой, Зміевского уѣзда, воспитанникъ духовной семинаріи Алексій *Пономаревъ*.

— Настоятель Покровской церкви села Алексѣвки, Валковскаго уѣзда, священникъ Всеволодъ *Никаноровъ*—умеръ.

— Сверхштатный и. д. псаломщика Валковской Рождество-Богородичной церкви Антонъ *Павловскій* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Валковской Георгіевской церкви, а сверхштатный и. д. псаломщика той же церкви Стефанъ *Ходаковский*, по старости лѣтъ и слабости здоровья, уволенъ за штатъ.

— И. д. псаломщика Николаевской церкви села Буймера, Лебединскаго уѣзда Иванъ *Загурскій* удаленъ отъ мѣста, а на его мѣсто опредѣленъ бывшій псаломщикъ села Гіевки, Харьковскаго уѣзда, окончившій курсъ семинаріи Константинъ *Сербиновъ*.

— Бывшій воспитанникъ Ахтырскаго духовнаго училища Петръ *Петрусенковъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Покровской церкви села Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда.

— Сверхштатный и. д. псаломщика Іаковъ *Климентовъ* опредѣленъ штатнымъ и. д. псаломщика къ Покровской церкви слоб. Брусовки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священническій сынъ Козьма *Насѣдкинъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Архангело-Михайловской церкви слоб. Ольховаго-Рога, Изюмскаго уѣзда.

— Сверхштатный и. д. псаломщика Александро-Невской церкви села Александровки, Изюмскаго уѣзда, Петръ *Романовъ* утвержденъ штатнымъ и. д. псаломщика при той же церкви.

— И. д. псаломщиковъ: Вознесенской церкви слоб. Торской, Купянскаго уѣзда, Стефанъ *Котляревскій* и Ахтырско-Богородичной церкви слоб. Михайловки, Изюмскаго уѣзда, Павелъ Гревизирскій переимѣнены одинъ на мѣсто другаго.

— Награждены похвальными листами церковные старосты: Успенской церкви села Хатыни, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Ѳеодоръ Дегтяревъ; Васильевской церкви, села Ястребеннаго, того же уѣзда, Василій *Самченко* и Николаевской церкви села Хухры, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Семень *Гречка*.

— Церковному старостѣ Петропавловской церкви г. Вѣлополя, Сумскаго уѣзда, крестьянину Іакову *Губскому* объявлена признательность *Епархіальнаго начальства*.

— Утверждены церковными старостами: Успенской церкви села Краснополья, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Семень *Отченаниъ*; Покровской церкви слободы Жигайловки, того же уѣзда, крестьянинъ Назаръ *Бойко*; Григорьевской церкви, села Турья, того же уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Серебрянскій*; Георгіевской церкви села Гуляй-Поля, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ Ѳеодоръ *Геліусъ*; Покровской села Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ Андрей *Завгородній*; Николаевской села Гниловки, того же уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Монастырцевъ*; Дмитріевской церкви села Тарасовки крестьянинъ Яковъ *Щетининъ*; Покровской церкви города Богодухова, крестьянинъ Іосифъ *Бородавка*, Петро-Павловской церкви слободы Лимана, Изюмскаго уѣзда, поселянинъ Корнилій *Полковъ*; Антоніевской церкви Императорскаго Харьковскаго университета харьковскій 2-й гильдія купецъ Ефимъ *Медведцевъ*; Покровской церкви села Ве-

ликаго, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ Павелъ *Моисеевъ*; Козьмо-Даміановской церкви слободы Терновой, того же уѣзда, крестьянинъ Прохоръ *Стефановъ* и Иоанно-Богословской церкви слободы Крыгской, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Василій *Мишура*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а :

Въ слободѣ Стрѣльцовѣ, Старобѣльскаго уѣзда, при Успенской церкви открыты вакансіи помощника настоятеля и другаго псаломщика.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Постановленія одного благотворительнаго съѣзда. — Восстановленіе православныхъ приходовъ. — Характеристика старообрядцевъ нашихъ дней. — Изъ міра раскола. — Отлученіе раскольниками отъ церкви одного изъ своихъ членовъ. — Сила благодати. — Рѣдкій случай предчувствія смерти. — Обзоръ епархіи высокопреосвященнымъ Платономъ, митрополитомъ Кіевскимъ. — Отношеніе евреевъ къ воззванію преосвященнаго Нижегородскаго Макарія. — По поводу спекуляціи изданіемъ книгъ для чтенія полупросвѣщеннаго люда. — Разширеніе круга отечественной промышленности. — Сельско-хозяйственные вопросы. — О мѣрахъ къ поддліію человѣчества на югѣ Россіи. — Проектъ международнаго общества для изслѣдованія древнихъ памятниковъ христіанства. — Санитарно-карантинныя мѣры противъ холеры. — Отъ медицинскаго Совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Самарская духовная консисторія недавно разсмотрѣла и сдѣлала соотвѣтствующія распоряженія относительно постановленій съѣзда духовенства IV благотворительнаго округа, Вугурусланскаго уѣзда. Постановленія эти по праву могутъ быть рекомендованы вниманію духовенства не одной Самарской епархіи. Ими затронуты слѣдующіе предметы: 1) Школы. Духovenство IV округа, признавая важность школъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа, постановило открыть къ осени 1884 года церковно-приходскія школы, а въ селѣ Стюхинѣ, въ которомъ находится 1,200 чувашъ, крайне неразвитыхъ и погрязшихъ въ язычествѣ, основать миссіонерскую школу на средства самарскаго отдѣленія православнаго миссіонерскаго общества. 2) Распространеніе духовно-нравственныхъ книгъ. Чтобы удовлетворить нуждѣ крестьянина, который любить въ свободное отъ занятій время читать и слушать книги религіозно-нравственнаго содержанія, собраніе духовенства признало цѣлесообразнымъ открыть въ сл. Аманакѣ, какъ приходѣ центральномъ и многочисленномъ, складъ полезныхъ книгъ и на покупку ихъ пожертвовать единовременно отъ каждаго причта округа по 2 руб.

3) Правильное и неспѣшное чтеніе на клиросѣ причетниками во время богослуженій. Постановлено принять къ непремѣнному исполненію причетникамъ и священникамъ, чтобы первые, при совершеніи богослуженія и требъ, читали и пѣли внятно, правильно и неспѣшно, а послѣдніе научили чтецовъ тому, какъ слѣдуетъ пѣть и читать, и слѣдили строго за исполненіемъ со стороны причетниковъ этой обязанности; въ приходахъ-же, гдѣ есть земскія школы, постараться завести хоры пѣвчихъ изъ учениковъ, на какой предметъ назначить особое отъ классныхъ занятій время для обученія способныхъ учениковъ пѣнію, обучать-же пѣнію слѣдуетъ простому.

4) Мѣры къ искорененію пьянства и разгула во время Сырной недѣли. Обычай праздновать Сырную недѣлю по образцу языческому настолько сроднился со многими изъ прихожанъ, что они считаютъ для себя какъ-бы обязательнымъ въ эти святые дни особенно предаваться всевозможному разгулу, стараются какъ-бы на перерывъ другъ передъ другомъ дать полный ходъ своимъ страстямъ. Въ видахъ искорененія этого обычая, духовенство нашло необходимымъ: а) усилить проповѣдь по этому предмету съ церковной кафедръ, бесѣдовать и въ домахъ прихожанъ какъ можно чаще на эту тему, раскрывая прихожанамъ весь нравственный вредъ отъ языческаго препровожденія Сырной недѣли, увѣщевая и научая ихъ съ любовью, всячески избѣгая притомъ раздраженія и озлобленія; б) пригласить къ тому-же приходскія попечительства, могущія быть въ этомъ святомъ дѣлѣ лучшими пособниками священникамъ.

— Неоспорима важность ожидаемаго въ близкомъ будущемъ восстановленія православныхъ приходовъ, и возвращенія къ прежнему составу духовенства въ церквахъ. Въ газетѣ „Свѣтъ“ (№ 148) корреспондентъ изъ Тихвина рисуетъ довольно внушительными чертами послѣдствія уничтоженія церковныхъ приходовъ.

Невозможно стало посѣщать храмы Божиі, при теперешнемъ составѣ церковно-служителей. Напримѣръ, въ городѣ Тихвинѣ находится приходская церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, гдѣ прежде, до уничтоженія штатовъ, было два священника, діаконъ, два псаломщика, два пономаря, всего семь человекъ,—все жили безбѣдно. Въ настоящее время, съ уничтоженіемъ штатовъ, при этой церкви одинъ священникъ и одинъ псаломщикъ, онъ же и діаконъ, всего два человека, пѣвчихъ нѣтъ. Когда происходитъ служеніе, означенный псаломщикъ ходитъ по церкви, поетъ и кадило подаетъ священнику. Тамъ, гдѣ служба происходитъ безъ всякаго благолѣпія и благочинія—тамъ мало бываетъ богомольцевъ—

прихожанъ. Въ Спасопреображенскомъ соборѣ содержаніе церковно-служителей, въ количествѣ семи человѣкъ, было вполне обеспечено. Кромѣ того, доходы Спасопреображенскаго собора могли бы увеличиться, если бы при соборѣ устроить хоръ пѣвчихъ, который бы привлекъ массу богомольцевъ, а какъ этого при соборѣ не дѣлается, то прихожане собора какъ въ простые, такъ и въ праздничные дни стремятся въ монастырь, гдѣ пѣніе хорошее и стройное. Въ соборѣ же и въ праздникъ, за поздней литургіей, на клиросѣ часто бываютъ два псаломщика, а за ранней литургіей одинъ: какое же тутъ можетъ быть благолѣпіе? Вотъ до чего довело сокращеніе церкви и причтовъ. Черезъ такіа сокращенія и народъ совсѣмъ сталъ забывать посѣщать храмы Божіи.

— Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ находимъ слѣдующую любопытную характеристику старообрядцевъ нашихъ дней:

За тридцатилѣтній періодъ времени, какъ возникла старообрядческая австрійско-бѣлорусская іерархія, представители послѣдней распространились, можно сказать, повсюду. Старообрядчество насчитываетъ, въ настоящее время, десятка полтора однихъ архіереевъ, основавшихъ кathedры въ наиболѣе населенныхъ послѣдователями древлеправославія провинціальныхъ городахъ и округахъ; мелкихъ представителей старообрядческой левитской касты—поповъ, дяконовъ, нужно считать сотнями. По спискамъ старообрядческаго центрального „духовнаго совѣта“, этой „духовной братіи“ числится по провинціи (только Европейской Россіи) до 460 лицъ; а списки эти далеко не полные, и въ дѣйствительности старообрядческихъ левитовъ можно насчитать гораздо больше. Нѣтъ теперь такого старообрядческаго захолустья, гдѣ бы не было представителя австрійско-бѣлорусской іерархіи.

Изъ старѣйшихъ по чину старообрядческихъ пастырей своимъ развитіемъ выдаются не очень многіе. Пафнотій, завѣдующій Казанскою старообрядческою епархією, слыветъ за самаго просвѣщеннаго архіерея. При составленіи, надѣлавшаго столько шуму, знаменитаго „Окружнаго Посланія“, онъ дѣйствительно игралъ роль главнаго вдохновителя и подпись его подъ этимъ дѣльнымъ произведеніемъ старообрядческой литературы красуется первою. Это, можно сказать, единственный старообрядческій пастырь, свободный отъ всякихъ корыстныхъ поползновеній; за 30 лѣтъ своего архіерейства, онъ обогатился только обширною библіотекою, состоящею изъ замѣчательныхъ библіографическихъ рѣдкостей,—приобрѣтеніе, вполне подходящее христіанскому пастырю; а старообрядческіе

архіереи только посредствомъ начитанности и могутъ совершенствоваться и возсозидать свою паству къ нравственному преусиѣнію, такъ какъ предварительной подготовки къ этому высокому служебію ни одинъ изъ нихъ не получалъ. Въ этомъ большое несчастье нашего старовѣрія, вынужденнаго безъ настоящаго руководства блуждать въ своихъ умозрѣніяхъ.

Послѣ Пафнутія выдающееся положеніе занимаетъ въ сонмѣ старообрядческой іерархіи лжеепископъ Сильвестръ стародубскій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ старообрядческихъ пастырей.

Въ дѣятельности остальныхъ старообрядческихъ архіереевъ не усматриваемъ ничего особеннаго. Люди большею частью все непосредственные, владѣющіе обыкновенно старообрядческою грамотностію и лишь изрѣдка съ признаками легкой начитанности. При такомъ составѣ большинства старообрядческаго пастырскаго персонала не скоро выпутаются на истинный путь, къ которому замѣтно стремятся болѣе благомыслящіе.

Что касается до остальнаго старообрядческаго духовенства, разсѣяннаго по всѣмъ древлеправославнымъ захолустьямъ, то это самыя заурядные люди, положительно безъ всякаго призванія къ пастырскому служебію. Руководящею звѣздою для большинства изъ нихъ является заманчивая „доходная статья“, ни больше ни меньше. Они взираютъ на высшихъ представителей старообрядческой іерархіи, у которыхъ, къ несчастью, также душегубительная наклонность, и собираютъ весьма обильную жатву, заботливо запасаясь на черный день. Эта отмынная черта у старообрядческихъ поновъ особенно проскальзываетъ наружу. Старообрядческіе попы не подвергаются перемѣщеніямъ изъ прихода въ приходъ; разъ онъ засѣлъ въ извѣстномъ захолустномъ околodкѣ, и считаетъ его своимъ „вѣчнымъ участкомъ“; только и попеченій, чтобъ развить доходность и не давать потачки прихожанамъ.

Такому порядку вещей благопріятствуетъ непроглядная темнота старообрядческихъ массъ. Воспитанные въ духѣ религіознаго послушанія, они безотвѣтно слѣдуютъ за своими вожаками, наставниками и начетчиками, влияніе которыхъ громадно. Люди эти съумѣли напустить на народъ тотъ „религіозный страхъ“, во имя котораго они сами-то чрезмѣрно благодушествуютъ. У всѣхъ этихъ „отцевъ-наставниковъ“, какъ видно, замѣчается лишь погоня за несчастнымъ рублемъ.

— Въ той-же газетѣ помѣщены слѣдующія любопытныя свѣдѣнія изъ старообрядческаго міра. Паства Іосифа Керженскаго на-

чинаетъ расплываться. Своими дѣйствіями „владыка“ вооружилъ противъ себя наиболѣе выдающихся противоокружническихъ пачетчиковъ какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ подмосковныхъ мѣстностяхъ, населенныхъ старообрядцами, наприм. въ Вохнѣ, Гуслицахъ и Зуевѣ, гдѣ Керженскій пастырь насчитываетъ тысячи послѣдователей. Въ центрѣ Вохны, Павловскомъ посадѣ, произошло уже открытое раздѣленіе: одна сторона неокружниковъ, по привычкѣ, вѣроятно, держится покуда около Іосифа; другая-же, признавъ архіерейство Іосифа самозваннымъ и дѣйствія его далеко несогласующимися съ пастырскимъ званіемъ, отдѣлилась отъ первой и основала свой особенный приходъ, провозгласивъ, вмѣсто Іосифа, своимъ пастыремъ Кирилла, Балтскаго раздорническаго архіерея. Вохнинскій пачетчикъ М. В. Лабзинъ громитъ Іосифа своими лживыми обличеніями, пресчитывая къ нему самыя устрашающіе и вообще мало-мальски подходящіе тексты изъ старопечатныхъ книгъ, доказывая самозванность его керженскаго архіерейства и душегубительныя странствованія по скитамъ, — странствованія, нисколько не связанныя съ его пастырскими обязанностями. Теперь Іосифъ не показываетъ больше глазъ въ Вохну, которую онъ прежде очень часто посѣщалъ, останавливаясь иногда на нѣсколько дней въ скиту у матушки Ираиды при деревнѣ Рахмановой.

Дѣла въ противоокружнической іерархіи вообще неладны. Вся эта іерархія самобытно керженскаго происхожденія разваливается, не имѣя въ основаніи твердой почвы; она держится даже и не на пескѣ, а просто на мусорѣ, случайно паносимомъ время отъ времени. Противоокружническіе пачетчики раскусили теперь, что ихъ просто одурачиваютъ; всѣ книжники у неокружниковъ пустились въ толкованія и изысканія текстовъ, мало-мальски подходящихъ къ теперешнему разстройству ихней іерархіи. Противоокружники не знаютъ куда пристать: къ тульской-ли бѣглопоповщинской сектѣ, или къ окружнической іерархіи? Большинство стоитъ за воссоединеніе съ послѣднею; но тѣ изъ противоокружническихъ пачетчиковъ, которые жестоко нападали на „Окружное Посланіе“, доказывая тамъ ереси, повнѣштва и т. п., стыдятся теперь сознаться въ опрометчивости своихъ религіозныхъ сужденій.

А пастырь ихъ, доблестный владыка Іосифъ, разыгрываетъ, по прежнему, архіерейскія комедіи. Есть люди, которые слѣпо и усердно вѣруютъ въ святительское званіе Керженскаго пастыря, и такихъ не мало пайдется даже въ самой Москвѣ. Пачетчики, недовольные Іосифомъ, возбуждаютъ паству его, доказывая то и другое.

Огорченный владыка бѣжить изъ Москвы на Керженецъ, грозя со-
вѣмъ оставить Москву, и архіерейская резиденція въ Замоскво-
рѣчѣхъ пустуетъ двѣ—три недѣли. Потомъ „его керженское степен-
ство“ снова перенесетъ на свою кафедру. Представительницы благоче-
стиваго Замоскворѣчья обнаруживаютъ наибольшее усердіе и почи-
таніе къ владыкѣ. Говорятъ, что Керженскій пастырь отличается
рѣдкою снисходительностію, отпуская всѣ вольныя и невольныя со-
грѣшенія и увлеченія. Опираясь такимъ образомъ на прекрасную
головину своей замоскворѣцкой паствы, Іосифъ чувствуетъ себя
крѣпко, не обращая почти никакого вниманія на обличенія и по-
двохи божарныхъ начетчиновъ. Древлеправославныя женщины За-
москворѣчья дѣйствительно горюю стоятъ за Іосифа, о смѣлѣхъ ко-
торого и слышать не хотятъ. Во главѣ женской раскольниковческой
лиги стоятъ М. И. М—ва и Е. В. Р—ал, особы очень капиталъ-
ныя, въ которыхъ вся сила для Керженскаго пастыря. Вотъ поче-
му и трудно стащить Іосифа съ замоскворѣцкой кафедры. Всѣ уси-
лія начетчиновъ оказываются напрасными; ихъ мечты запереть вла-
дыку у себя на Керженцѣ, являются несбыточными. При всей сво-
ей безграмотности, Керженскій раскольниковскій пастырь отличается
дальновидностію; онъ напередъ предвидѣлъ, гдѣ именно нужно за-
ручиться поддержкою на случай могущихъ возникнуть волненій сре-
ди паствы. Въ этомъ ему нужно отдать справедливость. Три года
мучаются съ нимъ начетчики, доѣзжаютъ его всѣчески, стараются
выжить изъ Москвы. Но нѣтъ, Іосифъ непоколебимъ. Онъ дѣлаетъ
свое дѣло, собирая съ древлеправославныхъ пажитей, на которыхъ
ни сѣять, ни орать. Все это подготовлено двухвѣковой жизнію рас-
кола; но до сихъ поръ не являлось искусныхъ собирателей жатвы.
Заглянетъ-ли когда-нибудь лучъ просвѣщенія въ эту темную среду?

— Въ „Кавказскихъ Епарх. Вѣд.“ священникъ Е. С. сообщаетъ
слѣдующее любопытное извѣстіе объ отлученіи раскольниками Хан-
ской станицы одного изъ своихъ членовъ. „Въ моемъ приходѣ есть
старообрядецъ А. И., который усомнился въ законности австрійской
іерархіи и часто приходилъ ко мнѣ для бесѣдъ и для полученія
книгъ и журналовъ, трактующихъ объ интересующемъ его пред-
метѣ. При помощи Божіей, этотъ, когда-то самый ретивый защит-
никъ старины въ средѣ ханскихъ старообрядцевъ, созналъ свое за-
блужденіе и рѣшился возвратиться въ лоно своей матери право-
славной Церкви, о чемъ вмѣстѣ съ другими, желающими того же,
подавъ мнѣ заявленіе. Провѣдали объ этомъ остальные старообря-
дцы съ своимъ лженастиремъ З., и вотъ на Вербное воскресенье ми-

пುವинаго поста, когда А. И. по старой привычкѣ зашелъ въ моленную, гдѣ въ это время совершалась служба, и сталъ на клиросѣ, З. торжественно вышелъ изъ алтаря и прочиталъ народу изъ какой-то уважаемой старообрядцами книги, что „съ тѣми молиться нельзя, кто имѣетъ общеніе съ еретиками“, „а такъ какъ А. И. ходитъ на бесѣду къ еретическому пону, прибавилъ З., то онъ подлежитъ отлученію и въ настоящее время мѣшаетъ своимъ присутствіемъ нашей молитвѣ. Прошу удалить его“. На приглашеніе выйти А. И. отвѣтилъ: „не пойду, потому что не считаю православнаго священника еретикомъ и слѣдовательно не могу быть осужденнымъ общеніемъ съ нимъ“. Тогда начался „обрядъ“ отлученія. Двое рослыхъ старообрядцевъ взяли подъ руки злосчастнаго А. И. и повели по направленію къ боковой двери моленной. А. И. упирался, но былъ оттиснуть къ двери и, желая остаться въ храмѣ, уперся ногами въ порогъ, а руками въ притолку. Поднялся гвалтъ: „гони, гони его“ и, дружнымъ натискомъ большинства присутствующихъ, старообрядцы вытолкали своего собрата, который тутъ же и упалъ черезъ порогъ затворенной за ними двери. Этимъ и кончилось отлученіе. Единомышленники А. И. тотчасъ же дали знать о случившемся атаману, а потерявшій подалъ жалобу уѣздному начальнику, но изъ этого пока еще ничего не вышло.

— Чулышманскій миссіонеръ свящ. Михаилъ Чевалковъ, рассказывалъ (въ сентябрѣ 1882 г.) о игумену, нынѣ епископу Війскому, Макарію слѣдующее. Живущій въ одномъ изъ прибрежьевъ Телецкаго озера, въ мѣстности называемой Целе, Камъ-Чокъ въ іюнѣ 1882 г. изъявилъ желаніе креститься. Для обученія его и вмѣстѣ съ нимъ, имѣвшихъ креститься, о. Михаилъ съ церковнослужителемъ жилъ нѣсколько дней у пелинцевъ. Въ числѣ слушавшихъ христіанское ученіе приходила и одна больная язычница, по имени Тыдышъ. На приглашеніе о. М—ла креститься вмѣстѣ съ прочими старуха Тыдышъ отвѣчала, что ей нужно прежде переговорить объ этомъ съ своими сыновьями, которые теперь въ отлучкѣ. Не дальше какъ на слѣдующій же день Тыдышъ, явившись въ станъ о. М—ла, рассказала слѣдующее: „когда я возвратилась домой, бѣсы не дали мнѣ покоя: превовѣщая во мнѣ, они говорили съ упрекомъ: ты издавна чтила насъ, зачѣмъ-же хочешь принять теперь другую вѣру? Если не вѣришь намъ, то узнай справедливость возвышаемаго нами вотъ почему: твои люди, отправившіеся къ сойонцамъ, уже возвращаются и подѣлываютъ къ своей границѣ; завтра вечеромъ пріѣдутъ домой“. Эти слова бѣсы не-

волью заставляли говорить старуху въ принадлежѣ бѣснованія. Разсказавъ это о. М—лу, Тыдышъ сказала: „я знаю коварство бѣсовъ: сколько разъ они обманывали меня въ теченіе моей жизни! И теперь они прорекають о скоромъ возвращеніи сыпovej моихъ для того, чтобы я вѣрила имъ (бѣсамъ). Теперь они сказали, можетъ быть, правду для того, чтобы впередъ лучше было обманывать меня. Но они уже не обманутъ меня. Крести меня скорѣе“. Такъ какъ уже наступила ночь, то о. М—лъ сказалъ, что крестить ее будетъ завтра. Старица сказала: „я и домой не пойду, пока ты не крестишь меня“. Тогда о. М—лъ возложилъ на нее крестъ, сказавъ: „не бойся, теперь бѣсы не приблизятся къ тебѣ“, и Тыдышъ ушла. На слѣдующій день она приходитъ и говоритъ: „сегодня я благополучно провела ночь. Если бѣсы такъ боялся креста, то когда прийму крещеніе, совсѣмъ убѣгутъ отъ меня“. Въ этотъ день она просвѣщена была св. крещеніемъ. Съ принятіемъ крещенія получила она исцѣленіе отъ своего тѣлеснаго недуга, постоянно мучившаго ее.

— Въ „Зарѣ“ находимъ разсказъ о рѣдкомъ случаѣ предчувствія смерти. На дняхъ въ с. Сюмакамъ, Заславскаго уѣзда, Волынской губерніи, умеръ отъ скоротечной чахотки мѣстный священникъ, о. Ребчинскій. Последнія минуты его произвели сильное впечатлѣніе не только на его прихожанъ, но даже на окрестныхъ жителей. Онъ три дня прощался съ крестьянами, которые толпами шли къ умирающему; просилъ ихъ простить ему, если кого обидѣлъ, давалъ каждому наставленія жить по-божески и не обижать другихъ. Окружающихъ онъ просилъ не плакать, прибавляя, что ему совсѣмъ не страшна смерть, что онъ въ жизни не видѣлъ никакихъ радостей, хотя объ этомъ не жалѣетъ; женѣ своей сказалъ, какъ она должна устроиться послѣ его смерти и какъ поступить съ остающимся имуществомъ. Священникъ самъ заказалъ гробъ, осмотрѣлъ его и указалъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ стоять, пока земля не приютитъ мертвеца, велѣлъ закрыть зеркало и принести изъ церкви ризы для погребенія. Когда были принесены новыя ризы, умирающій замѣтилъ: „Затѣмъ новыя,—принесите старыя, вѣдь все одно сгніють“. Затѣмъ, надѣвъ старыя ризы и взявъ въ руки крестъ, онъ приказалъ читать отходную и сейчасъ-же умеръ. Крестьяне всѣмъ селомъ провожали покойника, который при жизни былъ прекраснымъ человекомъ и безкорыстнымъ духовнымъ пастыремъ, хотя недавно началъ свое служеніе.

— Высокопреосвященный Платонъ, митрополитъ Кіевскій, и въ

ныѣшнемъ году, по прїѣздѣ изъ Петербурга, отправился обозрѣвать свою паству. Изъ Капевского уѣзда въ газету „Заря“ пишутъ, что при вѣздѣ его высокопреосвященства въ мѣстечко Ясногородокъ, его встрѣтили не только хрістіане, но и евреи. Послѣдніе вышли на встрѣчу ему, чтобы выразить свою благодарность за то, что во время анти-еврейскихъ безпорядковъ тамъ не было нападений на еврейскіе дома, благодаря заботамъ мѣстнаго священника. Въ мѣстечкѣ Коростышевѣ, гдѣ высокопреосвященный былъ 14-го и 15-го іюня, его также встрѣчали наравнѣ съ православными и евреи и даже католики съ своимъ ксендзомъ.

„При колокольномъ звонѣ, говоритъ корреспондентъ „Кіевлянина“, не только въ православныхъ церквахъ, но и въ римско-католическомъ костелѣ (звонъ въ костелѣ былъ и при всѣхъ поѣздкахъ митрополита по мѣстечку), вѣхалъ владыка 14-го іюня въ наше мѣстечко и направился къ первой по пути церкви Рождества Богородицы, гдѣ, при многочисленномъ стеченіи представителей всего населенія, встрѣченъ былъ мѣстнымъ и изъ сосѣднихъ селъ прибывшимъ духовенствомъ съ хоругвями, крестомъ и св. водой. Послѣ осмотра храма и бесѣды въ алтарѣ со священниками, а въ храмѣ съ народомъ, которому заявилъ о своемъ намѣреніи совершить 15-го числа божественную литургію, преподавъ всѣмъ наполнявшимъ церковную ограду архипастырское благословеніе, и принявъ хлѣбъ-соль отъ представителей крестьянскаго и мѣстнаго мѣщанскаго еврейскаго общества, владыка отправился въ Троицкую церковь. Осмотрѣвъ этотъ храмъ, благословилъ собравшійся народъ и, посѣтивъ домъ настоятеля церкви священника С. Журавецкаго, владыка прибылъ въ домъ, заслужившаго своимъ 43-хъ-лѣтнимъ пастырскимъ служеніемъ общее уваженіе и любовь, настоятеля церкви Рождества Богородицы, священника А. Ганицкаго, гдѣ хозяйки ожидали святителя къ приготовленному обѣду. Сюда, между прочими почетными лицами мѣстечка Коростышева, прибылъ и настоятель мѣстнаго костела ксендзъ В. Моровичъ, который, принявъ архипастырское благословеніе, былъ приглашенъ къ обѣденному столу вмѣстѣ съ другими лицами, посѣтившими квартиру митрополита для принятія его благословенія“.

„Благословивъ народъ, владыка отправился къ квартирѣ своей и по пути посѣтилъ католическій костелъ, въ которомъ ксендзъ В. Моровичъ встрѣтилъ его со крестомъ и св. водой, а потомъ совершилъ краткое молебствіе о здравіи и благоденствіи Государи Императора и всего Царствующаго Дома, а также и Кіевского мит-

рополита Платона. Послѣ сего послѣдній осматрѣлъ храмъ и, выходя изъ онаго, сказалъ присутствующимъ въ немъ католикамъ и православнымъ приблизительно слѣдующее: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, приходившій на землю ради нашего спасенія и водворенія мира на землѣ, внушаетъ намъ чрезъ своихъ апостоловъ, чтобы мы, христіане, были единомышленны и единомудренны, жили между собою въ любви и согласіи, не имѣли вражды и раздоровъ. Таковы вначалѣ и были христіане, у которыхъ тогда, по выраженію священнаго писателя „Апостольскихъ дѣяній“, *были одно сердце и одна душа*. Къ сожалѣнію, не долго такъ было, но вскорѣ *врагъ-человѣкъ*, о коемъ говоритъ Іисусъ Христосъ въ извѣстной своей притчѣ, сталъ сѣять плевеи на нивѣ Христовой и производить разномысліе въ христіанахъ; отъ сего произошло наконецъ то, что единая Церковь Христова раздѣлилась на двѣ: западно-католическую и восточную, отъ которой происходитъ наша русская православная. Это двѣ родныя сестры, которыя, исповѣдуя въ сущности одно ученіе Христово въ главныхъ его догматахъ, не согласуются между собою въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ. Всѣ истинные христіане, водворяемые миролюбивымъ духомъ Христовымъ, желаютъ, чтобы онѣ примирились; но когда родные поссорятся, то они трудно примиряются, поэтому западная и восточная церкви доселѣ находятся въ раздѣленіи. Доколѣ продлится ихъ раздѣленіе, одному Богу извѣстно; но мы, братія и сестры, католики и православные, не смотря на раздѣленіе церквей нашихъ, должны хранить въ себѣ единеніе духа въ союзѣ мира, потому что взаимная любовь, заповѣданная намъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, составляетъ главный признакъ истинныхъ учениковъ Его и есть такая добродѣтель, безъ которой и самая вѣра, по словамъ апостола Павла, *ничто*“.

Рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся вслѣдствіе того, что владыка посѣтилъ квартиру мѣстнаго католическаго патера.

— Изъ Астрахани отъ 7 іюля телеграфируютъ: Вчера отслужено въ синагогѣ молебствіе о здравіи преосвященнаго Макарія Нижегородскаго; еврейское общество постановило воззваніе его по случаю бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ безпорядковъ перевести на древне-еврейскій языкъ, переводъ написать на пергаментѣ и вывѣсить на вѣчныя времена въ синагогѣ.

— Есть цѣлый сонмъ эксплуататоровъ, спекулирующихъ на лучшее стремленіе человѣка, на удовлетвореніе жажды знанія. Спеку-

лиція эта ежегодно проявляется изданіемъ множества *полезныхъ* книгъ, которыя предназначаются преимущественно для полуграмотныхъ. Существуютъ, преимущественно въ Москвѣ, многія, судя по оборотамъ, весьма даже солидныя фирмы книжной торговли, которыя готовятъ *любопытныя* книжки и получаютъ хорошіе барыши. И дѣйствительно, „Битва Русскихъ съ Кабардинцами“, „Герогу Милордъ Англійскій“, „Франциль-Веншанъ“, „Гуакъ или непреоборимая вѣрность“ и т. д. выдержали чуть-ли уже не двадцатое изданіе и пахотятъ себѣ сбытъ. А между тѣмъ масса полезныхъ книгъ, которыя могли-бы восполнить знанія человѣка малообразованнаго, валяются въ пыли и покрываются плѣсенью въ книжныхъ складахъ, не находя для себя сбыта. Мы говоримъ это по поводу письма изъ Москвы, помѣщеннаго въ „Спб. Вѣд.“, въ которомъ авторъ заявляетъ горькія сѣтованія на эксплуатацію книжными промышленниками полупросвѣщеннаго человѣческаго ума. Въ Москвѣ недавно „россійскій центральный магазинъ“ (!!!) Земскаго издалъ книгу „Великій Пантеонъ наукъ“. Появленіе этой книги рекламировано издателемъ Земскимъ слѣдующимъ широковыпаніемъ: „Предлагаемое нами сочиненіе есть самоучитель къ познанію и открытію всѣхъ четырехъ стихій и тайнъ внутреннихъ нѣдръ земли“. Въ книгѣ заключается „вся міровая наука земнаго міра“, „помѣщено сказаніе откуда, что произошло и какое спервоначала было открытіе“, — астрономія, механика, ремесла, производства; предложено руководство къ самовоздѣлыванію и самопроизводству всякаго ремесла“. Купивши книгу, — а она стоитъ только (?) пять рублей, — всякій, влады небольшимъ клочкомъ земли, можетъ „добыть и извлечь изъ земли и воды, вокругъ себя и подъ ногами, неисчерпаемое богатство, такъ какъ земля, вслѣдствіе своей *реформации* (?) и сложившихся пластовъ дастъ для этого достаточно средствъ“.

Вотъ по поводу-то этого „Великаго Пантеона“ и многихъ другихъ (а имя имъ легионъ) упоминаящихъ книгъ издѣлія Прѣснова, Шаранова, Манухина, Леухина, Земскаго и проч. издателей авторъ письма въ „Спб. Вѣд.“ говоритъ:

„Мы вышли-бы за предѣлы газетной замѣтки, если-бы остановились на подробной характеристикѣ московскихъ народныхъ изданій; достаточно сказать, что по безцеремонности нѣкоторыхъ описаній и картинъ, авторы гг. Шаранова и К^о оставляютъ за собою французскихъ порнографовъ. Ихъ историческіе рассказы представляютъ упоминаящую смѣсь всѣхъ націй и странъ; книжки-же, претендующія на нравоученіе и мораль — рядъ дѣтски-наивныхъ

афоризмовъ и прописныхъ, по туманныхъ для темнаго люда, истинъ.

Для городского населенія, какъ для болѣе развитаго и требовательнаго, фабрикуются московскими книжниками другія изданія, по особому спеціальному рецепту“.

Далѣе:

„Книжная спекуляція не обошла и тѣхъ, которые обращаются къ печати не за однимъ только развлеченіемъ или удовлетвореніемъ празднаго лобонитства, а ищутъ въ книгѣ знанія и полезныхъ для жизни указаній. Эти алчущіе и жаждущіе путемъ чтенія расширить свой умственный кругозоръ въ рукахъ торгаша-издателя—самый выгодный объектъ эксплуатаціи. Онъ не пожалѣетъ бросить четыре—пять рублей, чтобы пріобрѣсти такой многообещающій сборникъ, въ родѣ „Пантеона наукъ“, о которомъ говорилось въ началѣ настоящей замѣтки, и издатель, составивъ заманчивую рекламу, смѣло ставитъ высокую цѣну предлагаемому имъ изданію.

Въ составленіи такихъ сборниковъ гг. московскіе книжники не подражаемы. Десятки старыхъ научныхъ книгъ по какой-нибудь отдѣльной спеціальности, разбитыхъ по главамъ, перетасовываются какъ колоды картъ и преподносятся публикѣ въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, въ родѣ слѣдующихъ: „Книга противъ смерти“, „Клиника медицинскихъ знаній“, „Законъ и правда“, „Самозащита во всякаго рода дѣлахъ“, „Въ небесахъ“ (общепонятная астрономія) и т. д. Достаточно внимательно взглянуть на объявленія объ этихъ изданіяхъ, чтобы имѣть понятіе объ этой страннѣ на quasi-научныхъ данныхъ.

Слѣдуетъ людямъ, интересующимся большимъ или меньшимъ развитіемъ массъ, оказать противодѣйствіе эксплуататорамъ челоѣческаго ума, и серьезное противодѣйствіе; слѣдуетъ издавать дѣйствительно общепользныя книги и распространять ихъ среди народа всѣми дозволенными способами; не слѣдуетъ пренебрегать при этомъ книгоношами или офелями: пусть они лучше разносятъ по нашимъ уѣзднымъ ярмаркамъ и сельскимъ базарамъ дѣйствительно полезныя книги, а не изданія спекулянтовъ, которые съ беззастѣнчивою развязностію, на манеръ гостинодворскаго молодца, мелящаго всякій вздоръ, котораго онъ и самъ не понимаетъ, лишь-бы замануть покупателя, рекламируютъ свои недостойныя изданія.

Необуздываемые ничѣмъ, въ погонѣ за рублемъ, они пакладываютъ руки на самое дорогое для насъ—на свѣтъ и знаніе, къ которымъ стремится теперь многомилліонный русскій народъ изъ вѣковыхъ потемокъ. Не мѣсто торгашамъ у печатнаго станка!“

Такъ заканчиваетъ свое письмо московскій корреспондентъ „Спб. Вѣдомостей“....

— Кругъ предметовъ отечественной промышленности и торговли продолжаетъ расширяться. Такъ—по правому берегу Ингульца открыты богатые залежи красочныхъ земель и для изслѣдованія ихъ на мѣстѣ снаряжена правительственная коммисія („Москов. Вѣд.“); на Кавказѣ найденъ вполне годный матеріалъ для приготовленія цемента и гидравлической извести; винодѣліе на Кавказѣ, въ Крыму и въ Бессарабіи „обѣщаетъ колоссальные барыши и громадную пользу всему рабочему населенію южной Россіи и Кавказа“, если дѣятельные и умные сыны Россіи поторопятся сами завладѣть этимъ дѣломъ („Нов. Время“); въ восточной Сибири рѣка Амгуна, равно какъ и другія рѣки приморской области до такой степени богаты рыбой въ родѣ семги, что одинъ этотъ промыселъ, если бы былъ развитъ, могъ бы питать весь приморскій и Амурскій край („Мос. Вѣд.“); богатая рыбой Астрахань, благодаря пониженному желѣзнодорожному тарифу, готовится заполнить своими сельдами приволжскій край до такой степени, чтобы вывезти изъ употребленія здѣсь иностранную сельдь.

— Въ настоящее время, въ подлежащихъ правительственныхъ сферахъ разсматриваются слѣдующіе весьма важные въ сельско-хозяйственномъ быту вопросы: 1) должны ли губернскія земскія управы ссужать крестьянъ деньгами, въ случаяхъ неурожая, градобитія и другихъ непредотвратимыхъ бѣдствій въ сельскомъ хозяйствѣ, или-же только однимъ зерномъ и вообще натурою, причемъ убѣдныя управы должны-ли заявлять губернскимъ о той или другой ссудѣ крестьянъ, въ виду дороговизны или дешевизны жита на мѣстѣ; 2) лица, получившія ссуду, должны ли пользоваться ею только въ предметѣ, на которой она выдана, или же обязаны удѣлять изъ нея относительно часть на уплату недоимокъ и могутъ-ли эту послѣднюю удерживать у себя при выдачѣ ссуды земскія управы и на какомъ именно законномъ основаніи; 3) для всесторонняго обсужденія этихъ вопросовъ въ ихъ существѣ, какъ разсуждаетъ сказанное правительственное учрежденіе, имѣется-ли необходимость въ образованіи особой коммисіи, съ привлеченіемъ къ ней извѣстныхъ земскихъ дѣятелей, заявившихъ себя знатоками сельско-хозяйственнаго дѣла въ крестьянскомъ быту?

— Состоящая при Императорскомъ обществѣ сельскаго хозяйства южной Россіи специальная коммисія для изслѣдованія причинъ современнаго упадка пчеловодства на югѣ Россіи и изысканія мѣръ

къ его поднятію осталовилась на необходимости введенія курсовъ практическаго пчеловодства въ духовныхъ семинаріяхъ, учительскихъ институтахъ и въ народныхъ школахъ, а также въ проектируемыхъ въ Бессарабіи сельско-хозяйственныхъ училищахъ. Кромѣ того, коммисія предлагаетъ открыть на югѣ Россіи школу пчеловодства, соединить съ послѣднею садоводство и огородничество, съ устройствомъ при ней образцоваго пчельника, открытаго для свободнаго входа всѣмъ желающимъ его посѣтить. Пока-же все это осуществится, коммисія предложила открыть мѣста для стипендіатовъ общ. сел. хоз. южн. Россіи или земства при образцовыхъ пасѣкахъ на югѣ, гдѣ-бы рабочіе-стипендіаты получали практическое ознакомленіе съ пчеловодствомъ. Далѣе коммисія предложила изданіе и распространеніе денежныхъ, но раціональныхъ брошюръ по пчеловодству на общедоступномъ для народа языкѣ и, наконецъ, нашла необходимымъ устройство при обществѣ сел. хоз. юж. Россіи музея пчеловодства, гдѣ-бы находились: коллекціи породы пчелъ, разводимыхъ въ Россіи и, если возможно, иностранныхъ; препараты по анатоміи и гистологіи пчелы; образцы всѣхъ болѣзней пчелы; образцы сотовъ, заложенныхъ медомъ рабочей пчелы, трутнемъ, маткой и пр.; ульи раціональныхъ системъ или ихъ модели и разнаго рода пчеловодныя принадлежности, сѣмена медоносныхъ растений какъ культивируемыхъ, такъ и дикорастущихъ.

— По почину нѣкоторыхъ нашихъ археологовъ, поставившихъ себѣ цѣлью изслѣдованіе памятниковъ христіанства, проектируется у насъ учрежденіе особаго международнаго общества, въ кругъ дѣятельности котораго, какъ сообщаютъ „Моск. Вѣд.“, предполагается включить: а) командировку археологовъ въ различные мѣста для изслѣдованія христіанскихъ памятниковъ древностей; б) изданіе трудовъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ объ этого рода памятникахъ и в) изысканіе мѣръ и способовъ къ охраненію и реставраціи христіанскихъ памятниковъ древности. Такъ нынѣшнимъ лѣтомъ Кавказскій край должна посѣтить экспедиція, состоящая изъ нѣсколькихъ французскихъ археологовъ-любителей, съ цѣлью изученія христіанскихъ памятниковъ древности, сохранившихся на Кавказѣ. Въ экспедиціи этой примутъ участіе, между прочимъ, и два художника.

— Въ виду появленія холеры на югѣ Франціи и опасности занесенія этой болѣзни въ предѣлы Имперіи какъ морскимъ путемъ, такъ и чрезъ сухопутную нашу границу, министерство внутреннихъ дѣлъ, 16 и 19 іюня сего года, сдѣлало распоряженіе о не

медленномъ возстановленіи дѣйствія тѣхъ санитарно-карантинныхъ мѣръ, которыя были принимаемы въ минувшемъ году по случаю холерной эпидеміи въ Египтѣ для огражденія предѣловъ Имперіи отъ занесенія заразы морскимъ путемъ: а) всѣ суда, направляющіяся въ наши черноморскіе порты изъ неблагополучныхъ по холерѣ мѣстностей Франціи, подвергать въ нашихъ карантинахъ двухъ-недѣльной обсерваціи, не принимая въ расчетъ выдержаннаго ими караantina въ иностранныхъ пунктахъ; б) въ балтійскихъ портахъ производить строгій санитарный осмотръ всѣхъ судовъ, прибывающихъ изъ Франціи, и не допускать въ эти порты суда изъ неблагополучныхъ по холерѣ мѣстностей, если они не имѣютъ надлежащаго удостовѣренія о выдержаніи обсерваціи въ иностранныхъ пунктахъ.

20 іюня министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало сношеніе съ министерствомъ путей сообщенія по вопросу о немедленномъ пріятіи санитарныхъ мѣръ предосторожности по желѣзнымъ дорогамъ вообще и по юго-западнымъ въ особенности, согласно спеціально для сей цѣли существующимъ постановленіямъ, и съ министерствомъ финансовъ по вопросу о необходимомъ содѣйствіи таможеннаго вѣдомства карантиннымъ учрежденіямъ.

Для предупрежденія ложныхъ слуховъ и неосновательныхъ извѣстій о холерныхъ заболѣваніяхъ и для приведенія въ полную готовность подлежащихъ санитарныхъ учреждений на случай дѣйствительнаго появленія означенной болѣзни внутри Имперіи, министерство предложило подлежащимъ властямъ руководствоваться слѣдующимъ планомъ дѣйствій, изложеннымъ въ циркулярѣ медицинскаго департамента отъ 20 августа 1883 года № 6524:

А. Въ мѣстностяхъ, которымъ угрожаетъ опасность занесенія холеры:

1. Съ полученіемъ всякаго официальнаго или частнаго извѣстія о заболѣваніи схожими съ холерою припадками, немедленно производить строгое разслѣдованіе свойства болѣзни и тщательно наблюдать за ея теченіемъ и исходомъ.

2. Всѣ изверженія (рвотою и низомъ) сомнительныхъ по холерѣ больныхъ, а равно предметы, бывшіе у нихъ въ употребленіи во время болѣзни, немедленно уничтожать или дезинфицировать посредствомъ сжиганія, зарыванія въ землю или засыпки ею, или посредствомъ раствора одного изъ слѣдующихъ средствъ: сублимата, карболовой кислоты, хлорной извести и т. п.

3. Усилить санитарный надзоръ на всѣхъ желѣзнодорожныхъ стан-

ціяхъ и рѣчныхъ пристаняхъ, въ ночлежныхъ домахъ, гостинницахъ, трактирахъ, на фабрикахъ и заводахъ, въ лечебныхъ заведеніяхъ, тюрьмахъ, казармахъ, школахъ, помѣщеніяхъ рабочихъ артелей, на рынкахъ, площадяхъ и базарахъ, на ярмаркахъ, въ монастыряхъ и т. д., и строго наблюдать за тщательною очисткою улицъ, площадей, дворовъ, домовъ, помойныхъ и выгребныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ и за дезинфекціею этихъ послѣднихъ.

4. Заблаговременно приспособить больницы или устроить временныя помѣщенія и холерные госпитали, а равно пункты для врачебнаго дежурства, снабдить ихъ надлежащимъ количествомъ персонала, медикаментовъ, бѣлы, льда и озаботиться приспособленіемъ помѣщеній для здоровыхъ, на случай эвакуаціи ихъ.

5. Немедленно отдѣлять прибывающихъ сомнительныхъ больныхъ и помѣщать ихъ въ приспособленные для сего больницы и дома.

6. Усилить надзоръ за водоснабженіемъ населенія, т. е. за состояніемъ колодезевъ, рѣкъ и другихъ источниковъ воды, и воспретить пользованіе водою изъ тѣхъ, которые окажутся при изслѣдованіи загрязненными.

7. Усилить надзоръ за съѣстными припасами, продаваемыми на рынкахъ, базарахъ, въ лавкахъ и трактирахъ, и немедленно уничтожать всѣ вещества, найденныя дурнокачественными и испорченными, какъ-то: незрѣлые и загнившіе плоды, овощи, картофель, мясо, рыбу, молоко и т. д.

8. Заблаговременно распространить въ народѣ печатное наставленіе о сущности предохранительныхъ мѣръ и о необходимости всеобщаго, дружнаго и энергичнаго содѣйствія въ дѣлѣ обнаруженія случаевъ заболѣванія и упитоженія или обеззараженія изверженій больныхъ.

9. Заблаговременно заготовить дезинфецирующія средства.

10. Предупредить аптекарей о необходимости сдѣлать запасъ потребныхъ медикаментовъ.

11. Заблаговременно раздѣлить населенныя мѣста на участки для болѣе удобнаго производства поголовнаго санитарнаго осмотра, опроса и наблюденія, и избрать участковыхъ попечителей.

12. Въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія и городскія учрежденія, осуществленіе санитарныхъ мѣропріятій предоставить губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ и городскимъ думами, въ остальныхъ губерніяхъ возложить на комитеты общественнаго здравія.

13. При появленіи случаевъ заболѣванія холерою въ какой-либо мѣстности и по объявленіи послѣдней неблагополучною, подлежа-

шіе органы сосѣднихъ, еще благополучныхъ, по угрожаемыхъ мѣстностей, должны: 1) своевременно оповѣщать населеніе своего района о существующей опасности заноса болѣзни прибывающими изъ зараженной мѣстности людьми и предметами; 2) указывать наилучшій способъ очистки и дезинфекціи; 3) издавать наставленіе о правилахъ индивидуальной профилактики; 4) сдѣлать распоряженіе о производствѣ санитарнаго наблюденія по участкамъ, особенно въ центрахъ скопленія бѣднаго рабочаго класса населенія; 5) объявить объ условіяхъ пріема больныхъ въ лечебныя заведенія и объ адресахъ лицъ и мѣстъ, куда слѣдуетъ обращаться за пособіемъ, лекарствами и т. д.; и 6) открывать врачебные пункты для подаванія помощи заболѣвающимъ и учреждать пріюты для призрѣнія немощныхъ.

Б. При появленіи въ какой-либо мѣстности холерныхъ заболѣваній:

14. Немедленно объявить о семъ во всеобщее свѣдѣніе.

15. Сдѣлать распоряженіе, чтобы подающіе помощь врачи, хозяева, домовладѣльцы, главы семействъ и т. д. возможно раньше извѣщали полицію о каждомъ случаѣ заболѣванія холерою.

16. Немедленно открыть врачебные пункты для безвозмезднаго подаванія первоначальной помощи противъ холернаго поноса и для раздачи дезинфекціонныхъ веществъ бѣднѣйшей части населенія.

17. Принять мѣры къ разобщенію больныхъ въ приспособленныхъ для сего помѣщеніяхъ, больницахъ или холерныхъ госпиталяхъ.

18. Строжайше наблюдать за уничтоженіемъ и дезинфекціею холерныхъ изверженій, зараженныхъ предметовъ (бѣлья, платья, постели) и помѣщеній.

19. Сдѣлать распоряженіе о возможно скоромъ погребеніи умершихъ отъ холеры, гдѣ можно, — на особыхъ холерныхъ кладбищахъ, о предварительномъ засыпаніи труповъ известью, о возможно глубокомъ зарываніи ихъ, о недопущеніи постороннихъ лицъ къ покойникамъ.

20. Принять мѣры для предупрежденія опасности отъ торговли старымъ платьемъ и тряпьемъ.

21. Дѣлать ежедневныя официальныя публикаціи о ходѣ эпидеміи, о смертности, о принятыхъ мѣрахъ, ихъ успѣшности, о пунктахъ подаванія помощи, о свободныхъ мѣстахъ и т. д.

— Въ частности Медицинскій Совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ дастъ слѣдующія наставленія о мѣрахъ личной предусмотрительности и осторожности, предохраняющихъ отъ заболѣванія холерою.

Чтобы не заболѣть холерою по своей оплошности и не быть причиною распространенія этой болѣзни, необходимо вести *правильный образъ жизни* и принимать предохранительныя мѣры, указываемыя благоразуміемъ и опытомъ.

Не слѣдуетъ, въ виду опасности и подъ вліяніемъ страха, *резко измѣнить привычный образъ жизни*; необходимо только, разумно руководствуясь снмъ наставленіемъ и ближайшими указаніями и совѣтами врача, устранить изъ своей жизни и обстановки все, что обыкновенно способствуетъ заболѣванію.

Правильный образъ жизни состоитъ въ соблюденіи чистоты и опрятности, умѣренности въ пищѣ и питъѣ, благоразумномъ распредѣленіи времени для труда и отдыха и для пользованія развлеченіями и удовольствіями; а потому, каждый человѣкъ, и въ особенности жители многолюдныхъ, торговыхъ, промышленныхъ и тому подобныхъ мѣстностей, должны:

1. *Содержать въ возможной чистотѣ и опрятности свои помѣщенія и всю домашнюю обстановку*, т. е. дома, дворы, квартиры, копошня, сарай, подвалы, всякаго рода заведенія, особенно же отхожія мѣста, помойныя, выгребныя, навозныя и мусорныя ямы и проч. Требуемая чистота достигается удаленіемъ всякаго рода нечистотъ, которыя полезно, а въ холерное время необходимо, предварительно дезинфицировать мытьемъ горячею водою-щелокомъ, растворомъ карболовой кислоты, провѣтриваніемъ и т. п. Въ ясные и теплые дни слѣдуетъ открывать окна и двери для провѣтриванія и просушки жилыхъ помѣщеній; въ сырую же и ненастную погоду протапливать печи, не закрывая послѣ того трубу. Не употреблять никакихъ курительныхъ порошковъ, свѣчекъ и бумажекъ, какъ бесполезныхъ для очищенія воздуха. Не держать въ комнатахъ нечистыхъ ночныхъ горшковъ, помоевъ, отбросовъ, мусора, пыли, грязнаго бѣлья и т. п.

Примѣч. Такъ какъ соблюденіе возможной чистоты и опрятности въ равной степени обязательно и для лицъ, содержащихъ разныя заведенія для продажи, изготовленія и храненія предметовъ первой необходимости, какъ-то: мясныя, рыбныя, овощныя, колбасныя, хлѣбопекарни, мучныя лавы, квасныя, трактиры, кухмистерскія и проч., то потребители, въ видахъ личной своей безопасности, должны оказывать полное содѣйствіе санитарно-полицейскому надзору по этой части, сообщая ему замѣченныя указанія сихъ лицъ отъ исполненія врачебно-полицейскихъ указаній.

2. *Заботиться о чистотѣ одежды и платья*, предпочтительно употребляя такія, которыя легко могутъ быть очищаемы и дезинфицируемы, и о чистотѣ носильнаго и постельнаго бѣлья, для чего и перемѣнять то и другое почаще.

3. *Заботиться о чистотѣ и опрятности тѣла*; продолжать при-

вычное пользованіе ваннами или банею, остерегаясь простуды и обращая вниманіе на чистое содержаніе ваннъ или бани. Купанія морскія, рѣчные и прочія могутъ быть продолжаемы привычными людьми и въ холерное время, съ соблюденіемъ общезвѣстныхъ предосторожностей, именно, не купаться—когда очень холодно, слишкомъ рано утромъ или поздно вечеромъ, не входить въ воду натошакъ или съ переполненнымъ желудкомъ, тотчасъ послѣ обѣда и т. п.

4. *Заботиться о чистотѣ воды для питья*; не загрязнять и не допускать загрязненія источниковъ и водохранилищъ; не употреблять воду сомнительнаго качества, а во время холеры по возможности ограничить употребленіе сырой воды, замѣняя ее водою прокипяченною или другими напитками, свѣже-изготовленными изъ таковой воды, не слишкомъ довѣряя качествамъ продажнаго кваса, кислыхъ щей, лимонадовъ и т. п. напитковъ. *Не слѣдуетъ пить слишкомъ много заразъ*, особенно при разгоряченія тѣла и при усталости; *лучше всего утолять жажду тепловатыми чаемъ*. Умѣренное употребленіе водки, вина, пива, хорошаго кваса и т. п. не воспрещается людямъ, привыкшимъ къ этимъ напиткамъ.

5. *Заботиться о чистотѣ и свѣжести състныхъ припасовъ, достаточности и удобоваримости пищи*. Каждому по опыту болѣе или менѣе приблизительно извѣстно, какая пища для него удобоваримѣе и безвреднѣе (легче); посему, при выборѣ блюдъ и кушаній, должно руководствоваться собственнымъ опытомъ. Благоразумное употребленіе зелени и плодовъ для привыкшихъ къ сему людей позволительно и въ холерное время, особенно если употребленіе ихъ производится не натошакъ, при здоровомъ состояніи желудка, въ очищенномъ и проваренномъ видѣ. Вредно и къ тому непозволительно злоупотребленіе упомянутыми крипасами, особенно сырыми, недозрѣлыми или переспѣлыми, а тѣмъ болѣе испорченными и загнившими; слѣдуетъ избѣгать неумѣренности въ пищѣ и особенно не злоупотреблять спиртными напитками; не выходить изъ дому натошакъ, избѣгать продолжительнаго воздержанія отъ ѣды; не употреблять кушаній жирныхъ, сырыхъ и холодныхъ (ботвиньи, окрошки, винигрета и проч.), грибовъ, салатовъ, огурцовъ, рѣдкы и проч. плодовъ и овощей въ сыромъ, неочищенномъ видѣ, и ограничить, по возможности, употребленіе пищи, возбуждающей жажду—колбасъ, свинины, соленой рыбы, сыра, лука, чеснока, а также душно выпеченнаго и горячаго хлѣба.

Молоко можетъ быть употребляемо безбоязненно, но только совершенно свѣжее, неподмѣшанное и лучше всего прокипяченное; прокислаго-же молока и сметаны слѣдуетъ избѣгать, также какъ и употребленія этихъ веществъ вмѣстѣ или вслѣдъ за плодами и овощами, въ особенности холоднаго молока послѣ огурцовъ и жирной пищи.

При этомъ необходимо помнить, что излишняя осторожность въ діѣтѣ, къ которой прибѣгаютъ иногда подъ вліяніемъ страха и которая составляетъ рѣзкій переходъ отъ обычнаго образа жизни, скорѣе можетъ повредить, чѣмъ принести пользу.

Малолѣтнимъ, людямъ непривычнымъ и особенно страдающимъ слабостью пищеваренія, слѣдуетъ быть особенно осторожными въ выборѣ пищи.

6. *Избѣгать простуды*; пользоваться свѣжимъ воздухомъ, но никогда не ложиться на сырую землю и не спать на голой землѣ; не гулять въ сырыхъ мѣстностяхъ и вообще не ходить въ поздніе часы вечера; одѣваться сообразно погодѣ, особенно ноги и животъ держать теплѣе. Опытъ показываетъ, что теплое содержаніе живота при помощи фланелеваго или суконнаго набрюшника весьма полезно.

7. *Не дозволять себѣ начинать попойекъ*, разнаго рода распутствъ и пьянства; *не истощать себя* излишними физическими или умственными трудами, такъ какъ ослабленный организмъ становится болѣе воспріимчивымъ къ заболѣванію вообще.

8. Ни въ какомъ случаѣ *не употреблять разныхъ секретныхъ*, патентованныхъ, выхваляемыхъ противъ холеры, *предохранительныхъ средствъ* и сильнодѣйствующихъ лекарствъ, особенно слабительныхъ солей, проносныхъ и рвотныхъ, безъ совѣта съ врачомъ.

9. Каждый домовладѣлецъ, управляющій, квартирантъ, хозяинъ заведенія или мастерской (особенно такихъ, гдѣ работаютъ несовершеннолѣтніе), начальства пріютовъ и т. д. должны слѣдить за состояніемъ здоровья дѣтей, находящихся въ ихъ вѣдѣніи, на ихъ попеченіи и отвѣтственности; *при всякомъ заболѣваніи* понесомъ съ необъяснимой сильной жаждой *немедленно обращаться къ врачу*, не прибѣгая ни къ какимъ секретнымъ средствамъ; запастись общедоступными дезинфецирующими веществами и примѣнять ихъ для обеззараживанія изверженій и предметовъ загрязненныхъ изверженіями, или бывшихъ въ употребленіи у больныхъ.

10. При появленіи холерныхъ заболѣваній не должно покидать безъ собой и дѣйствительной нужды своего мѣстожительства, потому что страхъ и всякія лишенія въ пищѣ, питѣѣ, помѣщеніи, отдыхѣ и врачебной помощи, — неизбежныя послѣдствія поспѣшнаго и безпорядочнаго переселенія и путешествія, увеличиваютъ опасность заболѣванія во время пути или по прибытіи на новое мѣсто. Необходимо, сверхъ того, помнить, что заболѣвшіе въ пути и на мѣстѣ прибытія могутъ сами сдѣлаться причиною распространенія болѣзни; во всякомъ случаѣ переселяющіеся въ благополучныя мѣстности, ради личной и общественной безопасности, должны непременно заявлять санитарно-полицейскому надзору о своемъ прибытіи изъ зараженной мѣстности.

11. Такъ какъ люди бѣдные, нуждающіеся въ хорошемъ жилищѣ, питаніи и одеждѣ и вообще находящіеся въ дурныхъ условіяхъ жизни, наиболѣе подвержены опасности заразиться холерою и распространить ее въ средѣ прочихъ классовъ населенія, то слѣдуетъ ожидать, что болѣе состоятельная часть общества, въ видахъ собственной безопасности и по чувству человеколюбія, придетъ на помощь неимущимъ. Помощь эта наилучшимъ образомъ можетъ быть выражена въ холерное время открытіемъ безплатныхъ столовыхъ для ежедневной раздачи достаточной и свѣжей пищи; устройствомъ почлежныхъ пріютовъ и выдачею даровыхъ билетовъ для пользованія ими пріютами; снабженіемъ одеждою, бѣльемъ, топливомъ, заготовкою обеззараживающихъ и лекарственныхъ, исчисленныхъ въ п. 14, средствъ, для раздачи — кому нужно. Безплатныя столовыя и почлежныя пріюты должны быть непременно устроены такъ, чтобы сами не служили источникомъ болѣзни, т. е. чтобы они были просторны и чисты, а отхожія мѣста при нихъ — очищаемы и дезинфицируемы.

12. При всякомъ разстройствѣ пищеваренія и въ особенности при неяснѣ и необъяснимой сильной жаждѣ немедленно обращаться къ врачу, потому что громадное большинство подвергшихся холерному зараженію обыкновенно страдаютъ только поносомъ, за которымъ могутъ послѣдовать дальнѣйшіе тяжкіе припадки этой болѣзни, если оставить такой поносъ безъ вниманія и лѣченія, и болѣзнь гораздо легче уступаетъ лѣченію въ начальномъ періодѣ.

13. До прибытія врача больной долженъ лечь въ постель, причемъ для удобства необходимо подложить подъ него непромокаемую ткань (клеенку, просмоленную или промасленную бумагу и т. п.), которая легко можетъ быть очищена и служить для предохраненія другихъ предметовъ отъ смачиванія изверженіями больныхъ; въ крайнемъ случаѣ она можетъ быть замѣнена слоемъ соломы, которую слѣдуетъ почаще перелѣвывать, а замаранную сжигать. Изъ комнаты больного удалить всѣ лишніе предметы, не допускать безъ крайней нужды постороннихъ людей; обильно провѣтривать комнату; замаранные изверженіями больного предметы, бѣлье носильное и постельное, посуду, полъ, ковры, мебель и проч. безотлагательно очищать соответственными способами и средствами, напр. обмываніемъ горячею водою, щелокомъ, дезинфицирующими растворами, опусканіемъ въ кипящую воду на болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по степени загрязненности; всѣ изверженія больного немедленно обеззараживать.

Окружающіе больного также должны заботиться о соблюденіи возможной чистоты, какъ-то: часто обмывать руки дезинфицирующими жидкостями, имѣть на себѣ платье, которое легко можетъ быть очищено и дезинфицируемо.

Вещи, неимѣющія цѣнности и загрязненныя изверженіями, лучше всего безотлагательно сжигать. Помѣщенія, въ которыхъ находились холерные больные, должны оставаться свободными въ теченіи по крайней мѣрѣ 12—14 дней и въ это время быть обильно провѣтриваемы, очищаемы, вымываемы и дезинфицируемы.

Не должно покупать и вообще приобретать подержаннаго платья, бѣлья, мебели, кроватей, дивановъ, матрацовъ и проч., если таковые предметы не были предварительно вполне очищены и тщательно дезинфицированы.

14. Изъ опыта прежнихъ холерныхъ эпидемій извѣстны слѣдующіе общедоступные способы облегченія холерныхъ припадковъ и вообще подавія помощи до прибытія врача:

а) при поносѣ—класть на животъ горячіе компрессы, сухія припарки изъ овса, золы, горчишки; пить рисовый отваръ, горячій кофе съ коньякомъ;

б) при рвотѣ—глотать кусочки льда;

в) для утоленія жажды—ледъ, вино;

г) при судорогахъ—растирать тѣло какою-либо шерстяною вещью (платокъ) или камфорнымъ, горчичнымъ спиртомъ, летучею мазью, льдомъ; согрѣвать бутылками съ горячею водою; теплыя ванны;

д) для поддержанія силъ—давать вино (хересъ, португійскъ, ромъ, водку, шампанское).

Примѣчаніе. Имѣя въ виду, что при современныхъ познаніяхъ о свойствахъ заразнаго холернаго начала, главные мѣры должны быть направлены къ строгому обеззараживанію или уничтоженію холерныхъ изверженій и предметовъ, ими загрязненныхъ, Медицинскій Совѣтъ въ непродолжительномъ времени, по надлежащемъ соображеніи всѣхъ имѣющихся данныхъ по вопросу о дезинфекціи съ результатами работъ специально для сего назначенной комиссіи, сообщитъ болѣе подробное наставленіе о примѣненіи обеззараживанія, съ точнымъ изложеніемъ способовъ производства его для всякаго случая. («Пр. В.»).

— Пресвященный Владиміръ, епископъ томскій и семипалатинскій, по поводу пожара, бывшаго въ г. Кузнецкѣ и истребившаго, между прочимъ, дома и все имущество двухъ настоятелей кузнецкихъ церквей, въ особомъ архипастырскомъ воззваніи къ духовенству епархіи пригласилъ поспѣшить съ посильною помощью своимъ собратьямъ по служенію, оставшимся безъ крова и пропитанія. Воззваніе, между прочимъ, заканчивается слѣдующими словами: при данныхъ обстоятельствахъ слишкомъ убѣдительными: „Пользуясь симъ несчастнымъ случаемъ, предлагаю всему духовенству Богомъ вѣренной мнѣ епархіи вопросъ: событіе это не должно-ли убѣдить томское духовенство въ настоятельной необходимости орга-

низовать дѣло взаимопомощи въ подобныхъ несчастныхъ обстоятельствахъ?"

— Вопросъ, поставленный преосвященнымъ Владиміромъ, слишкомъ важенъ и имѣетъ значеніе не для одной только Томской епархіи: и въ Харьковской епархіи возможны и бывають подобные несчастные случаи. Недавно лишился отъ пожара дома и всего имущества благочинный 2-го округа, Зміевского уѣзда, священникъ Михаилъ Котляровъ и въ настоящее время вынужденъ обратиться къ благотворительности всѣхъ добрыхъ людей, а въ особенности духовенства, которому особенно должны быть дороги интересы своего собрата. Указывая читателямъ на это печальное обстоятельство, мы не можемъ не предложить еще разъ особому вниманію нашего духовенства вопросъ, поставленный преосвященнымъ томскимъ Владиміромъ.—Адресъ о. Котлярова слѣдующій: станція Алексѣевка, курско-харьково-азовской ж. д., слобода Верхній-Вишкнѣ, благочинному священнику о. М. Котлярову.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Статья автора „Анти-Энциклики“, печатавшаяся въ прошломъ году въ продолженіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ подъ заглавіемъ:

ОТВѢТЪ на послѣдовавшее со стороны католичества противу „Анти-Энциклики“ возраженіе,

вышла въ свѣтъ, подъ тѣмъ-же заглавіемъ, отдѣльной брошюрой, въ 8½ листовъ и, вмѣстѣ съ „Анти-Энцикликой“ продается:

Въ ХАРЬКОВѢ—въ томъ-же „Складѣ“ у проф. И. В. Платонова (Черноглазская ул., собственный домъ, № 4), изъ котораго объявлена продажа „Анти-Энциклики“; въ книжной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря; въ книжныхъ магазинахъ братьевъ А. И. и И. И. Куколевскихъ, на Екатеринославской улицѣ и Прѣснаго, рядомъ съ Университетомъ, внизу.

Въ МОСКВѢ—въ книжныхъ магазинахъ: Ферапонтова, на Никольской и Глазунова на Петровскѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Въ ПЕТЕРБУРГѢ—въ книжномъ магазинѣ Игн. Л. Тузова, на Большой Садовой, домъ Корвина, № 16 и въ книжной торговлѣ „Новаго Времени“, Невскій № 58, и

Въ КИЕВѢ—у П. И. Оглоблина, на Крещатикѣ.

Цѣна какъ „Анти-Энциклики“, такъ и „Отвѣту“ въ отдѣльности 60 коп., а вмѣстѣ 1 рубль.

Книгопродавцамъ уступка на 20 %. Пересылка на счетъ „Склада“.